



"Тайна Тёмного Оплота"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Пролог

Возница в очередной раз прикрикнул на утомившуюся кобылу и натянул вожжи. Повозка прокатилась по неровной дороге ещё несколько ярдов и, пронзительно скрипнув, остановилась. Я, сонно щурясь, высунулась из-под навеса.

— Приехали, — недружелюбно проворчал с козел старик. — Здесь сойдёшь, дальше пешком. Ближе к границе не поеду; там разбойники лютуют. Рискуй сама, коли есть охота.

Вступать в споры было бесполезно, так что я не стала напоминать, что по договорённости он должен был довезти меня до самого леса. Откровенно говоря, я с самого начала предполагала что-то подобное, а уплаченных вперёд денег старик всё равно не вернёт. Так что я молча выбралась из повозки, вытягивая за собой мешок с пожитками.

Старик, не прощаясь, сразу же тронулся с места, время от времени привычно понукая кобылу. Лишь бросил в мою сторону последний неприязненный взгляд. Он явно видел во мне предательницу родины, но мне было всё равно, и я никак не отреагировала. Бросив дорожный мешок на землю, заправила за уши предательски чёрные волосы, успевшие растрепаться, пока я дремала в повозке, и огляделась, оценивая окружающую обстановку.

Особой радости открывавшийся передо мной вид не доставлял. Всё было мрачным и серым. Серая каменистая почва с редко торчащими пучками наполовину засохшей травы. Чахлые деревца. По пасмурному небу медленно плетутся грязно — белые облака. Ну вот, ещё и дождь закапал, стоило мне остаться без тряпичной крыши над головой. Воистину родина провожает меня недоброжелательно, давая понять, что скучать не будет. Впрочем, полагаю, это взаимно.

Возница высадил меня на развилке. Одна дорога, на которую он и свернул, уходила направо, туда, где вдалеке виднелись лопасти ветряной мельницы. Видимо, там начиналась деревня. Другая же дорога продолжала змеиться в прежнем направлении, в сторону огромных чёрных скал, к подножию которых жался неведомо как выросший на здешней не благодатной земле лес. Туда-то и лежал мой путь.

Я попыталась на глаз прикинуть расстояние, не слишком в этом преуспела и махнула рукой. Дойду. А спешить мне некуда. Дождь вроде бы расходиться не собирается. А даже если усилится, и я промокну, не такая уж это и беда.

Вообще-то у дорожного мешка имелись две лямки, но на спине я его нести не могла. Так что то вешала на левое плечо, то перекладывала в правую руку. Тяжеловато, конечно, но, с другой стороны, хоть какие-то вещи надо было взять с собой. И так почти всё бросила. В сравнении вполне можно считать, что ушла налегке.

Времени прошло немало. Привалы приходилось делать часто, и я даже умудрилась поспать, положив мешок под голову и укрывшись плащом. Наверное, обезболивающее зелье давало побочный снотворный эффект, иначе вряд ли бы я смогла уснуть на такой твёрдой земле.

Постепенно чёрные скалы приблизились, а вместе с ними и лес. Теперь было видно, что он состоит главным образом из хвойных деревьев. В первую очередь в глаза бросались мрачные силуэты елей — разлапистых, внушительных, с острыми верхушками, устремляющимися к

небесам.

Существенно сузившаяся дорога привела меня непосредственно в это царство хвои, под сень деревьев. Под ногами закрипели иголки. Я остановилась, чтобы в очередной раз перекинуть мешок из руки на плечо. И с задержкой в несколько секунд поняла, что опавшая хвоя скрипела не только под моими ногами.

Воспользоваться этим осознанием я не успела: из-за деревьев уже начали выходить люди. Темноволосые, небритые, вооружённые, одетые кто во что горазд. Словом, те самые разбойники, которых так опасался мой возница. Те, что давно не дают покоя торговцам и случайным странникам, рискующим проезжать поблизости от границы Тёмного Оплота. Вот ведь воистину не везёт. Ну, вот не хочет родина отпустить меня спокойно.

Я тяжело вздохнула и почти укоризненно посмотрела на мужчин. С дюжину, не меньше. Уже окружили; бежать некуда. Да я в любом случае не стала бы и пытаться. Далеко ли уйду, в своём-то нынешнем состоянии?

— Добро пожаловать в Кернский лес! — торжественно объявил один из них.

Парень лет тридцати. Мускулистый, зеленоглазый, в каждом движении ощущается сила, в каждом слове — уверенность в себе. Словом, наилучший вариант для любовника и наихудший, если перед вами — разбойник с большой дороги.

Надо же, какие они тут вежливые. Я наградила предполагаемого главаря мрачным взглядом исподлобья; отвечать не стала.

— Куда путь держите? — всё с той же подчёркнутой вежливостью, которую я сочла издевательской, осведомился он.

Я вдруг подумала, что, пожалуй, никогда в жизни не видела столько брюнетов одновременно. И при других обстоятельствах наверняка бы обрадовалась этому явлению.

— В Тёмный Оплот, — жёстко ответила я, отогнав неуместные мысли и глядя разбойнику прямо в глаза.

— На постоянное место жительства? — продолжил расспросы он, ничуть не смутившись моего взгляда.

Ну, ещё бы разбойник чего-то смущался!

— Да, — кратко подтвердила я.

— Понятно.

Разбойник кивнул одному из своих товарищей, и тот без лишних слов и сантиментов подхватил мой вещевой мешок, отволоч в сторону и принялся в нём копаться. Мог бы хоть для приличия несколько минут потерпеть. Хотя о чём я? Какие приличия?

Словно подтверждая мои мысли, ещё один разбойник, лыбясь, констатировал:

— Красивая!

За комплимент я благодарить не стала, совершенно его восторга не разделяя. Тем более что не красивая я вовсе. Нормальная. Но на безрыбье... Тут и так понятно.

Между тем всё тот же зеленоглазый деловито поинтересовался:

— Серебро? Купюры? Украшения?

— Нету, — с показным злорадством отрезала я.

Вообще-то немного покривила душой: кое — какие деньги при мне всё-таки были. Я не знала, пригодятся ли местные деньги в Оплоте, но на всякий случай прихватила. И пара — тройка украшений тоже имелась. Но, пока меня не начали обыскивать, оставалась призрачная надежда: а вдруг не найдут?

Разбойник вдруг впервые за всё время нашего «знакомства» опустил глаза, будто сбился, а затем покачал головой.

— Вы меня не поняли, — серьёзно сказал он. — Что вы предпочитаете получить? Монеты? Бумажные деньги? Или украшения на ту же сумму?

Тут уж настала моя очередь оторопеть. Не поняла. Я что, настолько плачевно выгляжу, что меня даже разбойники решили пожалеть?

— Вы о чём? — осторожно осведомилась я. — О какой сумме?

— О подъёмных, — просветил меня разбойник.

Я устало потёрла виски.

— Вы что, штат разбойников таким образом расширяете?

Других предположений у меня, честное слово, не было, хотя и это представлялось бредовым до невозможности.

Парень улыбнулся, и, надо сказать, улыбка вышла донельзя обаятельная.

— Простите. Вы неверно истолковали ситуацию. Это для светлых мы — разбойники. А для своих — что-то вроде привратников. Просто местные хорошо нас знают, а новички в Оплот приходят редко, вот мы и не учли свой внешний вид.

Остальные одобрительно загомонили, заставив меня снова оглядеть окруживших меня людей. Меньше напоминать разбойников они от этого не стали, но их настрой и правда теперь показался мне вполне дружелюбным.

— Так вы что же, показываете дорогу в Оплот? — моргая, уточнила я.

— Ну, дорога-то здесь и так одна, не перепутать. Скорее встречаем, объясняем, что к чему и выдаём подъёмные. Деньги там, — он кивнул на уходящую к скалам дорогу, — далеко не всё решают, но всё равно на первое время подспорье.

— А почему их здесь, в лесу, выдают, а не в Оплоте? — удивилась я.

Наверное, всё ещё подозревала, что мне просто морочат голову.

— Так там и украсть могут! — отозвался разбойник таким тоном, будто говорил нечто само собой разумеющееся.

— А — а-а, — невыразительно протянула я.

— Потом поймёте, — как-то грустно отмахнулся он.

При виде разбойника, страдающего из-за нравственного падения своих сограждан, я почувствовала, что совсем уж перестаю что-то понимать в этой жизни.

— А как же...

Я обернулась в сторону того парня, что недавно так по — хозяйски унёс мой мешок. И обнаружила, что в этот самый мешок как раз складывают аккуратные стопки вещей. Устроившийся на ближайшем пне разбойник (или привратник?) что-то записывал карандашом на листе бумаги.

Ещё минута — и они завершили своё занятие. Тот, что делал записи, подошёл к главарю.

— Одежда на первое время есть, — принялся деловито сообщать он, — есть запас лекарств и основные предметы первой необходимости. Постель и посуду выдадут на месте. Мы добавили мазь от загара, косынку, ножницы, набор для шитья, пару садовых инструментов, флакон с отгоняющей насекомых жидкостью... Ещё еды маловато, хорошо бы крупы выдать на первое время.

— Вы что предпочитаете, гречку или пшёнку? — осведомился у меня главарь.

— Гречку, — ответила я, смирившись с окружающим безумием.

— Добавьте, — кивнул тот.

Разбойник, забравший мой мешок, куда-то упорхнул, но почти сразу вернулся с ещё одним мешочком, поменьше, зато набитым под завязку. Ещё десять секунд спустя мои вещи были мне возвращены. Только на сей раз вместо одного не доверху наполненного мешка имелось туго набитых полтора.

— Сейчас я отдам необходимые распоряжения и выделю вам пару ребят, они проводят вас до места, — пообещал главарь.

«Чтобы разбойники по дороге не напали?» — чуть не спросила я, но промолчала.

— Да, кстати. — Он снова обаятельно улыбнулся. — Простите мою неотёсанность, совсем забыл представиться. Меня зовут Дик Грэй. А вас?

— Элайна Кенборт.

— Очень рад. Если понадобится помощь, обращайтесь.

И, поцеловав мне руку, он удалился в компании ещё пары разбойников.

— Госпожа Элайна! — окликнул меня невысокий парень с густой шевелюрой. — Я — Берт.

Я вежливо молчала, предполагая, что вряд ли он позвал меня только для того, чтобы представиться. И оказалась права.

— Скажите, а что вы делаете в субботу вечером? — любопытствовал разбойник.

Я с трудом удержалась от желания схватиться за голову. Я вообще не представляю себе, что буду делать всю свою оставшуюся жизнь. Все прошлые планы пришлось похоронить, жизнь свою я перечеркнула, и дорога в Тёмный оплот была по сути своей путём в неизвестность. В не меньшей степени, чем если бы я бросилась с моста в реку. А тут такая точность — в субботу вечером.

— Может быть, встретимся и сходим куда-нибудь? — предложил Берт, видимо, расценивший моё молчание как обнадеживающее. — Вы не подумайте, — поспешно добавил он, — у меня в субботу отпуск начинается, на целую неделю. Я за границу даже носа не высуну. А в Оплоте я законопослушный и добропорядочный гражданин.

Мои брови поползли к переносице. Когда Дик Грэй поцеловал мне руку, это казалось неким завершающим штрихом в абсурдности сложившейся ситуации. Отчего-то казалось, что больше удивить меня сегодня ничто не сможет. Но никогда не стоит зарекаться.

Мои размышления прервало громкое лошадиное ржание. Само животное находилось где-то за деревьями, поэтому увидеть, что происходит и кто едет, я не могла.

— Торговцы, две повозки! — сообщил неожиданно возникший откуда-то из тени Грэй. Все тут же засуетились, а он принялся деловито раздавать указания. — Вы заходите со стороны оврага, Мэл с Томом — к поваленному дереву, остальные — со мной. Элайна, подождите здесь, — извиняющимся тоном добавил он, прежде чем скрыться за еловыми ветками. — Мы скоро.

— Подождите, — поддержал его подскочивший с места Берт. — Я только грабану повозку и сразу вернусь.

И добропорядочный, законопослушный гражданин скрылся за деревьями вместе с остальными.

... Я стояла на границе Тёмного Оплота, со смещенными чувствами взирая на магическую преграду, защищающую вход. Сопровождавшие меня разбойники без лишних слов растворились в тумане, оставив меня один на один с Гранью Безопасности. Отлично понимая, что последний шаг, который раз и навсегда изменит мою судьбу, я должна сделать сама.

Со смесью тревоги и восхищения я взирала на магическую завесу, в действительности совершенно не похожую на забор. Скорее просто уплотнившийся воздух, фантастическим образом переливающийся всеми цветами радуги. «Забор» парил в нескольких дюймах над землёй, словно намеренно подтверждая таким образом свою магическую природу. В высоту в нём было не меньше трёх ярдов, а протяжённости хватало для того, чтобы полностью перекрыть проход между двумя неприступными чёрными скалами. Маги прошлого действительно нашли идеальный способ укрыться от преследователей.

Видимо, это неотъемлемая часть человеческой природы — недолюбливать тех, кто отличается от большинства. Но нелюбовь — это ещё полбеды. А вот когда к ней примешивается страх, тут уж ничего хорошего меньшинству ждать не следует. Рано или поздно страх породит ненависть, а ненависть подтолкнёт к действию. Источник страха пожелают уничтожить, и искать его станут, увы, не в головах. Устроить геноцид гораздо легче, чем сосуществовать с другими и методично вправлять мозги тому самому большинству.

Брюнеты всегда были в меньшинстве, но цвет волос, разумеется, не имел принципиального значения сам по себе. Суть проблемы заключалась в другом: магия, доступная светловолосым и темноволосым, носит совершенно разную природу. Светлые воздействуют на физическую реальность. Они умеют передвигать предметы на расстоянии, создавать порталы, лечить

ранения, создавать магический огонь. Не всё разом, конечно; способности у каждого свои, к тому же, встречаются как сильные маги, так и совсем слабенькие. Мы же, тёмные, воздействуем на человеческий мозг. Именно в этой способности — причина глубокого и зачастую иррационального страха, который испытывают по отношению к нам светловолосые. Неприязнь к меньшинству и страх перед неизвестным, помноженные на грамотную пропаганду, — и вот население Настрии уже верит, что тёмный маг способен за несколько минут полностью подчинить себе любого человека. Внушить тому новые мысли и чувства, вызвать зрительные и слуховые галлюцинации, отдавать телепатические приказы, которые в мгновение ока будут исполнены. И уже неважно, что эти рассказы — в огромной степени ложь, а тёмные совсем не так опасны. Чем разобраться, где истина, а где обман, проще уничтожить.

Возможно, тёмные маги и сами были отчасти виноваты в том, что обману поверили. Они не торопились опровергать слухи о своём предполагаемом всемогуществе. Причина проста: темноволосые надеялись обезопасить себя при помощи подобной лжи. Рассчитывали, что с ними побоятся связываться. И не рискнули пускаться в объяснения. Например, уточнять, что применить тёмную магию возможно лишь в том случае, если человеческий мозг расценивает данное конкретное воздействие как безопасное. И вовсе нельзя вот так вот запросто разрушить чужую волю, вмешаться в ход мыслей, заставить испытывать боль или, тем более, спрыгнуть с обрыва. Но стоит ли сообщать тому, кто уже стал врагом, о том, что ты совсем не так силён, как о тебе до сих пор было принято думать?

Так или иначе, двести лет назад началась охота на темноволосых. Над городами Настрии взметнулось пламя костров. Те, кого не успели уничтожить в первые дни, бежали на восток и, миновав Кернский лес, укрылись в лежащей за ним пустоши. Путь туда был только один — через ущелье, и тёмные воспользовались этой географической особенностью, чтобы обезопасить себя. Целую ночь несколько десятков самых сильных магов не смыкали глаз. Итогом их труда стала Грань Безопасности — та самая магическая завеса, перед которой я стояла сейчас. Преграда, через которую не мог пройти ни один светлый, но миновать которую не составляло ни малейшего труда для тёмных.

На этом противостояние фактически закончилось. Поняв, что за Грань им не прорваться, светлые возвратились по домам. Жизнь потекла своим ходом, для каждой масти — отдельно. Поскольку «угроза» отсутствовала, агрессивный настрой населения Настрии постепенно сошёл на нет. Ненависть сменилась опаской, опаска — лёгким предубеждением. В первое столетие тёмные, изредка рождавшиеся в светлых семьях (ведь, как известно, масть определяется не только генетикой), непременно попадали, позже или раньше, в Тёмный Оплот. В последнее же время такие, как я, спокойно жили в Настрии.

Да, мои покойные родители были светловолосыми. Они любили меня, и я жила вполне счастливо, не слишком задумываясь о разделении людей по признаку масти. Соседи были людьми без предрассудков или, по меньшей мере, хорошо эти предрассудки скрывали. В школу я ходила специализированную, для тёмных, но была убеждена, что причина — в необходимости особого обучения. В стандартных «светлых» школах детей обучают пользоваться их магическими способностями. Поскольку тёмная магия имеет совершенно иную природу, вполне естественно, что и учатся тёмные отдельно.

На работу я тоже впоследствии устроилась вполне благополучно. И всё же наступил момент, когда мне напомнили, кто я такая. И где моё место в мире светлых. Осознав это, я бросила всё и отправилась туда, где стояла сейчас.

Последний шаг дался мне легко. Я ни о чём не сожалела. А Грань пропустила заблудшую дочь своей масти, не создав ни малейшего препятствия. Я даже не почувствовала, как оказалась на другой стороне.

Новая родина встретила меня не так чтобы недоброжелательно, но мрачно. Замеченная прежде серость никуда не ушла. Справа и слева возвышались давящие на сознание чёрные скалы. Правда, когда мы миновали ущелья, они расступились, но по — прежнему виднелись, как по сторонам, так и на горизонте.

Мы быстро добрались до первой деревни. Впечатление она произвела не менее давящее, чем скалы. Нет, местные жители, занимавшиеся своими делами за старенькими, покосившимися местами заборами, смотрели мне вслед с любопытством и вполне дружелюбно. Но, совершенно независимо от нашего с разбойниками появления, их лица выражали усталость и хроническую напряжённость. Даже одежда местных выглядела весьма плачевно: старая, латанная — перелатанная, нередко даже не подходящая по размеру. Домики тоже были старыми, давно не крашенными. Деревни, расположенные на территории Настрии, производили куда более благоприятное впечатление.

Дойдя до конца улицы, мы свернули за угол, и здесь меня ожидало ещё более удручающее зрелище. Под опасно накренившимся ветхим забором, из которого было выломано несколько досок, сидело четверо молодых мужчин. Прикрыв глаза, они покачивались из стороны в сторону с блаженными улыбками на лицах.

— Наркоманы?

Я понизила голос, хотя мужчины, похоже, совершенно не реагировали на окружающую действительность.

Мэл и Том, мои провожатые, синхронно покачали головами.

— Наркотиков в Оплоте практически нет, — пояснил Мэл. — А это работа магов.

— Некоторые умеют так воздействовать на разум, что получается эффект как у наркотического опьянения, — добавил Том. — Здесь неподалёку один такой живёт. К нему многие ходят.

— Но это же, наверное, незаконно? — изумилась я и только потом спохватилась, что вряд ли разбойники оценят всю глубину данной конкретной претензии.

— В Оплоте — законно, — возразил Мэл.

— Настоящих-то наркотиков нет, — подхватил Том. — Так что пока не нарушается общественный порядок, у властей претензий нет.

Я поморщилась. Как-то это было неправильно.

— Как бы это сказать... — попытался объяснить Мэл, от которого не укрылось моё настроение. — Не могут они запретить людям такие вот мелкие радости, раз не имеют возможности предоставить достойную замену.

— Вроде достойного уровня жизни? — предположила я.

— Именно, — облегчённо кивнул Мэл, видя, что я оказалась из понятливых. — Ты не думай, не

все живут в нищете, — поспешил успокоить меня он. — Тут многое от профессии зависит, кто чего умеет, от магических способностей, опять же. Про это про всё у тебя скоро спросят. Но вообще жизнь в Оплоте — не сахар. Ресурсов здесь мало. Земля неплодородная. Полезных залежей никаких не нашли. Опять же живём в отрыве от всего мира. Торговли с соседями практически нет, поскольку отношения сама знаешь, какие. Так, обмениваемся кое — чем с жителями пары настрийских деревушек по мелочам — и то под большим секретом, поскольку для них это всё незаконно.

— С чего же тогда люди живут?

Я хмурилась, чем дальше, тем больше понимая, насколько недёшево досталась тёмным жизнь и относительная свобода.

— Кое-что выращивать всё-таки удаётся, — отозвался Том. — За два века наловчились. Вехский лес опять же — там дичь водится, когда грибы растут, когда ежевика, травы кое — какие съедобные.

— В Карне, нашей местной речке, рыбу ловят, — подключился к перечислению Мэл. — Ну, и нас, само собой, не зазря на разбой снаряжают.

— Снаряжают? — изумлённо переспросила я.

Кажется, до меня только теперь начинало доходить.

— А ты думала, это мы от дурного нрава или от безысходности? — хохотнул Том. — Нет, Элайна, это работа, такая же, как любая другая. А, может, даже и более уважаемая.

— Мы же не для себя разбойничаем, — пояснил Мэл. — Работаем за жалованье. А вещи, которые нагребим, раздаются местным жителям. Потому и специализируемся в основном на торговцах. В телегах, которые мы сегодня остановили, например, одеяла из козьей шерсти везли на продажу. На прошлой неделе обоз со шкурами перехватили. Ну, и так далее.

— Понятно, — кивнула я. Разбойники на службе у государства... Похоже, мне предстоит основательная переоценка ценностей, если я намерена по — настоящему здесь прижиться... — А этическая сторона вопроса никого не беспокоит?

Всё-таки не удержалась от уточнения.

Мужчины посмотрели на меня в равной степени удивлённо.

— Да что этим светлым сделается? — пожал плечами Мэл. — Их же не убивает никто. Ну, ограбят разок — другой, ну, прибыли они лишатся. С голоду, небось, не умрут. А здесь люди и правда еле держатся и, между прочим, по их, светлых, милости.

Дальше я развивать тему не стала. Всё было ясно и так. В каком-то смысле разбойники, пожалуй что, правы. Каждый ограбленный светлый торговец перед Оплотом, конечно же, не виноват. Но светлое королевство в целом — да, и оно пожинает плоды собственной политики. Как прошлой, так и нынешней. С другой стороны, есть ли королевству хоть какое-то дело до пострадавших торговцев?

Вскоре мы добрались до места. Одноэтажный домик, похожий на все остальные; правда, недавно покрашенный и с высоким крыльцом. Здесь провожатые оставили меня, препоручив молодой черноволосой женщине, должно быть, всего на несколько лет старше меня. Одета она

была не как крестьянка, а как чиновница. Как вскоре выяснилось, таковой она и являлась. Представилась она как Анна Рейчен.

— Добро пожаловать в Тёмный Оплот!

Это были единственные торжественные слова. Дальше — никакой торжественности, никакого пафоса, совершенно деловой подход.

— Нам с вами нужно заполнить одну анкету, — объясняла она, когда мы уже сидели друг напротив друга за простым, но удобным столом.

Передо мной стояла глиняная кружка с налитой из графина водой. Вода, вопреки испытанным мной опасениям, была чистая, даже вкусная; скорее всего, родниковая. Повезло, что в Оплоте, как минимум, хватает источников питьевой воды.

Вооружившись карандашом, Анна взялась за список вопросов — видимо, ту самую анкету.

— Ответы мы отправим в городское отделение, после чего получим оттуда рекомендации касательно вашего трудоустройства, — дала дополнительное объяснение Анна. — До тех пор вы поживёте здесь. Не беспокойтесь: расстояния у нас небольшие, так что долго ждать вам не придётся. Итак, ваше имя — Элайна.

Я кивнула, а Анна принялась водить карандашом по бумаге.

— Фамилия?

— Кенборт.

— Место рождения?

— Настрия, город Тель — Мон. Нужен более точный адрес?

— Нет, этого достаточно, — качнула головой Анна, не отводя глаз от анкеты. — Место жительства перед отъездом?

— Тоже Тель — Мон.

— Возраст?

— Двадцать два года.

— Вы обучались в школе?

— Да. В тель — рейском отделении школы «Рока». Это учебное заведение для тёмных.

— Да, я знаю, — кивнула Анна, продолжая записывать.

Я глотнула воды из кружки, задумавшись, а насколько здесь вообще осведомлены о жизни в Настрии? С одной стороны, мои собратья по несчастью пусть нечасто, но всё же регулярно сюда приходят. С другой, не читают же они лекции на тему «Быт и психология настрийцев» с помоста на базарной площади. Впрочем, я даже не знала, существуют ли здесь базарные площади и, тем более, помосты.

— Вы где-то работали после окончания школы? — последовал очередной вопрос.

— Да. В городской библиотеке Тель — Мона.

— Библиотекарем? — уточнила Анна.

— Да.

— Ух ты! Никогда прежде не грабил библиотекарей! — послышался от дверей воодушевлённый возглас.

Я оглянулась и невольно расплылась в улыбке. В комнатке, небрежно облокотившись о дверной косяк, стоял Дик Грэй собственной персоной.

— Ты что, ограбил нашу новую жительницу?

Даже не глядя на Анну, только по голосу, я поняла, что она улыбается точно так же, как и я сама.

— Нет. — Обаятельный разбойник прошёл в комнату, принёс из угла третий стул и оседлал его, усевшись лицом к спинке. — Но мы сглупили, не представились как положено и основательно её, бедную, напугали. А тут выясняется, что она ещё и библиотекарь! Теперь мне стыдно вдвойне.

И он одарил нас чарующей улыбкой, наглядно демонстрировавшей, что ни о каком стыде там речи не идёт. То есть я не сомневалась, что никто не собирался пугать меня умышленно. Но и угрызения совести не входили в число эмоций, регулярно испытываемых собеседником.

— Каким ветром тебя к нам занесло, Дик? — любопытствовала, по — прежнему улыбаясь, Анна.

— Очень удачный груз: повозка с медикаментами, — не без гордости сообщил разбойник. — Везём в город, чтобы распределяли там, но кое-что раздаём по дороге наиболее нуждающимся.

— Неужели сердечные капли для старушки Клэр нашлись? — радостно всплеснула руками Анна.

— Именно, — подмигнул Дик. — А я решил лично сопроводить груз, чтобы не разворовали по дороге.

— Да брось, кто будет воровать лекарства?! — Анна аж возмутилась такому предположению.

— Лекарства, может, и не будут, — хмыкнул Дик. И, многозначительно понизив голос, добавил: — Но там ещё и немало спирта.

Этот аргумент Анну убедил, да и меня тоже. Уж если здесь пользуется популярностью магический заменитель наркотиков, то спирт тем более имеет все шансы до больницы не доехать. Однако понимание на лице Анны быстро сменилось умоляющим выражением.

— Дик, а если совсем чуть — чуть? — просительно протянула она.

— Так и быть, по старой дружбе.

И Дик протянул ей заткнутый пробкой флакончик. Анна радостно схватила его и быстро

спрятала в карман платья. Выглядело всё это так, будто девушке подарили контрабандные духи.

Интересно, для чего она собирается использовать подаренное? Положит в домашнюю аптечку? Или, разбавив водой, угостит пришедшего в гости кавалера? Подозреваю, что в местных условиях достать бутылку вина, мягко говоря, нетривиально.

— Интересно, теперь вы будете предлагать иммигрантам брать подъёмные спиртом? — со смешком полюбопытствовала я.

— Не — е-е, — энергично потряс головой Дик. — Что ты! Спирт — это слишком ценный товар. Но лично тебе могу немножко выдать.

— Ты, оказывается, очень выгодный знакомый, — рассмеялась я. — Но нет, спасибо, мне не надо. Ты же знаешь, я прихватила с собой аптечку.

Я даже сама не заметила, как мы с разбойником перешли на «ты».

— Вижу, что я отвлек вас от дела, — повинился он. — Будут возражения, если я пока здесь посижу?

Мы дружно ответили, что возражений нет. Анна снова взялась за анкету.

— Твой магический дар?

Теперь, когда и Анна с Диком, и мы с Диком общались между собой по — свойски, обращение на «вы» между мной и Анной тоже звучало бы неестественно.

— Рефлексивный, — начала отвечать я, и анна сделала соответствующую пометку.

Рефлексивный дар у темноволосых — это воздействие на свой собственный мозг.

— Усиление зрительной памяти, — продолжила я. — Мне достаточно пару секунд посмотреть на текст, чтобы сохранить его в памяти, не читая. И в любой момент воспроизвести. Объём очень большой. Так что грабить меня как библиотекаря было бы бессмысленно. — Я послала Дикю победоносную улыбку. — Я действительно вожу с собой кучу книг, но все они у меня вот здесь.

И я изящным жестом прикоснулась к своему виску.

— Здорово! — протянула Анна и снова взялась за карандаш.

— Действительно здорово! — поддержал Дик. — Можешь считать, что ты уже устроена. Я же правильно понимаю, ты теперь можешь «читать» эти книги прямо из памяти?

Я кивнула.

— В этом вся идея. Я могу воспроизводить перед глазами нужную страницу и читать то, что на ней написано, даже если раньше текст не читала и понятия не имею, о чём идёт речь.

— Так у нас здесь это бесценный талант! — воодушевился разбойник. — Книг-то почти нет. Сама понимаешь: когда люди бежали от преследований, это была не та вещь первой необходимости, которую прихватывали с собой, уходя налегке. Ты могла бы читать людям вслух по вечерам, вроде как вместо сказителя.

— Думаешь, это кому-то нужно, при здешних-то условиях? — удивилась я.

— Да именно при здешних! — не принял моего возражения он. — Ты видела, как здесь люди живут? Для них всё, что поднимает настроение, — как глоток свежего воздуха. А тут — множество историй, позволяющих развеяться и хоть ненадолго от упомянутых тобой условий отвлечься. Я надеюсь, в твоей записке есть что-нибудь развлекательное? Не только философские трактаты или всякие справочники по химии? Хотя справочникам тоже применение найдётся...

— Да нет, главным образом как раз художественная литература, — сообщила я. — В том числе и не слишком сложная, такая, знаете, для подростков.

Суть заключалась в том, что именно на такую работу, о какой упомянул Дик, я прежде и нацеливалась. Библиотека была местом временным. Там я рассчитывала отточить свои магические навыки, а также «запасти» в своей памяти побольше книг. Но дальше я планировала найти такое место работы, где мои способности окажутся по — настоящему нужными. В библиотеке они лишь позволяли найти нужную информацию быстрее, чем это делал обычный работник. Я же хотела оказаться там, где многочисленных книг не будет, и мой дар по — настоящему пригодится. Была у меня в частности мысль сопровождать группы детей в устраиваемых для них поездках и «читать» им сохранённые в памяти истории. Отсюда и большое количество книг для подростков в моём «багаже».

Впрочем, не так чтобы я по опыту знала, что хорошо лажу с детьми. Просто не думала, что возникнут проблемы. Теперь же я начинала понимать, что темноволосая сопровождающая уж точно не стала бы для светлых школьников авторитетом.

— Ну вот видишь? Самое то! — между тем удовлетворённо отметил Дик.

— Да, но это хорошо как хобби. А ей ведь и на жизнь надо будет зарабатывать, — проявила профессионально — деловой подход к вопросу Анна.

— Да ей за это жалованье дадут, — с уверенностью отмахнулся разбойник. — Впрочем, даже если бы и не дали. Люди за возможность ненадолго забыть, в какой заднице они находятся, последним куском с ней поделятся.

— Тише! — шикнула Анна.

Судя по тому, как поспешно она огляделась по сторонам, в реплике Дика её смутила не лексика, а политическая неблагонадёжность. Но Дик лишь снова небрежно махнул рукой. То ли разбойник был чересчур беспечным, то ли Анна — излишней паникёршей.

На ночлег меня устроили к Грэтте, одинокой и немолодой уже женщине, жившей на краю деревни. Несмотря на не вызывавшую сомнений стеснённую в средствах, крестьянка приняла меня более чем радушно. В сущности до сих пор все тёмные, с которыми мне доводилось иметь дело в Кернском лесу и на территории Оплота, вели себя очень доброжелательно, и Грэтта не стала исключением. В её скромном однокомнатном жилище я действительно на время почувствовала себя блудной дочерью, наконец возвратившейся домой.

Хозяйка действительно была готова поделиться последним куском, но я это стремление оборвала на корню и настояла на том, чтобы использовать выданную разбойниками гречку. А заодно остатки сыра, который я брала с собой в дорогу.

Спать укладывалась медленно и осторожно, следя за тем, чтобы сразу оказаться на левом боку. Уснуть же долго не могла. Лежала, смотрела в темноту прямо перед собой, и думала, приведёт ли к чему-то хорошему мой переезд. Надумать ничего не могла по определению. Предвидеть будущее я не умела, знала пока слишком мало, а из Настрии всё равно ушла бы. Часа через два мне надоело лежать на одном месте, не имея даже возможности перевернуться с боку на бок. Я тихонько встала, обулась и на цыпочках вышла за дверь.

Снаружи оказалось свежо. Глубоко вдохнув прохладный ночной воздух, я облокотилась о забор и запрокинула голову. Наверху помигивали крохотные огоньки звёзд. Далеко впереди возвышались скалы, чернота которых выделялась даже на фоне ночной темноты.

— Возьми платок, девочка. — Спустившись с крыльца, Грэтта протянула мне предмет, который я бы скорее назвала коротким шарфом. — У нас обманчивые ночи. Кажутся тёплыми, а простыть легче лёгкого.

— Спасибо. — Я накинула платок на плечи и сразу же зябко поёжилась. То ли сработал рефлекс, то ли действительно сама не заметила, как замёрзла. — Я вас всё-таки разбудила?

— Я чутко сплю. Да мне много и не надо, — успокаивающе добавила она в ответ на мой виноватый взгляд. — Скажи лучше, что с тобой творится. Я же понимаю, что просто так никто всю свою жизнь не переворачивает. Это как-то связано с твоей больной спиной?

Я криво усмехнулась. Ничего-то от неё не скроешь.

— Связано, — подтвердила я, устремив взгляд в темноту.

— Что с ней?

— Да исполосовали не так давно.

Я всё ещё смотрела в ночь, но слышала, как Грэтта охнула.

— За что?

— Да так... Это даже смешно.

И я рассказала то, о чём и словом бы не обмолвилась ни с Диком, ни с Анной.

Смешно мне не было. У одного из посетителей библиотеки украли перстень. Среди наших клиентов попадались весьма богатые люди, и перстень этот, как выяснилось, был очень дорогим. Обвинили отчего-то меня, хотя реальные улики отсутствовали. Не говоря уж о том, что первый попавшийся дилетант ни за что не сумеет снять кольцо у человека с пальца так, чтобы тот не заметил. Ясное дело, у меня подобных навыков не было и быть не могло. Словом, то ли дело было сфабриковано с самого начала, то ли после того, как произошло ограбление, власти решили, что удобнее всего свалить всё на тёмную.

Когда мне в первый раз предъявили обвинение, я даже не слишком испугалась, настолько нелепой и шитой белыми нитками казалась вся официальная версия. Разумеется, я получила возможность высказаться перед следователями и даже принесла рекомендации с места работы. Меня заверили, что в деле разберутся, и я ушла, почти успокоенная. А две недели спустя меня вызвали снова. И зачитали документ, согласно которому моя вина считалась

доказанной, и я приговаривалась к «облегчённому варианту» наказания — пятнадцати ударам плетью на площади перед мэрией, но без последующего тюремного заключения. За счёт хороших рекомендаций и отсутствия прежних судимостей. На официальном подтверждении приговора стояло две подписи — Лувера Сента, тель — монского градоначальника, и Александра Уилфорта, некой большой шишки из столицы.

Всё ещё веря в законодательную систему Настрии, я отправилась к градоначальнику с прошением о пересмотре дела. Прощение передал помощник, я же осталась снаружи, дожидаться, пока меня пригласят для беседы. Дверь помощник оставил приоткрытой, поэтому я хорошо услышала возмущённое восклицание Сента:

— Чтобы я ещё и рассматривал апелляцию какой-то тёмной библиотекарши?! Эти тёмные совершенно обнаглели за последние годы! Пора напомнить им, где их настоящее место.

Разумеется, дело повторно не рассматривалось. Выходя на площадь, я думала только об одном: надо сохранить лицо. Надо принять произвол светлых, сохранив чувство собственного достоинства.

После второго удара о чувстве собственного достоинства я забыла. Осталась только боль и стремление как-то её пережить. Из глаз градом покатались слёзы. Я рыдала и орала, словно маленький ребёнок.

Спину и пострадавшее правое плечо кое-как лечили, но, уж конечно, не привлекая для этого лекарей, применяющих в своей работе светлую магию. А едва ко мне вернулась способность самостоятельно подниматься с кровати, я стала собирать вещи. Градоначальник решил напомнить, где моё настоящее место? Что ж, он был прав. Оно действительно не здесь. Но, к счастью, ещё существовала земля, где тёмные не являлись людьми второго сорта. Туда-то я и направилась.

И сейчас, сколь бы сильно ни удручало меня то тяжёлое положение, в котором пребывали жители Тёмного Оплота, я ни секунды не сомневалась в правильности принятого решения. Пускай моё будущее скрывалось пока за пеленой неизвестности, пускай моё материальное положение окажется куда ниже, чем я когда-то рассчитывала, пусть гречневая каша останется самой роскошной едой на моём столе. Зато я буду знать, что являюсь равноправным гражданином в своей стране. Что не должна ни перед кем оправдываться за цвет своих волос. И что в этой непростой жизни мы с соседями будем делиться последней тарелкой той самой каши, а не строчить друг на друга лживые доносы.

У Грэтты я прожила ещё два дня. А на третий прибежала запыхавшаяся Анна и сообщила, что за мной приехали из города. Я поспешила следом за ней в уже знакомый домик с высоким крыльцом, приводя себя в порядок практически на ходу. Внутри нас поджидал черноволосый мужчина лет тридцати, по виду которого моментально можно было определить, что это отнюдь не деревенский житель. Выглядел он элегантно и одновременно весьма представительно, что наводило на мысль о человеке, состоящем на государственной службе. Светлый камзол, светлые же брюки, тёмная для контраста рубашка и короткие сапоги из коричневой кожи. В общем, несмотря на не слишком внушительным возраст гостя, волнение Анны нетрудно было понять. Мы явно имели дело с прибывшим из города начальством.

Мужчина, однако же, улыбнулся мне чрезвычайно приветливо. Поднялся со стула, едва мы вошли, и сразу шагнул мне навстречу, протягивая руку для пожатия.

— Добро пожаловать в Оплот, госпожа Кенборт! — радушно произнёс он. — Прошу вас,

присаживайтесь. Госпожа Рейчен, вы не будете возражать, если мы на время займём ваш кабинет? — обратился он к Анне.

— Конечно, конечно, — заверила девушка. — Мне всё равно нужно зайти по нескольким адресам.

Когда мы остались одни, незнакомец сел на стул напротив меня (место за столом осталось незанятым) и представился:

— Брайан Коллинз, первый королевский советник по вопросам безопасности.

Должно быть, у меня заметно округлились глаза, да и сесть я инстинктивно попыталась поровнее. Во всяком случае, Коллинз поморщился и произнёс:

— Госпожа Элайна, я сказал всё это только для того, чтобы вы знали, с кем имеете дело, поскольку наша встреча официальна, и так положено. Но это вовсе не повод напрягаться в моём присутствии. Поверьте, здесь, в Оплоте, к таким вещам относятся куда проще, чем в Настрии. Церемоний и формальностей здесь значительно меньше. В определённом смысле здесь все на равных. Не хотелось бы заводить пафосные речи, я сам их не люблю. Просто так уж сложилось. Перед общей бедой люди действительно равны.

Он виновато пожал плечами, извиняясь таким образом за вынужденный пафос. А затем закинул ногу на ногу, как бы отбрасывая таким образом официоз, и улыбнулся. Его улыбка была значительно более сдержанной, чем у Дика, но тоже обаятельной.

— Как прошли ваши первые дни в Оплоте? — осведомился он.

— Нормально.

Я не представляла себе, что ещё можно сказать.

Он понимающе кивнул.

— Конечно, вы увидели не совсем то, чего ожидали. И для того, чтобы привыкнуть, потребуется некоторое время. Но, во всяком случае, всё прошло благополучно? Никаких неприятных происшествий?

— Нет. Меня очень хорошо приняли, — искренне сказала я.

— Очень рад это слышать. Мне только кажется, или вы хотите о чём-то меня спросить, но не решаетесь это сделать?

— Честно говоря, да. — Раз уж он так проникателен, воспользуюсь предоставленной возможностью. Вряд ли этот вопрос всерьёз чем-то мне грозит. — Скажите, неужели всех иммигрантов встречает лично первый королевский советник?

Коллинз весело рассмеялся.

— На самом деле всё довольно просто, — ответил он затем. — Во — первых, я нередко приезжаю в эту деревню, чтобы лично проверить ситуацию на границе. Можете спросить здесь любого. Во — вторых, иммигрантов в последние десятилетия к нам прибывает очень мало. Темноволосых в Настрии, как вы знаете, совсем немного, к тому же на сегодняшний день власти не ведут открытую политику преследований.

Я опустила глаза. Да, наверное, так оно и есть. Ключевое слово — «открытую». Хотя как, в таком случае, расценивать мою собственную историю?

Похоже, моя реакция не укрылась от зоркого взгляда собеседника, но он предпочёл не акцентировать на ней внимания.

— Так что приезд каждого иммигранта для нас — действительно своего рода событие, — продолжал он. — Не всех я встречаю лично, но я действительно просматриваю все анкеты. Скажу вам даже больше: его величеству тоже известны имена всех прибывающих.

Коллинз озорно мне подмигнул, догадываясь, как может отреагировать на подобное заявление человек, никогда в жизни даже не приближавшийся к королевским персонам. Похоже, здесь к подобным вещам и вправду относятся проще. Уверена, что уж король Настрии, светловолосый Пабло Второй, точно никогда не слышал моего имени.

— И, наконец, в — третьих, ваша анкета показалась нам перспективной, — всё-таки признался Коллинз.

— С точки зрения трудоустройства? — уточнила я.

— Именно, — подтвердил он. — О подробностях мы с вами поговорим немного позднее. Сначала мы должны будем протестировать ваши способности, к тому же обсуждать эту тему будет лучше при других обстоятельствах.

Он как бы между делом бросил взгляд на окно. Хоть оно и было закрыто, подслушать наш разговор снаружи не составило бы труда. Правда, скажу честно, я сомневалась, что это кому-нибудь было нужно.

— На данный же момент я уполномочен предложить вам перебраться в город, — перешёл к делу Коллинз. — Если вы не имеете возражений, можем поехать туда вместе, и я помогу вам устроиться.

— Что, прямо сейчас? — нахмурилась я, сбитая с толку такой поспешностью.

Брюнет понимающе, даже сочувственно, улыбнулся.

— Полагаю, Анна объяснила вам, чего следует ожидать в ближайшее время?

— Она сказала, что мою анкету отправят в город. А оттуда придут рекомендации касательно того, где мне лучше работать, — осторожно ответила я.

— Совершенно верно. А от того, где вы будете работать, напрямую зависит и место жительства. Госпожа Элайна, я хочу, чтобы вы полноценно представляли себе ситуацию. Как и все граждане Оплота, вы — свободный человек, и не обязаны следовать нашим рекомендациям. Это исключительно рекомендации и предложения, не более того. Но, во — первых, учитывая сложную ситуацию в Оплоте, их имеет смысл по меньшей мере взвесить. А во — вторых, в данном конкретном случае — в том, что касается переезда в город, — я действительно не вижу причин для отказа. Здесь общественные интересы полностью совпадают с вашими. Во — первых, наилучшее применение вашим талантам найдётся именно там. Во — вторых, вы всю свою жизнь прожили в городах, а именно в Тель — Моне и, во время учёбы, в Тель — Рее. Стало быть, вряд ли вам понравится жить в деревне. А в — третьих, поверьте мне на слово, — он слегка понизил голос, — условия жизни в городе, пусть и далеки от идеала, всё же ощутимо лучше, чем здесь. Понимаю: вас может пугать необходимость уехать в сопровождении

совершенно незнакомого человека. Если вас смущает именно это, можете смело расспросить обо мне своих новых знакомых. Я подожду, — заверил Коллинз с излишне легкомысленной для человека его профессии улыбкой.

Впрочем, у него и возраст был несколько странный для человека такого рода занятий. Однако же в деревне его знали хорошо. Я всё-таки сочла нужным навести справки, хоть и не сделала это настолько откровенно. Просто пошла собираться в дорогу, а уж попутно заскочила попрощаться то к одному человеку, то к другому, ну, и перекинулась заодно парой слов о новом знакомом. Причин подозревать обман вроде бы не было, а жизнь в деревне действительно несколько меня не привлекала.

Коллинз спросил, умею ли я ездить верхом, и обрадовался, услышав положительный ответ. Сказал, что в противном случае пришлось бы одалживать у местных телегу. Это было вполне реально, но существенно замедлило бы наше передвижение. А так мы доберёмся до города всего за несколько часов.

— Здесь все говорят о «городе», — заметила я, когда деревня осталась позади, а дорога расширилась достаточно, чтобы позволить двум лошадям спокойно продвигаться бок о бок. — А у него есть какое-нибудь название?

— Вообще-то было, — усмехнулся Коллинз. — Когда его основали сто восемьдесят четыре года назад, назвали Сторрок. Но название не прижилось. Поскольку это единственный город в Оплоте, его так всё время и называли — «Город». В итоге изначальное название вытеснилось и забылось. На сегодняшний день его мало кто сможет вспомнить. Даже в официальных документах в последнее время используется формулировка «Город Тёмного Оплота».

— А деревни? — поинтересовалась я. — Их много?

— Деревень и посёлков порядочно, — откликнулся мой сопровождающий. — Главным образом, у берегов Карны.

Да, конечно, это было логично. Река даёт как воду, так и пищу. Наверняка в тех деревнях много рыбаков.

— Господин Коллинз, а...

— Зовите меня Брайан, — морщась, попросил он.

— Хорошо, — легко согласилась я, поскольку и сама предпочитала обходиться без официоза.

Согласилась-то легко, но ощущение абсурда, едва — едва успевшее меня покинуть, вернулось с новой силой. Сначала разбойники деньги предлагают, потом первый королевский советник предлагает по имени обращаться... Надеюсь, хоть король не предложит перейти на «ты», не то я рискую окончательно потерять жизненные ориентиры...

— Только в таком случае, вы называете меня «Элайна», — предупредила я.

— Договорились, — улыбнулся он. — Так о чём вы хотели меня спросить?

— Это правда, что деньги в Оплоте почти не в ходу?

— Не чтобы не в ходу... Просто при нехватке ресурсов далеко не всё решают деньги. Даже имея достаточную сумму, чтобы что-то купить, это что-то надо ещё достать. Связи порой

помогают в этом вопросе куда лучше денег. Кроме того, люди нередко обмениваются вещами и продуктами, минуя деньги. Ну и, конечно, в городской жизни медь и серебро значат больше, чем в деревнях.

До города мы добрались ближе к вечеру. Большой частью он не слишком отличался от деревни, только домов было много, в то время как поля остались далеко позади. В свете опускающегося к чёрным скалам солнца я оглядывала маленькие кузницы, лотки с товарами, работающих прямо на улице мастеров. Впечатление складывалось такое, будто в развитии это место отставало от наших, настрийских, поселений лет на сто. Хотя почему «наших»? Пора перестать связывать Настрию с местоимениями первого лица.

К северу от нас виднелись башни какого-то замка. Брайан объяснил мне, что это — единственный полноценный замок в Оплоте, и он является резиденцией короля. Замок был построен ещё до той поры, когда тёмные бежали в эти места, но к моменту основания Оплота оказался заброшен. Жить в здешних условиях светлые аристократы не пожелали. Тёмные же замок отремонтировали, привели в порядок, и теперь там жил король, да и многие его приближённые, включая и самого Брайана.

Наш путь, однако, лежал не туда. Замок располагался возле самого леса, а его южное крыло вплотную примыкало к скалам. В итоге разрастись вокруг него город физически не мог, и замок оказался на окраине. Мы же направлялись к центральной части города, более удалённой от леса. Это место производило куда менее тягостное впечатление. Здесь даже обнаружилась мощёная площадь (пусть она и была вымощена грубым, неровным булыжником), помост на этой самой площади, и несколько двух- и трёхэтажных зданий.

Именно в одном из них меня и устроили. Насколько я поняла из объяснений Брайана, это было королевское здание, в левом крыле которого располагались в основном кабинеты различных государственных деятелей (не всем же жить и работать в замке его величества), а несколько комнат в правом были предназначены «для гостей». Фактически эти комнаты представляли собой нечто вроде гостиницы; правда, на место в этих комнатах мог рассчитывать далеко не любой приезжий.

Пожелав мне хорошего отдыха и пообещав навеститься завтра поутру, Брайан оставил меня в одиночестве. Одиночество было желанным, поскольку я основательно устала. И не могла бы сказать, от чего сильнее — от поездки или от впечатлений. Я чувствовала, что окончательно запуталась в происходящем. Вместо того, чтобы потихоньку раскладывать факты и события по полочкам, каждый новый день лишь вносил в мои мысли всё больший хаос. Вот, например, сейчас я сидела в комнате, обставленной если не богато, то во всяком случае весьма комфортно. Мягкая мебель, камин, картины на стенах, на столе — даже ваза из розового стекла. Ужин, который мне принесла вежливая и обходительная служанка, был вкусным и плотным, и вряд ли хоть чем-то уступал ужину в хорошей настрийской таверне. Если в Оплоте так плохо обстоит дело с ресурсами, откуда такая роскошь? И как же то самое пресловутое равенство, о котором вдохновенно и как будто искренне твердил Брайан? Ладно, допустим, я и не рассчитывала увидеть страну, в которой начисто отсутствует различие между богатыми и бедными. Понятно, в конце концов, что король не живёт так же, как деревенский кузнец. Да и не от этого неравенства я бежала. Но кто бы мне объяснил, я-то каким образом оказалась «по эту сторону» неравенства? Вчера я ночевала у крестьянки, для которой горшок гречневой каши — это практически пир. Сегодня ужинаю в обстановке, которая вполне устроила бы многих настрийских дворян. И за какие, спрашивается, заслуги?

Несмотря на пухнущую от таких мыслей голову, заснула я быстро. В силу накопившейся усталости, мягкая постель легко вытеснила размышления о том, откуда же эта самая постель взялась. Проснувшись я отдохнувшей и, как ни странно, бодрой. А в половине одиннадцатого за мной пришёл Брайан.

К этому времени я давно уже была на ногах и, признаться, успела как следует поволноваться из-за его отсутствия. Не так чтобы я точно знала, чего ожидать от первого королевского советника по каким-то — там вопросам, однако он являлся единственным звеном, хоть как-то связывавшим меня с окружающей неизвестностью. Выяснилось, что он не торопился с визитом просто потому, что счёл нужным дать мне выспаться. Теперь мы вместе отправились в королевский замок.

Здесьняя внутренняя обстановка и вовсе впечатляла. Дорогие ковры, отнюдь не проеденные молью, позолоченные канделябры, расписанные потолки, вышколенные слуги и богато одетые придворные. Впрочем, последних было не слишком много, и вид они имели деловой, так что, возможно, это были не столько придворные в нашем обычном понимании, сколько местные министры или советники вроде Брайана.

К чувству облегчения я обнаружила, что провели меня не на аудиенцию к монарху, а в рабочий кабинет моего провожатого. Кабинет этот также выгодно выделялся на фоне помещения, в котором работала Анна, и был обставлен, как положено. Хотя к чести Брайана стоит сказать, что, пока мы общались в домике с высоким крыльцом, он ни разу не позволил себе брезгливого или пренебрежительного взгляда по сторонам.

— Я понимаю, что вас смущает, — грустно улыбнулся Брайан после того, как мы устроились в мягких, удобных креслах. — Прошу вас лишь об одном: постарайтесь не делать поспешных выводов. В Оплоде действительно не хватает ресурсов, и именно поэтому управление здесьними местами — это особенно серьёзная работа. Когда ресурсов мало, становится как никогда важно правильно их распределить. Да, люди живут здесь тяжело, и всё же никто не умирает с голоду. Мы также стараемся по мере сил заботиться о том, чтобы все получали прочие предметы первой необходимости. В какой-то мере вы видели это по прибытии. Мы занимаемся очисткой речной воды, стараемся обеспечить нуждающихся лекарствами. Увы, мы не имеем возможности пользоваться при лечении магией светлых; зато в Вехском лесу растёт множество целебных трав. В своё время мы вложили немалые средства в исследование их свойств. Ну, а помимо повседневной жизни есть ещё и вопросы безопасности. Что бы ни заявляли светлые во всеуслышание, нам известно, что они не собираются надолго оставлять нас в покое. И мы обязаны быть готовыми... — Он устало потёр лоб. — Одним словом, поймите правильно, Элайна. Образно говоря, такие вопросы невозможно конструктивно решать на голодный желудок. А кроме того, король — это символ. Его имя объединяет людей и внушает им надежду. Он должен одеваться по фигуре, носить дорогие украшения, ездить в красивой карете и жить в соответствующе обставленном замке.

— Кстати, а как здесь появился король? — любопытствовала я.

Насколько мне было известно, в Настрии никогда не существовало тёмных династий. Следовательно, нынешний король никак не мог быть потомком какого-нибудь отверженного принца.

— Почти сразу после образования Оплода люди сами выбрали короля из своих рядов, — охотно объяснил Брайан. — Выбирали наиболее достойного. Учитывая обстоятельства, к тому моменту беженцы успели проявить свои как лучшие, так и худшие качества. Но также позаботились и о том, чтобы избранник был аристократом по происхождению; это укрепляло его статус. А далее

королевскую власть наследовали, как и везде. Нынешний монарх, Луис Пятый, довольно-таки молод: ему двадцать четыре года. Кстати, он в ряде вопросов неприхотлив, хотя, — Брайан озорно улыбнулся, — очень любит вкусно поесть. Зато он, например, основал в городе бесплатный музей искусств, и передал туда большую часть картин, прежде украшавших помещения замка.

— Я правильно понимаю, что сегодня его не увижу? — осторожно спросила я о том, что по — прежнему меня беспокоило.

Быть может, по законам Настрии он и не являлся законным монархом, однако же двести лет правления — это вполне внушительный срок для любой династии.

— К сожалению, вы правы, — подтвердил Брайан, чем сильно меня порадовал. — Его величество осведомлен о вашем приезде и уполномочил меня передать вам пожелания скорой и успешной акклиматизации. Ему было бы очень интересно с вами познакомиться, но, увы, у него много государственных дел, и сегодня он никак не сможет выделить время. Впрочем, я практически уверен, что вы ещё увидите, и неоднократно, — заметил советник, добавив таким образом в бочку мёда положенную ложку дёгтя.

— Что ж, в таком случае, может быть, вы расскажете, о чём собирались со мной поговорить? — предложила я.

Меня всё же сильно интересовало, какого рода работу мне планировали предложить. Что-то подсказывало, что отнюдь не чтение книжек подданным.

— Вы правы, настало время перейти к делу. — Брайан улыбнулся, но как-то кисло, будто сам предпочёл бы просто поболтать. — Перво — наперво, если вы не возражаете, я бы хотел оценить уровень ваших магических способностей. Вы не будете против небольшой проверки?

— Нет, конечно, — откликнулась я.

Если работа, на которую меня предполагали взять, подразумевала использование тёмной магии, совершенно очевидно, что работодатель захочет сначала проверить мои возможности. В конце концов, мало ли что написали в анкете под мою диктовку.

Брайан перешёл к столу и извлёк из ящика лист бумаги.

— Сейчас я передам вам этот документ. Описание некоего проекта, ничего существенного. Вы посмотрите на него в течение... ну, скажем, пяти секунд. А затем максимально точно передадите мне содержание документа.

— Я могу заранее направить магические потоки? — уточнила я.

Всё-таки хорошо иметь дело с тёмным. Не нужно вдаваться в подробности: он и так понимает, какого рода магическую подготовку я имею в виду.

— Разумеется.

— В таком случае мне хватит и трёх секунд.

— Как скажете, — улыбнулся Брайан, давая понять, что раз уж я сама вызвалась, поблажек не будет.

Я настроилась, нужным образом концентрируя энергетические потоки.

— Готовы?

— Да.

Приготовившись следить за временем, Брайан вручил мне лист. Через три секунды он забрал документ.

— А теперь постарайтесь передать содержание текста с максимально возможной точностью.

Он не положил перед собой оригинальный документ. Вместо этого вооружился чистым листом и пером, приготовившись записывать с моих слов. Видимо, собирался затем проверить, сколько именно ошибок я сделала. Я постаралась спрятать улыбку. Вероятность ошибиться была не более высокой, чем если бы я зачитывала текст с листа. Собственно, можно сказать, что именно так оно и было.

Брайан записал текст от начала и до конца. Поскольку его почерк оказался более крупным, чем у человека, писавшего оригинал, получилось больше одной страницы: под конец лист пришлось перевернуть. Брайан скрупулёзно сравнил два документа и удовлетворённо покивал. Результат его впечатлил.

— Скажите, вы заносили в память роман «Крыло чайки»? — осведомился он.

Это не было попыткой ткнуть пальцем в небо. Роман «Крыло чайки» считался классикой и входил в число книг, которые необходимо прочитать, чтобы с полным правом назвать себя образованным человеком. Правда, не знаю, как обстоит в этом отношении дело в Оплоте.

На заданный вопрос я ответила утвердительно.

— В таком случае, не могли бы вы зачитать мне второй параграф сверху на 88-й странице?

Я так и сделала.

— Благодарю вас, — кивнул Брайан. — Предложение о работе мы с вами обсудим завтра. Мне необходимо предварительно получить согласие кое — кого из заинтересованных лиц. Но, честно говоря, я не сомневаюсь в их положительном ответе. А пока... Я бы хотел попросить вас рассказать мне всё, что вы знаете о сегодняшней Настрии.

— А... что именно вас интересует?

Столь широкий вопрос сбил меня с толку.

— Беда в том, что я и сам заранее не знаю, что именно может оказаться нам полезным, — откликнулся он. — И именно поэтому прошу вас рассказать как можно больше. Не так чтобы мы ничего не знали о Настрии. Конечно, мы отделены от мира Гранью Безопасности, однако у нас имеется кое — какая агентурная сеть. Тем не менее, наши возможности весьма ограничены. Поэтому любая информация, которую мы можем получить, необыкновенно ценна. Политические новости, светская хроника, экономическая ситуация в том же Тель — Моне или Тель — Рее, — всё это может оказаться полезным. А может не оказаться; тут уж как повезёт.

Брайан устремил в пространство задумчивый взгляд.

— А для чего вам это нужно?

Вроде бы я и понимала, что это глупый вопрос: политика есть политика. Но хотелось получить более конкретный ответ. Ведь Оплот действительно существовал, отгородившись от мира. Контакты с Настрией, насколько мне было известно, ограничивались нападением команды Дика на светлых торговцев, да нелегальным обменом товарами с некоторыми предприимчивыми настрийцами. Или я ошибалась?

Брайан перевёл на меня задумчивый взор, потом криво улыбнулся.

— Потому что о врагах нужно знать как можно больше.

— Вы хотите сказать, что Настрия представляет угрозу для Оплота?

— Вне всяких сомнений.

Признаться, такого поворота я никак не ожидала. Оплот казался мне местом пусть не самым жизнерадостным, но во всяком случае по — настоящему безопасным для тёмных. Одним словом, оплотом.

— Но ведь... как же Грань Безопасности?

— Грань Безопасности чрезвычайно важна, — согласился Брайан. — Она спасала нас на протяжении двух сотен лет. Но магия не стоит на месте. Рано или поздно светлые найдут способ преодолеть эту преграду. Возможно, не сейчас. Возможно, спустя ещё двести лет. Но мы должны быть готовы к такому повороту. Учитывая их численное преимущество и магические возможности, у нас нет ни малейшего шанса победить в военном конфликте. Поэтому приходится искать другие пути. А для этого требуется информация.

— Но я полагала, что светлые давно уже не стремятся прорваться в Оплот.

Я всё ещё пыталась сохранить для себя недавнюю картину мира. Уже далёкую от идеальной, но, по крайней мере, более безопасную и надёжную.

— Такова официальная версия. — Брюнет выдвинул ящик стола и убрал в него обе копии документа. — Но у нас есть причины сомневаться в её правдивости. Например, мы получили информацию о том, что светлые маги изучают свойства Грани Безопасности. Спрашивается, с какой целью. Кроме того, нам известно, что в Настрии возобновились притеснения темноволосых. Опять же неофициально, но де факто подобное происходит всё чаще.

Я инстинктивно сжала губы. Брайан, скорее всего, не имел представления о конкретной причине, побудившей меня искать убежища в Оплоте. Я пока не обмолвилась об этом ни словом, а больше никто, кроме Грэтте, не был в курсе. Однако же он не мог не догадываться, что место жительства я сменила отнюдь не от хорошей жизни.

Проницательный взгляд собеседника подтверждал моё предположение.

— А мы видим свою задачу не только в охране самого Оплота, — продолжал советник. — Но и в защите тёмных вообще, в том числе и тех, что обитают в Настрии. И для того, чтобы оказать реальную помощь, нам, опять же, нужна информация.

— Я понимаю, — с готовностью кивнула я. — Только мне помогли бы наводящие вопросы.

Беседа продлилась около двух часов. Наконец, Брайан поблагодарил меня за помощь и сказал, что на сегодня это всё.

— Теперь вы можете отдохнуть, походить по городу, оглядеться. Я вынужден остаться здесь, но обязательно распоряджусь, чтобы вас проводили в ваши комнаты или в любое другое место по вашему усмотрению.

Он замолчал. Казалось бы, я могла уходить, вот только молчание было каким-то вязким, неоконченным. Взгляд Брайана, то устремлявшийся на меня, то принимавшийся бесцельно блуждать по кабинету, не отпускал. Будто брюнет хотел сказать что-то ещё, но то ли не знал, как это сделать, то ли не решался. Облизнув пересохшие губы, он посмотрел на меня в упор... и снова отвёл глаза.

— Элайна... — проговорил он, когда я уже отчаялась разобраться в происходящем и собиралась встать, чтобы покинуть кабинет. Может, он именно этого и ждал. Не знал, как бы повежливее намекнуть, что не нуждается больше в моём присутствии. — Вы не будете возражать, если я приглашу вас на ужин сегодня вечером? После работы? Не подумайте ничего дурного. В центре города есть одна весьма приличная ресторация... Возможно, сравнения с лучшими заведениями Настрии она и не выдерживает, но там приятная атмосфера, и варят очень хороший кофе...

Брайан замолчал и теперь напряжённо ждал ответа. Сейчас он выглядел не как королевский советник, а скорее как Берт, объяснявший мне, что разбоем занимается только за границей, а в Оплоте он — чрезвычайно благонадёжный, законопослушный гражданин...

— Ну конечно, — улыбнулась я. — Мне будет приятно провести вечер не в одиночестве.

Лицо советника озарилось улыбкой.

Вечер действительно прошёл чрезвычайно приятно. Место мне понравилось, там даже играли двое музыкантов, и кормили, само собой, весьма вкусно. О делах речи не заходило. Мы беседовали о книгах, о музыке, о специфических погодных условиях в Оплоте — в общем, о чём угодно, только не о политике и не об исходящей от светлых угрозе. Постепенно я успокоилась и даже почувствовала, что действительно отдыхаю душой, как и положено в подобных заведениях. Брайан был отличным собеседником. В общем-то я понимала это и раньше, но до сих пор наши разговоры портило чувство неловкости и сложные темы, избежать которых было невозможно в силу обстоятельств. Сейчас же, когда он непринуждённо болтал о нейтральных вещах, пересказывал ходившие по Оплоту анекдоты или вспоминал забавные истории из своей служебной жизни, я получала от общения подлинное удовольствие. И не могла не заметить, несмотря на скудность освещения (то ли создавали интимную обстановку, то ли банально сэкономили свечи), что мой собеседник весьма интересен внешне. Возможно, даже красив. Проницательные тёмно — карие глаза, правильные черты лица, обаятельная улыбка. Элегантность и одновременно лёгкая непринуждённость во всём облике, включая манеру держаться и жесты. И даже светлый костюм на удивление хорошо вписывался в этот образ.

В ресторации мы просидели, наверное, пару часов. Затем немного погуляли по городу; точнее сказать, по центральной его части. Брайан указал мне на здание королевского музея и пообещал как-нибудь сводить меня туда в дневное время, когда музей бывает открыт. Вызвался проводить меня до моего временного пристанища. Зданием дело не ограничилось. Как-то так само собой получилось, что мы вместе дошли до двери в комнату. А когда настало время прощаться, рука Брайана скользнула по моим волосам и прикоснулась к щеке.

Это не было неприятно. Наоборот. Сильная рука — и мягкое прикосновение. Обещание защиты. Я сама слегка запрокинула голову. Чуть приоткрылись расслабленные губы. О дальнейшем он позаботился сам.

Открыта и снова захлопнута дверь. Тёмная комната; лишь за окном — немногочисленные звёзды, с той стороны, где небо не закрывает высокая чёрная скала. Зажечь свечи? Ни к чему. Мы падаем на кровать, постепенно избавляясь от ненужной теперь одежды. Прочь мишуру. Прочь сомнения. Жизнь изменилась настолько, что для стыда и условностей в ней всё равно не осталось места. Если есть возможность получить что-то хорошее сегодня, не следует ею пренебрегать. Какие сюрпризы преподнесёт завтра, не знает никто.

А сейчас всё понятно, впервые за эти сумасшедшие дни. Есть я, и есть мужчина, к которому меня тянет. Его нежные, бережные ласки, на которые я тоже отвечаю лаской. И раздвигаю бёдра, позволяя ему довести эту случайную близость до высшей ступени. Внутри меня — даже не знаю, в теле или в душе, — разрастается чувство безумной, практически животной эйфории. Зажмурившись, я отпускаю в свободный полёт накопившееся напряжение не только последних дней, но и всего последнего месяца. Больная спина, конечно же, то и дело даёт о себе знать, тем более что я не стала принимать обезболивающее зелье в обществе Брайана. Но даже боль сейчас не помеха, я почти её не замечаю, есть намного более важные ощущения, на которых и следует сосредоточиться. И я даже позволяю себе закричать, когда напряжение выхлёстывается из меня последним, мощным рывком. И в изнеможении затихаю в крепких и надёжных объятиях Брайана.

Несмотря на темноту, шрамы на моей спине он в тот вечер всё-таки углядел. Пришлось объяснить причину, хотя о многом брюнет догадался почти сразу. С его губ слетели крайне нелицеприятные эпитеты в адрес светлых. Брайан пообещал мне обеспечить мне самое лучшее лечение, которое только возможно на территории Оплота. Слово своё он сдержал.

А на следующий день мы, как и было запланировано, снова сидели в его кабинете, расположенном в королевском замке.

— Как я и ожидал, я получил положительный ответ на свой запрос. — В тоне Брайана ощущалась лёгкая неуверенность. Слово он точно знает, что говорить, но сомневается, следует ли это делать. — Теперь я уполномочен предложить тебе работу в моём ведомстве, то есть на государственной службе. Видишь ли...

— Что-то не так? — спросила я, чувствуя его неуверенность.

Брайан вздохнул.

— Видишь ли, работа, которую я собираюсь тебе предложить, далеко не самая лёгкая и сопряжена с определённым риском. Я хочу честно предупредить тебя об этом с самого начала. Правда, вознаграждается она соответственно. Но я отлично знаю, что ты не из тех, кого можно купить. Важнее другое. — Он очень серьёзно посмотрел мне в глаза. — На этой должности ты сможешь принести огромную пользу Оплоту. Не лично мне, не королю, а всем нам. И я даже не уверен, существует ли другая сфера деятельности, трудясь в которой можно было бы принести такую же пользу.

— Странно, — проговорила я, натужно улыбнувшись. — Я никогда не замечала за собой подобных талантов.

— Ты себя недооцениваешь, — откликнулся Брайан.

— И что я должна буду делать?

— То, для чего предназначен твой магический талант. Собирать информацию.

Я была не настолько глупа, чтобы не суметь сделать выводы. Данных в моём распоряжении было более чем достаточно. Но это не означает, что собственные догадки меня не шокировали.

— Ты предлагаешь мне стать шпионкой?

— Агентом, — поправил меня Брайан. — Или, если хочешь, разведчицей.

— Но суть от этого не меняется.

— Тут у каждого своя позиция, — отозвался он. — С моей субъективной точки зрения, от этого меняется абсолютно всё. Я не хочу называть своих агентов шпионами, потому что их цель — защита. Мы работаем для того, чтобы защитить людей тёмной масти. Не позволить светлым вторгнуться в Оплот и устроить такую же резню, как в Настрии двести лет назад. И, насколько это возможно, помочь тем тёмным, которые по — прежнему проживают под настрийским флагом. Признаюсь честно: я не хотел бы подвергать риску лично тебя. Не теперь. Но не могу не осознавать, что именно ты можешь оказать нам огромную помощь. Поэтому решать придётся тебе самой.

— Почему ты считаешь меня настолько полезной? Я никогда не занималась ничем даже отдалённо похожим.

Брайан с улыбкой подлил воды в мой опустевший стакан.

— Посуди сама, Элайна. Как ты думаешь, насколько коренные жители Оплота подходят на роль разведчиков? Эти люди выросли здесь, за Гранью Безопасности. Они никогда не бывали за границей. Не только в Настрии, но и в какой-либо другой стране (поскольку кроме как через Настрию, отсюда никуда не попасть). Они не представляют себе, что такое жизнь за пределами Оплота. Конечно, их можно многому обучить, но большинство из них никогда не сможет по — настоящему хорошо сыграть роль настрийца. Они проколются очень быстро, и беда в том, что мы даже не сможем заранее предугадать, на чём именно. Это просто люди из другого мира. Некоторые из них, наиболее способные, справляются с ролью информаторов. Им удаётся жить в настрийских городах, не привлекая к себе лишнего внимания, и потихоньку собирать слухи и сплетни. Читать газеты. И сообщать нам то, что удаётся разузнать. В случае необходимости они также способны сыграть роль связных. Такие агенты тоже нужны. Но этого недостаточно.

Поэтому мы всегда уделяем особое внимание иммигрантам. Людям, которые знакомы с жизнью в Настрии не понаслышке. И которым при этом мы с высокой степенью вероятности можем доверять. Однако и тут бывают сложности. Далеко не каждый иммигрант обладает подходящими способностями, подходящим характером, подходящим интеллектом наконец, чтобы заниматься подобной деятельностью.

— А я обладаю, — недоверчиво фыркнула я.

— Конечно. — В тоне Брайана не было и тени сомнения. — Ты очень сильный человек, Элайна. Хотя, возможно, в силу молодости ты не успела это понять. После того, что с тобой случилось, ты не сломалась, не забила в угол, не возненавидела весь мир. Да, ты озлобилась на светлых — но в меру, совершенно оправданно, пропорционально их поступку. Рационально подошла к вопросу, нашла решение проблемы и, что немаловажно, нашла в себе силы изменить свою жизнь.

Я отнеслась к его словам скептически. В моём представлении я именно что озлобилась, и по — своему сломалась, и действовала не столько рационально, сколько под влиянием всё той же злости. Плюс, возможно, интуиции, которую едва ли можно приравнять к здравому смыслу. Но я продолжила слушать.

— Но, конечно же, первое, на что мы обратили внимание, прочитав твою анкету, — это твой дар. При сборе информации он бесценен. И кроме того — что стало особенно важным для меня теперь, — он существенно снижает риск для тебя лично.

— Каким образом? — удивилась я.

— Представь себе, что нам необходимо получить сведения, содержащиеся в некоем документе, — предложил Брайан. — Это не записка из двух строчек, которую с лёгкостью запомнит любой, а, скажем, длинное письмо с массой терминов, данных и цифр. Или шифровка. Или, например, чертёж. Что будет делать в этой ситуации обычный агент? Он может похитить документ. В этом случае пропажу быстро обнаружат и попытаются перехватить. Другой вариант — этот документ скопировать. Но тогда агенту придётся надолго задержаться на месте «преступления». Либо уйти сразу, скопировать документ на безопасной территории и снова вернуться, чтобы положить его на место. Значит, по меньшей мере, ему придётся рисковать дважды. К тому же не исключено, что пропажу заметят и за этот короткий срок. Тебе же достаточно один раз бегло взглянуть на бумагу — и всё. Ты возвращаешь её на место и со спокойной совестью, как ни в чём не бывало, идёшь дальше по своим делам. Вероятность быть застигнутой сведена к минимуму. Скорее всего, никто даже не заподозрит, что к документу прикасались посторонние.

— Но ценные документы наверняка хранятся не у простых обывателей, а у аристократов и людей, приближённых ко двору. — Я вроде бы не планировала соглашаться, и тем не менее предоставляла Брайану возможность меня убедить. — А я не вхожу в такие круги. И даже если создать мне... как это называется... легенду? Ну да, так вот, всё равно я не смогу изобразить аристократку. Это как в случае с жителем из Оплота, пытающимся сыграть настрейца. Слишком много нюансов.

— Тебе и не придётся изображать аристократку, — успокаивающе улыбнулся Брайан. — Есть масса других способов попасть в нужное место, не вызывая подозрений.

— Вроде трубочиста, который пришёл разобраться с дымящим камином? — подозрительно покосилась на него я.

— И это тоже, — согласился Брайан. — Но, конечно же, не в твоём случае. Я думаю, тебе больше всего бы подошли два варианта, — протянул он, прищурившись. — Учёный и журналист. Первый — лучше всего. Учёный, который попросил разрешения исследовать старинный дом (а аристократы чаще всего живут именно в таковых), или осмотреть какую-нибудь ценную картину, или посетить личную библиотеку. Это очень хорошее прикрытие, особенно учитывая, что никакие вещи в результате твоего появления в доме не пропадут. Следовательно, подозрения не возникнут даже задним числом. Журналист — это чуть хуже, поскольку за представителями этой братии в любом случае стараются присматривать. Но если не подойдёт первый вариант, уверен, ты сумеешь сыграть роль представителя какой-нибудь газеты.

— Ладно, допустим. Но секретные документы не лежат на столе в комнате для посетителей. Их надёжно прячут, как правило, в сейфах.

— Вскрывать сейфы тебя научат, — сказал он таким тоном, будто это вообще не являлось проблемой. — Равно как и другим необходимым навыкам. Мы действительно позаботимся о том, чтобы свести риск к минимуму.

— Ну хорошо, а как же цвет моих волос? Подданных тёмной масти в Настрии не так уж и много. Не единицы, конечно, так что несколько раз легенда сработает. Но если темноволосая учёная или журналистка начнёт регулярно появляться в домах аристократов, хранящих секретные документы, на это рано или поздно обратят внимание.

— Конечно, — согласился Брайан. — Поэтому большую часть времени ты будешь работать в парике.

— Издеваешься? — возмутилась я. Надеюсь, после проведённой вместе ночи я могла позволить себе такую фамильярность. — Чтобы меня моментально раскрыли? Право слово, если тебе по какой-то причине нужно от меня избавиться, гораздо проще зарезать меня прямо сейчас и прикопать где-нибудь в лесу. Кажется, он совсем рядом.

— Не кипятись, — хмыкнул Брайан. — Я рад, что ты мыслишь критически, но ты не знаешь всех нюансов. Это будет не такой парик, какие ты привыкла видеть. Наши умельцы научились делать парики, совершенно неотличимые от настоящих волос. Ты удивишься, когда увидишь.

— Серьёзно? — переспросила я, всё ещё недоверчиво хмурясь.

— Абсолютно, — заверил Брайан. — Мы же не идиоты — отправлять собственных агентов на верную смерть. А убивать тебя, как ты верно заметила, у меня нет ровным счётом никаких причин. Да и желания, представь себе, тоже. К тому же, Элайна, я ни на чём не настаиваю. — Он пересел поближе и взял меня за руку. — В каком-то смысле мне было бы намного лучше, если бы ты осталась здесь и никогда больше не выходила за Грань Безопасности. Но с другой стороны, я обязан заботиться не только о своих личных предпочтениях, но и об интересах Оплота. А факт остаётся фактом: для нас ты — редкая находка. И для тебя это тоже определённый шанс. Не только шанс на хорошие условия жизни здесь, в Оплоте, хотя это само собой разумеется. Но и возможность принести пользу. Многие посмеялись бы над моими словами, но не ты. Знаешь, как бы это ни выглядело со стороны, моя работа в действительности очень нелёгкая. Как правило, она не оставляет времени даже на то, чтобы нормально спать по ночам. Но мне очень помогает сознание, что я занимаюсь по — настоящему нужным делом. Делом, важным для тёмных. И, насколько я могу судить, ты сделана из того же теста. Для тебя это тоже будет иметь значение. А в том, что ты сможешь по — настоящему помочь, я ни секунды не сомневаюсь. Ты уже видела, что творят светлые, Элайна. Им необходимо препятствовать. В меру наших сил.

Я сидела, устремив взгляд в пол, и думала над услышанным. Настроение было мрачное. Да, это совсем не та работа, о которой мне мечталось. И раз за разом возвращаться в Настрию мне совсем не хотелось. Я не чувствовала себя обязанной Брайану за это предложение, и без труда сказала бы «нет», но... Что-то было в его последних словах. Если я могу чем-то помочь другим тёмным, если какая-нибудь девушка может избежать наказания за преступление, которого не совершала... Я не упущу такой возможности. Да и потом, я слишком сильно изменилась за последнее время. Сумею ли я теперь сидеть на месте и рассказывать детишкам сказки? Что подсказывало: такая идиллия теперь не для меня.

— Я подумаю, — медленно сказала я.

(три года спустя)

Соскочив с лошади, я бросила поводья выбежавшему навстречу мальчишке. Стащила чересседельную сумку, перекинула её через плечо и зашагала к замку. Дежурившие на входе стражники сразу же расступились.

— Привет, Барни!

Я помахала рукой одному из них.

— Добро пожаловать, госпожа Элайна! — откликнулся тот, просяив.

Оказавшись в желанной прохладе замка (солнце в Оплоте палило нещадно), я сбросила сумку на пол и отвела за уши налипшие на лоб волосы. Светлый парик, один из многих, покоился в моих вещах с того момента, как я въехала в Кернский лес и, как водится, повстречала там Дика и его ребят. Краем глаза отметив, как сумку подхватил ещё один мальчишка — слуга, я устремилась вверх по лестнице.

Голоса слышались почти сразу, а преодолев три пролёта, я увидела и говоривших. Меня тоже заметили.

— О, Элайна! — радостно воскликнул Брайан и призывно помахал мне рукой.

— С возвращением, госпожа Кенборт, — вежливо произнёс его собеседник.

Официально Роберт Кенингтон являлся королевским советником по военным вопросам. Этот серьёзный, крайне редко улыбающийся сорокалетний мужчина действительно организовывал какие-то учения, но толку от них было не слишком много. Жители Оплота в любом случае проигрывали светлым как числом, так и качеством оружия. Так что основная часть работы Кенингтона проходила как раз по ведомству Брайана и имела непосредственное отношение к внешней безопасности Оплота.

— Благодарю вас.

Я с лёгкостью преодолела последний пролёт — брючный костюм для верховой езды не стеснял движений, разве что каблуки сапог стучали очень уж громко, — и присоединилась к мужчинам.

— Как прошла поездка? — спросил Брайан, внимательно вглядываясь в моё лицо, словно пытался прочесть ответ прежде, чем его услышит.

— Хорошо, — кратко сообщила я.

Вдаваться в подробности прямо посреди лестницы я, понятное дело, не собиралась. Но из моего ответа следовало главное: документы «у меня», точнее сказать, в моей памяти, и ничего экстренного во время операции не произошло.

Брайан кивнул, показывая, что всё это понял.

— Информация нужна тебе срочно? — осведомилась я.

Вовсе не для проформы: я действительно была готова в случае необходимости сразу же засесть у себя в кабинете за копирование документов по памяти. Но Брайан с мягкой улыбкой покачал

головой.

— Нет — нет, никакой срочности. Сначала отдохни.

Это радовало. Переодеться и умыться с дороги будет приятно. Да и перекусить не помешает: разбойники хоть меня и угощали, но сколько с тех пор минуло часов?

Перекинувшись с мужчинами ещё парой фраз, я собралась было отправиться в свои комнаты, но тут меня перехватил поднимавшийся по лестнице стражник. Барни, тот самый, с которым я поздоровалась на входе. Как видно, только что состоялась смена караула.

— Госпожа Элайна! — обратился он, остановившись в нескольких ступеньках от меня и смущённо косясь на королевских советников.

Заговаривать в их присутствии ему было неловко, но слишком уж не терпелось задать свой вопрос.

— Что, Барни?

— А вы сегодня сказку будете рассказывать?

Вообще-то стражник водил на чтения своих дочерей, но спрашивал с такой интонацией, словно этот крупный усатый мужчина приходил послушать сказки ради собственного удовольствия. И, вероятнее всего, в этом было много правды.

— Буду, Барни, — улыбнулась я.

— Отлично! — радостно воскликнул он и, довольный, устремился вниз по лестнице, рассказывать остальным хорошие новости.

— Ты бы отдохнула, в первый-то день, — проворчал Брайан.

— Ничего, до восьми ещё успею, — весело отмахнулась я.

По чтениям я и сама успела соскучиться.

Официально именно они и считались моим занятием. Вечером на площади собирался и стар, и млад, и я читала им то сказки, а то и истории посерьёзнее. Дик оказался прав: люди нуждались в подобной отдушине. К тому же, как показала практика, у меня неплохо получалось читать с выражением. Так что жители Оплота получали от таких чтений искреннее удовольствие.

Устраивались такие мероприятия далеко не каждый день, в частности для того, чтобы не привлекать излишнее внимание к моим отлучкам. Кроме того, по официальной, опять-таки, версии, я время от времени уезжала, чтобы устраивать аналогичные чтения в деревнях (что я действительно делала, но намного реже), в том числе и самых удалённых.

С наслаждением отлежавшись в ванне после долгой езды верхом, я оделась в чистое, выбрав на сей раз не костюм, а платье, расчесала мокрые волосы и поела. Обед подали прямо в одну из отведённых мне комнат. Затем перешла в кабинет, положила перед собой несколько чистых листов и приступила к копированию. Всего двадцать минут спустя на столе лежала стопка из пяти документов, которые отличались от оригиналов лишь почерком, да отсутствием подписей. Зато их братья мирно хранились на территории Настрии в предназначенных для этого сейфах. И их обладатели понятия не имели, что в этих сейфах кто-то успел похозяйничать.

Закончив работу, я на всякий случай ещё раз просмотрела документы, а затем направилась к Брайану. О встрече мы не договаривались, но опыт подсказывал, что он будет меня ждать.

Так оно и было. Постучав в дверь кабинета, я сразу же услышала приглашение входить. Брайан сидел не за столом, а в кресле.

— Рад тебя видеть, — улыбнулся он, вставая мне навстречу. — Будешь чаю? Или, может быть, вина?

Он усадил меня в точно такое же кресло, а сам направился к застеклённому шкафчику, в котором хранились напитки и посуда для оных.

— Чаю — с удовольствием, — откликнулась я, нагибаясь вперёд, чтобы положить документы на низкий столик. — Но только не вина. Не могу его видеть. Эти настрийские аристократы считают своим долгом вечно угощать посетителей красным полусухим вином. А я терпеть его не могу. Оно всё время кажется мне кислым. Но отказываться нельзя, чтобы не обидеть хозяев.

— Понимаю.

Советник спрятал документы в ящик рабочего стола и лишь после этого позвонил в колокольчик, вызывая слугу. Когда тот отправился за чайником, Брайан нежно потрепал меня по руке и сел напротив.

— Хоть немного отдохнула?

Я согласно прикрыла глаза.

— Вполне.

Мы с Брайаном уже давно не были любовниками. Наши тесные отношения продлились чуть больше года и постепенно, сами собой, сошли на нет. Точнее, переросли в приятельские, с оттенком ностальгической нежности. Семьи или просто постоянного партнёра не было пока ни у одного из нас. Я совершенно к этому не стремилась. Брайану, кажется, нравилась какая-то девушка из Оплота, жившая за пределами города, но я ни разу её не видела.

Слуга налил нам обоим чай и удалился. Лишь после этого Брайан извлёк из ящика предварительно спрятанные документы и принялся читать. Можно было бы предположить, что он внимательно знакомится с их содержанием. Но я-то знала, что сейчас это был так, беглый просмотр. Вот позднее, когда я уйду, а дополнительные дела будут закончены, он уединится с документами и станет скрупулёзно изучать каждое слово, вдумываясь не только в содержание, но и в то, что написано между строк.

Я уже успела допить свой чай и закусить парой пирожных, когда, подняв наконец глаза от текста, Брайан спросил:

— Всё прошло без проблем?

— Абсолютно. Я презрительно скривилась. У большинства светлых аристократов такие сейфы — приходи и бери, что сочтёшь нужным. Честное слово, поразительная небрежность. Вот эту декларацию, — я указала на один из листов, — вообще секретной не считают, так что она просто лежала в ящике стола, даже не запертом. А эти два черновика хранились в сейфе, но настолько лёгком, что у меня ушло три минуты на всё сразу: найти сейф, открыть, запомнить текст и вернуть всё, как было.

— И как ты объяснила хозяевам кратковременное отсутствие? — любопытно спросил Брайан.

— А никак, — отозвалась я, откидывая голову на спинку. — Следовала урокам Болдвина. Он меня в своё время научил, что если удаляешься на несколько минут, лучше всего просто промолчать о причинах. Тогда все будут уверены, что гость удалялся по естественной надобности, и, вероятнее всего, даже этого не запомнят. А «гость» вроде бы как даже и не солгал.

— Болдвин — хороший специалист, — покивал Брайан. — Ему будет приятно, что ты помнишь все его советы. Он очень тобой гордится, называет своей самой талантливой ученицей.

— Да ладно, — отмахнулась я, хоть похвала и была приятна. — Ничего такого сверхъестественного я не делаю.

— Сверхъестественное делают боги. А мы — люди, и тем не менее, от нас требуется порой почти невозможное. Ты даже не представляешь, как много делаешь для Оплота.

Я подала плечами, заглядывая в почти пустую чашку. Я действительно не представляла. В мои задачи входило добыть информацию. Как её впоследствии применяли, да и применяли ли вообще, я понятия не имела. Никаких улучшений в жизни Оплота я не видела, но, впрочем, глупо было бы ожидать, что они наступят за три года — после двух тяжёлых веков. В жизни настрийских тёмных, насколько я могла судить, особых изменений тоже не было.

— Значит, будешь сегодня читать? — улыбнулся Брайан. — А что именно?

— Да вот, — я задумчиво провела пальцем по столу, — думаю, как раз эти документы и прочитаю.

— Смешно, — фыркнул Брайан.

— Что, разве нет? — хмыкнула я. — Да я ещё не решила, на самом-то деле, но уж точно что-нибудь более весёлое. Какую-нибудь сказку для детей и взрослых, как обычно.

— Хорошо, — кивнул он. — Я уже распорядился, чтобы всё подготовили. Надеюсь, ты не обидишься, если я сам на сей раз послушать не приду? Очень много дел, и с твоими трофеями надо основательно поработать.

— Конечно, не обижусь, — заверила я. — И для тебя по большому благу могу прочитать ту же самую сказку персонально, когда угодно.

Я усмехнулась, отлично зная, что Брайан — прагматик и сказками особо не увлекается, хотя на мои чтения несколько раз приходил. И, главное, дел у него с лихвой хватает всегда. Да и на наших личных встречах нам всегда бывает что обсудить помимо художественной литературы.

— Спасибо за чай. Я пойду подготовлюсь.

— Удачи!

Брайан поднялся, чтобы меня проводить. Но я точно знала: едва за мной закроется дверь, он вернётся к столу, чтобы вновь сосредоточиться на документах.

К чтениям всё оказалось действительно готово. Над площадью были традиционно развешены разноцветные фонарики. Никакой светлой тут, естественно, не использовалось. Самые

обыкновенные фонари с самым обыкновенным цветным стеклом. Но атмосферу они создавали удивительную.

Людей тоже собралось множество. В основном приходили семьями, хотя встречались здесь и компании подростков, и парочки, рассчитывающие главным образом поцеловаться под романтическими фонариками. Наиболее шустрые уже заполнили помост, оставив, правда, свободное место в центре для меня. Остальные устроились на площади, кто как мог; главным образом, сидели прямо на мостовой. На лошади было теперь не проехать, но я не слышала, чтобы кто-нибудь был в обиде. В конце концов, при необходимости найти объездной путь совсем несложно.

Сама я расположилась на стуле; не из соображений удобства, а чтобы меня было лучше слышно. Казалась бы, собравшаяся на площади публика не должна быть особенно организованной, и тем не менее почти сразу же наступила тишина. И я начала рассказ.

ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЗДЕСЬ БУДЕТ РАЗМЕЩЕНА ОДНА ИЗ МОИХ КОРОТКИХ СКАЗОЧЕК

Брайан пригласил меня для делового разговора всего несколько дней спустя. Я немного удивилась: обычно после «командировки» в Настрию мне давали пару недель спокойного отдыха дома. А в том, что Брайан пригласил меня не просто так, а в связи с новым делом, я не сомневалась. Ну что ж, видимо, появилось что-то особенно срочное. Я была не в обиде: работа есть работа, я сама такую выбрала и, главное, ничуть в этом выборе не раскаивалась.

Когда я вошла в его кабинет, Брайан был на ногах и вид имел весьма озабоченный. Тем не менее приветливо улыбнулся и предложил мне сесть.

— Что случилось?

Я не имела привычки ходить вокруг да около.

— Вот. Прочитай пока.

Брайан положил передо мной на стол какую-то газету и отошёл к шкафу. Я проследила за ним взглядом. Выглядел он чрезвычайно нервозно. Снова опустила глаза на газету. «Тёмный вестник», единственное в Оплоде издание. Выходило раз в месяц (чаще при здешних ресурсах возможности не было). Фактически проект являлся благотворительным: цена на газеты назначалась чисто символическая, а жители особенно бедных деревень вполне могли рассчитывать на пару бесплатных экземпляров. Писалось в этих газетах в первую очередь о жизни Оплота, но попадались порой и статьи о Настрии. Главным образом, когда дело касалось проживающих там тёмных.

И вот сейчас при взгляде на первую полосу в глаза моментально бросалась выведенная крупными буквами надпись: «Гибель шести тёмных подростков в окрестностях Тель — Рея: несчастный случай или преступление?».

Я посмотрела на Брайана. Он только мрачно кивнул на газету, дескать, читай. Так я и сделала. Под жирным заголовком было написано следующее:

«Страшная трагедия произошла в минувший вторник на дороге, ведущей к развалинам крепости Толл. Группа учащихся школы для тёмных мальчиков „Клифтон“ выехала на экскурсию по крепости, являющейся одной из наиболее древних достопримечательностей

Настрии. Шестерых двенадцатилетних школьников сопровождали двое взрослых — учитель истории и кучер, оба темноволосые. Крепость расположена на вершине холма, и большой участок ведущей к ней дороги тянется вдоль крутого обрыва. Тем не менее, школьников регулярно возят туда на экскурсии, и до сих пор ни одного несчастного случая не было зафиксировано. На этот раз, увы, дело обстояло иначе. Не доехав до места назначения всего двух сотен ярдов, повозка упала с обрыва. Все восемь человек погибли.

Безутешные родители погибших мальчиков потребовали проведения тщательного расследования. Увы, светлые власти отнеслись к своей задаче без должного рвения. Фактически расследование было спущено на тормозах. Известно, что на момент выезда с территории школы кучер был трезв и здоров, лошадь подкована, а колёса повозки — тщательно проверены. Причин трагедии власти так и не обнаружили. Лорд Александр Уилфорт, приближённый Пабло Второго, курирующий тель — рейский округ, лично прибыл на место событий.

„Я чрезвычайно сожалею о случившемся и хочу передать глубочайшие соболезнования семьям погибших, — произнёс традиционные, заученные слова он. — Увы, никаких улик, проясняющих обстоятельства случившегося, обнаружить не удалось. По всей видимости, мы имеем дело с несчастным случаем, ужасающим своей трагичностью. Возможно, лошадь чего-то испугалась, или же кучер утратил бдительность“.

Однако подобные заявления внушают серьёзные сомнения в компетентности следственных органов, либо — что более вероятно — в их стремлении докопаться до истины.

Многие уже объявили случившееся самым страшным преступлением против тёмной масти за последние два века.

„Речь вне всяких сомнений идёт о предумышленном убийстве, — заявил при беседе с нашим репортёром королевский советник Роберт Кеннингтон. — Его величество Луис придерживается той же точки зрения. Если бы за преступлением не стояли светлые власти, следствие несомненно дало бы плоды. Кроме того, подозрительным представляется тот факт, что дорога, по которой беспрепятственно проезжали многие поколения школьников, неожиданно оказалась смертельно опасной именно для учащихся школы для тёмных. К сожалению, очень похоже на то, что мы имеем дело с возвращением к прежним временам. Темноволосых подданных Настрии притесняют всё сильнее, теперь же светлые пошли на убийство, причём — убийство детей.“

Каким окажется следующий шаг светлых? Чего нам ожидать в ближайшем будущем? Увы, пока ни у кого нет ответа. Однако перспективы открываются безрадостные.»

Я дочитала, но продолжала сидеть молча. Мне не нравился пафос, которым грешил «Тёмный вестник», да и многие настрийские издания тоже. Тем не менее, я склонялась к тому, чтобы согласиться с выводами. Даже если дети не были убиты по приказу властей, наверняка здесь приложил руку кто-нибудь из ненавидящих темноволосых подданных. А светлые власти его покрывали, и это красноречиво свидетельствовало об их позиции по данному вопросу. Увы, ничего нового я в этом не видела. Вот только масштабы возросли, и теперь в шести семьях жизнь никогда не станет такой, как прежде.

Разумеется, я обратила внимание и на имя Александра Уилфорта. Сказать по правде, на этого человека я злилась значительно меньше, чем на мэра Тель — Мона. Продолжительные размышления привели меня к выводу, что большая шишка из столицы вполне могла не знать подробностей данного дела. «Уважаемый человек» сообщил, что дело раскрыто, и лорд без

лишних вопросов поставил свою подпись. Однако теперь, после этой статьи, я совсем иначе смотрела на участие Уилфорта в моём собственном деле. Двойное совпадение — это, конечно, возможно, но маловероятно. Хорошо ещё если речь идёт только о халатности, но мне так не казалось. Увы, гораздо больше всё это походило на злой умысел.

Я почувствовала, как в груди закипает гнев. Дети-то чем ему не угодили! Ладно ещё взрослая библиотекарьша, хоть и она даже при всём желании (коего не имела) не смогла бы перебежать дорогу могущественному лорду. Я так и видела перед собой этого Уилфорта — светловолосого, идеально причёсанного, аккуратно и богато одетого, с аристократическими манерами и непроницаемым взглядом. Никогда не встречала этого человека, но отчего-то была уверена, что он выглядит именно так. И мне невероятно хотелось плюнуть в его холёное лицо.

— Что скажешь? — поинтересовался Брайан, возвращая меня в реальность.

Я даже выдохнула с облегчением. Никаких Уилфортов, никаких светлых. Я дома, в Оплоте, и кругом все свои.

Понадобилась пара секунд, чтобы вновь собраться с мыслями.

— На мой вкус, слишком много слов, но в целом их версия кажется вероятной, — ответила я.

— Она не просто вероятна, — серьёзно произнёс Брайан. — Она правдива.

Я вскинула голову и посмотрела на него, прищурившись.

— Ты знаешь больше, чем сказано здесь, верно?

— Ты права. — Брайан, наконец-то, опустил в кресло. — Вчера вернулся агент из Иллои. Кроме того, кое — какая информация у меня была и прежде. Не по этой трагедии, разумеется. Просто сейчас части картины складываются в единое целое.

— И что же тебе известно?

— Думаю, ты обратила внимание на имя Александра Уилфорта?

Я лишь зло усмехнулась. Ещё бы я не обратила на это внимания.

— Так вот, — Брайан с пониманием отнёсся к такому ответу, — этот человек ненавидит тёмных. Впрочем, возможно, я выразился неверно. Не исключено, что ненависти к тёмной масти Уилфорт не испытывает; возможно, всё дело в интересах вполне прагматического характера. Не исключено, что он просто стремится сделать головокружительную политическую карьеру. Борьба с теми, кого население и без того тихо ненавидит, — весьма неплохой способ. Какова бы ни была подлинная причина, мне досконально известно одно: Уилфорт работает против тёмных, и нынешними мерами не ограничится. Он начал с незначительных притеснений, ограничений в правах, наказаний по абсурдным обвинениям. А два месяца назад замахнулся на тёмные школы.

— В каком смысле замахнулся? — не поняла я.

— Где-то это было... — задумчиво пробормотал Брайан. Подошёл к шкафу и принялся рыться в стопке газет, которыми была заполнена одна из закрытых полок. — Вот. — Он вернулся и положил передо мной одну из них. — Если вкратце, то Уилфорт приказал закрыть школы для тёмных. Сеть «Рока» закрывается по всей стране. Школы продолжают действовать лишь до

конца учебного года. Некоторые учебные заведения, такие, как «Клифтон», директорам удалось отстоять. Честно говоря, я подозреваю, что одна из целей убийства — именно в этом. Добиться закрытия школы, а вслед за ним — и других, ещё оставшихся. Наверняка теперь многие родители предпочтут забрать детей домой, дабы не подвергать их опасности.

— Но зачем это всё? — в недоумении спросила я. — Я не спрашиваю, зачем война с тёмными. Это данность, и её не переделать. Но почему именно школы?

— К сожалению, всё очень просто, Элайна. Как ни банально это звучит, дети — наше будущее. Подумай, что будет, если темноволосые дети перестанут посещать специальные школы.

Я медленно распрямила спину.

— Когда они вырастут, то не сумеют полноценно пользоваться своими магическими способностями. Некоторые даже не узнают, в чём именно заключаются их способности. О том, чтобы развивать магический дар, речи и вовсе не идёт.

— Всё правильно. Даже если физической расправы не будет, тёмная магия окончательно вымрет на территории Настрии максимум за два поколения. Нас хотят если не истребить физически, то во всяком случае уничтожить как масть. Впрочем, учитывая последние события, физическое устранение кажется не таким уж нереальным.

— Но раньше он не действовал настолько... смело, — заметила я.

По сравнению с убийством мальчиков то, что произошло со мной, — сущая ерунда. Хотя относиться к тем событиям как к ерунде я всё равно была не в силах. Спина словно вновь заболела от воспоминаний. Лечили меня хорошо: лекари Оплота отлично разбираются в травах. Но травы — всё же не магия, так что шрамы остались со мной навсегда.

— Верно, — невесело улыбнулся Брайан. — Догадываешься, почему?

Я задумалась... и вскоре хлопнула себя рукой по лбу.

— Настрийский король?

— Конечно. — Брайан одобритительно кивнул. — По — видимому, при всех своих недостатках, Пабло являлся до сих пор сдерживающей силой. Теперь же он слёг, и ни у кого не вызывает сомнений, что он уже не поправится. Какую политику станет вести его сын, неизвестно. Но наследник юн, и вполне может попасть под влияние лорда, которому доверял его отец. А пока старый король лежит в постели, а новый ещё не взошёл на трон, наступил превосходный момент для продвижения целей Уилфорта. — Брайан посмотрел мне прямо в глаза, серьёзно и сосредоточенно. — Его надо убрать, Элайна. Если бы это была инициатива короны, у тёмных просто не осталось бы шанса. Но поскольку мы имеем дело с политикой одного конкретного лорда, его необходимо устранить. В этом случае мы можем надеяться, что советником при новом короле станет человек, придерживающийся иных взглядов.

Я помолчала, мрачно глядя перед собой.

— Наверное, ты прав, — заключила я наконец.

Брайан ничего не ответил. Но продолжил смотреть на меня так, словно ожидал чего-то ещё. Догадка пришла внезапно, и я почувствовала, как волосы у меня на голове встают дыбом.

— Подожди... Ты что... Ты хочешь, чтобы это сделала я?!

— Постой, Элайна, не делай поспешных выводов, — призвал Брайан, примирительно выставив вперёд руки. — Я ни к чему не собираюсь тебя принуждать. Изначально я собирался отправить тебя в замок Уилфорта, чтобы скопировать его бумаги. Это жизненно важно — выяснить его планы по поводу тёмных. А он, насколько мне известно, к делу подходит серьёзно и ведёт многочисленные записи. Правда, и прячет их тщательно, но для специалиста твоего уровня это не помеха. А дальше случилось то, о чём ты только что прочитала. — Он кивнул на газету. — И стало ясно: действовать надо быстро и значительно более радикально. Это первый в истории Оплота случай, когда нам реально потребовалось устранить светлого политика. До сих пор в этом не было необходимости, поскольку на место одного пришёл бы другой. Но нынешняя ситуация, как я уже объяснил, отличается от предыдущих. И ты только что со мной согласилась.

Всё это, наверное, было разумно, но я отчаянно замотала головой.

— Брайан, я — не убийца. Я — специалист по информации. Да, в моём распоряжении имеются различные средства защиты на крайний случай, но этот случай, к счастью, ни разу не наступал. И, если уж говорить совсем откровенно, я не знаю, смогу ли воспользоваться ими даже в экстренной ситуации.

Мои возражения впечатления на Брайана не произвели.

— Я думаю, что сможешь. К тому же я отлично тебя понимаю: тяжело решить нанести вред человеку, совершенно случайно оказавшемуся на твоём пути. Но Уилфорт — совсем другое дело. Ты знаешь, что он этого заслужил. Ты знаешь, что он представляет реальную угрозу для тёмных. Он уже убил восьмерых, а тех, кому он исковеркал жизни, трудно сосчитать. И только от нас зависит, продолжит ли он идти по трупам. Понимаешь, Элайна? Только от нас. Проще всего ничего не делать и понадеяться, что всё разрешится само собой. И таким образом уйти от ответственности. Вот только это — иллюзия, Элайна. Мы в равной степени несём ответственность и за решение действовать, и за решение отойти в сторону.

— Я всё это понимаю, Брайан, — болезненно поморщилась я. — Чёрт побери, не надо объяснять мне очевидные вещи. Но, во имя всех богов, почему я? Ну, есть же люди более приспособленные к такой работе. Помимо того, что я не чувствую в себе моральной готовности к убийству, я элементарно этого не — у-ме — ю.

— А вот тут нам безусловно есть что обсудить, — кивнул Брайан, обрадованный, что разговор перешёл в конструктивное направление. — Видишь ли, Элайна, на вопрос «почему ты?» есть несколько ответов. Во — первых, несмотря на твою неуверенность в себе, ты — отличный агент. Я не люблю лишней раз расточать похвалы, это всем известно, но ты — одна из лучших. Это подтвердит и Болдвин, и Кеннингтон, и даже сам король. Кроме того, ты отлично знаешь: агентов, способных внедриться в такое место, как дворец Уилфорта, и не навлечь на себя подозрений, совсем немного. Очередная вариация на тему тех легенд, с которыми ты работаешь, подойдёт идеально. И ещё один момент. У Уилфорта хорошо поставлена охрана. Но именно тебе удастся заставить их утратить бдительность.

— Это ещё почему? — недоумённо уставилась на него я.

— Я изучил Уилфорта, как только мог, — начал издали Брайан. — Собрал всю доступную информацию и по карьере, и по личной жизни. Так вот. У тебя тот же тип внешности, что и у его бывших любовниц. Если, конечно, сделать поправку на цвет волос. Поэтому есть неплохой

шанс, что ты ему понравишься. И в этом случае охрана очень быстро станет держать тебя за свою.

Я медленно постукивала кулаком по столику. Потом поднялась на ноги, гневно сверкнув на Брайана взглядом. Рассердил он меня не на шутку.

— То есть сделать из меня убийцу тебе мало? Ты хочешь предварительно уложить меня к этому подонку в постель? Так сказать, в качестве благодарности за изукрашенную спину?

Брайан отчаянно покачал головой.

— Ты опять неправильно меня поняла. Разумеется, я не имел в виду ничего подобного. Честное слово, можно подумать, я недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы предлагать что-то в этом роде! О постели речи не идёт, — продолжил он, когда я вся-таки соизволила сесть назад в кресло, дабы дослушать. — Но ведь достаточно самого минимального флирта. Даже не флирта, а так... — Он неопределённо повёл рукой. — Просто не отвергай его ухаживания. Держи себя строго, прохладно, но без окончательного и бесповоротного «нет». Ни к чему не обязывающая беседа, которую ты как уроженка Настрии вполне способна поддержать. Прогулка по саду. Один бокал нелюбимого тобой вина. И всё. В глазах слуг и охранников ты — женщина Уилфорта. Тебе становится доступно много большее, чем простому гостю. Ты даже можешь беспрепятственно пройти ночью в спальню к хозяину дворца. Никому и в голову не взбредёт тебя не пустить. И сам Уилфорт тоже будет с тобой гораздо менее бдителен, чем в обществе кого-либо другого.

Всё это опять же звучало логично, но...

— Брайан, я не умею убивать. — Понимая, что «не хочу» и «не могу» аргументом для советника не является, я постаралась надавить на последний имевшийся в моём распоряжении рычаг. — Я понятия не имею, как это сделать. Скорее всего, у меня ничего не получится. А если вдруг получится, я сразу же попадусь. Это тебе не в сейф заглянуть. Уйти после такого у меня не выйдет.

— А вот об этом я как раз позабочусь, — заверил Брайан. — Детали мы сможем обсудить позднее, но пути отхода разработаны отличные. И необходимым навыкам тебя, разумеется, обучат. Конечно, мы не делаем из тебя наёмного убийцу. Но то, понадобится в этой конкретной ситуации, ты освоишь. Можешь быть уверена, никто не собирается отправлять тебя на это задание неподготовленной.

Я хотела вновь возразить, найти дополнительные доводы... Но чрезвычайно отчётливо поняла, что продолжение разговора не имеет смысла. Брайан, со своей стороны, решение принял. Мне оставалось только одно — ухватиться за единственную предоставленную им лазейку. Он прямым текстом сказал, что не станет меня принуждать.

— Хорошо, — медленно произнесла я, ощущая, как лежащий на душе камень становится всё тяжелее. — В Иллою я поеду. И раздобуду для тебя все необходимые документы. Но устранить Уилфорта не обещаю. Посмотрим по обстоятельствам.

— Договорились.

Брайан согласился настолько легко, что я поняла: он уверен, что дело своё я сделаю. Или, во всяком случае, попытаюсь. А в чём была уверена я? Отстаивала право выбора? Или исключительно иллюзию выбора, поскольку мне так было легче? До последнего думать, будто я могу изменить правила игры и покинуть Иллою, выполнив лишь первую часть задания?

Подготовку я, так или иначе, прошла. Для данного задания меня снабдили ядом и кинжалом — смотря какой подвернётся случай. Маром, специалист по холодному оружию, обучил меня азам работы с кинжалом. Понятное дело, никаких шансов победить в поединке на этом виде оружия у меня не было. Речь шла исключительно о том, чтобы вонзить кинжал во врага, когда он ничего подобного не подозревает. Но и эта задача не была тривиальной. Ведь если я не убью Уилфорта первым же ударом, мне конец. Вот этим мы и занимались. Маром использовал некий макет, сделанный так, чтобы кинжал погружался в него в точности как в человеческое тело. Сначала все эти упражнения казались мне дикими. Потом я, видимо, привыкла; во всяком случае, стала вонзать кинжал в куклу совершенно неэмоционально. Интересно, а дальше, когда речь зайдёт о живом человеке? Я точно так же ничего не буду чувствовать, погружая клинок в одну из зазубренных точек?

— Запомни, девочка: ты должна действовать очень аккуратно, — сказал Маром, когда наши занятия подошли к концу. — Если подсыпать яд, то так, чтобы никто не мог заметить. Если бить, то наверняка. И как можно быстрее уходить. Подробностей мне не сообщали, но я точно знаю, что Брайан приготовил для тебя отличный вариант отхода; буквально туз в рукаве. Он как следует позаботился о том, чтобы ты благополучно вернулась. Но на крайний случай помни и о капсуле.

Я криво ухмыльнулась. Ну да, у любого агента имелась маленькая, не привлекающая внимания капсула с быстродействующим ядом. Вот только я никогда не слышала, чтобы хоть один из наших ею воспользовался. И не собиралась этого делать сама.

— Мне неприятно об этом говорить, — хмурясь, продолжил Маром, — но предупредить я обязан. То, что делают дворцовые стражники с попадающими к ним тёмными, невозможно описать словами. А уж женщину они не пожалеют тем более. Так что о капсуле я напоминаю только в твоих интересах. Но, впрочем, не стоит на этом заикливаться. Мой главный совет: не попадайся. Если что-то сорвётся, уходи, не выполнив задания. Но не попадай в лапы этих светлых зверей.

Час от часу не легче. Хотя, конечно, я и без того понимала, что в случае поимки по головке меня не погладят. И с жизнью придётся распрощаться без всяких сомнений. Но отчего-то концентрировалась на более раннем поводе для беспокойства — самом убийстве.

О пути отхода Брайан сообщил мне на следующей же нашей встрече.

— Вот. — Он положил передо мной план дворца. — Конечно, лучше всего уйти через главные ворота, как ни в чём не бывало, и лишь потом быстро исчезнуть, как ты уже умеешь. Но это сработает лишь в том случае, если уходить ты будешь днём, а с Уилфортом расправишься при помощи яда. Пока яд подействует, пройдёт время, и ты успеешь покинуть дворец, не вызывая подозрений. Для этого будет лучше вещей с собой не взять. Пусть остаются во дворце; не жалко. Зато стража подумает, что ты всего лишь вышла прогуляться на базар или ещё что-нибудь в этом роде.

— Всё это понятно, — хмуро отозвалась я. — Что если дело будет происходить ночью?

— А в этом случае ты воспользуешься потайным ходом, — с гордостью сообщил Брайан. — Информация сверхсекретная, но нашему агенту удалось разобраться, практически случайно. Существует потайной ход, довольно короткий, ведущий из библиотеки на улицу Мелодий. — Он ткнул пальцем в две точки на карте. — Библиотеку ты к этому времени будешь знать вдоль и поперёк. Нажмёшь на стену слева от второй полки снизу. Справа от двери. Откроется узкий

лаз. Внутри свет включается каждый раз, как там оказывается человек. Какая-то светлая магия. Быстро пробежишь по туннелю — и ты ужена улице. А там нырнёшь в пекарню «Сладкая сдоба»: у них есть второй выход на параллельную улицу.

— Вход в тоннель не охраняется? — уточнила я.

— Нет. Ни с той, ни с другой стороны. Что в целом разумно: охрана привлекла бы внимание, и тайна перестала бы быть тайной. Выход на улицу закрыт с внутренней стороны на щеколду; это не составит проблемы и не займёт времени. Так что всё будет хорошо. — Он положил руку поверх моей, а потом крепко сжал мою ладонь. Интересно, для кого он сказал последние слова? Кого хотел убедить? Меня или всё-таки себя? — Это наша последняя надежда, Элайна, и всё должно получиться. Поверь, я очень тщательно подошёл к вопросу твоей безопасности. Но... думаю, Маром говорил об этом. — Он отвёл глаза. — Попадаться тебе нельзя. Поэтому на подготовку бери столько времени, сколько понадобится. Хоть целый месяц гости во дворце. Но когда решишь, что настало время действовать, действуй быстро. А уходи ещё быстрее.

На прощание он обнял меня, чего давно уже не делал. Не как любовницу, скорее как друга или, может быть, как ученицу?

— Будь осторожна. И возвращайся благополучно. Если какие-то боги ещё покровительствуют тёмным, пусть они помогут тебе. И знай: мы все тебя ждём.

Глава 2

Традиционный Бал Неузнанности проводился в Иллоэ, столице Настрийского государства, ежегодно. По сути своей это был бал — маскарад — но с изюминкой. Специфика заключалась в том, что шансов узнать друг друга у гостей действительно было чрезвычайно мало. И маскарадные костюмы играли тут лишь второстепенную роль. Ведущая же партия отводилась специальному напитку, который каждый участник бала, будь то гость или лакей, обязан был выпить, прежде чем приобщиться к торжеству. Возможно, этот напиток готовился на основе тёмной магии, а может быть, некие ингредиенты лишь копировали её эффект. Так или иначе, напиток препятствовал узнаванию. Нет, он вовсе не блокировал память, заставляя выпившего забыть всех, кто был ему дорог — по аналогии с одной известной сказкой. Участники бала отлично помнили всех своих знакомых. И зрение данный напиток тоже не ухудшал. Однако связать увиденного человека с запечатлённым в памяти образом не позволял.

Ведь как работает узнавание? В нашей памяти хранится образ знакомого человека, скажем, Майки. Повстречавшись с ним, мы подсознательно сравниваем этот образ с увиденным мужчиной. И делаем вывод: это один и тот же человек. Так вот, магический напиток блокировал именно это связующее звено. Не позволял опознать в увиденном госте уже знакомого человека, будь то хоть давний приятель, хоть родной брат. Вы отлично помните этого самого брата или приятеля. Вы отлично видите того, кто стоит перед вами. Но никак не связываете одно с другим.

Разумеется, при этом вы не теряете способности делать логические выводы. Вы вполне способны рассуждать следующим образом: «У стоящего передо мной мужчины голубые глаза, русые волосы и шрам над правой бровью. Я знаю, что у Майки тоже голубые глаза, русые волосы и шрам над правой бровью. Следовательно, весьма вероятно, что стоящий передо мной мужчина — именно Майки». Для того чтобы предотвратить «узнавание» такого рода как раз и предназначались карнавальные костюмы, парики, полумаски и прочее. Но обязательными они не были. Каждый гость решал для себя, готов ли он пойти на риск быть «вычисленным» благодаря своим особым приметам.

И ещё одна немаловажная деталь. Напиток готовился так, чтобы его действие заканчивалось строго в определённое время. В данном конкретном случае — в час ночи. По правилам бала в этот момент следовало также снять парики, маски и вуали. Однако каждый гость, опять-таки, мог для себя решить, хочет ли он оставаться на балу до «момента истины» или же предпочитает покинуть праздник раньше.

Оказавшись в Иллохе всего за два дня до Бала Неузнанности, я решила посетить это мероприятие по нескольким причинам. Во — первых, оно проводилось в доме лорда Энрике Вегаса, человека, имевшего непосредственное отношение к распределению государственного бюджета. И, раз уж я всё равно оказалась в столице, было бы нелишним заглянуть в некоторые его записи. А костюмированный бал — чрезвычайно удобный способ это сделать. Учитывая, что торжество проходило не во дворце, а всего лишь в особняке, вряд ли расстояние между танцевальным залом и рабочим кабинетом так уж велико. Во — вторых, мне хотелось взглянуть на здешнее общество прежде, чем погружаться в работу. Даже учитывая сложности с узнаванием, это могло оказаться полезным.

И наконец... Стоит ли обманывать саму себя? Подлинная причина заключалась совсем в другом. Мне просто хотелось, хотя бы на очень короткое время, забыть о том, кем я являюсь, какую жизнь веду, и что ожидает меня в ближайшем будущем. Почувствовать себя другим человеком. Обычным человеком, возможно, страдающим от лёгких бытовых сложностей, но в целом — счастливым. Способным, и имеющим право, спокойно проводить время на таком вот балу.

Попасть на такой бал было несложно. В некотором смысле в этом заключалась часть прелести. Любой гость мог оказаться как местным, так и чужеземцем, как равным, так и представителем более низкого сословия, обладающим известной долей хитрости. Такая таинственность придавала маскараду перчинку.

Оставался, конечно, вопрос того, как правильно поступить с моей главной особой приметой — тёмными волосами. Можно было, конечно, воспользоваться одним из моих светлых париков, но некоторым образом это было бы вопреки правилам конспирации, ведь я не хотела «светить» образ блондинки. Поэтому я нашла вариант, более простой и более интересный одновременно. Всё дело в том, что местные дамы, желавшие сохранить инкогнито по собственным причинам, также старались скрыть оттенок своих волос. И с этой целью надевали... тёмные парики. Таким вот парадоксальным образом на ежегодном Балу Неузнанности стало модно быть темноволосым. Так что я просто — напроsto надела поверх собственных чёрных волос столь же тёмный парик. Качество его существенно уступало моим рабочим, и в том, что волосы искусственные, не усомнился бы никто. Но это и не имело значения, ведь то же самое можно было сказать об образе доброй половины присутствующих. Это был идеальный способ утаить ото всех свою масть, выставив её напоказ.

И вот теперь я стояла у окна с бокалом белого, для разнообразия, вина в руке. Оно нравилось мне больше. Шёлковое изумрудно — зелёное платье, мягко обтекая фигуру, спускалось почти до самого пола. Элементом костюма, отдавая дань маскараду, служил верёвочный пояс, увешанный засушенными листьями. Серьги в ушах тоже имели форму листьев, хотя и не имели отношения к настоящей растительности. Наряд намекал на образ Давирры, сказочной хозяйки леса. Догадается ли об этом хоть кто-нибудь, я не знала, но мне было всё равно. Сама я тоже понятия не имела, кого именно изображали многие из присутствующих.

Лицо решила не прятать. В этом не было необходимости, ведь даже если меня впоследствии узнают, в моём присутствии здесь не было ничего крамольного. А узнать и не должны: помимо

чёрного цвета волос, у меня не было особых примет. Хвала богам, ни бородавки на носу, ни шрама через всё лицо. Ни даже соблазнительной родинки, такой как у вон той пышной брюнетки, беседующей сразу с двумя кавалерами. Отсюда не видно, настоящие это волосы или парик. Шикарное платье сочного малинового оттенка. Да и о ней самой хочется сказать «женщина в самом соку». Не юная, но и достаточно молодая, чувственная, раскрепощённая и жизнерадостная. Беседует-то с двумя мужчинами, но многозначительные взгляды кидает и вовсе на третьего. Выбор, кстати сказать, хороший. Мужчина явно высокого происхождения, породистый, уверенный в себе. Владелец орлиного носа, тёмных глаз и отличного телосложения. И даже не подумал отдавать дань маскараду, равно как и его приятель, с которым они о чём-то переговариваются. Оба одеты в самые обыкновенные брюки и камзолы, и светлые волосы (у одного русые, у второго льняные) явно настоящие. Словом, эти мужчины — из считающих, что они достаточно хороши и безо всякого налёта таинственности. Или просто не желают терять время на глупости вроде выбора маскарадного костюма.

Я поймала на себе взгляд одного из них и поспешила отвернуться к окну. Снаружи было темно, но быстро привыкший взгляд выхватил силуэты домов с возвышающимися над ними трубами. Высоко над крышами мерцали крохотные звёзды. И никаких чёрных скал, загораживающих обзор...

Мой слух невольно уловил перешёптывание расположившихся неподалёку дам.

— Говорю тебе: один из этих двоих — принц.

— Да быть того не может!

— Поверь моему чутью! Я только не знаю, который из них.

— Для принца они оба староваты.

— Косметическая магия творит чудеса. Он может скрывать таким образом свою внешность.

— Ерунда. Вечно ты любишь всё усложнять. Если принц и здесь, то это кто-то другой.

Да, именно этой теме была посвящена большая часть ненароком услышанных мной разговоров. После того, как старший сын Пабло Второго был убит врагами короны в чрезвычайно юном возрасте, следующего наследника надёжно спрятали. Одни говорили, будто мальчик рос далеко за границей, другие — напротив, что он всё это время находился во дворце, но в роли пажа. В действительности же никто ничего не знал: о секретности его величество позаботился как следует. Пошли также слухи, согласно которым ребёнок якобы являлся не младшим сыном, а старшим, надёжно спрятанным сразу после рождения. В итоге теории касательно его возраста так же разнились. Принцу давали от шестнадцати лет до двадцати четырёх.

Теперь же, когда Пабло Второй лежал, прикованный к постели, резонно было ожидать явления народу наследника. И многие полагали, что для начала он появится на этом самом балу. Чтобы, так сказать, прощупать почву. Стоит заметить, что некоторые аристократы считали проведение бала в такой момент неподобающим. Но, учитывая, что король лежал в постели уже несколько месяцев, было решено не погружать страну в траур прежде времени.

Немного послушав болтовню аристократок, я вновь устремила взгляд в темноту. Мне было совершенно безразлично, сколько лет принцу, присутствует он здесь или нет, а также хорош ли он собой. Я стояла и думала о том, что завтра, от силы через два дня, отправлюсь во дворец Александра Уилфорта. И вскоре после этого жизнь моя либо прервётся, либо изменится окончательно и бесповоротно. Я всё ещё пыталась успокоить саму себя тем, что не давала

Брайану никаких обещаний. Я могу заполучить нужные ему документы — и спокойно уехать в Оплот. Увы, я всё более отчётливо понимала, что свобода выбора — всего лишь иллюзия. Меня послали сюда вовсе не ради документов, и я отдавала себе в этом отчёт с самого начала. Я просто не могу уехать, не выполнив задание... Но разве я смогу его выполнить? Тупик.

Настроение было мрачное, и я не испытывала ни малейшего желания отправиться на поиски записей хозяина бала. Впервые за три года возникла мысль «Если Брайану так нужны эти документы, пусть сам приезжает сюда и их извлекает!». Впрочем, тут я, конечно, была неправа. Если эти записи действительно нужны, то не Брайану, а Оплоту, а ради Оплота я была готова пойти на многое. Вопрос заключался лишь в том, где пролегла граница этой самой готовности...

— Грустите? — неожиданно прозвучал совсем рядом приятный мужской голос.

Я обернулась. Один из тех двоих не маскировавшихся аристократов, что недавно беседовали неподалёку. Не тот, с которым обменивалась взглядами брюнетка, а второй. Этот, возможно, выглядел чуть менее импозантно, но зато вид имел более мягкий. Голубые глаза взирали на незнакомку, то бишь меня, с интересом и не исключено, что даже с сочувствием.

— Да нет, не то чтобы...

Вопрос незнакомца застал меня врасплох, и я не сразу нашлась, что сказать. Поискала взглядом его приятеля. Того нигде не было видно. Равно как и эффектной брюнетки.

— Прошу прощения, я понимаю, что мой вопрос выходит за рамки этикета. — Похоже, блондин не принял мой ответ за чистую монету. — Но, с другой стороны, на то ведь и Бал Неузнанности, чтобы некоторыми правилами можно было пренебречь, вы не находите?

Я улыбнулась.

— Наверное, вы правы.

А, главное, уж что-что, а правила этикета беспокоят меня в последнюю очередь. В моём-то нынешнем положении...

— Вы снова помрачнели, — заметил излишне внимательный незнакомец. — Простите мою настойчивость, но, может быть, я могу вам чем-то помочь?

Не знаю, почему, но его вопрос показался мне вполне искренним. Быть может, по той простой причине, что врать под маской Неузнанности бессмысленно? Или же дело было в голосе собеседника? Или в мягком взгляде голубых глаз?

— Нет, — покачала головой я.

Он молчал и всё так же внимательно смотрел, словно ждал, последуют ли какие-то объяснения. Что ж, почему бы и не рассказать о себе человеку, с которым мы встретились случайно, с которым скоро расстанемся навсегда, и который никогда не узнает, кто я такая? Рассказать, разумеется, многое утаив, но в тоже время не солгав?

— Просто жизнь сложилась совсем не так, как мне мечталось, — призналась я, обводя зал невидящим взглядом. — Приходится заниматься совсем не тем, что я считала своим призванием. За эти годы я очень сильно изменилась и, наверное, не в лучшую сторону. А повернуть жизнь вспять нельзя, и иногда мне кажется, что я оказалась в ловушке. Наверное,

всё это звучит непонятно и сумбурно, — спохватилась я, виновато улыбнувшись.

— Ну почему же, — возразил он, — я как раз отлично вас понимаю. Пожалуй, мне доводилось испытывать нечто подобное.

— В самом деле? — заинтересовалась я. — Вам не нравится ваш род занятий?

— По — своему нравится, — задумчиво возразил собеседник. — Но не всем и не всегда. Мне тоже приходится порой делать вещи, которые идут вразрез с моими предпочтениями и даже принципами. И, наверное, это тоже не делает меня лучше. А кроме того, на меня навалилось столько дел, что порой кажется, вся жизнь пролетит, как один день, а я этого даже не замечу.

Я обратила внимание, что блондин говорит так же, как и я. Рассказывает то, что можно рассказать, и избегает деталей.

— И вы никак не можете отказаться от этого рода занятий? — спросила я, гадая, что может поставить в безвыходное положение светлого дворянина.

— Нет. — Он усмехнулся так, словно воочию увидел, как отреагирует на подобное требование вышестоящий. Кстати, кто бы это мог быть? Отец? Король? Какой-нибудь высший дворянин? А может, тот самый загадочный принц? — Иногда я думаю, что, возможно, года через два — три, когда подберу себе подходящую замену... Но это не более чем самообман. Сказать по правде, особого выбора не было с самого начала. К тому же я был слишком молод для такой работы и успел наделать массу ошибок. Со временем научился избегать их по мере возможности. А вы? У вас был выбор тогда, в самом начале?

Я задумалась. Был ли он у меня, этот выбор?

— На тот момент я была уверена, что да, — ответила я наконец. — А сейчас я не знаю. Давайте поговорим о чём-нибудь более весёлом.

— С удовольствием, — поддержал инициативу он. — Хотите присесть?

Мы расположились в предназначенных для гостей креслах. Мимо пробежала толпа людей в костюмах. «Священник», потрясая увесистой книгой, мчался за улепётывающим от него «ангелом» с роскошными белыми крыльями. Следом бежали зрители и сочувствующие, среди них — «феи», «принцессы», «коты» и прочие. Помимо магического напитка на балу подавались и многие другие. Похоже, их действие уже начало проявляться во всей красе.

— Откуда вы родом? — светским тоном осведомился собеседник.

Я отметила, что имя он у меня не спрашивает: соблюдает правила здешней игры. Во всяком случае, пока.

— Из тель — рейского округа, — сказала я правду, одновременно не давая конкретной информации. Всё же Тель — Мон — городок маленький. — Я много лет жила в Тель — Рее.

— О, это прекрасно! — воодушевился аристократ.

— Вы тоже оттуда?

— Нет. Но я люблю этот город. И бываю там довольно часто, хотя живу здесь, в Иллохе.

— Иллоя — чрезвычайно красивый город, — заметила я. — Красивее, чем Тель — Рей.

— Вы не находите, что наш разговор стал чрезвычайно банальным? — поморщился вдруг мой собеседник.

— Учитывая, насколько нетривиально он начинался, можно считать, что в совокупности он идёт точно как положено, — рассмеялась я.

— Вот именно этого мне и не хотелось бы, — усмехнулся блондин. — Вести его как положено. В конце концов, только раз в год нам предоставляется возможность отринуть стандартные правила. Грех такую возможность упускать. Хочется хотя бы иногда побыть собой и не задумываться о последствиях каждого произносимого слова.

— Вы позволяете себе это каждый год? — полюбопытствовала я.

— А если я скажу, что только сейчас и с вами, вы поверите? — лукаво спросил он, склонив голову набок.

Я усмехнулась, но отвечать не стала.

— Так о чём бы вы хотели поговорить? — вместо этого осведомилась я.

Блондин не затруднился с ответом.

— Например, о вашем костюме, — предложил он. — Кого вы изображаете?

— А вы угадайте.

Я тоже умела лукаво улыбаться.

— Хм... Дочь лесного царя Порейя?

— Нет, хотя близко, — ответила я, приятно удивившись его знакомством с южной мифологией.

— В таком случае Давирра.

— А теперь угадали! Надо же, не ожидала, что кто-то это поймёт! — призналась я с искренним восторгом.

— Отличная идея — использовать настоящие листья, — заметил блондин, разглядывая мой пояс.

Я слегка засомневалась, что именно привлекло его внимание: собственно листья или же то, как пояс подчёркивает фигуру. Решила всё-таки исходить из первого.

— Зелёные, конечно, были бы лучше, — покаялась я. — Но костюм готовился заранее, и они успели бы завянуть. Так что пришлось засушить.

Я не стала уточнять, что занимались этим тёмные лесные разбойники.

— Хотите чего-нибудь выпить? — предложил аристократ, заметив, что мой бокал за время беседы успел опустеть.

— Да, можно немного белого вина, — решила я.

Он поднялся с кресла и шагнул в сторону уставленного всевозможными напитками стола, но... Кто бы мог предположить, что это действие окажется опасным? По — видимому, спор, в который вступили «священник» и «ангел» так до сих пор и не разрешился, а, напротив, перешёл в новую стадию. И теперь первый гнался за вторым не с книгой, а с самым настоящим ножом. Нож, правда, был столовый и как оружие никудышный, но лезвие у него, как ни крути, имелось.

Поравнявшись с моим собеседником, «священник», в запале не видящий ничего на своём пути, неудачно махнул рукой, и его нож полоснул блондина по плечу. Тот коротко вскрикнул от неожиданности и прижал ладонь к порезанному рукаву. «Священник» остановился, разом растеряв весь запал и нерешительно взирая на плоды своей неосторожности. Я вскочила и бросилась к блондину. Какой-то лакей тоже метнулся к нему, уже держа в руке тряпицу, вымоченную в дезинфицирующем растворе. То ли подобное уже случалось, то ли здесь были готовы к любой неожиданности. Очень быстро также подоспел и маг, оперативно проверивший лезвие на предмет яда. Результат оказался отрицательным, что, собственно, никого и не удивило: инцидент произошёл совершенно спонтанно, и тому была масса свидетелей. Теперь эти свидетели толпились вокруг раненого, наперебой охая, причитая, крича и давая ценные советы. Это продолжалось до тех пор, пока мой новый знакомый не произнёс:

— Дамы и господа, я полагаю, вы уделили моей персоне достаточно внимания. Уверяю, случившееся — это не повод забыть о маскараде и развлечениях.

Голос был ледяным, тон — не допускающим возражений. Всё это плохо вязалось с тем мягким, улыбчивым человеком, с которым я общалась до сих пор. Вот теперь становилось очевидно, что блондин привык командовать, и его приказы исполняются беспрекословно. Во всяком случае, толпа рассосалась чрезвычайно быстро, даже «священник» поспешил ретироваться, на ходу бормоча невнятные извинения. Может быть, раненный аристократ занимает высокую должность в армии?

Впрочем, стоило нам остаться одним, как мой собеседник снова стал прежним. Лакея я отослала за ненужностью, ибо с такой раной (в сущности, скорее глубокой царапиной) была отлично способна справиться и сама. Осторожно приложила очередную влажную тряпицу к плечу (и без того испорченный рукав пришлось разорвать немного сильнее). И вдруг почувствовала, как его рука коснулась моей.

Казалось бы, сущая ерунда, но отчего-то это прикосновение показалось мне настолько интимным, что я смешалась. Чтобы скрыть смущение, сосредоточенно занялась обработкой раны.

— Лазарет для душевнобольных, — констатировала я по окончании, сердито косясь на «священнослужителя».

— Ничего страшного, — отмахнулся блондин. — Заживёт. Видимо, для этого человека возможность побыть собой проявляется именно так.

— В таком случае, он неверно выбрал костюм, — пробурчала я.

Собеседник рассмеялся.

— Как знать, быть может, всё вполне закономерно. Костюм он выбирал, движимый стремлением показать себя с лучшей стороны. А когда расслабился, позволил себе приоткрыть и другие стороны, более тёмные, но тоже требующие выхода.

— Вы всегда настолько всепрощающи? — неодобрительно осведомилась я.

Он отрицательно покачал головой.

— Работа не позволяет.

Напоминание о работе моментально испортило мне настроение. Но совершенно неожиданно блондин засмеялся. Я недоумённо нахмурилась.

— И всё-таки это прекрасно, — пояснил он, указывая на белеющие неподалёку крылья. — Священнослужитель, гонящийся за ангелом с ножом! И демоны, которые бегут следом, чтобы не пропустить, чем дело кончится!

Теперь его веселье передалось и мне.

— Ну вот, а вы говорите, это не похоже на лазарет для душевнобольных! — воскликнула я и тоже расхохоталась.

Роберт рванул на себя первую попавшуюся дверь. Небольшая комната, обставленная зелёной мебелью, и, на его вкус, отличавшаяся излишне кричащей роскошью. Но всё это не имело никакого значения: главное, там не было ни одного чёртова гостя. Зато имелся диван, на вид вполне удобный, как минимум, достаточно длинный для человека его роста. Впрочем, эту красотку он был готов разложить и на столе, и даже на ковре.

Он вошёл, предварительно пропустив вперёд Иден — кажется, так её звали? Она представилась во время танца, но на том этапе он уже не слишком хорошо соображал: её глубокое соблазнительное декольте, открывавшее особенно волнующий вид при каждом реверансе, мешало сосредоточиться на чём-либо другом. Сейчас грудь была спрятана за раскрытым веером, и это невероятно расстраивало.

— Здесь довольно мило, — томно произнесла брюнетка, обводя комнату неспешным взглядом.

Эта неспешность сводила с ума; хотелось незамедлительно задрать ей платье и повалить прямо на ковёр. Но приходилось соблюдать хоть какие-то приличия.

Губы женщины едва заметно дрогнули: она отлично понимала, какой эффект производит на темноглазого красавца с орлиным носом, и этот эффект полностью её устраивал.

— Рад, что вам нравится, — хрипло выдавил он.

Иден улыбнулась и дразняще медленно сложила веер.

— Но очень жарко, — добавила она.

Веер упал на пол.

— Ах!

Всплеснув руками, брюнетка наклонилась, чтобы его поднять. Открывшийся вид на её грудь заставил Роберта окончательно потерять выдержку. Единственное, на что его хватило, — это не сразу перейти к делу, а начать с поцелуя. Он впился губами в чувственный рот Иден, и почти сразу почувствовал, как её шаловливый язычок проник ему в рот. И начал вытворять

такое, что последние остатки разума окончательно уступили место инстинктам.

Он запустил руку в её декольте, обхватил грудь, сжал в пальцах сосок. Брюнетка застонала, откинув голову назад, но потом вывернулась. Медленно обвела мягкой подушечкой указательного пальца контур его губ. Её ногти были покрашены в ярко — алый цвет. Роберт не желал этой медлительности, он наклонился, запустил руки под подол, провёл ими вверх по бёдрам, а затем резко рванул платье вверх. Ткань затрещала, но, как ни странно, выдержала, и несколько секунд спустя Иден, нисколько не смущённая, предстала перед ним в одном белье.

Честное слово, лучше бы она была голой! Это вскружило бы ему голову значительно меньше. Если бы не эти длинные полупрозрачные чёрные чулки с подвязками. Если бы не этот бюстгальтер, высоко держащий грудь, но одновременно открывающий настолько волнующий вид. Если бы не чёрные панталоны, необыкновенно короткие, мало что скрывающие помимо самой пикантной зоны... Может быть, если бы не всё это, он бы ещё смог немного подождать. Растянуть прелюдию хотя бы на несколько минут. Но сейчас это было выше его сил.

Панталоны Роберт просто порвал, превратив в чёрную тряпочку неопределённой формы, бесшумно упавшую на пол. Повалил Иден на диван, и только теперь, к немалому её веселью, сообразил, что сам-то по — прежнему упакован в полный комплект одежды. С остервенением сорвал камзол, в то время как брюнетка занялась пуговицами рубашки. Сапоги, брюки... Когда всё это было раскидано по полу, он наконец вошёл в неё, отдавая дань своему стремлению получить эту женщину как можно скорее, здесь и сейчас. Глубже, ещё, ещё! Она охотно подчинилась, раздвинула бёдра и, блаженно постанывая, откинулась на диван. А ему всё было мало. Хотелось пронзить её насквозь, пригвоздить к дивану, заставить полностью отдаться на милость победителя. Он навис над ней, стал ловить губами так некстати позабытые груди — упругие, с крупными алыми сосками, — а она впиалась пальцами ему в плечи, и красные ногти царапнули кожу.

Всё закончилось невероятно ярко, но быстро. Поначалу он опасался, что слишком быстро, но Иден не проявляла никаких признаков недовольства. Наоборот, весьма комфортно расположилась рядом с ним на узковатом, казалось бы, диване. Ни капли не стесняясь, как некоторые женщины сразу после секса с малознакомым мужчиной. Напротив, явно гордясь своим телом, согнула ногу в колене и поставила ступню ему на голень. Чулки сползли лишь самую малость, и зрелище было весьма соблазнительное. Для продолжения было рановато, но тем не менее Роберт не удержался от того, чтобы провести рукой по её ноге снизу вверх и погладить коленку.

— Ты действительно тёмная? — спросил он, наконец переведя взгляд на её лицо.

Чёрные волосы растрепались лишь самую малость.

— А что, ты что-нибудь имеешь против тёмных? — с усмешкой спросила она.

Он нахмурил брови, удивившись такому предположению.

— Нет. Просто стало любопытно. Твои волосы выглядят натуральными, но настоящих тёмных на балах практически не бывает.

— И сейчас нет, — заверила Иден, сладко потягиваясь. В её пластике было нечто кошачье. — Я светлая, а это парик.

— Надо же. — Роберт окинул её причёску оценивающим взглядом. — А так не отличишь. Видимо, это очень хороший парик. Лучший, из тех, что я видел.

— У меня вообще всё самое лучшее, — с улыбкой заверила Иден. — Лучшие платья, лучшие экипажи, лучшие мужчины.

Она многозначительно поглядела на обнажённый торс Роберта.

— Это намёк на то, что один мужчина тебя не устраивает? — угрожающе сощурил глаза он.

— Смотря какой мужчина, — беззаботно откликнулась Иден. — Но если хочешь, можешь попробовать доказать, что мне нужен только один.

Мгновенно изменив положение, она села ему на ноги, затем наклонилась вперёд и медленно провела языком по горячей коже. Начала с шеи и стала спускаться всё ниже, остановившись в самом низу живота. А Роберт почувствовал, что вполне готов приступить к доказательствам, хоть с первого раза и прошло совсем мало времени.

— Не хотите сказать, как вас зовут? — спросил вдруг мой собеседник.

Раной мы закончили заниматься уже давно, время за разговором летело быстро, но этот вопрос резко выделялся на фоне плавного течения непринужденной беседы.

Я покачала головой. Тут и думать было не о чем.

— Давирра, так Давирра, — улыбнулась я, хотя улыбка, должно быть, вышла грустной.

— Ну что ж. — Блондин решил пока не настаивать. Но я чувствовала: это только пока. — В таком случае зовите меня Сэнд.

Я одобрительно усмехнулась. Удачное имя. Сэнд означает «песок», а цвет его волос был действительно близок к песочному.

— Хорошо, — проговорил он, — если вы не хотите на этом этапе представляться, то, может быть, согласитесь на иной ход? Что вы думаете по поводу карнавальной свадьбы?

— Вы это серьёзно? — изумилась я.

— Совершенно серьёзно.

Я улыбнулась, весьма польщённая. Хоть речь и не шла о настоящей свадьбе (ещё не хватало, после нескольких часов знакомства!), получить такое предложение всё равно было приятно.

— Почему бы и нет? — ответила я.

Вот он — один из многочисленных случаев, демонстрирующих, как прав был Брайан, говоря о непригодности коренных жителей Оплота на роль шпионов. Человека можно, конечно, обучить многому. Можно избавить его от акцента, отличающегося от настрийского произношения. Можно надеть светлый парик. Можно многое рассказать об образе жизни в Настрии и заставить зазубрить свод её законов. Но маловероятно, что в программу обучения попала бы информация про так называемую «карнавальную свадьбу». Обучить всем нюансам невозможно, а вероятность того, что шпиону пригодился бы именно этот, довольно-таки низка. Меня же как уроженку Настрии, пусть даже никогда не бывавшую на балах, не поставило в тупик упоминание об этом мероприятии.

Карнавальная свадьба — это почти точно скопированная брачная церемония, иногда

устраиваемая на Балах Неузнанности для гостей, проявляющих такое желание. Как правило это бывают пары молодых людей, понравившихся друг другу. Если их подлинные имена становятся известны, впоследствии за развитием их отношений следят все — как гости бала, так и читатели газет. Всем интересно выяснить, к чему приведёт такое романтическое начало — к подлинному браку, к непродолжительной связи, или и вовсе закончится ничем: «жених и невеста» попросту разбегутся сразу после бала.

Брачная церемония, разумеется, считалась недействительной, ибо, невзирая на всё сходство с реальной, священник на ней присутствовал ряженный. Костюм священнослужителя пользовался достаточной популярностью, чтобы каждый год на таком балу присутствовало два — три кандидата на данную роль.

Церемониймейстер с восторгом выслушал наше пожелание и пообещал в кратчайшие сроки устроить всё в лучшем виде. Первым делом он объявил гостям об ожидающемся в ближайшее время событии, используя наши вымышленные имена — Давирра и Сэнд. Называться своими подлинными именами на карнавальной свадьбе было необязательно. Гости восторженно зааплодировали, радостно предвкушая новое развлечение. В роли священнослужителя согласился выступить тот самый мужчина, что недавно столь неудачно поранил Сэнда. Так сказать, взял на себя эту обязанность от чистого сердца, в качестве компенсации.

В зале быстро поставили четыре белых шеста, над которыми натянули белый же балдахин. Мы с Сэндом встали под этой импровизированной крышей лицом к собравшимся. Там же, лицом к нам, расположился «священник». Ему вручили специально заготовленную на такой случай брошюру с традиционным текстом и комментариями касательно необходимых действий. Сэнду подали букет, который он должен был вручить невесте в конце церемонии.

— Мы собрались здесь, чтобы лицезреть чудо, ибо лишь чудом можно назвать тот момент, когда боги соединяют две жизни в единую семью, — принялся зачитывать «священник», — Два ручья соединяются, чтобы отныне течь по жизни полноводной рекой. В этой новой жизни вас ожидают новые трудности и подводные камни. И тем не менее она прекрасна, ибо к единению душ стремится самое человеческое естество. Я счастлив объявить, что сегодня, здесь и сейчас, госпожа Давирра становится женой господина Сэнда.

Атмосфера была на удивление торжественная, словно речь действительно шла о самом настоящем бракосочетании. Правда, «священник» был не вполне трезв, однако даже ему удавалось держаться с некоторым достоинством. Видимо, он проникся важностью собственной миссии.

И вот Сэнд вручает мне букет.

— Господин Сэнд, вы можете поцеловать свою супругу.

Я поднимаю голову, и его губы касаются моих. Мягко, нежно, словно он боится меня спугнуть. Я обвиваю его шею руками, хотя по обряду это необязательно. Букет немного мешает, но я всё равно ни за что его не выпущу. Букет, конечно, не Сэнда. Или...

Мы принимаем поздравления, потом оркестр начинает играть, и про нас постепенно забывают. Мы отходим подальше от центра зала, тем более что здесь уже кружатся танцующие пары. И, не сговариваясь, повторяем поцелуй, хотя уж это-то обрядом точно не предусмотрено. Сэнд целует уже смелее, хотя по — прежнему чрезвычайно нежно, и я вдруг испытываю чувство сожаления, что на карнавале не предусмотрена брачная ночь. А потом мой взгляд падает на часы.

Без десяти минут час! Скоро развеется действие напитка, и, что ещё хуже, присутствующим придётся снять парики!

— Прости, но мне пора идти! — В моём голосе — сожаление с примесью панических ноток.

— Ты не хочешь остаться на Узнавание? — понимающе спросил он. — Хорошо. В таком случае я ухожу вместе с тобой.

— Нет! — в ужасе воскликнула я.

И лишь затем поняла, что не следовало подобным образом выставлять свои чувства напоказ.

— Почему? — Он действительно не понимал. — Мы знакомы? Ты знаешь, кто я такой, и считаешь, что нам не следует встречаться?

— Я не знаю, кто ты такой, но нам действительно не следует встречаться, — заверила я, испуганно косясь на часы. Минутная стрелка успела немного сдвинуться. — Просто поверь: ничего хорошего из этого не выйдет. Сегодняшний вечер был потрясающим, и я всегда буду его помнить. Но завтра ничто уже повториться не сможет.

— Ты можешь объяснить толком? — нахмурился Сэнд.

Всё это время он продолжал держать меня за руку, явно не собираясь отпускать.

— Не могу, — резко качнула головой я. — Просто поверь мне на слово. Я могу принести тебе одни только неприятности. Вполне вероятно, что ты мне — тоже.

— Какая-то ерунда, — поморщился он. — Давай уйдём отсюда. Раз мы незнакомы, это ровным счётом ничем не чревато. И спокойно поговорим.

— Кажется, ты уже забыл всё, что я говорила в начале вечера.

Я попыталась вырвать руку, но не тут-то было.

— Напротив, я отлично всё помню. Но это меня не смущает.

Не знаю, как долго продолжался бы разговор в таком ключе, и как бы я сумела сбежать из зала до боя часов, но тут к нам приблизилось новое действующее лицо.

— Где она? — грозно вопил светловолосый приятель Сэнда, тот, рядом с которым я увидела его в самом начале. — Где эта дрянь?

— Ты о ком?

Сэнд развернулся к своему знакомому и нехорошо нахмурился; кажется, в первый момент он подумал, что речь идёт обо мне.

— Та фальшивая брюнетка в красном платье, с которой я танцевал, — пояснил тот, в гневе обводя глазами зал.

— Не знаю, — безразлично отозвался Сэнд. — А в чём дело?

— Эта зараза меня обокрала! — прорычал его приятель. — Взяла всё — кошель, часы, даже фамильный перстень прямо с мизинца умыкнула!

Это был мой шанс. Пока Сэнд сосредоточил своё внимание на рассказе пострадавшего, я всё-таки выскользнула из его руки и поспешила к лестнице.

— Давирра! Стой!

Он тут же помчался следом. Я побежала быстрее, не позволяя расстоянию сократиться. К счастью, были и другие гости, предпочитавшие не оставаться до конца бала, и мне удалось на время скрыться среди них.

На каком-то этапе пояс зацепился не то за крюк, не то за торчащий из стены гвоздь. Ещё не до конца поняв, в чём дело, я рванула изо всех сил. Пояс порвался, и с шорохом листьев приземлился на пол. А я побежала ещё быстрее.

Практически на бегу получила у отлично вышколенного лакея свой плащ. Выскочила на свежий, но холодный воздух улицы. Повернула голову сначала в одну, затем в другую сторону. Плохо. Дорога каждая секунда, а здесь не скрыться. В какую сторону ни побегу, буду видна, как на ладони. Богатые ведь люди, что ж они на зелени так экономят... За такими цветочными кустами только кошкам прятаться!

Внезапно из темноты узкого пространства между домов вытянулась рука и, схватив меня за запястье, утянула за собой.

Видимо, часть ночи уже наступил. Срок действия зелья закончился. Теперь мы снова могли узнавать старых знакомых. Зато людей, которых встретили на балу, узнать не могли. Образы, увиденные во время действия напитка, сохранились в памяти, но не соотносились с другими знакомыми лицами. Однако логических выводов никто не отменял. По тёмным волосам и малиновому платью я догадалась, что передо мной — та самая женщина, которую в таком бешенстве разыскивал друг Сэнда.

— Тоже смываешься? — совсем не по — светски выразилась она, заговорщицки подмигнув.

Я кивнула, затравленно вглядываясь в открывающийся отсюда кусочек улицы.

— Идём со мной. — Брюнетка снова потянула меня за собой. — Есть у меня заготовка на такой случай.

Она устремилась дальше в темноту. Как оказалось, между домами был сквозной проход, хоть и очень узкий. К тому моменту, как мы вышли на параллельную улицу, мою спутницу было не узнать. Под париком, как выяснилось, скрывались светлые волосы — очень, кстати сказать, впечатляющий оттенок, настолько близкий к белому, насколько это вообще возможно. Брюнеткой она была, несомненно, яркой, но и блондинкой оказалась весьма экстравагантной. Тёмный плащ полностью скрыл красное платье, и даже притягивавшая взгляд родинка исчезла со щеки.

Свет фонаря вскоре заслонила подъехавшая к нам карета.

— Садись! — подстегнула меня незнакомка и, распахнув дверцу, подала личный пример.

Я последовала за ней.

Дверца ещё не успела захлопнуться, а экипаж уже тронулся с места.

— Куда тебя отвезти? — осведомилась, как оказалось, блондинка, расслабленно откидываясь на

спинку скамьи.

Плащ распахнулся, вновь открывая малиновое платье, облегающее аппетитную фигуру.

— Всё равно, — отозвалась я. Выдавать место моего временного проживания было бы глупо. Сегодня мы со светлой — некоторым образом товарищи по несчастью, а завтра — как знать? — Лишь бы подальше отсюда и в относительно приличный район.

— Годится, — кивнула она, думаю, отлично понимая мои соображения.

Больше мы не разговаривали.

До своей гостиницы я добралась благополучно.

Глава 3

Отправиться во дворец Александра Уилфорта я собиралась на следующий же день. Не в силу рабочего рвения, которого в данном конкретном случае не было вовсе, а просто от нежелания слишком долго мучиться ожиданием. Задание получено, я здесь, в Настрии, и как-то эта ситуация должна разрешиться. Как бы то ни было, чем скорее, тем лучше.

В постели я, тем не менее, провалялась дольше обычного, вспоминая события вчерашнего вечера. Мысль о Сэнде вызвала на губах непроизвольную улыбку, которая, впрочем, померкла, едва я подумала о том, как мы расстались. Некрасиво, конечно, получилось, а с другой стороны — что ещё я могла сделать? Назначить ему свидание? Это лишь способ растянуть болезненное расставание. Не станет же светлый аристократ, в самом деле, встречаться с тёмной шпионкой. Только Бал Неузнанности и может свести двух столь разных людей...

Наконец, я перебралась за стол и приступила к лёгкому завтраку, который принесли мне в номер. Рядом с подносом лежала свежая газета, и я развернула её, предварительно набив рот яичницей. Читала я не из праздного интереса. Просто опыт показывал, что в подобных изданиях можно порой почерпнуть информацию, полезную для моей работы. Да и вообще, чем больше я буду знать о происходящем в Настрии, тем меньше вызову в перспективе подозрений.

Взгляд сразу же остановился на крупном заголовке: «Два скандала на вчерашнем Балу Неузнанности». Целых два? Когда это они успели? Не иначе, уже после Узнавания.

С трудом дожевав и проглотив яичницу, я стала поспешно перелистывать страницы в поисках нужной. Ага, страница семь. Вот и статья...

«Бал Неузнанности, состоявшийся вчера в доме лорда Энрике Вегаса, по праву может называться самым скандальным за несколько последних десятилетий. За один вечер высшее общество Иллойи потрясли две истории, выходящие за рамки обыденного.

Во — первых, на бал под видом приезжей аристократки сумела проникнуть знаменитая аферистка, известная под кличкой Пантера. На этот раз на ней было модное платье малинового цвета и чёрный парик. Разумеется, приятное времяпрепровождение не являлось единственной целью аферистки. Ей удалось ограбить высшего аристократа, и сбежать с места преступления незадолго до Узнавания. Имя пострадавшего мы сообщить не можем, но это знаменитый аристократ, занимающий важное положение при дворе.

Во — вторых, на вчерашней балу состоялась так называемая карнавальная свадьба. Жених и

невеста, известные под вымышленными именами Сэнд и Давирра, впервые познакомились на празднике и изъявили желание пройти данную церемонию. Событие было проведено соответственно правилам, в торжественной обстановке, к удовольствию всех присутствующих. Однако после Узнавания разгорелся самый настоящий скандал, ибо выяснилось, что проводивший церемонию священнослужитель был не ряженым, а самым что ни на есть настоящим. В итоге проведённая на балу церемония считается действительной. Жених и невеста использовали вымышленные имена, однако это не препятствует действительности брака.

Разумеется, такое поведение недопустимо для служителя церкви. Объясняется оно, увы, просто: к моменту проведения церемонии священник был безбожно пьян. В ответ на вопрос нашего корреспондента о том, как могло духовное лицо поступить столь вопиющим образом, этот человек, краснея и опуская глаза, пробормотал, что хотел сделать жениху и невесте приятное.

Сюрприз безусловно удался, но стал ли он приятным для карнавальных жениха и невесты? Увы, однозначного ответа на этот вопрос пока нет, поскольку оба они покинули бал до Узнавания. Так что вполне вероятно, что эти люди до сих пор не знают о том, что стали мужем и женой — так же, как и мы пребываем в неведении касательно их подлинных имён. Очевидцы утверждают, что жених был светловолосым и, по всей видимости, высшим аристократом. О невесте известно лишь то, что это молодая женщина двадцати с лишним лет. У неё были тёмные волосы, однако не оставляет сомнений тот факт, что это был всего лишь парик. Одета она была в костюм лесной богини Давирры, у которой и позаимствовала имя на время бала.

Мы обратились за комментарием к главе настрийской церкви, архиепископу Астарху.

„Это совершенно возмутительное происшествие, — говорит архиепископ. — Наш собрат своим недозволительным поведением бросил тень на самый институт церкви. Разумеется, мы разберём его дело подобающим образом и примерно его накажем. Я бы хотел, однако же, подчеркнуть, что это был единичный случай, и поведение нашего брата нетипично для священнослужителя. Я также хочу принести извинения вчерашним жениху и невесте — как от лица поженившего их священника, так и от себя лично. Если они пожелают, то будут разведены в кратчайшие сроки. Достаточно будет обратиться к служителям храма Святого Риала. Я лично позабочусь о том, чтобы у этих молодых людей не возникло никаких сложностей.“

Итак, для развода препятствий нет. Дело за малым: должны отыскаться жених и невеста. Придут ли они в центральный городской храм, следуя призыву архиепископа? Или, быть может, решат, что сама судьба свела их вместе на вчерашнем балу? Увы, пока нам остаётся только гадать.»

Я обессиленно уронила руки, всё ещё пялясь в лежащую на столе газету. Завтрак, понятное дело, был забыт: кусок не лез в горло. Это что же выходит... Я теперь чья-то жена?

Не просто чья-то, ехидно подсказал внутренний голос. А светлого аристократа, да ещё и, по всей видимости, из высших. Бедняга Брайан! Что-то с ним будет, если он узнает? Ведь он так старательно воспитывал во мне истинную патриотку!

Замужем... Отчего-то в этой ситуации Сэнда я жалела больше, чем себя. Возможно, потому, что, в моём представлении, у него ещё был шанс на нормальную жизнь, у меня же такого шанса не оставалось. Вполне вероятно, что я и вовсе не выйду живой из той передраги,

которой является по сути данное мне задание. В этом случае проблема свадьбы не стоит вообще. Сэнд просто овдовеет, и это решит его проблему. Правда, надо бы заблаговременно найти способ его об этом уведомить. Если же мне удастся выкрутиться... Вот тогда и буду думать. Возможно, разыщу Сэнда через тот самый храм.

Пока же я приступила к работе. Да здравствует работа! Она не даёт сосредоточиться на жалости к себе и помогает не впасть в уныние. Задвинув собственные эмоции на второй план, я подготовилась и отправилась во дворец лорда Уилфорта.

Слово «дворец» оказалось излишне громким. Скорее всё-таки особняк, хотя действительно напоминает дворец с точки зрения архитектуры. Уменьшенную версию дворца. Тем не менее, охрана была поставлена снаружи, как положено. Мне пришлось переговорить с несколькими людьми, прежде чем ко мне наконец вышел приличного вида мужчина в тёмной одежде, абстрактно представившийся помощником лорда Уилфорта. Я изложила ему суть своего прошения. Так, мол, и так, Элайна Джорви, исследовательница, закончившая заграничный университет, отделение архитектуры. Жажда исследовать стенную обивку в северном, наиболее старом, крыле дворца, а также прочитать несколько редких книг, хранящихся в библиотеке почтенного лорда.

К устному прошению прилагалось письменное, составленное по всем правилам. Помощник бегло его просмотрел и вежливо пообещал, что лорд Уилфорт ознакомится с данным делом, и мне непременно пришлют ответ. Я оставила адрес гостиницы, в которой остановилась, и ушла.

Тем же вечером пришёл ответ. Профессиональным витиеватым почерком, несомненно, не имевшим отношения к хозяину дворца, было написано, что лорд Уилфорт благосклонно отнёсся к моему прошению. Меня приглашают несколько дней пожить во дворце, дабы посвятить это время необходимым исследованиям.

Что ж, именно на такой ответ я и надеялась. Потому и выбрала из ряда специализаций архитектуру. Ради одной только библиотеки мне бы, возможно, не предложили остаться во дворце на ночь. А вот ради исследования собственно дворца — вполне. К тому же теперь я получала возможность свободно передвигаться если не по всему зданию, то, по крайней мере, по его части. Предоставленная мне комната плюс северное крыло плюс библиотека, которая расположена недалеко от кабинета Уилфорта и через которую можно попасть в потайной ход.

На следующий день я переехала во дворец.

Мне показали мою комнату и прочие теоретически интересующие меня помещения. Слуги были обходительны. В меру, конечно: чай, не слишком важная птица, однако меня всё полностью устраивало.

Ближе к вечеру Уилфорт даже лично поприветствовал меня, наведавшись в библиотеку. Я старательно улыбалась и рассыпалась в благодарностях, изо всех сил скрывая ту бурю, что бушевала внутри. Тот самый человек... Спина снова как будто заныла.

Он выглядел именно так, как я себе представляла. Холодный взгляд серых глаз, каменное выражение лица, вежливый, но всё такой же холодный голос. Думаю, он бывает так же вежлив, когда отдаёт приказ сбросить шестерых тёмных мальчиков с обрыва. Светлый аристократ до мозга костей. И если тотальной ненависти к светлым я не разделяла (как-никак светлыми были мои родители и вообще многие окружавшие меня в прежней жизни люди!), то людей его типа ненавидела до глубины души.

Уилфорт, разумеется, не догадывался о моей масти. На голове у меня красовался парик отличного качества, и я казалась сейчас светло — русой. Хозяин замка сказал несколько традиционных приветственных слов, упомянул о значимости науки для современного общества и дал устное дозволение находиться во дворце столько, сколько потребуется для исследований. Взглянул на книгу по особенностям настрийских интерьеров первой половины прошлого века, которую я добросовестно разыскала и заблаговременно положила на стол в раскрытом виде — на всякий случай. Посетовал на то, что совсем не имеет времени на чтение столь увлекательной литературы, и впервые удивил меня, сообщив, что я могу забрать эту книгу в качестве подарка. Я попыталась отказаться, заверив, что это чрезмерная щедрость с его стороны. Книга действительно была редкая и, несомненно, дорогая. Но он лишь отмахнулся, напомнив о том, что времени на чтение подобных вещей у него всё равно нет, и вряд ли оно когда-нибудь появится.

На том и расстались.

Я постепенно осматривалась, исследуя дворец под предлогом строго научного интереса. Стража тут и там встречалась, но мне никто не препятствовал. Выяснилось, что анфилада комнат, отведённых под личные покои Уилфорта, располагается совсем недалеко от библиотеки. Первой из этих комнат был кабинет, затем всяческие гостиные — гардеробные и наконец спальня. О последнем я, понятное дело, знала чисто теоретически. А вот в кабинет разок наведалься. Там тоже внимательно огляделась, прикидывая, где могут храниться интересующие меня бумаги, но трогать пока ничего не стала. Время меня не поджимало, так что спешить не следовало. Надо было действовать продуманно и аккуратно. И, самое главное, решить, что же именно я собираюсь делать.

Трагикомичность ситуации заключалась в том, что я так ничего и не решила. Так и не знала, готова ли выполнить задание Брайана. Не «кражу» документов, разумеется, а то, основное. Ради которого меня, в сущности, и отправили в Настрию. При всех отрицательных эмоциях, которые вызывал во мне Уилфорт, я чувствовала, что неспособна на такой поступок.

В итоге я тянула время. Уже, казалось бы, во всём разобралась. Изучила расположение комнат. Запомнила все пути до библиотеки. Проверила переданную Брайаном информацию: потайной ход действительно был. Справа от двери, вторая полка снизу. Надавить на стену — и проход открывается практически сразу, притом совершенно бесшумно. Я посветила внутрь свечой, коих в библиотеке всегда имелось в избытке. Обыкновенный узкий коридор с низким потолком. Пройти по нему до конца я не рискнула. Моё отсутствие могли заметить, тем более что хозяин дворца как-то подозрительно зачастил в библиотеку. Я, конечно, не была знакома с его привычками; возможно, он и прежде приходил сюда столь же регулярно. Но, учитывая его же собственные слова о нехватке времени на чтение, это вызывало сомнения. Что именно послужило причиной такой перемены, я не знала. Может быть, меня подозревают? Или Брайан оказался прав, и Уилфорт заинтересовался мной как женщиной? Ответа на эти вопросы у меня не было, но я понимала одно: так или иначе, затягивать больше нельзя. Остаться во дворце становится рискованно.

К тому же вскоре произошёл случай, который помог мне принять решение.

В тот день я не случайно приблизилась к кабинету Уилфорта. Учитывая, что моё задание, как минимум частично, предстояло выполнить именно там, я хотела досконально изучить все детали. Но так сложилось, что в кабинете в тот момент были люди. И так сложилось, что они вели разговор. Эмоциональный, а потому и громкий.

Дверь кабинета была закрыта, и потому присутствовавшие поблизости люди могли услышать

разве что неразборчивый гул голосов. Опять же присутствие этих людей не позволило бы мне подслушать, к примеру, через замочную скважину. Но это не требовалось. Дело в том, что природа наградила меня необычайно тонким слухом. Особенность, о которой я, по непонятной мне самой причине, промолчала в своё время даже в общении с Брайаном. И сейчас я была вполне в состоянии расслышать то, что происходило за дверью. И услышанное повергло меня в состояние шока. Шока, смешанного с ненавистью.

— И что прикажешь делать с этими тёмными, чёрт бы их побрал! — вскричал Уилфорт.

Раздался звук, как будто по столу хлопнули книгой или, например, полной документов папкой.

— Возможно, постепенно ситуация разрешится сама собой, — осторожно предположил второй голос.

Эти слова я разобрала с трудом, поскольку второй говорил более спокойно и, соответственно, тише.

— Ни черта она не разрешится! — возразил Уилфорт. — А даже если и так, нас не устраивает постепенно! Нам нужно разрешить её в кратчайшие сроки. Окончательно и бесповоротно. Времени на это совсем немного. Так что думай, Джой, думай!

Ага, стало быть, это Джой, секретарь Уилфорта. Молодой, но действительно весьма смыслённый парень.

Впрочем, учитывая содержание разговора, о личности второго его участника я подумала лишь мельком. Тем более что следующая реплика Уилфорта, на которой, собственно, разговор и завершился, оказалась следующей:

— В ближайшее время Тёмный Оплот должен прекратить своё существование.

И всё. Для остальных находившихся в коридоре людей ничего не изменилось. Для меня наступила нестерпимая, звенящая в ушах тишина. Признаться, я не ожидала подобных масштабов. Я не знала, как он собирается это сделать. Я не представляла, каким человеком надо быть, чтобы столь отчаянно стремиться к подобному.

Но в этот момент решение было принято. Пусть я не убийца, пусть я всю оставшуюся жизнь стану мучиться угрызениями совести, пусть даже меня поймут и мне придётся использовать по назначению капсулу с ядом. Но этот человек не должен пережить мой визит.

Из доступных мне вариантов — яд и кинжал — яд, разумеется, казался предпочтительным. Однако это только в теории просто — подсып яд в бокал или тарелку жертвы и жди результата. В реальности же — как это сделать? У меня не было доступа к еде и питью Уилфорта. Моё же появление на кухне показалось бы странным само по себе. Но даже если я найду благовидный предлог, чтобы туда заглянуть, как узнаю, какая именно еда предназначается для Уилфорта (и исключительно для него, ибо я не хочу заодно перетравить весь дворец)? А заодно кто сказал, что у меня появится возможность подсыпать яд незаметно? Нет, профессиональный убийца наверняка нашёл бы способ без особого труда. Но я-то таковой не являлась!

Удобный случай подвернулся сам собой. Заглянув в очередной раз в библиотеку, Уилфорт предложил мне составить ему компанию за ужином. Первым порывом было отказаться. Для простой исследовательницы такое приглашение являлось слишком большой честью. Тёмная же шпионка не желала иметь с хозяином дворца ничего общего. Но я вовремя опомнилась. Ужин

на двоих — это идеальный шанс. Правда, сомнений в моей виновности ни у кого не возникнет. Но яд действует далеко не сразу, и к тому моменту, как Уилфорту станет плохо, я уже буду далеко. Словом, немного посомневавшись для виду, я согласилась.

В тот вечер Уилфорт удивил меня во второй раз. Ужин был накрыт на террасе. Погода в последнее время заметно улучшилась: после побега с бала мне ни разу не приходилось надевать плащ. Ветер к вечеру усилился, но он был южный, не холодный. Освещение обеспечивали развешенные повсюду фонарики. Блюда источали прекрасный запах, а два пузатых бокала прислуживавший за столом лакей первым делом наполнил до середины вином. Красным. Смотрелось романтично, особенно в свете тех самых фонариков. Вот только вкус отвратительный.

— Как идут исследования? — поинтересовался Уилфорт вскоре после того, как мы приступили к еде.

На этом, начальном, этапе не было никаких шансов посыпать яд незаметно, так что пока я не предпринимала таких попыток.

— Чудесно, — заверила я, имитируя неловкость, которую непременно должна была испытывать по легенде. — Надеюсь, что в скором времени смогу написать две статьи. Возможно, даже три.

— В самом деле? — изумился Уилфорт. — Неужели стенная обивка северного крыла настолько интересна?

— Стенная обивка, а также резьба на колоннах в Каминном зале, — с важным видом кивнула я.

— Поразительно.

— Вовсе нет. Лорд Уилфорт, вы ведь знаете, насколько выдающийся архитектор проектировал ваш дворец.

— Да, это мне известно, — задумчиво кивнул он. — Не сомневаюсь, что вы гораздо лучше меня представляете себе научную ценность подобных вещей. Всё дело в том, что, какой бы информацией я ни обладал, для меня этот дворец — в первую очередь дом. Место, где я живу и работаю. Поэтому мне сложно думать о нём как об объекте исторических исследований.

— А разве вы работаете дома? — изобразила удивление я. — Мне казалось, что государственные вопросы решаются в королевской резиденции. То есть... — я сделала вид, что окончательно смешалась, — простите, не обращайтесь на меня внимания, я действительно ничего не понимаю в подобных вещах.

— Всё зависит от того, какого рода государственными делами заниматься, — отозвался Уилфорт. — Некоторые необходимо решать непосредственно в королевском дворце. Другие — скажем, в здании мэрии или суда. Те же вопросы, которыми занимаюсь я, можно решать где угодно. Место не имеет значения. Главное — это собственная голова, необходимая документация и, конечно, преданные помощники.

— А какого рода делами вы занимаетесь?

Я не могла не задать этот вопрос, глядя ему в глаза, хотя отлично понимала: правду он не скажет.

— Общественного характера, — обтекаемо ответил он.

— Это должно быть необычайно интересно.

— Далеко не всегда. Поверьте, в основной массе эти дела чрезвычайно скучны.

Что ж, не исключено, что для вас — да. Во всяком случае, я очень легко представляю себе, лорд Уилфорт, как вы со скучающим видом подписываете приговор тёмной библиотекарше.

— Жаль, — вздохнула я.

— Думаю, ваша работа значительно интереснее, чем моя, — заметил хозяин дворца, по моему, совершенно неискренне.

— Каждому своё, — заявила я, встречая его взгляд и вкладывая в свои слова совсем не тот смысл, чем следовало из разговора.

— Именно так, — согласился он.

Я покосилась на слугу. Тот стоял на почтительном расстоянии, но пристально следил за нами, готовый предугадать любое наше желание. Любое, кроме одного: отвернуться хотя бы секунд на десять, чтобы предоставить мне возможность спокойно сделать своё дело. Впрочем, какое там «спокойно»? Ведь Уилфорт тоже практически не отводит от меня глаз.

— Я заметил, как бережно вы относитесь к книгам, — сообщил между тем он.

— Я вообще бережно отношусь к чужому имуществу, — усмехнулась я.

— О нет, — не принял такое объяснение Уилфорт. — Бокалы и вилки — это тоже чужое имущество, но вы не берёте их в руки с тем же трепетом, что книги.

Я опустила взгляд на собственные пальцы, удерживающие бокал. Хм, вот на таких мелочах и попадают шпионы. Хорошо, что для исследователя любовь к книгам не менее естественна, чем для библиотекаря или чтеца. Однако до чего же он внимателен к деталям!

— Я люблю читать, — сказала я в ответ я самое нейтральное, что пришло в голову. — А у вас, стало быть, совсем не остаётся на это времени?

Я постаралась изобразить сочувствие.

— Практически не остаётся, — подтвердил Уилфорт, и особого страдания я в его голосе не заметила. — Признаться, в последнее время дел у меня скопилось столько, что я очень мало что вижу кроме них. Книги, обивка, — он усмехнулся, — резьба на колоннах — всё это отложено до лучших времён.

— А это, — я обвела выразительным взглядом красивую, романтическую обстановку на террасе, — способ пустить пыль в глаза?

Конспирация конспирацией, однако от шпильки я не удержалась. Да и, в конце концов, учёные тоже могут быть с характером.

— Не знаю, — покачал головой Уилфорт, разглядывая меня с нескрываемым интересом. Будто это во мне, а не в его мотивах, таилась неизвестность. — В последнее время в моей жизни происходят столь странные события, что я ни что уже не поручусь.

Незначительный шум около выхода на террасу лишил меня необходимости придумывать уместную реакцию на такие слова. Вскоре к нашему столу быстрым шагом приблизился секретарь моего сотрапезника, тот самый Джой.

— Лорд Уилфорт, я чрезвычайно сожалею, но прибыл курьер с депешей из королевского дворца, — извиняющимся тоном сообщил он.

Уилфорт обречённо усмехнулся.

— Ну вот и всё, — обратился ко мне он. — Пыль в глаза закончилась. Ешьте, отдыхайте, наслаждайтесь тишиной. Мне же пора вернуться к работе.

Оставшись одна, я хмуро откинулась на спинку стула. Теперь недопитый бокал напротив был вполне досягаем. Приходилось признать неоспоримый факт: отравительница из меня никудышная.

Я дождалась двух часов ночи. В это время шансы случайно повстречать кого-нибудь в коридоре были значительно ниже, чем в более традиционную полночь. Где именно можно было с высокой вероятностью натолкнуться на стражу, я к этому времени неплохо себе представляла. Но в самом крайнем случае была готова объяснить свои блуждания по дворцу бессонницей.

Я не взяла с собой ничего из вещей, не считая нескольких мелочей, полезных в моей работе. Даже плащ захватывать не стала. Так что ничто в моём виде не указывало на намерение покинуть дворец. Ни сумок, ни вещевых мешков. Просто приличное платье и кожаные полусапожки. Без каблуков и с очень мягкой подошвой, совершенно не защищающей от сырости, зато позволяющей бесшумно передвигаться по полу и коврам.

Кабинет Уилфорта заперт — он всегда запирается на ночь, — но для меня этот замок — пара пустяков. Один из тех самых полезных в работе предметов, несколько движений — и замок не взломан, а именно открыт, так что впоследствии никто даже не заподозрит неладное. Если, конечно, сейчас всё пройдёт как надо.

На поиски тайника времени не ушло вовсе: место я заметила в свой предыдущий визит. Углубление в стене за гобеленом, стандартный приём. Замок посложнее, но минут за десять я справилась и с ним. Правда, открыв дверцу и вытащив наружу содержимое, чуть не застонала. Здесь была не просто тонкая стопка документов. Вернее, документов как раз было всего несколько штук, но кроме того имелись целых две исписанных тетради! А ведь Брайана в первую очередь интересовали именно записи.

В итоге я всё-таки позволила себе сесть за стол, хотя обычно предпочитала при подобных обстоятельствах этого не делать, равно как и вообще не касаться ничего лишнего. И принялась просматривать страницы, одну за другой. Точнее, даже не просматривать, а просто бросать взгляд. Текст, перелистнуть страницу, ещё текст, опять перелистнуть. Продолжалось это долго. Я мельком замечала, что одни страницы исписаны сверху донизу, а на других лишь нарисована небольшая диаграмма, либо приводится, к примеру, список из трёх пунктов. На одних почерк аккуратный, как следует выведена каждая буква, а на других — беглый, будто хозяин тетради очень торопился записать пришедшую в голову мысль. Я также отметила и то, что слова «тёмные» и «масть» стали регулярно встречаться в конце первой тетради и часть повторялись во второй. Но в смысл я не вдавалась, поскольку это непременно отразилось бы на скорости.

Закончив, поднялась из-за стола, постаралась поставить стул точно так же, как он стоял

раньше, и вернула все бумаги на место в прежнем порядке. Ещё чуть — чуть помедлила: соблазн на этом закончить и покинуть замок был велик. Всё же пересилив себя, я направилась не к выходу в коридор, а к другой двери. Той, через которую можно было попасть в личные покои Уилфорта.

Собственно, можно сказать, что кабинет являлся частью этих покоев. Последней в череде этих комнат, наиболее приближённой к общественным помещениям. Дальше шла маленькая личная гостиная. Ведущая туда дверь тоже была заперта (точнее сказать, это кабинет был заперт со всех сторон), но замок был чисто символическим и поддавался очень легко. Полусапожки на плоской подошве бесшумно ступали по коврам. От комнаты к комнате, от двери к двери. Здесь было пусто, тихо и темно, и больше ни одна дверь не оказалась запертой. В том числе и дверь в спальню.

Последняя и вовсе была открыта. Какое-то время я стояла на пороге, оглядывая комнату глазами, которые успели привыкнуть к скудному освещению. Окно, ковёр, камин, прикроватный столик... Уилфорт здесь, и он, как я и ожидала, спит. В кровати, настолько большой, что в ней, должно быть, неудобно лежать одному. Я запоздало понимаю, как мне повезло, что рядом с ним не лежит какая-нибудь женщина. А ведь такой вариант был вполне возможен, и что бы я делала тогда?

Что делать сейчас, я представляю себе довольно неплохо. Правда, представлять себе — это одно, а выполнить — совсем другое... Но душевные метания теперь неуместны. Поэтому я бесшумно приближаюсь к кровати, одновременно извлекая спрятанный под одеждой кинжал. Подхожу к Уилфорту. Поднимаю оружие, стараясь не думать о том, как незащитно выглядит спящий человек. Лучше думать о шестерых мальчиках и о тех тысячах тёмных, что пострадают, если этот человек проснётся.

Уилфорт будто что-то почувствовал, зашевелился во сне. При этом одеяло соскользнуло, обнажая плечо. Он спал без рубашки. И я застыла, всё в той же позе, с занесённым над мужчиной оружием, не в силах двинуться с места. Я хорошо помнила эту рану, я сама тщательно её обрабатывала. Да, она хорошо заживала, и это уже была скорее не рана, а шрам, но сути это не меняло: я всё равно отлично её помнила... И не понимала, что делать дальше. Лишь точно знала одно: ударить кинжалом Сэнда я точно не смогу.

За собственную растерянность вскоре пришлось распроститься. В подобных ситуациях нерешительность недопустима. Уилфорт внезапно рванулся вверх и схватил за запястье руку, в которой я держала кинжал. Мы начали бороться. Теперь никакой нерешительности не было; всё вновь стало понятно и недвусмысленно. Это была война, рядом со мной — враг, и моя задача — до последнего биться за свой крохотный шанс на спасение. Кинжал вскоре улетел на пол, но я продолжала отчаянно драться. Наконец, перекатившись на постели, мы застыли, тяжело дыша. Он прижимал меня своим телом к постели, одновременно удерживая руки. И в этой ситуации не было ни капли чувственности.

Ещё секунда — и в спальню вбежали привлечённые шумом стражи. И уставились они не на ту специфическую позу, в которой застыли мы с Уилфортом. А на мои волосы. И я с опозданием осознала, что в процессе схватки светлый парик, сколь хорошо он ни держался, всё-таки слетел с головы. Так что теперь присутствующие могли лицезреть мою масть во всей красе.

Что ж, своё поражение тоже надо уметь признавать.

— Арестовать! — зло бросил Уилфорт, поднимаясь и переставая меня удерживать.

И то верно: какой теперь смысл?

Двое стражников выступили вперёд. Третий подобрал с пола кинжал.

— Давай, поднимайся! — велел мне один.

— Ох, и достанется тебе теперь! — со злорадством заметил второй.

Догадаться, что он имел в виду, было совсем не сложно. В голове отчётливо прозвучал голос Марома. «То, что делают дворцовые стражники с попадающими к ним тёмными, невозможно описать словами. А уж женщину они не пожалеют тем более. Так что о капсуле я напоминаю только в твоих интересах». А также слова озабоченно хмурящегося Брайана: «Попадаться тебе нельзя».

Я всё отлично понимала. Попадаться нельзя. И у меня ещё оставался один шанс уйти. Совсем не радостный, конечно, но то, что ждёт меня впереди в противном случае, ещё хуже.

Руки уже сковали мне за спиной, но это было нестрашно. Как раз на такую ситуацию всё и рассчитано. И, едва стражники, отлично понимая, что я уже никуда не денусь, чуть ослабили бдительность, я повернула голову и зубами оторвала прикреплённую к воротнику капсулу. Но не успела вовремя заметить, как Уилфорт, переменившись в лице, молнией рванул в мою сторону.

Ох, до чего же это больно, когда тебя бьют по лицу! Зубы разжались, и капсула выпала прежде, чем я успела её проглотить.

— Куда вы смотрите, вашу мать?! — совсем не аристократично рявкнул на стражников Уилфорт. — У вас арестованная чуть яд не проглотила под самым носом! Повыгоняю всех к чёртовой матери!

— Просим прощения, лорд Уилфорт, — повинился один из стражей, постарше, в то время как остальные лишь хлопали глазами, осознавая, что чуть было на этих самых глазах не произошло. — Не ожидали. Заверяю вас, больше такого не повторится.

— Надеюсь, — проворчал Уилфорт, без особого удовольствия опуская взгляд на руку, которой только что ударил меня по челюсти.

Интересно, хоть зубы-то все целы? А впрочем, какая разница? Может, измывательства над беззубой пленницей хоть доставят стражникам меньше удовольствия?

Всю дорогу вниз, в тюремные помещения, я, стараясь унять внутреннюю дрожь, думала лишь о том, как вести себя в камере. Есть ли у меня хоть какие-то шансы предотвратить то, на что они так настроились? Кричать так, чтобы у них завяли уши? Наоборот, лежать неподвижно, как бревно, закатив глаза? Или, к примеру, вызвать приступ рвоты, чтобы пробудить в них отвращение?

Те средства для задержки противника, которыми меня снабдили на случай внепланового побега, отобрали при обыске. Так что никакого оружия, кроме ногтей и зубов (последнее под вопросом) в моём распоряжении не оставалось.

До камеры мы добрались быстрее, чем я рассчитывала. Оно и неудивительно, учитывая малые размеры дворца.

Решётчатая дверь со скрипом открылась. С меня сняли наручники, втокнули в камеру... И всё. Все стражники остались снаружи. Заперли дверь и молча разошлись. Я замерла в недоумении. А затем обессиленно опустилась на пол.

Глава 4

Долго просидеть в тишине и одиночестве мне не удалось. Думаю, ещё не успел наступить рассвет, а звук шагов, эхом раскатившийся под низкими сводами, возвестил о приходе Уилфорта. Понятное дело, я как следует напряглась, но встать не стала. Лишь спрятала руки под мышками, а то ещё увидит, что они дрожат. Тем более, дрожат-то они, скорее всего, от холода. Здесь точно не теплее, чем на улице, а плащ остался наверху.

Уилфорт пришёл один, без сопровождающего стражника. Странно, я думала, меня первым делом поведут на допрос. Остановившись у зарешёченной двери, он устремил на меня испытывающий взгляд.

— Не спится? — мрачно буркнула я, смотря устало и одновременно с вызовом.

— Тебе, я вижу, тоже, — не остался в долгу он.

Я безразлично пожала плечами. Полагаю, недосып — это сейчас последняя из моих проблем.

— Зачем ты это сделала? — спросил Уилфорт, подойдя к решётке вплотную. — Нет, ситуация мне в целом ясна, — добавил он, видя, как я скривила губы. — Тебя завербовали в Тёмном Оплоте и отправили в Иллою, чтобы меня убить. Приказ, скорее всего, отдал либо Роберт Кеннингтон, либо Брайан Коллинз. Впрочем, существует небольшой шанс, что это был некто третий. Тебя снабдили оружием, капсулой, ядом, который уже нашли при обыске в твоей комнате. Всё это понятно. Как видишь, мне даже нет смысла тебя допрашивать. Мне интересно другое.

Немного подумав, он сел прямо на пол, так же, как сидела я, только с другой стороны от решётки. Весьма существенное различие.

— Почему ты согласилась это сделать? — Вопрос был задан без упрёка, без ненависти, без презрения победителя к побеждённому. Спокойно. Будто ему просто интересно узнать ответ. — Ведь ты не убийца.

— С чего ты взял? — с глухим смешком отозвалась я. — Может быть, на моём счету уже пятьдесят трупов.

— И на пятьдесят первом у тебя вдруг дрогнула рука, — фыркнув, подхватил он. — Нет. Будем считать, что я разбираюсь в людях. Убийство тебе в диковинку. Так почему?

Смысла увливать и отмалчиваться я не видела.

— Потому что настоящий убийца — ты.

Я смотрела на этого человека — и не могла, не была готова видеть в нём Сэнда. Требовалось приложить усилие, напоминая себе о шраме, который скрывался теперь под одеждой. Что ж, стало быть, Сэнд был всего лишь иллюзией, обманкой, как, собственно, и полагается на маскараде. Вера в то, что светлый аристократ может быть достойным человеком, таяла на глазах.

— Что за чушь? — нахмурился Уилфорт.

— Это не чушь, — отрезала я. — Для того, чтобы быть убийцей, необязательно собственноручно держать кинжал. Достаточно отдать соответствующий приказ.

— Логично, — бесстрастно кивнул Уилфорт. — Стало быть, пославший тебя сюда человек — убийца. При чём тут я?

Его лицемерие, его цинизм, то, с какой лёгкостью он перекладывал весь груз ответственности на Брайана, бесило меня всё сильнее. Брайан, возможно, не идеал, но Уилфорт в тысячу раз хуже.

— Ты хочешь уничтожить не одного человека, а целую масть. Так что не перекладывай с больной головы на здоровую.

Удивление, написанное на лице Уилфорта, казалось настолько искренним, что мне захотелось в срочном порядке записать его на ведущую роль в лучшем городском театре.

— С чего ты взяла?

Этот вопрос окончательно вывел меня из себя.

— С чего я взяла? — Я в бешенстве вскочила на ноги. — Только не надо морочить мне голову! Да, ты победил, я здесь, в камере, и больше уже отсюда не выйду. Но то, что я знаю, я знаю, и уж этого тебе не отнять! Все годы своего правления ты притеснял настройских тёмных, поддерживал творящийся против них произвол, подписывал несправедливые приговоры!

— Ты снова несёшь ерунду, — процедил он.

Ерунду, как же! Да одного взгляда на его перекошенное от злости лицо достаточно, чтобы понять: именно так дело и обстоит.

— Хочешь сказать, не ты отдал приказ закрыть школы для тёмных?

— Я, но на то есть причины.

— А вот в этом я нисколько не сомневаюсь!

— Какое «очаровательное» толкование фактов!

Он тоже поднялся на ноги, разозлившись не меньше меня.

— Самое что ни на есть логичное! — отрезала я. — Или хочешь сказать, что сделал это из лучших побуждений? А восьмерых тёмных, шестеро из которых — двенадцатилетние мальчики, ты с какой целью убил? Тоже из лучших побуждений?

— Чёрт побери, это уже переходит всякие границы!

— Бесспорно! — согласилась я, имея однако же в виду отнюдь не своё поведение. — И кто из нас после этого убийца?

— Это говорит женщина, обманом пробравшаяся в мой дом, которую я застал с занесённым надо мной кинжалом!

— У меня был единственный шанс избавить тёмных от повторения ужаса двухсотлетней давности, которое ты затеял! И я виновата лишь в одном: что упустила этот шанс!

— Ах, я уже и геноцид, оказывается, запланировал! А уничтожить планету я, часом, не собираюсь? Вы же, тёмные, умеете читать мысли? Может, тебе доступны мои сокровенные помыслы, о которых я даже не подозреваю? — осведомился он со злой издёвкой.

— Не смей даже говорить о магии тёмных! — взъярилась я.

— А ты не смей голословно обвинять меня в таких вещах! — Он тоже вышел из себя. — Ненормальная фанатичка!

— Ах, голословно? Да я сама слышала, как ты говорил своему секретарю, что надо разделаться с тёмными и уничтожить Оплот!

— Что за бред ты несёшь?!

— Бред или не бред, а я его слышала собственными ушами!

— Если хочешь знать, я стремлюсь объединить Настрию и Оплот, превратив их в единое государство, с равными правами для представителей всех мастей! И это вовсе не государственная тайна.

— С равными правами для всех мастей? Ха — ха — ха! — Я изобразила неестественный и совершенно невесёлый смех. — И тебе конечно, по чистой случайности даже не пришлось в голову обратиться с этой целью к власти Оплота?

— Ошибаешься. Я обращался, и ещё как. Приглашал их сюда, пытался напроситься сам. Не моя вина, что все попытки контакта обрубаются на корню именно вашей стороной.

— Ну конечно, во всём, как всегда, виноваты мы! — воскликнула я. — Тёмные не идут на контакт, тёмные не хотят выезжать за пределы Оплота (с чего бы это, в самом деле?), и тёмные, наверное, по собственной воле бросаются с обрыва?

— Чёрт возьми, мне надоели эти инсинуации! — взорвался Уилфорт. — С какой стати, скажите на милость, я должен всё это выслушивать?

Развернувшись, он стремительно зашагал прочь от камеры.

Я снова опустила на пол. Пожалуй, не следовало так его злить. Всё-таки в данный момент моё положение полностью зависит от него. Но это понимание пришло как-то запоздало.

В скором времени я погрузилась в дрему. Сказалась бессонная ночь, насыщенная событиями и переживаниями. Проснувшись, я почувствовала себя не отдохнувшей, а, наоборот, совершенно разбитой. Было зябко. Шрамы на спине дали о себе знать, заныв от холода и сырости. Проморгавшись спросонья, я обнаружила возле решётки тарелку с завтраком, который, видимо, принесли, пока я лежала, отключившись. Я изучила содержимое и, поморщившись, отодвинула в сторону. Какая-то давно остывшая каша. Наверное, жительнице Оплота следовало бы быть менее переборчивой, но штука в том, что я почти с самого начала получила более высокий уровень жизни, чем большинство его граждан. Не просто за красивые глаза, конечно, но как знать, возможно, нынешний поворот по — своему справедлив.

Я всё-таки сжевала чёрствый кусок хлеба, прилагавшийся к каше, и запила водой. Холод

донимал всё сильнее, поэтому я решила походить по камере, дабы хоть немного согреться в движении. А заодно подумать.

Мысли получались невесёлые. Невкусный завтрак был, мягко говоря, не самой серьёзной моей проблемой. А главное, я не знала, чего ожидать дальше. Допроса с пристрастием? Виселицы? А может, со мной не станут церемониться и попросту зарежут прямо в камере, а потом прикопают на тюремном дворе?

Была, конечно, одна ниточка, на которой я могла попробовать сыграть. А именно — сообщить Уилфарту, что являюсь его законной супругой. В случае, если у него окажется слабое сердце, даже полученное от Брайана задание таким образом выполню. Вот только я опасалась делать это признание. Кто знает, быть может, Уилфорт только обрадуется возможности по — тихому стать вдовцом, решив тем самым свою проблему. Так что совсем не факт, что этот брак пойдёт мне на пользу. Словом, я решила помалкивать до последнего и высказаться лишь тогда, когда терять станет совсем уж нечего.

Стоило мне принять это решение и в очередной раз посетовать на холод, постепенно начинающий пробираться до костей, как раздался шум шагов. Я замерла, на всякий случай отступив к дальней стене.

На этот раз Уилфорт пришёл не один, а в компании стражника. Я отлично понимала, что ничего хорошего мне это не сулит. Что ж, после давешнего разговора — неудивительно. Тем не менее, я постаралась придать своему лицу как можно более независимое выражение.

— Открывайте, — коротко бросил Уилфорт.

Стражник послушно выполнил приказ.

— Можете идти. Вернётесь, когда я позову.

С этими словами Уилфорт шагнул в камеру. Я невольно вжалась в стену.

— А как же... — Стражник многозначительно кивнул в мою сторону.

— Да куда она отсюда денется? — поморщился Уилфорт. — Тем более что вы дежурите в конце коридора.

— Хорошо.

Стражник послушно зашагал прочь, чисто символически прикрыв решётчатую дверь. Я исподлобья посмотрела на «гостя».

— В прошлый раз мы неудачно закончили разговор, — сообщил он. — Мне не следовало выходить из себя. Давай теперь постараемся поговорить спокойно.

— Спокойно — это когда я со всем соглашаюсь? — Вот вроде бы и решила в прошлый раз, что злить этого человека — не в моих интересах, а яд всё равно сам собой капает с языка. — И как ты собираешься это устроить? Отвести меня в комнату для допросов — и через день — два я стану, как шёлковая? Или «день — два» — это я себе польстила, и пары часов будет достаточно?

— Поэтому ты пыталась принять яд? — оживился Уилфорт, словно поймал меня на горячем. —

Была уверена, что в настрийских тюрьмах над тёмными заключёнными всячески издеваются? Настолько изошрённо, что лучше сразу лишиться жизни?

— Тебе-то какое дело? — пробурчала я, отворачиваясь.

Несоответствие между «обещаниями» Марома, а затем и Брайана, и реальностью я, безусловно, заметила, и это нервировало. Нет, сам факт, что их предсказания не сбылись, бесспорно радовал. Но вот несоответствие... Почему мне с такой уверенностью пророчили страшные издевательства, на которые пока не было даже намёка?

— Мне любопытно, откуда у тебя такое предубеждение против светлых, — ответил между тем Уилфорт.

— У меня нет предубеждения против светлых! — вскинулась я в праведном возмущении.

— Неужели? — насмешливо изогнул брови он.

После чего бесцеремонно уселся в моей камере на полу. И на меня посмотрел с намёком, дескать, в ногах правды нет. Я сердито сверкнула в ответ глазами, но, согласившись со старой мудрой истиной, всё-таки устроилась недалеко от него.

Было в его позе что-то спокойное и небрежное, вдруг остро проассоциировавшееся у меня с Сэндом. Я мотнула головой, будто отгоняя наваждение. Сэнда нет и никогда не было. Всё это — просто обманка.

— Судя по тем выводам, которые ты делаешь из немногочисленных фактов, я заключаю, что речь идёт именно о предубеждении, — развил свою мысль Уилфорт. — К примеру, вчера ты обвинила меня в убийстве восьмерых тёмных, шестеро из которых — школьники. Какие у тебя были основания для подобных обвинений.

Я прикусила губу, уже понимая, что моё объяснение убедительно не прозвучит.

— Мне сказали об этом люди, которым я доверяю, — тем не менее, озвучила его я.

— Те же, кто сказал, будто у меня в тюрьме заключённых женщин насилуют и пытаются? — эдак небрежно поинтересовался Уилфорт.

Я стиснула зубы. Очень захотелось ударить его чем-нибудь тяжёлым, да вот беда, ничего подходящего под рукой не было.

— Я не убийца, — уже без издёвки произнёс Уилфорт. — И тем более не убиваю детей.

— Угу, ещё скажи, что женщин ты не бьёшь, — проворчала я, прикладывая руку к ноющей челюсти.

Все зубы, к счастью, остались на месте. Один недостаток: теперь у меня не получится широко улыбнуться беззубой улыбкой и порадовать собеседника сообщением: «Дорогой, я — твоя законная супруга!».

Уилфорт скривился.

— Вообще-то не бью, — заявил он, отводя глаза. — Я хотел извиниться. У меня не было выбора: если бы я тебя не ударил, ты точно успела бы проглотить капсулу.

— Ещё скажи, что тебе было меня жаль, — буркнула я себе под нос.

Говоря откровенно, конкретно на этот его поступок я не злилась, просто к слову пришлось.

— Представь себе: да, — откликнулся Уилфорт. — Может быть, ты не заметила, но мне было приятно твоё общество. Впрочем, ты не могла не заметить, раз пыталась воспользоваться этим фактом, чтобы накормить меня ядом из флакона.

Я опустила глаза. Тут крыть было нечем. Флакон, конечно же, нашли при обыске, а остальное он сопоставил. Мне стало невероятно стыдно, хоть я и пыталась убедить себя в том, что такое чувство неуместно. Отрицать было глупо, извиняться — тем более. Чтобы оправдаться хоть в чём-то, я посмотрела Уилфорту в лицо и с напором заявила:

— У меня нет предубеждений против светлых. Я знакома со многими, и среди них есть прекрасные люди.

— Ну, это классика жанра, — хмыкнул Уилфорт. — Именно так и рассуждают люди с предубеждениями. «Эти светлые — страшные мерзавцы. Нет, мои знакомые а, б и в — отличные люди, но они — исключение».

— Многие светлые прекрасные люди, — сквозь зубы исправилась я, чувствуя, что краснею.

— Здесь холодно, — заметил вдруг Уилфорт.

Похоже, только что сообразил.

— Что ты говоришь! — с сарказмом протянула я.

Он встал и вышел за дверь, на ходу подзывая стражника. Вскоре вернулся, один, и снова уселся, как прежде.

— Итак, ты говорила, что среди светлых много хороших людей, — заметил он, словно и не отвлекался на несколько минут. — И за этим явно должно было последовать какое-то «но».

— Оно есть, — подтвердила я. — Хороших людей много, но и притеснения тёмных — не выдумка. И их массовое уничтожение двести лет назад — не плод фантазии людей с предубеждениями. Оплот появился не просто так.

— Согласен, — кивнул Уилфорт. — Это чрезвычайно неприятная страница истории, которую большинство современных настрийцев предпочли бы забыть.

— Вот в том-то и беда, — заметила я. — Предпочли бы забыть. А забывать такие вещи нельзя. Их надо помнить. Для того чтобы они никогда не могли повториться. Помнить и разобраться, каким образом они могли произойти и как избежать подобного в будущем.

— Отлично, — с энтузиазмом подхватил Уилфорт. — Давай разберёмся.

— Что, здесь и сейчас? — несказанно изумилась я.

— Нет, в пыточной, — с сарказмом предложил он. — Почему бы не здесь и не сейчас?

— Да хотя бы потому, что я не имела в виду лично нас.

— А, собственно, почему нет? Я ведь уже говорил, что работаю именно над этим. Над

объединением тёмных и светлых. Над созданием единого государства, в котором то, что случилось двести лет назад, не могло бы повториться. Сейчас здесь сидим мы вдвоём: ты, тёмная, приближённая, насколько я понимаю, к властям Оплота, и я, светлый, не последний человек в своём государстве. Если мы с тобой сумеем договориться, то есть шанс, что взаимопонимание возможно и для двух мастей. Если нет, значит, мои шансы на успех ничтожны.

Я всё ещё сидела, сбита с толку этим предложением, когда в камеру вновь вошёл стражник, на сей раз — с подносом, на котором стояли две чашки чая. Чай был горячим, так что неудивительно, что в холодном воздухе камеру над чашками вился пар. Обеспечив нас горячим питьём, стражник удалился. Я с наслаждением обхватила руками источник тепла.

— Хорошо, если тебя это так интересует, я считаю, что одна из главных причин — в страхе, — заявила я.

Пускай теперь начинает возмущаться и спорить.

— Пожалуй, — в очередной раз удивил меня Уилфорт. — Не только, конечно. Двести лет назад в Настрии начался тяжёлый экономический упадок. И правивший тогда король, получивший впоследствии имя Ричард Кровавый, счёл гонения на тёмных идеальным способом отвлечь население от реальных проблем. Благодаря чему и удержался у власти. Так что первичный мотив был политическим. Но, безусловно, Ричард сыграл на уже имевшихся недоверии, подозрительности и предубеждениях. А всё это действительно было основано на страхе.

— Который испытывали светлые, — подчеркнула я. — И именно они перевели страх в агрессию.

— Я не оправдываю своих предков, — отозвался Уилфорт, но давай вспомним и о том, что страх их был вполне обоснованным.

— Это ещё с какой стати? — вскинулась я.

— Только не говори, будто сама не понимаешь, каких дел могут наворотить твои собратья. Тёмная магия воздействует на мысли и чувства. От такого у любого смельчака мороз пробежит по коже.

— Что-то не очень сильно я на тебя воздействовала, — фыркнула я. — А хочешь, попробуем? Я заставлю тебя изменить собственные взгляды на жизнь настолько, что ты отпустишь меня на все четыре стороны? Нет, больше того, ты лично сопроводишь меня до границ Оплота.

Несколько секунд Уилфорт колебался. Наконец азарт взял верх над осторожностью.

— Давай попробуем, — согласился он.

Я кисло улыбнулась и разочарованно покачала головой.

— Вот видишь, и ты ещё обвиняешь в предубеждениях меня! А сам готов поверить в полнейшую ерунду. Лишь бы она была про тёмных. Не могу я сделать ничего подобного. И почти никто не сможет. А если кто-то и сумеет, то только задействовав соответствующие струнки в твоей собственной душе.

— То есть?

— То есть сыграв на твоём собственном подсознательном желании отпустить пленного.

Уилфорт откинул голову назад и задумчиво сжал губы.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил он затем.

— Хочу сказать, что образ тёмного мага, лёгким движением руки превращающего несчастного светлого в марионетку, — это бред сумасшедшего, — отрезала я. — И если бы мы это умели, то тогда, двести лет назад, всё сложилось бы совсем иначе.

— Однако мне известно, насколько страшные вещи творили некоторые твои братья по масти во время той войны, — заметил Уилфорт. — Я их не осуждаю: когда тебя пытаются уничтожить, пускаешь в ход все доступные средства. Но степень могущества отдельных магов, мягко говоря, впечатляет.

— А среди светлых что, нет могущественных магов? — пожала плечами я. — Тёмная магия ничем не страшнее. Она не предназначена для уничтожения. Бояться всех тёмных — это всё равно, что считать чудовищем любого человека, держащего в руке кухонный нож. Только потому, что при желании и должной сноровке этим ножом можно кого-нибудь зарезать.

Я сказала это и лишь потом сообразила, что сболтнула лишнего. И откуда только всплыл этот злосчастный кухонный нож? Как бы теперь Уилфорт не связал мои слова с эпизодом на балу. Я пригляделась к его реакции, но блондин сидел с непроницаемым видом. Невозможно было понять, догадался он о чём-нибудь или нет.

— Ты хочешь сказать, что тёмная магия по природе своей безопасна? — с изрядной долей скептицизма осведомился он.

— Я хочу сказать, что тёмную магию значительно легче использовать во благо, нежели во вред, — поправила его я, не вдаваясь, однако, в подробности. Может, и ни к чему светлым знать, насколько сложно тёмному магу обойти естественную защиту мозга.

— А как, например, её можно использовать во благо?

Вот ведь дотошный! Вдаваться в собственные способности не хотелось, и я задумалась о том, что успела увидеть за годы жизни в Оплоте.

— Оптимальный пример — это обезболивание, — заявила я.

— Это умеют все тёмные?

— Не все. Но многие. В разной степени, конечно. Одни умеют лишь чуть — чуть уменьшить боль. А другие способны полностью перекрыть способность её ощущать. Так что даже если человек будет отрезать ногу, он ничего не почувствует.

— Ты не возражаешь, если я буду делать записи? — Уилфорт извлёк из глубокого внутреннего кармана небольшую тетрадку, показавшуюся мне чрезвычайно знакомой. Это была одна из тех, что я пролистывала в его кабинете. Точнее сказать, вторая, в которой ещё оставалось несколько чистых страниц. — Это очень важно.

Как же я могла забыть?! Ведь у меня же в памяти хранятся его записи. Необходимо прочитать их, как только он уйдёт. Может быть, это поможет мне хоть немного разобраться в

происходящем.

— Можешь назвать что-нибудь ещё? — продолжал расспросы Уилфорт.

— Ещё... — рассеянно повторила я, силясь снова поймать потерянную нить разговора. — Ах, да... Конечно. Лечение душевных болезней. Насколько мне известно, настрийская медицина очень плохо умеет справляться с психическими расстройствами. А вот в Оплоте такие болезни полностью излечиваются в девяноста пяти случаях из ста.

— Это впечатляет, — кивнул Уилфорт, снова что-то записывая.

— Угу...

Мои мысли снова устремились в другом направлении.

Меж тем появился стражник. Руки его были заняты стопкой вещей, которые он, с молчаливого разрешения Уилфорта, положил в углу камеры.

— Я вижу, что ты устала, — сказал тот, убирая тетрадь. Видимо, заметил, насколько я стала рассеянна. — Поговорим в другой раз.

Среди доставленных в камеру вещей обнаружилось два тёплых одеяла, подбитый мехом плащ и термос с горячим чаем. Как следует утепившись, я приступила к тому, что занимало сейчас все мои мысли. К «чтению» записей Уилфорта.

Чем дальше я читала, тем отчётливее чувствовала себя окончательно сбитой с толку. Основная часть первой тетради не имела отношения к тёмным, так что её я проглядела лишь мельком. Интересующая меня тема начала подниматься лишь на последних страницах, и далее развивалась во второй тетради.

Понять написанное не всегда бывало просто. Записи не предназначались для того, чтобы их читал кто-нибудь, кроме самого Уилфорта. Это были просто рабочие заметки, нередко состоявшие из сокращений, чисел, таблиц и соединённых стрелочками ключевых слов. На некоторых страницах можно было увидеть лишь несколько букв; другие были исписаны сверху донизу. Так или иначе, общий смысл записей мне по большей части удавалось понять.

Среди особенно заинтересовавших меня страниц была та, наверху которой было написано и дважды подчёркнуто «Тёмные школы». Ниже фигурировало следующее: «Закреть, дождавшись конца учебного года. Основать совместные школы для тёмных и светлых. Вести общий предмет — основы тёмной и светлой магии. Теория. Практические занятия по магии — в отдельных группах для тёмных и светлых».

На следующей странице был приведён список тёмных школ и городов, в которых они располагались.

Ещё несколько страниц посвящались другим делам, их я вновь просмотрела бегло. Затем снова зацепилась за слово «тёмные». Правда, запись была перечёркнута крест — накрест, но я тем не менее сочла важным её прочитать. «Организовать спортивные состязания между светлыми и тёмными командами». Ниже, под зачёркнутым текстом, было написано: «Разовьёт чувство конкуренции и, следовательно, усилит вражду». На следующей странице появлялась альтернатива: «Создать смешанные спортивные команды, состоящие из светлых и тёмных игроков. Организовать соревнования НЕ по признаку масти. Борьба за общую цель объединяет лучше любых лекций о терпимости».

Чуть дальше рассматривалось ещё одно возможное нововведение: «Льготы для тёмных при устройстве на государственную службу». Слева от записи фигурировало два вопросительных знака. Ниже чернилами другого оттенка было приписано: «Может вызвать возмущение светлых и, следовательно, усилить разобщённость».

И так далее. Конечно, в тетрадях не было чёрным по белому написано «преследую такие-то и такие-то цели», но по всему выходило, что Уилфорт сказал мне правду. Он работал над объединением мастей и мирным сосуществованием. Зачем и почему, я не знала, но в данный момент был важен сам факт. Он не солгал. А вот Брайан... Заблуждался? Допустим. Агентура в Настрии слабая, и королевский советник вполне мог получить неверную информацию. А положение дел в местной тюрьме? Тоже ошибка? Не слишком ли много заблуждений для второго человека в Оплоте?

Тело покрылась мурашками при мысли о том, что я вполне могла убить Уилфорта, и прочитать его тетради лишь потом. И только задним числом обнаружить, что он вовсе не несёт угрозу Тёмному Оплоту... С другой стороны, он всё-таки говорил о том, что Оплот должен перестать существовать. Как же следует понимать эти слова?

Голова, казалось, раздулась от противоречивых предположений и готова была лопнуть. Меня снова начала бить дрожь, и на сей раз причина вряд ли заключалась в холоде. Плащ и тёплые одеяла защищали от него вполне надёжно.

На чтение ушло много времени. К тому же этой ночью я, как ни странно, долго спала. Думаю, когда в очередной раз пришёл Уилфорт, с момента нашего последнего разговора прошли примерно сутки.

Он снова пришёл вместе со стражником и снова отослал последнего после того, как была отперта дверь камеры.

Я сидела в углу на одеяле и подняла на «гостя» усталый взгляд.

— Что, опять вопросы будешь задавать? — утомлённо спросила я, кутаясь в плащ. — Уж лучше бы изнасиловал, честное слово... Десять минут — и всё.

— Спасибо за предложение, — не моргнув глазом, кивнул Уилфорт. — Я повременю, не возражаешь? Если тебя так утомили мои вопросы, с ними можно и подождать. Хотя нет, есть один. Начальник охраны вцепился в меня мёртвой хваткой и требует прояснить этот момент. Не подскажешь, как именно ты собиралась уйти из дворца? Посреди ночи стража тебя бы просто так не выпустила.

Он уже привычно сел рядом и вопросительно на меня посмотрел. Я прикусила губу. С одной стороны, раскрывать секреты собственной разведки я не желала. С другой, после всего, что я узнала, мне уже совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь другой воспользовался этой лазейкой и довёл дело до конца. С третьей, Уилфорт знает свой дворец, ему и самому должно быть несложно догадаться. Кстати, а это идея!

— Если сам догадаешься, я подтверждаю, — заявила я.

— Ну хорошо. — Уилфорт не стал упрекать меня в наглости и вместо этого легко принял правила игры. — Главные ворота на ночь закрыты и хорошо охраняются, стало быть, не они. С двумя боковыми выходами — та же история. Ограда высокая. Это преодолимо, но по верху установлена система сигнальных огней. Ты могла о ней не знать.

Вопросительный взгляд в мою сторону. Я покачала головой. Не угадал.

Он кивнул, принимая к сведению.

— Пойдём дальше... Чёрт, в том-то и проблема, что ответа нет ни у меня, ни у начальника охраны! Допустим, вы могли прознать про потайной ход в Кедровый переулок. Поскольку он выводит из библиотеки, это даже было бы логично. Но два месяца назад ту его часть, что прилегает к переулку, завалило. Обвалился потолок, причём настолько основательно, что разбирать завал не имеет смысла, проще новый тоннель прорыть. Стало быть, этот вариант тоже отпадает.

Мне стоило большого труда удержаться и не поднести руку к горлу. А перехвативший это самое горло спазм не сразу позволил заговорить.

— Скажи, флакон, который твои люди нашли при обыске... — Я даже не отдавала себе отчёт, насколько резко меняю тему. — Они определили, какой именно яд там был?

— Конечно, — немного удивлённо ответил Уилфорт. — Иначе я бы не был уверен, что это действительно яд. Там так называемый «рыбий яд», коморфон. Тот же, что и в твоей капсуле.

На сей раз я всё-таки поднесла руку к горлу. Коморфон, добывавшийся из ядовитой речной рыбы (отсюда и его название в просторечье), известен тем, что действует практически мгновенно. То, что именно это вещество используется в капсуле, совершенно логично. А вот флакон... По официальной версии меня снабдили ядом отсроченного действия, предоставляющим возможность спокойно покинуть дворец прежде, чем там поднимется шум. А оказалось, что яд бы подействовал мгновенно, пока я ещё сидела с Уилфортом за столом. Тут бы меня и повязали.

— Элайна! Элайна! Что с тобой?

Слова достигли моего сознания словно сквозь пелену тумана. Напряжённо хмурясь, я подняла взгляд на сидящего рядом мужчину. Всё расплывалось перед глазами, но почему-то именно сейчас мне показалось, что я узнаю в этом человеке Сэнда. А потом я отключилась.

Глава 5

— Как видите, мы очень серьёзно подошли к разработке данного проекта.

Леди Эрсон мягко улыбнулась и сложила руки перед собой, давая понять, что передаёт слово ему, лорду Ковальди.

— Да, я действительно вижу чрезвычайно глубокую... проработку, — согласился лорд, не в силах оторвать взгляда от впечатляющего декольте визитёрши.

Леди Эрсон вообще была женщиной во всех отношениях привлекательной. От рыжеволосой красавицы в зелёном платье — цвет, идеально подходящий представительницам её масти, — так и веяло некой загадочной чувственностью. Правда, круглые очки и сосредоточенное выражение лица не позволяли мужским фантазиям зайти совсем уж далеко, напоминая, что леди — женщина деловая и на глупости не настроена. Однако роскошная грудь всё равно манила, и взгляд сорокапятилетнего лорда, королевского приближённого и достойного представителя иллойского дворянства, нет — нет — и опускался ниже, чем положено.

— Полагаю, вы успели просмотреть все бумаги. — Леди то ли не заметила не вполне приличное

поведение собеседника, то ли разумно предпочла не заострять на оном внимание. — Если вам требуются какие-либо пояснения, я к вашим услугам. — Она наклонилась немного вперёд, чтобы дотянуться до бумаг, и лорд Ковальди невольно сглотнул: в вырезе платья открылся и вовсе сногшибательный вид.

Однако же просмотреть бумаги лорд действительно успел, хоть это и была весьма внушительная стопка. Но ведь и дело немаловажное, и вложения, которых у него просили, тоже весьма внушительные.

План создания школы для бездомных детей был разработан во всех деталях. Это были не просто мелкие первичные наброски, а чрезвычайно подробные расчёты. Список действий, конкретные суммы, соответствующие реальным ценам (последнее лорд Ковальди не поленился проверить). Сроки строительства, стоимость материалов, цена уже присмотренного земельного участка, действительно выставленного на продажу. Однако строительством дело не ограничивалось, и далее следовала информация собственно о будущей школе: правила приёма детей, обеспечение их всем необходимым, концепция преподавания, даже предположительный список учителей. И неременное условие: ежегодная церемония завершения первого триместра с выражением благодарности в адрес лорд Ковальди, в присутствии последнего.

Также был приведён список благотворительных организаций, к которым организаторы проекта обращались за дополнительными средствами.

Любопытно: оно сама занималась этими расчётами? Да нет, не может быть. Чтобы красивая — да ещё и умная? Нет, у неё, должно быть, толковые помощники.

— Да, я успел ознакомиться с вашим планом и нахожу его вполне реализуемым, — сказал он вслух.

— Я счастлива это слышать. — Леди улыбнулась, но сдержанно, по — деловому. — Вы ведь понимаете, лорд Ковальди, насколько важен этот проект. Не только для детей, но и для нашего общества в целом. Не сомневаюсь, что он будет активно обсуждаться в газетах и в итоге послужит толчком для многочисленных перемен в жизни столицы. И в первую очередь как простые люди, так и политики оценят именно вашу щедрость.

— Ну, не стоит преувеличивать, — благодушно покачал головой лорд. — В первую очередь они оценят ваши старания.

— О нет, — не согласилась дама. — Без вашей поддержки наши старания ничего не стоят. Ведь важны не намерения, важен результат. А для достижения результата необходимы средства. Кстати, вы знаете, в некоторых странах существует обычай вешать в учебных заведениях, городских парках и прочих общественных местах таблички с именами людей, благодаря щедрости которых всё это было создано? Я думаю перенять эту традицию.

Ковальди с важным видом покивал. Несмотря на все преимущества, которые давало его состояние и знатное происхождение, он не мог избавиться от чувства, что недостаточно уважаем иллойским дворянством. Ключевая роль в таком вот проекте вполне могла исправить это досадное обстоятельство. Похоже, сами боги послали ему леди Эрсон с её идеей.

— Ну что ж, я всё обдумал и готов вложить средства в ваш проект, — сказал он наконец. — Разумеется, при условии, что мы подпишем все соответствующие бумаги.

— Ну конечно же, — серьёзно заверила леди. — Всё должно быть задокументировано. Без подписи — никуда. Так говорит мой советник.

Лорд Ковальди довольно кивнул. Ну вот, конечно же. Советник. Естественно, она не сама занимается столь непростыми делами.

Меж тем леди Эрсон достала из папки ещё несколько бумаг. Ковальди велел казначею принести деньги и сосредоточился на документах. Расписка в получении указанной суммы. Дополнительная бумага, с подробным указанием целей, на которые будут использоваться полученные деньги. Уже с подписью нескольких гарантов, весьма уважаемых в городе людей, которые берутся проследить за ходом распределения средств.

Просмотрев документы, Ковальди кивнул и принялся выводить своё имя рядом с подписью леди Эрсон.

Несуществующей леди Эрсон, которая, получив деньги, исчезнет, чтобы никогда больше не возвращаться.

В горле першило, на лбу выступила испарина, веки никак не хотели разлипаться.

— Как я уже говорил, тяжёлая простуда в сочетании с сильным стрессом, — произнёс незнакомый мужской голос. — Ничего серьёзного, но несколько дней она пролежит в постели.

— Она не приходит в себя почти сутки. — А это уже говорит Сэнд... то есть Уилфорт.

— Она просто спит. Это побочный эффект микстуры. И ей он только на пользу.

— Понятно.

— Если же вас интересует, как скоро её можно будет вернуть в тюрьму...

— Благодарю вас, это излишне.

Так, стало быть, напрашиваются два вывода. Первый: я провалялась целые сутки. Второй: в данный момент я не в тюрьме.

Последнее заставило меня приоткрыть глаза. Спальня. Не та, в которой меня повязали несколько дней назад. Но интерьер напоминает другие комнаты во дворце Уилфорта, так что, скорее всего, меня просто перевели на один из жилых этажей.

Поймав взгляд Уилфорта, я сообразила, что было бы разумнее ещё некоторое время полежать с закрытыми глазами. Но спохватилась поздно. Изобразить внезапный обморок уж точно было бы глупо.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, подходя и садясь на кровать рядом со мной.

Совсем близко. Я бы предпочла, чтобы расстояние было более существенным.

На мой лоб опустилась ужасно холодная ладонь. Или это лоб у меня горячий? Пока я раздумывала над этим вопросом, на лоб лёг неведомо откуда извлечённый компресс.

— Зачем ты возишься со мной? — Мой голос прозвучал неожиданно слабо.

— Что?

Рука, пристраивавшая компресс у меня на лбу, на миг замерла.

— Зачем ты возишься со мной? — повторила я, прокашлявшись. Теперь голос звучал громче. Правда, попытка приподняться на локте привела к головокружению, и мне пришлось снова опустить голову на подушку. — Отправил бы, в самом деле, обратно в тюрьму после того, как лекарь позволит. А до тех пор препоручил бы кому-нибудь из слуг. С какой стати ты самолично делаешь мне компрессы?

— Хороший вопрос, — откликнулся Уилфорт, вставая с кровати. — Может быть, потому, что, как ни крути, ты — моя жена?

— Как ты узнал?!

Разом позабыв свой недавний опыт, я резко села на постели. Тяжёлый компресс не слетел с лица, но сполз на глаза. Снова оказавшийся рядом Уилфорт надавил мне на плечи, заставляя лечь, и возвратил повязку на место.

— Стало быть, тебе об этом было известно, — заключил он. — Что ж, я так и предполагал. Я отвечу на твой вопрос, — пообещал он затем. — Но сначала скажи мне одну вещь. Когда ты пришла в этот дом с целью меня убить, ты уже была в курсе?

— Нет, — призналась я. Качать головой с компрессом на лбу не решилась. — Можешь не верить, но даже не подозревала. Я поняла, только когда пришла к тебе в спальню, и то не сразу. Лишь после того, как увидела шрам. Поэтому у меня и дрогнула рука, выражаясь твоими словами.

Он улыбнулся, как мне показалось, с выражением облегчения на лице.

— Выходит, мне следует благодарить этого пьяницу — священника за спасённую жизнь, — подытожил он.

— Не факт, — возразила я, прикрывая глаза. — Не уверена, что в конечном итоге я смогла бы нанести тот удар. Даже если бы не увидела шрам. Похоже, убийство просто мне не по силам.

— Занятно: ты говоришь об этом как о слабости, — заметил Уилфорт.

— Это и есть слабость.

— Многие скорее сочли бы, что достоинство.

— Не важно, — поморщилась я. — Ты всё ещё не ответил на мой вопрос.

— Хорошо. Подожди минуту.

И Уилфорт вышел за дверь.

Вскоре он вернулся, неся в руках пару предметов одежды. Первым он продемонстрировал мне пояс из листьев.

— Если помнишь, ты потеряла его на балу.

Я кивнула. Было дело. Я слишком торопилась тогда, чтобы его подбирать. Но что это меняет? Как можно опознать человека по поясу? Уилфорт что, примерил его на меня, пока я спала? Но даже если и так, мало ли женщин с одинаковой фигурой? И, кстати сказать, в талии пояс был

мне великоват, он держался чуть ниже. Впрочем, долго меня Уилфорт в неведении не продержал.

— А вот это, — он продемонстрировал мне мой плащ, — я осмотрел во время обыска, после того, как тебя арестовали. Ты заметила, что на поясе не хватает одного листа?

Да, я обратила на это внимание. Листа не то чтобы не хватало, скорее большая его часть успела оторваться, видимо, тогда же, когда я потеряла пояс.

— Так вот, я обнаружил его прицепившимся к подкладке твоего плаща.

Я медленно выдохнула. Так вот в чём дело! Так просто и так глупо. И именно так, должно быть, попадают шпионы. На таких несущественных, казалось бы, мелочах. По — видимому, когда пояс порвался и слетел на пол, один сухой листок прицепился к платью. Потом я надела плащ, куталась в него, стараясь остаться неузнанной, и лист перекочевал на подкладку. Снимая плащ, я этого не заметила, а больше с тех пор его не надевала: погода стояла тёплая.

— Как видишь, листья весьма запоминающиеся, — продолжал Уилфорт. — Хотя, по правде сказать, это лишь послужило подтверждением.

— Что ты имеешь в виду?

— С самого начала, узнав об оплошности священника из газет, я не слишком сильно напрягся. Злился, конечно, но не настолько сильно, как можно было бы ожидать в подобной ситуации. Интуиция подсказывала, что ты появишься. Затем во дворце появилась девушка — архитектор, отчего-то вызывавшая у меня симпатию... того же рода, что и незнакомка на балу. В придачу мне всё время казалось, что тёмные волосы пошли бы тебе значительно больше. Я словно мысленно примерял на тебя тот парик. Ну а затем, после того, как всё случилось... Нетрудно было сопоставить события и слова Давирры о том, что она занимается не тем, что считала прежде своим призванием, и чувствует, что оказалась в ловушке, так как жизнь нельзя повернуть вспять.

— Из этого ты сделал вывод, что я не убийца? — проговорила я, глядя в потолок. — А вовсе не из того, что у меня дрогнула рука?

— Конечно. Рука могла дрогнуть по тысяче причин. Не последняя из них — наше пусть специфическое, но супружество.

— Кстати, что ты собираешься предпринять по этому поводу?

Я решила сконцентрироваться на скользкой теме нашего брака, дабы уйти от ещё более скользкой темы несостоявшегося убийства.

В глазах Уилфорта мелькнула Сэндовская смешинка.

— А ты уверена, что я собираюсь что-то предпринимать?

Я лишь устало махнула рукой.

— Просто хочу сказать, что ты можешь приводить священника в любой момент. Я не собираюсь устраивать никаких проблем в этом отношении. Ни сопротивляться разводу, ни болтать о случившемся, ни тем более пытаться тебя шантажировать. Не моя это стихия.

— Верю. Но для начала просто поправляйся и набирайся сил. Разобраться с разводом мы всегда успеем.

— Хорошо, — покладисто согласилась я.

То ли сработали лекарства, то ли на меня оказал благотворное воздействие наш разговор, но я уже почувствовала себя существенно лучше. Слабость, конечно, никуда не делась, и горло побаливало, но в остальном я как будто была в полном порядке.

— Пожалуй, я оставлю тебя и дам возможность спокойно отдохнуть, — заявил Уилфорт, поднимаясь.

— Один вопрос.

Он замер, глядя на меня в ожидании.

— Когда я начну подниматься с постели... Мне можно будет передвигаться по дворцу?

Уилфорт отвёл взгляд.

— В твоё распоряжение будет предоставлено несколько комнат, — честно ответил он. — Точнее сказать, приличная часть этажа. Но выходить за её пределы ты не сможешь. Можно сказать, что я перевёл тебя из тюрьмы на домашний арест. Прости, но большего я сделать пока не могу. Надеюсь, ты отнесёшься к ситуации с пониманием.

Я усмехнулась. Учитывая, что этот человек мог бы без особых сантиментов повесить меня на ближайшем дереве за покушение на его жизнь и шпионаж, пожалуй, я была вполне готова отнестись с пониманием к домашнему аресту.

— Если тебе нужны какие-нибудь вещи, только скажи, — добавил Уилфорт, будто стремясь реабилитироваться в моих глазах.

— Верёвочная лестница, пила для решёток и холодное оружие, — не задумываясь, отчеканила я.

— Здесь нет решёток, — рассмеялся он.

Всё-таки у него улыбка Сэнда.

— Неважно, пусть будет. Пила всегда пригодится, — заверила я. — Если на то пошло, то двое мужей — это значительно лучше, чем один. Причём заметь: двое законных!

— Я подумаю, — без капли искренности пообещал Уилфорт. — Что-нибудь ещё?

— Если мою одежду уже обыскали, было бы неплохо получить её назад. — На сей раз я подошла к предложению серьёзнее.

Уилфорт кивнул; никаких признаков возражения я на его лице не прочтала.

— Ну, и личные вещи — гребень и тому подобное. Рабочий инвентарь, так и быть, можешь оставить себе, в качестве приданого.

— Полдюжины париков разных оттенков, два кинжала, флакон с ядом и ещё пара склянок с весьма неприятной жидкостью, разъедающей кожу, — ровным голосом перечислил Уилфорт. —

В сочетании с пьяным священником это именно та свадьба, о которой я мечтал всю жизнь.

На этой оптимистической ноте мы и расстались.

Моё самочувствие улучшалось не по дням, а по часам. Что тут можно сказать? Светлая магия лечит в тысячу раз эффективнее даже самых прекрасных микстур. А у меня к тому же болезнь была пустяковая. Через пару дней я прекрасно держалась на ногах и начала осматриваться на предоставленной в моё распоряжении территории. Здесь было довольно много комнат. Есть где и посидеть, и полежать, и потрапезничать, и помыться, и даже подышать воздухом на балконе. Внутри мне никто не докучал, но вот за каждой дверью в коридор ненавязчиво маячил стражник. В саду под балконом — тоже. Мне обеспечили хорошие условия жизни, но свободу никто не предоставлял. Впрочем, всё было честно: Уилфорт поступил ровно так, как обещал. Было очевидно, что долго так продолжаться не может, но чего ожидать в дальнейшем, я могла лишь предполагать.

Вскоре после того, как я стала вставать на ноги, Уилфорт приступил к плавному прояснению этого вопроса.

— Думаю, нам есть о чём поговорить, — сказал он, в очередной раз навестив меня в предоставленных мне покоях.

— Хочешь пригласить священника? — предположила я.

— Пока я имел в виду дела, более приземлённые. Однако не менее важные. Что ты скажешь, если я предложу тебе сотрудничество?

Я тут же отбросила на блюдце бутерброд, который перед этим поглощала с немалым аппетитом.

— Работать во вред Оплоту я не буду, — безапелляционно заявила я.

После чего стиснула зубы и сжала руки в кулаки, морально готовясь к резкому переходу из гостиной в камеру и от бутерброда к несъедобной каше.

— Кто сказал, что во вред? — и бровью не повёл Уилфорт. — Возможно, ты забыла, но у меня совершенно другие цели. Не вредить Оплоту, а привести к равноправию. Тёмные заинтересованы в этом не меньше. Мне отлично известно, каковы условия жизни в Оплоте.

— Всё это может хорошо звучать, — отозвалась я, — и может даже быть правдой. Но я не собираюсь доносить на своих сослуживцев, даже во имя великой цели.

Даже если они меня предали и подставили. Во всяком случае, не раньше, чем разберусь, кто именно это сделал и с какой целью. А разобраться я была намерена твёрдо.

— Мне и не нужно, чтобы ты на них доносила. — Уилфорт скривился, будто ему противно было бы слушать такие доносы. — У меня и так есть осведомители в Оплоте. А то, чего не знают они, вероятнее всего, и от тебя держится в секрете. Меня интересует сотрудничество совершенно другого рода. Вот например: ты могла бы устроить мне встречу с кем-нибудь из верхушки тамошней власти? С королём, с Коллинзом, на худой конец — с Кеннингтоном?

— Где? — криво усмехнулась я. — На твоей территории? Они не поедут в Настрию — и

правильно сделают.

— Я готов отправиться к ним сам.

— И сделаешь неправильно, — пожала плечами я. — Во всяком случае, я тебе не рекомендую. Или ты уже забыл, с какой целью меня сюда прислали?

— Помню, — хмыкнул он. — Но это совершенно разные вещи. Одно дело женщина, которая появилась в моём доме и совершила преступление. Кто знает, откуда она пришла и зачем? Даже если она во всеуслышание заявит, что всему виной — король Тёмного Оплота, кто поверит? Мотивы вполне могут оказаться личными. Власти Оплота, ясное дело, ответственность на себя не возьмут. Своим же подданным и вовсе скажут, что девушку светлые стражи убили лишь из-за цвета её волос. Всё остальное — навет и клевета. Если же я приеду в Оплот, то сделаю это официально. С сопровождающими, с шумом, под возгласы толпы, с освещением каждого шага в газетах. Не потому, что мне всё это нравится. А потому, что в такой ситуации власти Оплота не решатся причинить мне вред. Если я не вернусь оттуда живым, даже Грань Безопасности может оказаться недостаточно надёжной защитой от гнева настрийцев.

Я слушала, взвешивала его аргументы и мотала на ус. В чём-то он прав, но риск в такой затее, тем не менее, присутствует. С одной стороны, Уилфорт разбирается в политике лучше меня. С другой, он гораздо хуже меня представляет, насколько хитёр может быть Брайан. Так или иначе, мне было к чему прислушаться.

— Впрочем, — осадил самого себя Уилфорт, — не факт, что мне следует обращаться к тебе за посредничеством. Ещё не известно, как отреагируют власти Оплота на твоё появление. По — моему, они не рассчитывали, что ты выйдешь с этого задания живой. И уж во всяком случае не будут довольны, что ты провалила задание и вступила со мной в переговоры без их ведома. Подозреваю, что в Оплоте тебе лучше больше не появляться. В целях твоей же безопасности.

— Если я когда-нибудь выйду из-под ареста, то всё равно вернусь в Оплот, — отрезала я. — Там мой дом. И как бы ни поступили со мной власти — а в этом ещё только предстоит разобраться, — я не собираюсь предавать свою родину. И бросать её тоже не собираюсь.

Я сама не заметила, как перешла на повышенный тон.

— Насколько я понимаю, Настрия — тоже твоя родина. — В ответе Уилфорта тоже звучала повышенная эмоциональность. — И даже в большей степени. Ведь ты родилась именно здесь, разве не так?

— Так, и что с того? — огрызнулась я.

— Стало быть, именно здесь и есть твоя родина.

— Видала я такую родину в...

Я высказалась не совсем прилично, зато ёмко.

— Интересно, чем она тебе так не угодила? В конце концов, с преступными намерениями сюда пришла именно ты. Да, твоему народу здесь сильно досталось, но с тех пор прошло двести лет! Всё закончилось задолго до того, как ты появилась на свет. Согласен, предубеждения живы до сих пор, но они — взаимны! Так какого же демона такая ненависть к своей стране?

— Какого демона? — переспросила я, окончательно выйдя из себя. — А вот какого!

Это выходило за рамки всяких приличий, но в тот момент мне было наплевать. Я стянула через голову платье, оставшись в итоге в одном белье. Полагаю, однако, что вовсе не панталоны разглядывал Уилфорт в эти секунды. Поскольку моей целью было продемонстрировать ему шрамы, пусть старые и относительно зажившие, зато наглядно украшавшие всю спину и одно плечо.

— Откуда это?

Судя по тону, весь недавний запал Уилфорта сошёл на нет.

— Добрые светлые, уже двести лет как не мыслящие о дурном, обвинили в воровстве тихую и скромную девочку — библиотекаря, — ответила я, поворачиваясь к нему лицом. Нехватка одежды по — прежнему мало меня волновала. — Обвинили без малейших на то оснований, разумеется, если не считать цвета волос. И девочка подставила свою спину под плеть. А после этого собрала вещи и стряхнула прах своей «родины» с ног, намеренная никогда больше не возвращаться. Вот только жизнь сложилась по — другому.

Лицо Уилфорта стало каменным; глаза, периодически казавшиеся голубыми, приобрели стальной оттенок.

— Кто отдал приказ? — спросил он.

Я зло улыбнулась и с непонятным мне самой удовлетворением сообщила:

— Ты.

— Что значит «я»?

Он ещё не понял.

— Приказ подписало два человека. Мэр Тель — Мона — именно там я тогда проживала — и Александр Уилфорт из Иллойи. Но, может быть, ты скажешь, что у тебя здесь есть тёзка, имеющий право подписывать подобные документы?

Я изобразила вежливый интерес, будто была вполне готова выслушать и всерьёз рассмотреть подобное объяснение.

Теперь выражение лица Уилфорта было небесстрастным, а мрачным. Его руки машинально сжались в кулаки. Теперь он понял.

— Когда это было? — глухо спросил он.

— Три года назад.

Я больше не видела причин скрывать свою биографию.

— Что было украдено?

— Перстень. — Я презрительно скривила губы. — Только не спрашивай, как он выглядел. Я не имею об этом ни малейшего представления. Знаю только, что он был очень дорогой. Хотя вряд ли такие перстни стоят искалеченных жизней.

Уилфорт молча стоял, хмуря брови и глядя куда-то в пол.

— Я не помню, — наконец покачал головой он.

Попытки оправдаться тут не было; скорее, в его словах ощущалась уязвимость. Словно он считал важным вспомнить всё, как было, но не мог. Я безразлично передёрнула плечами.

— Куда уж вам, светлым лордам, помнить такие мелочи.

— Ты не могла бы помолчать? — рявкнул он.

Я снова пожала плечами и послушно сомкнула губы.

Уилфорт вышел в коридор и, не закрывая за собой дверь, проорал, что хочет немедленно видеть Джоя. Проорал он это так громко, что, думаю, Джой услышал бы, будь он даже на другом конце дворца.

— Прикройся, — распорядился Уилфорт, перекидывая мне плед.

Я так и поступила, поскольку и сама не планировала щеголять в одном белье перед всем населением дворца.

Секретарь появился чрезвычайно быстро. Двух минут не прошло точно.

— Лорд Уилфорт? — почтительно обратился к хозяину он.

Мне Джой приветственно кивнул, попытавшись изобразить бесстрастное лицо при виде моего наряда. Увы, такое выражение удавалось ему несколько хуже, чем его непосредственному начальнику.

— Твоя фамилия? — обратился ко мне Уилфорт тоном, не подразумевавшим пререканий.

— Элайна Кенборт, — равнодушно отозвалась я.

— Дело о краже перстня, в Тель — Моне, три года назад, — повернулся к секретарю Уилфорт. — Обвинение выдвинули библиотекаря Элайне Кенборт. Присылали нам на визирование. Помнишь такое?

— Элайна Кенборт... — Джой нахмурился и несколько раз беззвучно повторил моё имя, лишь шевеля губами. — Нет, простите, лорд Уилфорт, не припоминаю. Три года назад — это то самое время, когда тель — рейский округ только — только поступил в ваше ведение. Нам тогда присылали на визирование по десять — двадцать приговоров в день. Я, конечно, просматривал документацию и суммировал для вас, но, сами понимаете, глубоко вникнуть в каждое дело не было возможности.

— Это было до того, как я поставил над каждым городом отдельного куратора? — уточнил Уилфорт.

— Совершенно верно, — подтвердил Джой. — Это нововведение вошло в работу два с половиной года назад. Точнее, два года и восемь месяцев. С тех пор к нам присылают только наиболее сложные или деликатные дела, и их мы успеваем рассмотреть, как полагается...

— Понятно, — перебил его Уилфорт. — Но записи у тебя всё равно должны быть?

— Конечно, милорд. Я могу разыскать их прямо сейчас.

— Так и сделай. Разущи и принеси сюда. Я хочу, чтобы максимум через полчаса вся информация по тому делу лежала на этом столе.

И он указал на стол, за которым я совсем недавно в спокойной обстановке ела бутерброд.

Джой покинул комнату почти бегом. Ещё бы: попробуй, найди какое-то завалющее дело трёхлетней давности в столь короткие сроки. Уилфорт ушёл сразу следом за секретарём.

— Никуда не уходи, — предупредил он меня прежде, чем широким шагом выйти за дверь.

— Издеваешься? — проворчала я ему вслед.

Куда это, скажите на милость, я могла бы уйти, учитывая наличие стражников за каждым углом? А в данный конкретный момент у меня даже настроения обдумывать побег — и то не было.

Уилфорт вернулся минут через пять, держа в руке какую-то круглую коробочку.

— Ложись! — безапелляционно велел он, кивая на диван.

— Что? — нахмурилась я.

— Ложись на живот, — повторил он, похоже, не намеренный что-либо объяснять.

Нет, ну, казалось бы, что может быть понятнее? Аристократ заполучил под свой полный контроль иностранную шпионку. Женщина находится в его власти, прошлое показало, что он считает её привлекательной, к тому же ещё и супруга — стало быть, задолжала брачную ночь. Чего уж тут церемониться? Даже если я закричу и привлеку внимание всех местных стражников, останавливать Уилфорта они не станут. В самом лучшем случае замучают его советами.

Тем не менее, при всей этой, казалось бы, предельно прозрачной картине, я чувствовала какой-то подвох. Именно этот подвох заставил меня, мрачно покосившись на Уилфорта, послушаться и лечь на диван. Правда, я продолжала кутаться в плед, но он наполовину сполз, пока я укладывалась, а потом Уилфорт и вовсе сбросил его на пол. Сел рядом (спасибо, что не сразу сверху) и, нисколько не стесняясь, расстегнул мой бюстгальтер.

— Ноги раздвинуть, или сам справишься? — мрачно поинтересовалась я, не поднимая головы.

— Рот заткнуть, — не менее мрачно ответил Уилфорт.

После чего моей спины коснулось что-то холодное, склизкое и противное.

— А — а-а! — завопила я. — У вас, светлых, что, щупальца под одеждой спрятаны?

— Угу, а ещё рога и копыта, — подтвердил супруг. — Лежи и не дёргайся. Это целебная мазь. Немного неприятно, зато эффективно.

— Лучше бы ты меня изнасиловал, — пробурчала я, когда Уилфорт мазнул спину особенно щедрой порцией холодного «эффективного средства», — Это было бы менее изощрённо.

— Предложишь в третий раз — я так и поступлю, — пригрозил супруг, не прерывая экзекуцию.

— Думаешь, мне уже не втирали миллион разных средств? — проворчала я. — В лекарственных травах в Оплоте разбираются в тысячу раз лучше, чем здесь. Жизнь заставила научиться. А мной занимались самые лучшие целители.

— Но они не владели светлой магией, — возразил Уилфорт. — А эта мазь основана на магических компонентах. С ней всё заживёт в кратчайшие сроки. Помазать несколько раз — и не останется никаких шрамов.

Притерпевшись к малоприятной мази, я осознала, что Уилфорт наносит её хоть и уверенно, но крайне аккуратно. Будто опасается хоть самую малость потревожить старые раны. И ещё: если отстраниться от мази, прикосновения его рук отнюдь не были мне неприятны.

— Почему ты не подала апелляцию? — спросил он, не отрываясь от дела.

— Апелляцию? — хмуро переспросила я.

— После того, как тебе предъявили несправедливое обвинение, ты имела полное право это сделать.

— А я и сделала, — просветила я его.

— И к кому ты обратилась?

— К нашему градоначальнику. И знаешь, что услышала в ответ? — Я подождала пару секунд для пущего эффекта. — «Эти тёмные совершенно обнаглели за последние годы! Пора напомнить им, где их настоящее место».

Рука Уилфорта замерла, не донеся очередную порцию мерзкой мази до кожи.

— Лувер Сент? — уточнил он, скрипнув зубами.

Я промолчала в знак согласия. Уилфорт возобновил процедуру в прежнем ритме.

Его рука, обрабатывая шрам на боку, скользнула совсем рядом с грудью. И, хотя супруг даже не попытался воспользоваться ситуацией, у меня на пару секунд перехватило дыхание.

— Он получит всё, что ему причитается, — процедил Уилфорт.

— Да ладно! — фыркнула я. — Скажи ещё, что прикажешь выпороть его на площади.

— Вполне вероятно, что так и сделаю, — отозвался он, но данную тему временно пресёк. — Почему ты не подала апелляцию мне? Особенно после такого ответа?

— Смеешься? — Я даже приподнялась на руках и повернула голову, пытаюсь посмотреть ему в глаза. — Какую апелляцию? Уж если местный градоначальник отклонил её, даже не попытавшись вчитаться в подробности, чего можно было ждать от высшего аристократа, сидящего в своей столице и знать не желающего, что происходит у нас в захолустье? Да даже доберись я на Иллои, меня бы к тебе и на порог не пустили, не говоря уж об апелляции. Тем более, ты сам поставил подпись на приказе.

— Именно поэтому и пустили бы, — возразил Уилфорт. — В чём, по — твоему, суть такой подписи? Понятное дело, что, находясь в Иллои, я лично расследование не вёл и детали дела знал только из бумаг. Как, по — твоему, было там написано, что городские власти отнеслись к делу предвзято из-за масти подозреваемой? Фактически такая подпись означает, что я видел

документацию и беру данное дело под свою ответственность. А стало быть, и апелляцию рассмотреть обязан. Так что на порог тебя бы точно пустили. Возможно, ты бы не поговорила лично со мной. Но с Джоем или с кем-то из его коллег — абсолютно точно. А дальше дело передали бы и мне, особенно с учётом той цитаты, которую ты сейчас привела. И всё бы закончилось совершенно иначе. Вероятнее всего, плети бы получила не ты, а сам Сент.

— Ну конечно, — пробурчала я в диванную обивку, нисколько не веря в реалистичность такого развития событий.

Уилфорт в последний раз провёл пальцами по моей спине и остановился. Я ожидала либо окончания разговора, либо дальнейшего развития начатой темы, но он вдруг спросил совершенно другое:

— Было очень больно?

— Да. — Его, несомненно, не порадовал такой ответ, но я совершенно не собиралась облегчать ему жизнь. — Очень больно и очень унижительно. Настолько, что я не готова была снова смотреть в глаза ни тем, кто меня приговорил, ни тем, кто поддерживал. Я собрала вещи и ушла, как только позволило здоровье. И в сказки по «родину» больше не верю. Я оденусь, с твоего позволения.

Он не стал возражать. Просто поднялся с дивана и отвернулся, предоставляя мне свободу действий. А вскоре после того, как я привела себя в пристойный вид, возвратился Джой.

— Вот.

Он, запыхавшись, подошёл к Уилфорту и вручил ему несколько листов бумаги. Кажется, их было три или четыре. С того места, где я находилась, можно было разглядеть лишь чёрную вязь наклонного почерка, да казённую печать.

— Я успел их просмотреть. — Секретарь немного поколебался, затем добавил: — Возможно, вы сочтёте это важным... Масть обвиняемой нигде не упоминается. Ни прямо, ни косвенно.

— Понятно, — откликнулся Уилфорт, принимая бумаги. — Спасибо, Джой. Можешь идти. Но постарайся пока оставаться поблизости. Возможно, ты мне ещё понадобишься.

Секретарь кивнул и, не мешкая, покинул комнату.

Я забралась на диван с ногами. Уилфорт, не тратя времени на переход в другое помещение, сел за стол и принялся внимательно читать. Тикали часы. Покачивался маятник. Дальше по коридору двое слуг вели житейский разговор, но он доносился до меня лишь за счёт моего необычного слуха.

Наконец Уилфорт оторвался от бумаг.

— Говоря откровенно, я так и не вспомнил это дело, — признался он. — Однако оно и выглядит совершенно обыкновенным. О твоей масти действительно ничего не сказано. Написано, что ты была единственным человеком, с которым этот... — Уилфорт сверился с бумагой, — ... Иверт Ноллс общался в библиотеке. Дескать, ты провела его к стеллажам, помогла найти нужные книги и передала их ему из рук в руки.

— Враньё, — отозвалась я, обхватывая руками колени. — Я понятия не имею, кто такой этот

Иверт Ноллс и даже не поручусь, что он вообще заходил в тот день в библиотеку. В любом случае, мы крайне редко водим посетителей к стеллажам, кроме разве что постоянных клиентов, каковым этот Ноллс не являлся. Обычно просто приносим нужную книгу. А уж тот день я запомнила хорошо. Никаких исключений незнакомым посетителям я не делала. Не говоря уж о технической стороне вопроса. Знаешь, каким талантом надо обладать, чтобы стянуть у человека с пальца перстень так, чтобы он этого не заметил?

— Знаю, — рассеянно подтвердил Уилфорт, снова просматривая бумаги. — Один мой друг как раз недавно имел возможность пообщаться с таким специалистом. — И, никак не развивая больше тему высококвалифицированных воров, перескочил на следующий вопрос. — Здесь также сказано, что ты пыталась сбыть перстень у торговца драгоценностями. Однако он заподозрил, что дело нечисто, и ты ушла ни с чем. Ты продавала какие-нибудь украшения в тот период?

— Нет! — взвыла я.

Уилфорт пробежал глазами по тексту, во второй раз дочитывая страницу до конца.

— Составлено по всей форме, — заметил он, поднимая взгляд.

Прекрасно. Сейчас он меня ещё и во вранье обвинит, в придачу к краже. И что я после этого сделаю, я даже не знаю. То ли брошусь на него с кулаками, то ли начну крушить всё вокруг, то ли сама в окно выпрыгну, благо, что здесь высоко.

— Расследовать дело за давностью лет будет сложно, — замел Уилфорт, погружённый в собственные мысли.

Я бросила на него уничижающий взгляд, но он этого даже не заметил. Спустя непродолжительное время, подошёл к двери и кликнул Джоя. Тот появился практически сразу: видимо, предвидел такой поворот и поджидал совсем рядом.

— Свяжись с куратором Тель — Мона, — сразу же приступил к делу Уилфорт. — Пусть поднимут это дело и выяснят всё, что можно выяснить. — Он возвратил бумаги секретарю. — При этом пусть постараются не поднимать слишком много шума, чтобы не спугнуть никого прежде времени. На сегодняшний день наше единственное преимущество в том, что за три года все успели расслабиться. — Он немного подумал, не отпуская Джоя, затем продолжил: — Высока вероятность, что никакой кражи вообще не было, и дело полностью сфабриковано. Поэтому пусть для начала разыщут этого Иверта Ноллса и проверят, не носит ли он преспокойно тот самый перстень. Если моя версия верна, то поначалу он кольцо, конечно, припрятал, а вот сейчас, когда всё прошло и забылось, вполне мог снова вытащить его на свет.

— Вы полагаете... — с интересом проговорил Джой, но, не закончив, кивнул.

— Вариантов много, но этот вполне возможен. Дальше. Вызови ко мне градоначальника Тель — Мона.

— Вы откроете для него портал? — уточнил секретарь.

Вот, стало быть, какой магический дар у моего новоиспечённого мужа. Он открывает порталы. Причём, судя по всему, мощные, способные перенести человека на большое расстояние, раз уж для него не является проблемой портал из Тель — Мона в Иллойю.

— Слишком много чести, — покачал головой Уилфорт. — Пускай добирается своим ходом. Но я

открою портал для гонца с посланием.

— Ожидается период сильных дождей, — задумчиво заметил Джой.

— Вот и хорошо. Пусть получит полноценное удовольствие от путешествия.

— Быть может, было бы проще просто передать ему приказ об увольнении?

— Слишком просто, — возразил Уилфорт. — Нужно, чтобы подданные Настрии поняли: дискриминация по отношению к тёмным будет караться в высшей степени сурово. Это придётся продемонстрировать наглядно. И не где-нибудь в провинции, а именно в столице.

Секретарь понимающе склонил голову.

— Что-нибудь ещё?

— Нет, это всё. Можешь идти.

Джой ушёл, а я смотрела на Уилфорта и от удивления не могла отвести глаз, даже после того, как встретила ответный взгляд.

— Ты что, веришь мне вот так, на слово? — изумлённо спросила я.

— Верю, — подал плечами он. — А почему бы, собственно нет?

Я судорожно сглотнула. Да по массе причин!

— Потому что ты — тёмная, а я — светлый? — с сарказмом предположил он.

— А других причин мало? — выдала я. — Например, то, что я пыталась тебя убить?

— Так не убила же, — философски пожал плечами супруг.

— Я проникла в твой дом под обманным предлогом, — привела другой довод я. — Назвалась архитектором, специалистом по интерьеру, делала вид, будто исследую обивку и интересуюсь научными книгами. Я лгала тебе всю дорогу.

— До тех пор, пока не предстала в своём подлинном обличи. — Уилфорт слегка улыбнулся. — В образе блондинки ты была шпионкой и лгуньей. В образе брюнетки оказалась порядочной и честной девочкой.

— Так не бывает, — фыркнула я.

— Бывает, как видишь.

— Ладно. А как насчёт того, что я наговорила тебе кучу гадостей?

Теперь я ожидала его реакции, оперев руки в бока.

— Большая часть из них была справедливой, — признал он.

— Я вышла за тебя замуж! — воскликнула я, не зная, что бы ещё сказать.

— Вот это действительно серьёзно, — кивнул Уилфорт. — Но я ещё не решил, как к этому отнестись. Впрочем, мы ведь уже упоминали, что именно это спасло мне жизнь.

Я бессильно опустила руки и столь же обессиленно покачала головой.

— Знаешь, мне кажется, я просто не в состоянии тебя понять. Я не понимаю, что тебе нужно и чего ты добиваешься.

В противовес смыслу сказанного мои губы тронула улыбка.

— А что тебе нужно, ты понимаешь? — спросил Александр, склонив голову набок.

Я с тяжёлым вздохом мотнула головой. Затем уверенно заявила:

— Но я разберусь. Для этого нужно всего лишь немного времени и чуть больше информации.

Вдаваться в подробности того, как именно я собираюсь эту информацию добывать, я не стала.

Супруг кивнул, принимая такой ответ.

— В таком случае, когда разберёшься, что нужно тебе, тогда мы поговорим и о том, что нужно мне.

Что ж, это было легитимно, и я не стала спорить. Возможно, к тому моменту, когда я во всём разберусь, тебе уже не удастся со мной поговорить, Александр Уилфорт. Но и об этом тебе совершенно не нужно знать.

— Если не возражаешь, теперь я оставлю тебя, — сказал между тем супруг. — Мне нужно вернуться к своим делам.

— Как скажете, лорд Уилфорт.

Он поморщился.

— Раз уж мы — муж и жена, как минимум временно, зови меня как-нибудь попроще.

— Например?

Я ужаснулась, прокручивая в голове такие варианты, как «котик», «лапусик» и «солнышко».

— Например, Сэнд, — успокоил меня муж. — Кстати это вполне настоящее имя. Просто его мало кто использует, в основном близкие друзья.

Я согласно склонила голову. А он вдруг подошёл и на прощание поцеловал меня в губы. Легко, почти невесомо. На несколько секунд мы так и застыли после этого поцелуя, не шевелясь.

— Я помню твоё предупреждение про третий раз, — тихо сказала я, почти касаясь губами его тёплой щеки. — Не дождёшься.

— Посмотрим, — так же тихо парировал он, после чего всё-таки покинул комнату.

Глава 6

Я обещала Сэнду во всём разобраться, и слово своё намеревалась сдержать. Поэтому большую часть своего свободного времени — коего было теперь предостаточно — я занималась тем, что думала. Думала, анализировала, сопоставляла факты. Старалась отделить эти самые факты от

эмоций. И постепенно навести порядок в той неразберихе, что творилась сейчас у меня в голове. Надеюсь, что и душевный хаос удастся таким образом обуздать.

Главный тревоживший меня вопрос касался даже не Сэнда и не его подлинных намерений. Значительно сильнее меня тревожил Брайан. Брайан и власти Оплота в целом. Почему меня отправили на такое, мягко говоря, нетипичное задание? Почему столь тщательно позаботились о том, чтобы я с этого задания не вернулась? Знал ли о подставе Брайан? Чья это была инициатива? Сэнд внёс в собственный список подозреваемых Кеннингтона, но я сильно сомневалась на этот счёт. На мой взгляд, Кеннингтон был слишком прямолинеен для подобных комбинаций. Вот Брайан мог устроить подобное с лёгкостью, но только зачем бы ему понадобилось меня устранять? Ведь как агент я приносила несомненную пользу. Кто ещё? Собственно король? Всё возможно. Признаться, он оставался для меня тёмной лошадкой, уж простите за невольный каламбур. За три года жизни в Оплоте я видела его величество не меньше дюжины раз. Мы были официально представлены, он улыбался мне и даже здоровался за руку. Но раскусить его мне не удалось. Двадцатисемилетний Луис Пятый производил впечатление человека незрелого, нервного и ничего особенного из себя не представляющего. Но мне казалось вероятным, что это всего лишь хорошая игра, а что скрывается под маской, знают только избранные. И я в их круг не входила. Вот Брайан — наверняка.

За такими мыслями меня и застал Сэнд, пришедший, чтобы вместе пообедать. Он нередко делил со мной трапезу, с моего добровольного согласия. Во время еды мы не слишком много разговаривали, погружённые каждый в собственные раздумья. А вот позднее, когда слуги убрали со стола, а я переместилась поближе к камину, с моих губ всё-таки сорвался ещё один важный вопрос.

— Скажи, Сэнд, ты действительно не имеешь отношения к гибели этих мальчиков?

Я тут же поняла, что спорю глупость. Ну, кто же ответит на такой вопрос положительно? Совершенно независимо от того, как обстоят дела в действительности! Тем не менее, как говорится, слово не воробей, так что я приготовилась внимательно выслушать ответ Сэнда.

— Как тебе сказать... — задумчиво проговорил он. Такое начало заставило меня здорово напрячься. — Я не убивал этих мальчиков лично. Не отдавал такого приказа. И никому не намекал, будто подобное развитие событий было бы желательно. Если ты имеешь в виду что-нибудь в этом роде, то мой ответ — нет. Однако я, как ни крути, несу ответственность за всё, что происходит в том округе. А данный случай — совершенно вопиющий. Так что в каком-то смысле это бесспорно имеет ко мне отношение. Так же, как и то, что случилось в своё время с тобой.

— И что же, ты думаешь, там произошло? — спросила я, подаваясь вперёд.

— Вот в том-то и дело, — мрачно бросил Уилфорт. — Я этого не знаю. Я прибыл на место одним из первых, поскольку мои магические возможности включают создание межпространственных порталов. Я осмотрел место трагедии сам и привлёк к делу лучших специалистов. Никто пока не сумел разобраться в ситуации. И вовсе не потому, что, как намекают некоторые газеты, дело ведётся спустя рукава.

— А почему тогда?

Сэнд поморщился: ему явно неприятно было об этом говорить.

— Узкая дорога, каменистая почва, почти нет растительности. И при этом дорогой пользуется

немало людей, как конных, так и пеших. Очень легко замести следы, если они вообще были.

— Что значит «если были»? — нахмурилась я.

— Это значит, что мы можем иметь дело просто с несчастным случаем. С большой трагедией, но — никем не подстроенной. Разумеется, это только один из вариантов, и я понимаю, что не захочешь согласиться с его реалистичностью. Тем не менее, он реален. Дорога действительно довольно опасная. Но есть, конечно, и другой вариант. Возможно, некий злоумышленник «помог» повозке сорваться с обрыва.

— У тебя есть предположения, кто бы это мог быть.

— Здесь опять же много вариантов. Слишком много, чтобы сказать, что мы приблизились к разгадке. Наиболее напрашивающаяся версия — это ненавидящий тёмных фанатик. Она кажется логичной, но не нравится мне по той простой причине, что как фанатиков обычно бывает достаточно легко поймать. Они недостаточно внимательны к следам, которые оставляют на месте преступления. А профессионалы, которых я туда направил, отлично разбираются в подобных вещах. Есть и другие возможности, не имеющие никакого отношения к масти погибших.

— В самом деле?

— Сколько угодно. Например, кто-то из них мог оказаться богатым наследником, которого решили устранить. И это мог быть как любой из мальчиков, так и учитель, а то и извозчик. Однако пока в этом направлении ничего не нашли, так что я склонен отдать предпочтение предыдущим версиям.

— А каким образом можно было подстроить падение повозки не оставив при этом следов? — нахмурилась я. — Если бы, например, в лошадь стреляли, осталась бы стрела или арбалетный болт. Или бросили камень? Но это кажется ненадёжным.

— Есть способы, — откликнулся Уилфорт. — Например, лошадь могли банальнейшим образом испугать. Скажем, выпустить на дорогу змею. Лошадь шарахнулась бы от неё — и этого было бы достаточно для падения. Но это пока не более чем гипотезы. В сущности...

Нас прервал слуга, вошедший в комнату с докладом.

— Прибыл лорд Роберт Мэдисон.

Судя по тому, как Сэнд приподнял брови, визит оказался незапланированным.

— Хорошо. Я приму его в Зале Весов. Проводи его туда и предложи что-нибудь выпить. Извини, — обратился он уже ко мне. — Я должен пойти встретить гостя.

Я кивнула, оставшись сидеть на прежнем месте. Зал Весов назывался так за счёт крупной скульптуры, изображающей две чаши того самого устройства для определения массы. Чаши застыли неподвижно, одна чуть выше, вторая капельку ниже, и ощущение складывалось такое, что они в любую секунду могут прийти в равновесие. Но в данный момент главным свойством этого зала было то, что он находился по соседству с комнатой, в которой мы только что трапезничали. При закрытых дверях для большинства людей это ничего не значило. Но у меня были все шансы, немного поднапрягший, расслышать разговор.

Подслушивать нехорошо? Да, конечно. И шпионить тоже, и лгать, и воровать информацию. Но

так уж сложилось, что за хорошее поведение я получила пятнадцать плетей и — как следствие — исполосованную спину. Не то чтобы после этого я решила поступать плохо всему и всем назло. Но представление о плохом и хорошем претерпело существенные изменения. А в данный момент я была пленницей. Возможно, со стороны это выглядело иначе. Возможно, я сама это заслужила. Возможно — и даже точно — Уилфорт обошёлся со мной в высшей степени снисходительно. И тем не менее это не меняло самого факта: я была лишена свободы выбора и свободы передвижения. И если подслушанный разговор мог в чём-то мне помочь, я не собиралась испытывать в связи с этим угрызения совести.

— Что за слухи до меня доходят? — Голос лорда Роберта Мэдисона был таким зычным, что, по моему, его вполне могли бы расслышать и обладатели обыкновенного слуха. — Будто ты выпустил из тюрьмы ту девицу, которая напала на тебя с кинжалом, и теперь она живёт в твоём доме и катается, как сыр в масле. Развей мои сомнения: ведь это всё бред болтунов?

Звон посуды. Возможно, кто-то из присутствующих поставил на стол бокал с вином.

— Я не знаю, что такое в твоём представлении «кататься, как сыр в масле», — откликнулся Уилфорт. — Но в целом да, всё верно.

— Ты ненормальный, — констатировал Роберт после короткой паузы.

Сэнд отреагировал на эти слова коротким смешком.

— Она же пыталась тебя убить! — воскликнул Роберт.

— Ты знаешь, у неё были на то неплохие причины.

Молчание. Не иначе, у лорда — друга отвисла челюсть.

— Скажи-ка, — с подозрением в голосе проговорил он, — а она тебя часом не околдовала? Заставила думать то, что выгодно ей. Говорят же, что тёмные подобное умеют.

— Роб, я тебя умоляю! — протянул Сэнд, явно при этом морщась. — Ну ладно какой-нибудь конюх или торговка с базара, но уж ты-то образованный человек!

— Как образованный человек я знаю, что случаи бывали.

— А заодно знаешь и то, насколько они редки, — парировал Сэнд. — А кроме того если бы она меня, как ты выразился, околдовала, я бы давно её выпустил, а не держал под стражей. А заодно поехал бы к Тёмному Оплоту и совершил акт самосожжения у Грани Безопасности.

— Ладно, допустим, она тебя не околдовала. — Роберт пошёл на попятный, но, кажется, только временно. — Тогда что означают эти твои идиотские слова, будто у неё якобы были причины для покушения?

— Это наша настрийская тёмная. Беженка, — пояснил Уилфорт. — И несколько лет назад ей здорово досталось.

— И что такого страшного с ней произошло? — скептически протянул Роберт. — Молодой человек бросил из-за масти?

— Чуть — чуть серьёзнее.

— Да ладно, в наши-то дни?

— Роб, как бы ты отнёсся, если бы тебе назначили пятнадцать плетей за преступление, о котором ты впервые услышал во время обвинения?

Роберт присвистнул.

— А не врёт?

— Непохоже. Ей двадцать четыре года, Роб. А тогда она была совсем девчонкой. После наказания сделала то, что делают практически все в подобных случаях. Эмигрировала в Оплот. А уже там её, по — видимому, как следует накрутили. Дескать, Александр Уилфорт пьёт кровь тёмных младенцев и до сих пор не стёр всех темноволосых с лица земли только потому, что в этой крови нуждается.

Чёрт побери, возможно, он и прав, но... Кто бы мне объяснил, зачем Брайану было нужно подобным образом морочить мне голову?! Если, конечно, он и сам в это не верит...

— Она у тебя что, такая наивная?

— Не забывай, что её компостировали мозги с весьма юного возраста. К тому же есть ещё один нюанс, весьма неприятный.

— Можно подумать, что всё, описанное до сих пор, было жуть, как приятно, — фыркнул Роб.

— Да, но сейчас я говорю про правду. Видишь ли, на её приговоре, том трёхлетней давности, стоит моя подпись.

— Серьёзно?

Роберт снова присвистнул.

— Представь себе. Ну, ты же понимаешь, как ставились на том этапе подобные подписи.

— М — да, история!

— Вот я и говорю, что у неё некоторым образом были мотивы.

— Ладно, допустим. Пусть даже это так. Но всё это не отменяет того факта, что она пыталась тебя убить. И может попытаться ещё раз!

— Во — первых, у меня в доме имеется охрана, — отозвался Сэнд.

Не очень убедительно, кстати. Охрана, может, и имеется, но когда мы один на один, стража в случае чего физически не успеет.

— А во — вторых, не думаю. По — моему, она начинает понимать, что её использовали втёмную. Окончательное осознание — вопрос времени.

Молчание. Негромкие звуки вроде позвякивания стекла, не имеющие отношения к разговору.

— Слушай, но ведь в таком случае она идеально подходит для твоих целей, — заметил вдруг Роберт. — Тёмная настройка, при этом знакомая с жизнью в Оплоте и психологией тамошних подданных. Да ещё и наверняка что-то знает о тамошней верхушке.

Я наострила уши. Может быть, выясню сейчас что-нибудь о планах Уилфорта?

Но тот, похоже, не пожелал развивать тему.

— Существует ещё одна сложность, — заметил он. — Видишь ли, эта девушка... — та самая, с бала.

— Что, та, на которой ты женился?! — вскричал Роберт.

— Тише. Да, она.

— Подожди — подожди. То есть она всё это подстроила?

— Исключено. У Оплота не такая хорошая агентура. Я в самый последний момент сменил одежду, чтобы на балу меня не могли по ней узнать. К тому же не забывай, что идея со свадьбой целиком и полностью принадлежала мне. Вряд ли она могла бы предвидеть такой ход. И наконец, она чуть было не спалилась именно из-за свадьбы. Ещё чуть — чуть — и она бы осталась на Узнавание, а это значит, что все бы увидели подлинный цвет её волос.

— Ну хорошо, допустим. — Кажется, один из них немного передвинул стул. — В таком случае, почему ты до сих пор не развёлся? Эта стерва не соглашается?

— Наоборот. Как минимум, она утверждает, что сразу же даст развод, едва я сочту момент подходящим.

— Вот так легко выпустит из рук одного из самых завидных женихов Настрии? Она у тебя что, дура?

— Восхитительная логика, — тихонько рассмеялся Сэнд. — Если не согласна, то стерва, если согласна, то дура.

— А женщины как раз и делятся на эти две категории, — отозвался Роберт. — И, если хочешь знать, я предпочитаю первых.

— Это я заметил, — фыркнул Сэнд. — Что, так и не отыскал ту красотку с бала?

— Ну почему? — Интонации, засквозившие в голосе Роберта, отчего-то наводили на мысль о коте, завидевшем крынку сметаны. — Считаю, что почти отыскал. Она имела неосторожность наведаться к Ковальди.

— И что, хочешь сказать, он что-то заподозрил? — с сомнением спросил Сэнд.

— Нет. Он выложил ни больше ни меньше пятьдесят тысяч.

— Ого!

На сей раз присвистнул Сэнд.

— Да, девочка не работает по мелочи. Можно сказать, мне крупно повезло. Ты представляешь, она нарасказывала ему сказок о том, что собирается открыть дом для сирот. При этом составила план работы со всеми деталями — с цифрами, сроками, названиями контор и даже именами. Ну, Ковальди вообще человек не самый умный, а уж после такого сдался с потрохами.

— Я не удивлён.

— Но это ещё не всё! — воодушевлённо воскликнул Роберт. — Ты представляешь, весь этот план, разработанный ради того, чтобы облапошить старого тупицу, она за бесценок продала одной крупной благотворительной организации! Практически подарила. Теперь те получили детально разработанный проект, даже с предварительной договорённостью на строительство. Единственное что, деньги им придётся искать у кого-то другого. Но мало ли в столице богачей, готовых вложить деньги в благое дело, а заодно раструбить об этом на всю страну?

— Ого. Своеобразная дама, ничего не скажешь. И что, хочешь сказать, теперь ты знаешь, где её искать?

— Почти. Она, конечно, осторожна и хитра, но от меня тоже уйти не так просто. Есть одна зацепка. Мои люди сумели выяснить, по какому адресу она направилась непосредственно от Ковальди. Так что теперь они идут по следу и, думаю, в скором времени её возьмут.

— И что тогда? Станешь её наказывать? — с усмешкой спросил Сэнд.

— Ещё как стану, — довольно заверил Роберт. — Надо же внушить девушке хоть какое-то уважение к закону.

— Наказание, как я понимаю, станет активным и продолжительным, к удовлетворению обеих сторон.

— Почему бы и нет? Однако, кроме шуток, перстень ей придётся вернуть. Кроме того, я отвечаю за происходящее в Иллоэ. И постоянные происшествия такого рода совершенно меня не устраивают. Так что этой красавице действительно придётся изменить своё отношение к закону, в противном случае её ждут вполне реальные неприятности.

Сэнд хмыкнул, как мне показалось, скептически.

Больше разговор к интересующим меня темам не возвращался, и постепенно я перестала прислушиваться.

Два дня спустя стражники ввели Пантеру в зелёную гостиную, расположенную во дворце лорда Роберта Мэдисона. Эффектная женщина лет двадцати пяти на вид, с белоснежными волосами, глубокими омутами тёмно — синих глаз и внушительным бюстом была одета в оранжевое платье, навевавшее на мысль о спелых, сочных апельсинах, столь редких в нынешнюю дождливую пору. Руки Пантеры были надёжно связаны за спиной.

Лорд Мэдисон, доверенное лицо самого короля, выглядел не менее внушительно в своём тёмном, расшитом золотом камзоле, когда с суровым видом взирал на приведённую преступницу.

— Ну вот ты и попалась, — с мрачным удовлетворением констатировал он, когда стражники и конвоируемая остановились. — Это закономерно. Тебе не следовало затевать игру против такого противника, как я. Я — не лорд Ковальди, и от меня так просто не уйти.

— Я, право слово, не знаю, о чём вы говорите, милорд, — красивым грудным голосом откликнулась Пантера, она же Иден, она же леди Эрсон, известная также под многими другими именами. — Я не имею чести быть лично знакомой с лордом Ковальди.

— Зато он до сих пор под впечатлением от вашего общения, — отозвался Роберт. — Всё это бессмысленно, сударыня. Вы можете тысячу раз говорить, что мои утверждения бездоказательны. Однако, во — первых, — он устремил на неё прямой, пронизывающий взгляд, — я могу доказать вашу виновность. А во — вторых — и это куда более важно, — мне и не нужно ничего доказывать. Я знаю, что вы — Пантера, и у меня достаточно полномочий, чтобы вынести приговор. Вам есть что сказать в своё оправдание?

— Может быть, мне всё-таки развяжут руки? — кротко осведомилась Иден, будто до неё не доходила вся серьёзность только что сказанного.

Стражники переглянулись.

— Не думаю, что это будет целесообразно, — заметил один из них, устремив, однако же, вопросительный взгляд на хозяина дворца.

— Но это очень неудобно. — Девушка просительно сложила брови домиком. — Право слово, не думаете же вы, что я сумею вас задушить?

На её губах мелькнула тень насмешки.

— Задушить — нет, а вот ударить кинжалом или ещё чем-нибудь в этом роде — запросто, — отозвался Роберт. — Знаю я вас, женщин.

— Кинжалом? — переспросила Иден, нарочито внимательно оглядывая собственную одежду. Платье, плотно облегающее фигуру, вряд ли позволило бы спрятать какое-либо оружие. — Что ж, в таком случае прикажите вашим людям меня обыскать.

И она окинула охранников откровенно дразнящим взглядом. Один покраснел и полуотвернулся, другой, напротив, с надеждой посмотрел на начальника. Третий со спокойной отстранённостью ожидал приказа Роберта.

— Развяжите её, — махнул рукой тот, поморщившись. — И оставьте нас. Часть разговора будет конфиденциальна.

Стражники один за другим покинули комнату. Кто с разочарованием, кто с сомнением, но хозяина все знали достаточно хорошо, чтобы не оспаривать его приказы.

— Где перстень? — грозно спросил Роберт, едва они с преступницей остались одни.

— Лорд Мэдисон, я понимаю, что виновата перед вами, — с улыбкой произнесла Иден. — Но я готова искупить свою вину.

— Интересно, и каким образом вы намереваетесь это сделать? — изогнул брови Роберт.

Улыбка девушки стала чуть шире. Приблизившись к собеседнику и глядя ему прямо в глаза, она медленно опустилась на колени, сложила руки за спиной и наконец склонила голову. Белоснежные кудри разметались по плечам.

— Делайте со мной всё, что вам заблагорассудится, — произнесла она таким тоном, словно не отдавалась на милость победителя, а, наоборот, наслаждалась производимым эффектом.

— Уверена, что такой ход со мной пройдёт? — Он шагнул вперёд, наклонился и взял её за подбородок.

— Ну, не случайно же ты принимаешь меня в личных покоях, — с улыбкой ответила она. — А в соседней комнате через приоткрытую виднеется кровать.

— Ну смотри, — предупредил Роберт, и даже дал ей ещё пару секунд на переоценку ситуации.

А потом рывком поднял с колен, перекинул через плечо и потащил на кровать.

В спальне он с ней долго церемониться не стал. Опустил её на кровать лицом вниз, задрал платье и уже собирался сорвать вторые по счёту панталоны... но обнаружил полное отсутствие оных. От собственных брюк он после такого открытия отделался стремительно. Начало наказания обусловил звонкий шлепок. Дальше последовали резкие, порывистые движения, призванные доходчиво продемонстрировать пленнице, что аферы — это нехорошо. Иден сопротивляться такому произволу не пыталась и лишь постанывала, демонстрируя тем самым полное подчинение победителю.

Потом он долго тяжело дышал и всё никак не хотел отрываться от её тела. Когда же наконец сделал это, ознаменовал окончание наказания ещё тремя шлепками. Девушка напоследок постонала и обмякла.

— Где мой перстень? — хриплым голосом спросил он, немного восстановив дыхание и укладываясь рядом с ней на кровать.

— Ну точно не при мне, — усмехнулась «жертва», перекатываясь на спину. — Где конкретно, по — твоему, я могла бы его спрятать?

Она провела пальцами по своему телу, всё ещё упакованному в облегчающее платье, предлагая поискать место предполагаемого тайника.

— Тебе всё равно придётся его вернуть, — заявил Роберт. — До тех пор ты точно отсюда не выйдешь.

— Мне нравится твоя настойчивость, — ухмыльнулась Иден. — За это я обещаю не сбежать от тебя до самого утра.

— Значит, до утра? — хмыкнул Роберт, отлично знающий, что аферистка и шагу не сможет ступить по дворцу без ведома охраны. — Откуда ты только взялась такая самоуверенная? И как тебе взбрела в голову мысль ограбить лорда Мэдисона? Или ты не знала, кто я такой?

— Ну что ты! — просияла аферистка. — Её рука ненавязчиво заскользила по телу Роберта сверху вниз и наконец оказалась между его ног, пробуждая угасшее было желание. — Я отлично знала, кто ты. Тщательно подготовилась, выяснила, как ты будешь одет и в какое именно время приедешь на бал.

— Откуда такой интерес к моей персоне? — нахмурился он, силясь сосредоточиться на предмете разговора, а не на прикосновениях её шаловливых рук.

Иден загадочно пожала плечами.

— Надоедает работать по мелочи, — призналась она затем. — Надо всё время идти вверх, иначе не избежишь губительного застоя. К тому же ты мне понравился. Словом, это было приключение, и заодно — вызов, который я приняла.

— Эдакими темпами следующим этапом тебе придётся позариться на самого короля, —

проворчал Роберт, в действительности польщённый.

— Посмотрим, — многозначительно произнесла Иден, явно не исключая такой вариант. — Но пока я с тобой. И готова вымалывать прощение всю эту ночь. Советую этим воспользоваться.

Она потянула за какие-то незаметные верёвочки, и платье осталось на кровати, наподобие опавшей осенней листвы. Бюстгальтер, в отличие от панталон имелся. Правда, вид над ним открывался такой, что долго просуществовать у этого предмета одежды шансов практически не было. А прямо под ним упругое тело оказалось обмотано узкой алой лентой. Иден стянула её с себя, взяла краешек в губы и, заведя руки за спину, наклонилась, чтобы положить ленту Роберту на колени. А заодно пощекотать его рассыпавшимися кудрями.

— Готова до самого утра принимать любое ваше наказание, мой господин, — прошептала она, щекоча его ухо своим дыханием.

Роберт зарычал, хватая ленту. Изголовье кровати отлично подходило для его целей. Прутья так и напрашивались на то, чтобы к ним крепко привязали изящные женские запястья.

Слово Иден сдержала. Сбежать даже не попыталась, несмотря на то, что наутро утомлённый Роберт всё-таки погрузился в глубокий сон. Более того, она и сама уснула с ним рядом. Так они и проспали почти до полудня. А затем отправились завтракать.

Завтра подавался на первом этаже, в светлой комнате с высокими окнами. Длинный стол, покрытый непрактичной белоснежной скатертью, был уставлен многочисленными закусками. Трапезничали Роберт и Иден вдвоём. Однако за дверью бдительно дежурил стражник. Под окнами — тоже.

Тема ожидающего девушку будущего пока не поднималась. Роберт испытывал в связи с предстоящим разговором некоторую неловкость. Что же думала сама Иден, знала только она сама. Однако в какой-то момент, когда они, доев, подошли к окнам, чтобы насладиться видом, девушка в определённом смысле подняла этот вопрос.

— Очень красивый сад, — заметила она. — Мне будет позволено по нему гулять? Или ни шагу за стены?

Уголки её губ приподнялись в коварной улыбке.

— Не знаю, — прямо ответил Роберт. — Пока рано ещё об этом говорить. Сперва придётся определиться более глобально. Впрочем, если ты останешься здесь, то, думаю, с садом проблем не будет... со временем. Сначала придётся убедиться, что ты не пытаешься преподнести нам сюрприз.

— Сюрпризы — это как раз по моей части, — рассмеялась Иден. — Ну хорошо, не будем заходить пока так далеко. Вопрос попроще: мою комнату можно будет украсить живыми цветами?

— Разумеется, — кивнул Роберт, радуясь, что хоть на что-то может со спокойной совестью дать положительный ответ. — Все жилые комнаты украшают букетами. У тебя есть определённые предпочтения?

Иден задумалась.

— Розы, тюльпаны или пионы. Лучше сорт «Жемчужная россыпь». Хотя... А могу я посмотреть на цветы, чтобы сделать выбор? Понимаю — понимаю, выходить в сад мне нельзя, — усмехнулась она. — Я вовсе не пытаюсь обманом заставить тебя вывести меня за стены. Но можно же позвать какую-нибудь девушку, горничную или садовницу, чтобы она принесла несколько маленьких букетов? Цветка по три, этого будет достаточно.

— Конечно, — заверил Роберт.

И, вызвав слугу, отдал соответствующий приказ.

Помощница садовника, молодая девушка невысокого роста с русыми волосами и глазами тёплого медового оттенка, пришла четверть часа спустя. Она несла, прижимая к телу, чтобы не уронить, семь букетов. Три сорта роз, три тюльпанов и два — пионов. В каждом букете было по пять цветов, в основном разных оттенков, что помогло бы гостю сделать выбор. Девушка разложила букеты на столе, который к этому моменту уже был освобождён от посуды и остатков завтрака.

— Какая красота! — воскликнула Иден, беря в руки один букет и поднося его к лицу. — И как замечательно пахнут!

— Благодарю вас, леди, — улыбнулась, приседая в реверансе, служанка. — Мы очень стараемся, чтобы в нашем саду были самые лучшие цветы. Те, которые дарят людям радость.

— Как это верно подмечено! — воскликнула Иден, вновь положив букет на стол и покровительственно потрепав девушку по щеке. — Самые лучшие цветы — это именно те, которые дарят радость.

Улыбка служанки стала шире. Роберт мысленно сделал себе заметку: возможно, Иден пытается завоевать любовь слуг, чтобы впоследствии воспользоваться этим для побега. Надо будет это учесть, а для начала проследить, чтобы с помощницей садовника аферистка пересекалась крайне редко.

Пока же он предоставил Иден возможность спокойно рассматривать и нюхать букеты. Служанка сперва помогала Иден, потом немного постояла в сторонке. Затем, поняв, что в её услугах пока не нуждаются, удалилась с очередным реверансом.

Иден всё стояла возле стола с букетами, и постепенно Роберту это стало надоедать.

— Я могу идти, господин? — робко спросила аферистка голосом помощницы садовника.

— Куда идти? — переспросил Роберт, нахмурившись и внимательно вглядываясь в её лицо.

Определённо, перед ним стояла Иден в своём вызывающем оранжевом платье, с белоснежными локонами и синими, как летняя ночь, глазами. Но, чёрт побери, что это за тон и что за манера себя держать?..

— В сад, — растерянно ответила аферистка. — Я не поняла, сделала ли госпожа свой выбор, прежде чем уйти... Если нужно, я могу принести ещё несколько букетов.

Движимый нехорошей догадкой, Роберт метнулся к ней и, взяв за подбородок, силой приподнял голову. Девушка испуганно охнула.

— Кто ты? — закричал он.

— Я... — Девушка вконец перепугалась, решив, что господин в одночасье сошёл с ума. — Я — Маргарет, ваша служанка, работаю в саду, помогаю дяде Биллу...

— Чёрт!!! — заорал господин, даже не дослушав. И ринулся к двери с возгласом: — Стража!

До сих пор ничто не указывало на то, что Пантера использовала в своей работе дар иллюзий. И кто же мог подумать, что она владеет этим даром настолько виртуозно? Наложить две иллюзии одновременно — одну на себя и другую на служанку! Причём превратить служанку в точную свою копию — это ещё куда ни шло. Но околдовать себя так, чтобы выглядеть точно как девушка, которую увидела впервые в жизни всего несколько минут назад! Скопировать манеру поведения этой девушки и ускользнуть так, чтобы никто не догадался о подлоге, и даже сама садовница не сразу заметила, что произошло!

Сказать, что Роберт был в ярости, значит ничего не сказать. В следующий раз, когда аферистка попадёт к нему в руки, она не отделается так легко.

Помимо размышлений, я старалась улучшить собственное понимание сложившейся ситуации и иным способом. А именно — потихоньку проверяла ту территорию дворца, по которой мне позволялось передвигаться, на наличие всевозможных сейфов и дневников. Стоит ли уточнять, что золото, драгоценные камни и побрякушки меня не интересовали. Интересовали исключительно документы и записи.

Как мне удалось при этом перехитрить охрану? Да, собственно, никак. Охрана находилась снаружи и следила за тем, чтобы я не вышла за пределы открытых для меня комнат. Всё остальное их не интересовало. Ну, и в придачу я соблюдала минимальные меры предосторожности.

Увы, похвастаться серьёзными достижениями не удалось. Я нашла несколько несущественных документов. Настолько малозначащих, что ящик, в котором они хранились, даже не был заперт. Убедившись в том, что к интересующим меня вопросам они отношения не имеют, я не стала ни вчитываться в них, ни сохранять в памяти. Возможно, моё поведение и покажется многим не вполне честным, но свои представления о порядочности у меня, тем не менее, были. Возможно, искажённые, возможно, отличающиеся от стандартных и от тех, которых я сама придерживалась три с лишним года назад. Но — были, и им я следовала неуклонно. К примеру, я никогда бы не стала читать любовные письма Уифлорта или, тем более, использовать их для шантажа. Хотя справедливости ради надо заметить, что ни на что подобное я и не наткнулась.

Единственным тайником, который я обнаружила на «своей» территории, но так и не смогла открыть, был сейф новейшей конструкции. Его даже не прятали: он стоял, привлекая всеобщее внимание (или как минимум внимание человека, вроде меня, заточенного на подобные вещи). Почти что шкаф, напольный, стоящий вертикально, больше всего напоминающий по форме часы с маятником. У него была двойная система защиты. Первая — обычный замок, вернее, не совсем обычный, а довольно-таки сложный, но с ним я всё равно справилась, провозившись минут двадцать. Но за первой дверцей располагалась вторая, и вот справиться с ней я уже не смогла. Потому что это был новейший кодовый замок, открывавшийся при наборе правильной комбинации из четырёх цифр. Вскрывать такие сейфы меня не учили, и справедливости ради надо сказать: это был первый случай, когда я сталкивалась с подобным. Разработка была действительно очень свежей.

Разумеется, я не могла не попробовать справиться, и предприняла кое — какие попытки. Попробовала обойти кодовую защиту — не вышло. Попыталась угадать код. Сначала попробовала наиболее логичные варианты, в духе года либо даты (число плюс месяц) рождения Уилфорта. Испытала также простейшие варианты в духе 1-2-3-4 или повторения одинаковых цифр. Как-никак, владелец сейфа тоже должен запомнить комбинацию. Обидно будет потерять содержимое сейфа по причине того, что банальнейшим образом забыл код. Сейф, конечно, можно было взломать, но, надо отметить, это было бы очень нелегко: материал при его изготовлении использовался отменный. По — моему, изнутри шкаф был обит железом. Однако угадать код таким образом не удалось.

И всё-таки сдаваться я пока не собиралась. Даже несмотря на то, что была почти уверена: никаких ценных записей в таком шкафу не хранится. Скорее уж какая-нибудь дорогущая диадема или ещё что-нибудь в таком духе, не представляющее для меня ни малейшего интереса. Но я была твёрдо намерена в этом убедиться. Поэтому однажды ночью, предварительно сделав вид, будто крепко уснула в своей постели, и выждав для верности пару часов, босиком пробралась в нужную комнату (ни разу не высунувшись для этой цели в коридор). После чего решила ещё немного посидеть в тишине, на случай если кто-нибудь всё же слышал шорох в жилых помещениях. Села на пол в самом дальнем тёмном углу и решила тихонько посидеть так минут пятнадцать. А уж потом приступить к сейфу. Первый замок я открывала теперь за пару минут. И следующим этапам намеревалась элементарно перепробовать как можно больше теоретически возможных комбинаций. Времени у меня много, авось да повезёт.

Можно сказать, что повезло, но совсем в ином смысле, чем я ожидала. Назначенные самой себе четверть часа ещё не истекли, когда со стороны окна послышалось лёгкое поскрипывание. Я вздрогнула, испугавшись, что кто-то умудрился незаметно для меня войти в комнату, и лишь потом сообразила, что окно открывали снаружи. Спустя несколько секунд с подоконника на пол аккуратно спустился неизвестный мне мужчина. В свете убывающей луны я смогла определить, что это человек невысокого роста, довольно-таки щуплого телосложения, с лицом, небритым по меньшей мере пару недель. На вид я бы дала ему лет сорок.

Если незнакомец, пробравшись через окно, позволил неплохо себя разглядеть, то я, напротив, оставалась в тени, и потому осталась незамеченной. Я решила воспользоваться этим преимуществом и, затаившись, посмотреть, как будут развиваться события. А развивались они интересно. Мужчина практически сразу подошёл к сейфу и положил на пол небольшой осветительный прибор, вероятнее всего, основанный на светлой магии. Светло в комнате не стало, но сейф теперь можно было разглядеть значительно лучше. Какое-то время мужчина возился с первым замком, используя вполне знакомые мне инструменты. Минут через десять дверца открылась, что заставило меня испытать укол зависти: самой-то мне в первый раз потребовалось значительно больше времени.

Я ожидала, что, обнаружив второй слой защиты, мужчина расстроится либо рассердится, но нет, видимо, он был готов к такому раскладу. Вор — а, думаю, его можно было с чистой совестью считать таковым, — извлёк из внутреннего кармана предмет, подозрительно напоминающий трубку из лекарского инвентаря. Ту, которой выслушивают лёгкие и прочие внутренние органы. Это было настолько неожиданно, что я подалась вперёд, а вор принялся медленно проворачивать колёсики с цифрами, приложив один конец трубки к сейфу и прижавшись к другому собственным ухом. Думаю, прошло не больше трёх минут, прежде чем дверца с негромким щелчком открылась.

Пока я изумлённо хлопала глазами, мужчина извлёк из сейфа небольшой ларец, открыл его —

и в свете магического огонька сверкнули бриллианты. Закрыв ларец и зажав его под мышкой, вор собрался уйти тем же способом, каким и пришёл, но к этому моменту я успела опомниться. Тихонько подкравшись к столу, стянула с него колокольчик, предназначенный для вызова слуг, предварительно аккуратно зажав пальцами язычок.

— Далеко собрались? — поинтересовалась я, когда мужчина уже готов был забраться на подоконник.

Я говорила вполголоса, дабы не привлечь внимание кого-нибудь со стороны, но для вора, должно быть, мои слова прозвучали, как гром среди ясного неба. Он вздрогнул, потерял равновесие и чуть было не выронил ларец. К счастью, удержал, в противном случае это был бы конец конспирации для нас обоих.

— В — вы кто?

Лучшего вопроса мужчина, видимо, не нашёл.

— Хозяйка этого дома, — заявила я тоном заправской обманщицы. — Но, по — моему, в данном конкретном контексте ваша личность куда более интересна. Может быть, мне стоит позвонить в этот звоночек, чтобы пришли люди, которые займутся этим профессионально?

— Не надо! — взмолился вор. — Давайте договоримся по — хорошему. Например, я могу оставить вам четверть содержимого.

— Не пойдёт, — решительно возразила я.

— Половину!

— И снова мимо. Уж если мы с вами договоримся, то на совершенно других условиях.

— А на каких?

Вор всё же несколько воодушевился, поняв, что договориться шансы есть.

— Во — первых, вы оставляете этот ларец вместе со всем содержимым на его законном месте.

— Это несправедливо!

— Справедливо будут позвонить сейчас в этот колокольчик, — безжалостно напомнила я. — Кстати, надеюсь, вы понимаете, что если со мной что-нибудь случится — ну, например, в меня попадёт какой-нибудь острый или тяжёлый предмет, — колокольчик непременно успеет зазвонить?

— Да понимаю, понимаю, — проворчал вор. — За кого вы меня держите? Я — мастер своего дела, а не какой-нибудь убийца.

— Убийцы тоже бывают мастерами своего дела, — резонно возразила я. Мне ли не знать, учитывая, что сама я таковым не являлась? — Так мы договорились по первому пункту?

— Договорились, — с полным укоризны и безнадёжности вздохом согласился мужчина.

— Хорошо. Тогда пункт второй. Вы учите меня открывать такие сейфы.

Сперва вор воззрился на меня совершенно ошарашенно. Затем в его взгляде появилось нечто

вроде уважения, вскоре, однако же, сменившееся разочарованием.

— За один раз не получится, — объяснил он. — Нет шансов. Тут нужна сноровка.

— Вы объясните мне принцип, а со сноровкой я уж как-нибудь сама разберусь, — заверила я.

Мужчина вздохнул. Снова посмотрел на меня в высшей степени укоризненно.

— Ну, подходите сюда, — пессимистично произнёс он, явно не ожидая от меня успехов в учёбе.

— Первый замок можете опустить, — заметила я, приближаясь, при этом не выпуская из рук колокольчик. — Меня интересует комбинация цифр. Как вы сумели её подобрать?

И ещё один вздох. То ли он был уверен, что я ничего не пойму, то ли очень не хотел раскрывать секреты своей профессии. И то верно: если такие сейфы изобрели совсем недавно, то и способ их вскрывать — тоже новшество. И расставаться с таким секретом бесплатно должно быть обидно. С другой стороны, так ли уж бесплатно? На мой взгляд, свобода — совсем неплохая цена.

— Ладно, — протянул вор. И почти лекторским тоном принялся объяснять. — Чтобы замок открылся, нужно подобрать правильную комбинацию из четырёх цифр. Можно сделать это, перепробовав все комбинации, но их очень много, так что для этого потребуется много часов. Однако существует другой способ, более быстрый. Когда цифра занимает правильное положение, раздаётся характерный щелчок. Он очень тихий. Для того чтобы его услышать, используется вот это. — И вор продемонстрировал мне столь оригинально использованный им недавно стетоскоп. — Остаётся четыре раза по десять вариантов, цифры от нуля до девятки. Это гораздо быстрее.

— Можете показать? — попросила я.

— А смысл? — нахмурился вор. — Во — первых, без трубки вы ничего не услышите. Во — вторых, тут в любом случае нужен навык.

— Просто покажите.

Я не стала объяснять, что со своим слухом, скорее всего, обойдусь без стетоскопа.

Пожав плечами, дескать, чего ожидать от глупой бабы, он закрыл сейф и принялся поворачивать первое колёсико. Я подошла к тайнику вплотную. Теперь, когда я знала, на что обращать внимание, я услышала. На цифре «7» действительно раздался тихий щелчок. Колёсико заняло правильное положение.

— Даже удивительно, — проговорила я, когда демонстрация была закончена. — Как разработчики могли не учесть такую существенную деталь?

Вор, однако, оказался значительно снисходительнее к изготовителям сейфов.

— Просто так щелчок не слышен, — заметил он. — Откуда же им было знать, что мы приспособим лекарские инструменты? Мошенничество двигает прогресс. Теперь они что-нибудь новое придумают. Да, поговаривают, уже и придумали, только не у нас, за границей. Хотя, может, это просто слухи.

— И что же вы будете делать, когда заграничное новшество дойдёт до нас? — усмехнулась я.

— Да то же самое, — флегматично отозвался вор. — Посидим, подумаем, найдём способ и новые, улучшенные сейфы открывать. А изобретатели что-нибудь очередное придумают. Так и будем науку двигать.

Я хмыкнула, порадовавшись столь философскому подходу к профессии.

— Ну так как? — спросил вор. — Выполнил я второе условие?

— Да, — согласилась я. — Спасибо за науку. Осталось последнее, третье.

— Какое? — тяжело вздохнул мужчина, видимо, ожидая, что ему вот — вот придётся расстаться с очередным профессиональным секретом.

В каком-то смысле вор был прав, хоть и в более узком, чем он, возможно, предполагал.

— Каким образом вы пробрались во дворец? — спросила я.

— Ну нет! — простонал он. — Всё-то вам знать надо!

— Не всё, — возразила я. — Я задала всего два вопроса. А вот если зазвонит этот колокольчик, то у дознавателей вопросов будет значительно больше.

Вор поджал губы, покосившись на мой аргумент. Единственный, но тем не менее весомый.

— Конюшня, — мрачно бросил он. — Не та, что слева от главных ворот, а вторая, старая. Несколько лет назад мала стала, тогда новую построили, а эту так, про запас оставили. Лошадей там не держат, так, вроде склада используют. Солома там лишняя валяется, старые сёдла, ремни.

— И что? — не вполне понимая, спросила я.

— Она вплотную к ограде стоит, — объяснил вор. — Из неё лаз ведёт, короткий, наружу. Соломой только присыпан.

— Вы что, сами его прорыли? — изумилась я.

— Будете смеяться, но первой её прорыла собака, — без тени улыбки отозвался вор. — Здешняя, дворцовая. Видать, за ограду пробраться хотела. Может, кошку там учуяла, или ещё что. А я уж потом немного расширил. Собака крупная, волкодав настоящий, так что работы мало оставалось. Толстяк, может, и не проберётся, а худой человек пролезет, — добавил он, окидывая оценивающим взглядом мою фигуру.

Что ж, стало быть, пролезу, в этом-то сомневаться не приходилось. Вот только...

— А что, снаружи ход настолько замаскирован, что стража ничего не замечает? — недоверчиво спросила я.

— Так там кустарник густой растёт, за ним не видно, — сообщил вор. — Его по — хорошему должны были выколоть. Но цветёт уж больно красиво. Растения не дикие, садовые: ветром из дворцового парка семечки занесло. Вот и оставили. А стража на этом участке бывает нечасто. Ворот там нет, сигнальные огни стоят. Но вот срабатывают они только если попытаешься через ограду перелезть, поверху. А когда под землёй перебираешься, молчат.

«И когда охрана узнает, придумает что-нибудь новое. А воры затем найдут средство эту новую систему обойти», — подумала я, невольно посмотрев на жизнь глазами собеседника.

Вор смотрел вопросительно, ожидая моего окончательного решения. А точнее сказать, возможности унести ноги. Я колебалась. Можно было попытаться уйти прямо сейчас, вместе с ним. В противном случае я рисковала: во — первых, вор мог солгать по поводу путей отхода, а во — вторых, что, если ход обнаружат как раз в тот промежуток времени, что я возьму себе на подготовку? Но, с другой стороны, причин не бежать вместе с воров тоже хватало. Первая: едва мы выберемся из здания, мой единственный козырь — колокольчик — потеряет какую бы то ни было ценность. И где гарантия, что спутник в ту же секунду не стукнет меня по голове чем-нибудь тяжёлым? Причина вторая: бежать желательно в крепкой обуви, а не босиком, да и плащ прихватить было бы неплохо. А что-то заставляло меня сильно сомневаться, что вор готов будет стоять здесь и спокойно ждать, пока я сбегаю в свои покои и соберу вещи. И, наконец, причина третья: риск попасться есть всегда, а я очень не хотела, чтобы в этом случае меня обнаружили в обществе такой вот сомнительной личности. Нет, конечно, быть застигнутой при попытке побега плохо в любом случае. И всё же одно дело просто попытаться сбежать. И совсем другое — пытаться сбежать (а) с мужчиной и (б) с закоренелым преступником. Готова поспорить, Уилфурту не понравится ни то, ни другое. И пойдешь потом докажи, что речь не идёт о предварительном сговоре!

Словом, вора я всё-таки отпустила. Внимательно следила за его передвижениями, когда он спускался по стене (здесь было не слишком высоко), а потом крадучись пробирался через двор. Вроде бы действительно шёл в направлении, которое соответствовало его рассказу.

Сама я покинула дворец Уилфорта следующей ночью. История вора о лазе оказалась правдивой, и уйти мне удалось без лишних сложностей (если, конечно, не считать того, что пролезть по норе оказалось совсем непросто, и в итоге я безбожно измазалась в земле). Сэнду же я оставила записку. Дольше всего мучилась над вопросом, как именно к нему обратиться. Всё остальное, сколь ни странно, оказалось легко.

«Здравствуй, Сэнд!

К тому моменту, как ты найдёшь это письмо, я буду уже далеко от дворца. По крайней мере, я на это надеюсь. Понимаю, что ты придёшь в ярость, особенно учитывая, что ты был ко мне по — настоящему добр. Гораздо добрее, чем мог бы быть, учитывая обстоятельства. Поверь, я не страдаю чёрной неблагодарностью, но и ты должен меня понять. В каких бы прекрасных условиях я ни жила в последнее время, я оставалась заключённой, а ты — моим тюремщиком. Поэтому моё стремление выбраться на свободу вряд ли можно назвать удивительным. Но есть и другая причина, более серьёзная. В сущности, одна лишь тяга к свободе вряд ли подвигла бы меня на побег. Но я обязана разобраться в том, что произошло в Оплоте. Ты сам заставил меня задуматься и по — новому оценить многие факты, на которые у меня до сих пор были совершенно определённые взгляды. Теперь я должна выяснить, кому и во что верить. Кто именно подставил меня и с какой целью? Почему мишенью со стороны светлых избрали именно тебя? И есть ли хоть капля истины на этом свете, хоть с какой-нибудь стороны от Грани Безопасности?

Возможно, на последний вопрос я и не получу ответа, но в первых двух разберусь непременно. Не тревожься за меня (в случае если, конечно, твой гнев оставит место и этому чувству). Я знаю, как действовать в Оплоте. И не пытайся меня искать. Чем ближе к Грани Безопасности,

тем больше у меня преимуществ.

К сожалению, мы не успели с тобой развестись. К сожалению — потому что я предпочла бы оставить тебя абсолютно свободным и ни в какой степени от меня не зависящим. Увы, обстоятельства этого не позволяют. Обещаю однажды вернуться, чтобы разрешить это недоразумение. Но если этого не произойдёт, скажем, в течение года, ты можешь смело считать себя вдовцом и со спокойной совестью жениться на другой женщине. Более покорной, менее мутной, обладающей более весомым приданым, чем три парика, и, самое главное, не бросающейся на тебя с кинжалом посреди ночи. Правда, возможно, она будет к тебе чуть более равнодушна, чем Давирра к Сэнду, но это даже к лучшему. Эмоции слишком сильно усложняют жизнь. Надеюсь, что когда-нибудь смогу отплатить тебе добром за добро. А до тех пор — прощай.

Твоя Давирра.

P. S. Да, и не забудь осмотреть старую конюшню. Там кое-что надо подправить, иначе недолго остаться без бриллиантов.»

Глава 7

Тамира продвигалась по Вехскому лесу медленно, то и дело сходя с тропинки и нагибаясь, чтобы раздвинуть листья очередного папоротника. Именно с этим растением отлично уживалась ферна, редкая лекарственная трава, настойка из которой придавала сил почти как пресловутая живая вода — правда, на непродолжительное время. Отлично помогала людям болеющим, но не желающим при этом чувствовать себя дряхлыми развалинами. В определённые периоды крестьяне были готовы очень хорошо за неё заплатить. К примеру весной, во время сева, когда болен — не болен, а работать надо, ибо в противном случае и без того скудный урожай может превратиться в нулевой.

А плата Тамире была необходима. Не денежная, разумеется, деньги ей были особенно ни к чему. Но у крестьян они тоже особенно не водились, и платили люди в первую очередь всевозможными продуктами питания. Есть ведь что-то надо, одними травками, грибами и ягодами сыт не будешь. А, главное, растут они далеко не круглый год. Из ягод — главным образом ежевика, она плодоносит довольно долго, с июня по август, а то и по сентябрь. Шелковицу можно собирать всего с месяц. Грибы же, главным образом, маслята, растут в здешнем климате главным образом в октябре — ноябре, да и то год на год не приходится, от погоды зависит. Вот и приходится Тамире, живя посреди леса в оставленном покойными родителями доме, собирать, не покладая рук, всевозможные травы и отнюдь не бесплатно раздавать приготовленные из них снадобья тем, кто обратится.

Возвратившись на тропинку, девушка зашагала дальше. Тропинка была не утоптанная, местами и вовсе терялась, поросшая травой, поскольку здесь, кроме зверей, мало кто ходил. Взглянув на результаты своего труда, Тамира вздохнула. Из дома выходила утром, теперь солнце уже клонится к западу, а корзинка полна хорошо, если на треть. Что поделать, ферна — растение привередливое.

Привычно повертев головой, разминая шею, и потеряв разнывшуюся поясницу (надо будет не забыть намазать дома калфеевым маслом), девушка двинулась в сторону дома. Ходила она долго, но далеко не ушла, поскольку продвигалась медленно и кругами. Теперь же направилась

к дому напрямик, благо знала в этих местах каждый куст.

Добравшись до редколесья, она сперва не столько услышала, сколько почувствовала приближение всадников. Знакомая с лесом практически с рождения, почувствовала лёгкую вибрацию дрожащей под копытами земли. Вскоре послышался лай собак, затем к нему присоединилось ржание лошадей и топот копыт. А ещё чуть позже эта неожиданная компания попала и в поле её зрения. Дюжина стражников, одетых по всей форме. Не иначе из замка, больше неоткуда. И с полдюжины крупных псов. Последние закружили по местности, принюхиваясь к земле.

Тамира не испугалась, лишь удивилась. Люди, как и собаки, были в большинстве своём ей знакомы. Как-никак Замок Надежды стоял на краю леса, так что фактически его обитатели являлись её ближайшими соседями, и отношения с ними были вполне хорошие. Но почему эти люди приехали сюда сейчас?

Что это, охота? Охотиться в Вехском лесу просто так не дозволялось, в противном случае в нём слишком быстро не осталось бы дичи. Так что этот процесс строго контролировался: на охоту следовало получить особое разрешение, ограничивавшее как сроки, так и максимальное количество дичи. Как раз ей-то как обитающей здесь соседке послабление бы сделали, но Тамира, привыкшая жить среди зверей, не смогла бы воспользоваться таким правом. Многие звери её не боялись, не бросались наутёк, когда она приближалась, и убийства такого зверя граничила в представлении девушки с предательством. Максимум, что она себе позволяла время от времени, — это воровать яйца из птичьих гнёзд.

Для обитателей замка охота, конечно же, была разрешена, даже просто развлечения ради, но на развлечение происходившее сейчас явно не походило. Стражники были суровы и сосредоточены, офицер хмурился, видя, что собаки никак не могут взять след.

А потом Тамира увидела его. Человек, в образе которого и человеческого-то почти ничего не осталось. В изодранных обносках, израненный, с телом, покрытом синяками и с кровоподтёками на лице. Он сидел, вернее, полулежал, укрывшись в зарослях молярника. Очень правильный выбор: этот кустарник имеет своеобразный резкий запах, перебивающий все прочие. Потому-то собаки и сбились со следа. Разглядеть спрятавшегося за ветками беглеца тоже было непросто. Тамире это удалось, наверное, лишь потому, что она очень хорошо знала лес и к тому же привыкла смотреть зорко, обращая внимание на все детали. Это помогало и находить редкие травы, и избегать встречи с опасным зверьём.

На миг взгляды Тамირы и беглеца встретились, и на его измождённом лице отразилось отчаяние. Девушка поспешно отвела взгляд.

— Здравствуйте, госпожа Тамира! — обратился к ней офицер, приподняв шляпу в знак приветствия.

— Добрый вечер, господин Тонсон! — вежливо откликнулась она. — А что это у вас случилось?

Офицер тут же помрачнел.

— Преступника ищем, — пояснил он, понизив голос, будто это могло помочь отряду остаться незамеченным после недавнего лая и ржания, потрясшего половину леса. — Очень опасного. Вы его не видели случайно? Мужчина двадцати семи лет, черноволосый, рост чуть повыше среднего.

О росте спрятавшегося в молярнике человека судить было трудно, но в том, что стража ищет

именно его, сомневаться не приходилось.

Самым логичным было указать солдатам на беглеца, чтобы преступник, наверняка посаженный в тюрьму за дело, не разгуливал на свободе.

— Нет, не видела, — совершенно непоследовательно сказала Тамира. — Вы — первые, кто встретился мне в лесу за весь день. Исключая зверей, конечно, — улыбнулась она.

— Жаль, — вздохнул офицер. Но тут же спохватился: — Хотя что я несу? Конечно, не жаль. Ещё не хватало, чтобы с вами что-нибудь случилось из-за нашего недосмотра. Ох, чувствую, ещё достанется нам всем от начальства по первое число. Вы уж, госпожа Тамира, будьте поосторожнее. Дверь как следует закройте и не гуляйте лучше по лесу ближайшие день — два. Я сейчас снаряжу кого-нибудь из ребят проводить вас до дома. Кто знает, где он сейчас ошивается?

Где преступник «ошивается», Тамира знала прекрасно, но вот в том, что он способен причинить кому-то вред, сомневалась сильно. А говоря точнее, была совершенно уверена, что не способен. Пусть она и травница, а не лекарь, но взгляд всё равно намётанный. Мужчина был на последнем издыхании, он и в сознании-то, наверное, держался еле — еле, последним усилием воли. Быть может, именно поэтому она и солгала офицеру, хотя обычно была абсолютно лояльна к властям Оплота, и даже дружбу водила кое с кем из Замка.

— Спасибо, господин Тонсон, — ответила она. — А что, опасный преступник?

— Очень опасный, — серьёзно сообщил офицер. — Но вы не тревожьтесь, никуда он от нас не денется. Поймаем в конечном итоге. Просто не ходите в одиночестве по лесу пару деньков.

— Хорошо, постараюсь, — кивнула Тамира, отлично понимая: даже если бы не видела «опасного преступника» собственными глазами, всё равно заставь нужда — пошла бы. Кушать что-то надо, а больные подолгу ждать целебные травы не могут.

Офицер выделил двоих охранников, и те проводили девушку до самого дома. Даже внутрь зашли, сперва спросив её разрешения, и на всякий случай проверили, не прячется ли беглец в одной из комнат.

Стражники ушли. Поначалу через открытое окно ещё доносились издали крики, то лай, то топот копыт. Потом всё стихло.

Вскоре окончательно стемнело. В лесу ночь ощущается ещё сильнее, чем в городе. Темнота здесь более обволакивающая, почти живая, и проникает в каждый уголок, даже если ночь выдаётся звёздной. Охоты наверняка прервали, отложив до утра.

Тамира занималась своими обычными делами. Возилась с травами, потом готовила ужин, но то и дело выглядывала в обрамлённое простенькими занавесочками окно. Выбросить из головы беглого преступника никак не удавалось. Не потому, что Тамира боялась: в том, что он не сумеет сюда добраться, у девушки не было никаких сомнений. Но как-то не по — людски это — оставлять человека в таком состоянии одного в лесной глуши.

Ещё какое-то время Тамира заставляла себя забыть о беглеце. Что бы там ни случилось, это не её дело. Не сдала — и ладно. Да и то вполне могла бы, и кто бы решился вменить её это в вину. Но, уже почти собравшись ложиться спать, девушка услышала волчий вой и поняла, что оставить всё как есть не может. Вдруг парень ещё жив? А если умер, всё равно не дело оставлять его на съедение зверям. Надо хоть похоронить по — человечески.

Скрепя сердце и мысленно ругаясь сама на себя (не иначе, слишком легко живётся, раз сама себе по ночи приключения выдумывает!), девушка собралась и вышла из дома. Место она помнила хорошо, идти было близко. Бродить по лесу в ночное время ей не впервой, некоторые травы именно в такие часы и надо собирать. Слабого звёздного света привыкшим глазам вполне хватало.

А вот и кусты молярника. Мужчина лежал почти так же, как запомнила Тамира, только голова его теперь покоилась на земле. Видимо, потерял сознание сразу после того, как миновала сиюминутная опасность. Тамира осторожно, чтобы не поцарапаться о ветки, подошла ближе. Приложила руку ко лбу. Жив. Лоб горячий. Дыхание тоже легко ощутить. Девушка со вздохом извлекла из сумки флакон с настойкой ферны. И, приподняв голову преступника, потихоньку влила ему в рот всё содержимое.

Самой ей было его никак не дотащить, пусть дом и близко. Пришлось прибегнуть к крайнему средству. Использовать последние запасы дорогой и редкой настойки, которая, как поговаривают в народе, «и мёртвого поднимет, хотя ненадолго». Хорошо, что хоть немного удалось пополнить сегодня запасы. Во всяком случае, добраться до её жилища на собственных ногах раненый теперь сможет. А если нет... Ну, значит, она сделала, что могла, и действительно может со спокойной совестью отправляться восвояси.

Однако беглец пришёл в себя ещё прежде, чем флакон Тамиры опустел. Видимо, к моменту её прихода он не был без сознания, а просто спал. Сразу закашлялся, но, к счастью, уже успел выпить лекарство почти до дна. С помощью девушки он смог подняться на ноги.

— Идём! — позвала Тамира, когда они выбрались из кустарника, и указала направление кивком головы.

Он посмотрел непонимающе, но девушка не знала, в чём причина. Возможно, беглеца терзали вполне разумные вопросы — кто она, откуда взялась, куда собирается его вести и зачем. А может быть, он просто плохо соображал в силу своего состояния, и в его недоумении не было особой осмысленности. Так или иначе, с Тамирой он пошёл. Молча, не задавая вопросов. То и дело спотыкался, пошатывался (хоть она и старалась его поддерживать), но всё-таки шёл.

— Куда мы идём?

Девушка вздрогнула, услышав этот вопрос. Сосредоточившись на дороге и ночном лесу, она почти забыла, что ведёт за собой человека, способного говорить.

— Ко мне домой, — бросила она, когда первичный испуг сошёл на нет.

— Зачем?

— Кровь твою буду пить, — огрызнулась Тамира.

И без того она ходит по лесу среди ночи, непонятно с какой радости, тратит запасы ценного зелья и тащит из кустов совершенно посторонних мужчин. Так нет, ей ещё и на глупые вопросы надо отвечать!

— Я травница, — пояснила Тамира чуть позже, справившись с собственным раздражением. Злилась-то она в первую очередь на себя, а не на спутника. — У меня дома есть лекарства. Подлечу тебя немного.

Искоса глянув на мужчину, она увидела на его лице всё то же недоумение, но гадать о причинах не стала. Вряд ли он сейчас вполне адекватен, так стоит ли разбираться? Слишком слаб, чтобы как-то ей навредить, — и то ладно.

До дома они добирались почти час. Намного дольше, чем потребовалось бы ей одной. Но спутник даже после настойки ферны с трудом передвигал ноги, тяжело дышал и был вынужден часто останавливаться, чтобы передохнуть. Наконец, они вошли в дом и закрыли за собой дверь, отсекая переключку ночных птиц, стрёкот сверчков и прочие звуки ночного леса. Комнат было две, и в каждой имелось по кровати — одна на случай, если кто-то из знакомых придет и останется переночевать, что, впрочем, случалось крайне редко. Вот на эту-то кровать Тамира и уложила больного. Точнее сказать, он просто упал на эту кровать лицом вниз, еле — еле до неё добравшись. На большее действия ферны не хватило: всё-таки растение, что бы там ни говорили, не волшебное.

Тамира немного посидела, отдыхая, а затем приступила к осмотру.

Удивительно, но ничего по — настоящему серьёзного, такого, что угрожало бы жизни пациента, осмотр не показал. Не было ни переломов, ни глубоких ран, ни повреждения внутренних органов — насколько Тамира, конечно, могла судить, будучи всё же больше травницей, чем лекарем. Ушибов и синяков — много, несколько мелких порезов, следы и от верёвок, и от кандалов. Жар. И ещё какие-то следы, в происхождении которых она не была уверена. Но если от пыток, значит, пытали аккуратно, так, чтобы не покалечить жертву.

Поморщившись, размышления на эту тему Тамира закончила. Перешла к делу. Продезинфицировала порезы. Потом приготовила жаропонижающее средство, размешав в воде заранее заготовленный порошок. Влила лекарство больному в рот.

На этом сочла, что на сегодня хватит, и отправилось спать. Всё остальное могло подождать до завтра. В конце концов, лазарета для беглых преступников она здесь не открывала. Самое срочное сделала. А на отдых она тоже право имела. И без того до утра оставалось недолго.

Грань Безопасности безропотно пропустила в Оплот свою дочь, даже не подозревая, какие сомнения поселились в её душе, сделав, быть может, не такой благонадёжной, как прежде. После третьего перехода я перестала с трепетом замирать, прежде чем преступить Грань. А вот на этот раз в сердце появились сомнения. Но нет, Грани было решительно всё равно, что за мысли лелеют входящие в Оплот люди. Её интересовала только масть.

Я надеялась избежать по пути встречи с разбойниками, однако на сей раз мне это не удалось. Мэл углядел меня, когда я успела подобраться совсем близко к грани, и тут же поднял шум. Однако мои опасения оказались напрасны. Дик бросился ко мне с распростёртыми объятиями. Прежде подобного за ним не водилось, хоть наши отношения и были весьма тёплыми, и он даже порой по — братски целовал меня в щёку.

— Элайна! Чёрт меня побери, Элайна! — вскричал он, ринувшись мне навстречу. — Хоть одна хорошая новость за последнее время! А нам сказали, что тебя раскрыли светлые, и больше мы тебя не увидим.

Разбойники знали о роде моей деятельности значительно больше, чем большинство обитателей Оплота. Как-никак, именно им следовало в случае необходимости прикрывать агентов вроде меня в районе границы. Впрочем, больше других знали и обитатели приграничной деревни. Поскольку дорога к Грани вела только одна, от них трудно было утаить столь частые перемещения за территорию Оплота и обратно.

— Действительно схватили, — подтвердила я, оказавшись в его объятиях. — Но, как видишь, выпутаться мне всё-таки удалось.

Теперь я почувствовала себя спокойнее. Если бы разбойники получили приказ устранить меня при приближении к Грани, они не стали бы вести себя так, как сейчас. Либо меня уже бы убили, либо, напротив, предупредили бы, что соваться в Оплот не следует. Тут уж — в зависимости от степени преданности властям. Неплохо зная Дика, я, кстати сказать, поставила бы скорее на второй вариант. Разбойник работал на благо Оплота далеко не только ради собственного обогащения, и тем не менее его лояльность носила довольно-таки рациональный характер. Это не была слепая преданность фанатика.

— Стало быть, ты везучая, — заметил Дик, выпуская меня из объятий.

— Не знаю. — Я никогда не считала себя везучей, но в свете некоторых событий можно было, наверное, сказать и так. — Пожалуй.

— Точно, — заверил Дик. — С таким везением тебе надо было податься в разбойницы.

— Кто же виноват, что я этого не сделала? — рассмеялась я.

А про себя заметила, что, наверное, в моём случае это был бы далеко не самый худший вариант. Стань я четыре года назад разбойницей, на сегодняшний день куда меньше имела бы проблем.

— Точно! — хлопнул себя по лбу Дик. — Что ж я тебя упустил-то, а? Брайан оказался проворнее. Вот что называется деловая хватка у человека!

— Да, Брайан оказался проворнее, — негромко повторила я, вкладывая в слова собственный смысл.

— Ну, пойдём, я провожу тебя до Грани, — сказал Дик, приобнимая меня за плечи.

— Мы с вами? — спросил Мэл.

Том с готовностью выступил вперёд.

— Нет, мы сами справимся, — возразил Дик. Говорил он вроде бы благодушно, но было в его тоне что-то резкое, не оставляющее места для споров. — На границе сейчас спокойно.

И то верно: до границы рукой подать, и будь там беспокойно, мы бы это и слышали, и видели. Разбойники тоже имели возможность провожать нас взглядом вплоть до самой Грани. Но слышать нас в скором времени перестали, и именно этим воспользовался Дик.

— Послушай, Элайна, — серьёзно заговорил он. — Насколько я понимаю, ты выбралась из плена, но задание своё не выполнила?

— Нет, — признала я, гадая, что именно Дик мог знать о моём задании.

Он кивнул, давая понять, что так и предполагал.

— В таком случае будь поаккуратнее. Коллинзу это не понравится. Так-то, на публику, он для всех славный малый, но очень не любит, когда его задания не выполняются. Не берусь гадать, как он поведёт себя в твоём случае. Возможно, порадует, что ты вернулась, да и всё тут. Но может и рассердиться.

— Спасибо, Дик. — Я говорила искренне, хотя его совет никак мне не пригодился: к тому моменту я и сама знала, что с Брайаном нужно держать ухо востро. Но я была по — настоящему благодарна разбойнику за то, что он не счёл нужным промолчать. Это многое значило. — Я буду иметь это в виду.

Он снова кивнул.

— Ну, вот мы и пришли, — сказал Дик, и мы остановились перед сияющей Гранью. — Удачи тебе. А то смотри, может, останешься? — добавил он со смешком.

Так смеются, когда и предлагают-то вроде бы всерьёз, да только точно знают, что предложение принято не будет.

— Нет, — помотала головой я. — Спасибо, но мне надо в столицу. Я буду осторожна. И потом, ты ведь сказал, что я везучая?

Дик, рассмеявшись, потрепал меня по щеке и пожелал удачи.

И вот теперь я стояла по другую сторону Грани, убедившись в том, что вход в Оплот для меня не закрыт. И готовилась к следующему шагу.

Ты многому научил меня, Александр Уилфорт. Сэнд. Мой законный, но несостоявшийся муж. Как ты тогда сказал? «Если же я приеду в Оплот, то сделаю это официально. С сопровождающими, с шумом, под возгласы толпы, с освещением каждого шага в газетах. Не потому, что мне всё это нравится. А потому, что в такой ситуации власти Оплота не решатся причинить мне вред». Я хорошо запомнила твои слова.

К тому моменту, как я добралась до замка, о моём возвращении знала, должно быть, половина Оплота. Я позаботилась о том, чтобы по пути через деревню меня увидело как можно больше народу. Передала старушке Клэр купленные для неё лекарства. Вручила кое — какие редкие в Оплоте, но распространённые в Настрии вещи Грэтте. Поболтала с Анной и подарила ей небольшой флакончик с духами. Девушка пришла в полный восторг. Перекинулась парой слов с местным кузнецом.

Ну, а добравшись до города, я просто — на просто направилась на базарную площадь. Потолкалась среди горожан, поздоровалась со всеми, кто знал меня как рассказчицу (хотя сама я, несмотря на хорошую зрительную память, помнила этих людей не всегда). А войдя в замковые ворота, первым делом пообщалась со стражниками. Очень обрадовалась, обнаружив среди них Барни.

— Госпожа Элайна! — Он, как и всегда, был искренне рад меня видеть. Судя по всему, о постигших меня неприятностях известили далеко не всех. — С возвращением!

— Спасибо, Барни! — с улыбкой ответила я, похлопав его по плечу.

— Как прошла поездка?

— Хорошо.

— А... это... что мне мальчикам передать? Сказку читать будете? Или отдохнёте пока с дороги?

Этого вопроса я ждала, и ответ приготовила заблаговременно.

— Буду Барни, буду, непременно, — заверила я. — Признаться, я ужасно соскучилась по чтениям. А планов на другие поездки пока нет. Так что, пожалуй, я буду читать каждый вечер. Ну, пока сама на площади не предупрежу, что грядёт перерыв.

Лицо стражника расплылось в по — детски счастливой улыбке.

— Так я мальчикам передам, чтобы были готовы?

— Непременно передай. И вообще людям расскажи, чтобы были в курсе. А то приду вечером на площадь, а там пусто!

— Ну уж не смешите, госпожа Элайна! — хмыкнул Барни. — Чего — чего, а такого никогда не бывало, с тех пор, как вы у нас появились.

По окончании этой беседы, которую, кстати сказать, слышало ещё несколько человек, я со спокойной совестью зашагала вверх по лестнице. Теперь моего появления на площади будет ежевечерне ожидать полгорода. И если я, у всех на виду войдя в Замок Надежды, больше не появлюсь, это вызовет массу весьма неудобных для Брайана и его коллег вопросов. Конечно, эта мера предосторожности не аннулировала риск полностью, однако снижала его довольно существенно.

Брайан вновь встретил меня прежде, чем я добралась до нужного этажа.

— Элайна! — Он бросился мне навстречу, почти как Дик. Немного более сдержанно, но это можно было списать на разницу в темпераменте. К тому же по ступенькам имеет смысл передвигаться с большей осторожностью. — Как я рад тебя видеть! — Остановившись на ступеньку выше, он обнял меня и прижал к себе. — Мне только недавно доложили, что ты в городе. Сперва я даже не поверил. До нас дошла информация, что в Иллоэ всё сложилось хуже некуда. Понимаю, что ты должна отдохнуть, но хотя бы в двух словах: что с тобой произошло?

Разумеется, и к этому вопросу я тоже была готова.

— Если в двух словах, то задание провалено, — призналась я в том, что Брайан, без сомнения, знал и так.

— Я не о том тебя спрашиваю, — поморщился он. — Что случилось с тобой? Как ты выбралась?

— Удалось бежать, — лаконично объяснила я. — Думаю, подробности лучше обсудить не здесь.

Мы синхронно огляделись. Лестница была пуста, но это вовсе не означало отсутствие посторонних ушей.

Брайан со мной согласился и даже любезно предоставил мне пару часов на отдых. Я пообещала, что управлюсь быстрее, и мы разошлись. Королевский советник отправился по своим делам, а я — готовиться к предстоящему разговору.

— Вот так меня и взяли, — рассказывала я, сидя в кресле напротив Брайана. Брайан слушал, подперев подбородок ладонью, внимательно, как и всегда, и смотрел сочувственно. — Это мой прокол, признаю. Я была уверена, что уже уснул. А оказалось, что он бодрствовал, и в итоге он успел перехватить мою руку. Физически он, ясное дело, меня сильнее. А он ещё и кликнул охранников. В общем, на тот момент шансов у меня уже не было.

— Тебе сильно досталось, — с сочувствием не констатировал, не то спросил Брайан.

— Приложили порядочно, — согласилась я. — Я попыталась проглотить пилюлю, но этот ублюдок ударил меня по лицу. — Приложив руку к челюсти, я продемонстрировала совсем слабый, но ещё не окончательно стёршийся с лица след памятных событий.

— Действительно ублюдок, — процедил Брайан.

А я подумала: любопытно, за что он зол на Уилфорта? За то, что тот меня ударил, ли за то, что не дал умереть?

— Ну вот, потом меня бросили в тюрьму.

Брайан кивнул.

— Эту информацию мне передал столичный агент. Но вроде бы потом тебя оттуда перевели?

— Да. В тюрьме условия были не сахар, и я быстро разболелась. Что это было за дрянь, не знаю, местные лекари, сам понимаешь, диагнозом со мной не делились, им вообще, скорее всего, было приказано не вступать со мной в разговоры. Но, думаю, риск для жизни был, поэтому меня перевели для лечения наверх, в жилые комнаты. Видимо, лазарет для заключённых у них там не предусмотрен, тюрьма, как-никак, небольшая, так сказать, семейная. А может быть, таким образом Уилфорт просто начал реализовывать свой план.

— Какой план? — моментально схватился за обронённое мною слово Брайан. Словно коршун, углядевший добычу.

— По моему приучению, — недобро усмехнулась я. — Сейчас объясню по порядку. Видишь ли, ещё в тюрьме он начал заводить со мной разные разговоры. Постепенно подводил к тому, что все конфликты между мастьями — в прошлом, что их давно пора отринуть, что светлые и тёмные должны жить в одном государстве и иметь равные права. Как будто я по собственному опыту не знаю, что полноценных прав нет даже у тех немногочисленных тёмных, что до сих пор проживают в Настрии!

— Он знает твою историю? — прищурился Брайан.

— Не думаю, — покачала головой я, для вида «подумав» несколько секунд. — Он ведь не видел меня, когда разбиралось моё дело. Узнать мою настоящую фамилию ему тоже было неоткуда. А я не такая дура, чтобы самой обо всём рассказывать.

— Стало быть, допрос с пристрастием к тебе не применяли?

— Боги миловали. Говорю же: он меня приручал. Пытался внушить, что я кругом неправа. Знаешь, если бы я была неопытной девочкой, родившейся и выросшей в Оплоте и ничего не знающей о Настрии, как знать, может, это и сработало бы. Уилфорт был очень убедителен. Но я-то на собственной шкуре познала цену всем его теориям, вот этого-то он и не учёл. Ты бы слышал, как он отрекся от вины в гибели тех мальчиков! — Я поморщилась, изображив отвращение. — Мало того, что он отдал приказ их убить, так даже взять на себя ответственность не готов! Дескать, несчастный случай. А может быть — послушай только! — может быть, и вовсе убийство, но не по политической причине, а просто потому, что кто-то из пострадавших мог унаследовать большие деньги, и его убрали с дороги. Ты хоть раз слышал подобный бред? Неужели они не могли придумать что-нибудь поубедительнее? Даже версия с несчастным случаем звучит более достоверно!

— Тут весь вопрос в том, для кого придуманы объяснения, — «вступился» за Уилфорта Брайан. — Думаю, светлое население проглотит такую версию без труда, именно потому, что она для них весьма удобна. То же самое можно сказать о и властях, перед которыми Уилфорт обязан отчитаться. Хотя перед кем ему сейчас отчитываться? Разве что перед королём, но тот серьёзно болен. Можно сказать, у Уилфорта сейчас полная свобода действий.

— Это-то и страшно, — подключилась я. — Я ещё не говорила тебе, что подслушала один его разговор?

Брайан покачал головой с заинтересованным выражением лица.

— О, это очень интересно! — воскликнула я. — Ещё до того, как меня арестовали, я потихоньку осматривалась во дворце, а ты же знаешь, я умею ходить, не создавая шума. Так вот, один раз мне удалось подойти к комнате, где он общался со своим секретарём, достаточно близко, чтобы услышать обрывок разговора. Видимо, Уилфорт был очень сильно рассержен, потому что он кричал. Потому я и смогла расслышать. Как там было... — Я задрала голову к потолку и прикрыла глаза. — «И что прикажешь делать с этими тёмными, чёрт бы их побрал!» Дальше я некоторое время ничего не слышала, наверное, секретарь говорил более тихо. А потом снова Уилфорт: «В ближайшее время Тёмный Оплот должен прекратить своё существование».

Брайан печально покачал головой, плотно сжав губы.

— Возможно, ты был прав, и они нашли способ пройти через Грань, — продолжала я. — Но скорее всего, пока только усиленно его ищут. Иначе, если бы всё шло по плану, он не был бы так зол. Узнать точнее мне не удалось.

— Ты не нашла его записи? — прищурился Брайан.

И пойдй отгадай, в чём причина такого интереса!

— Нет, — призналась я. — Я проверила его кабинет. Там есть подходящий тайник, возможно, раньше он хранил записи именно там, но теперь перепрятал. Как минимум, я нашла там лишь несколько документов, с королевской печатью, конечно, но для нас вряд ли имеющих значение. Я нашла в одном из соседних помещений другой сейф. Скорее всего, записи именно там, но, к сожалению, открыть его я не сумела. Это новая модель с кодовым замком. Болдвин не учил меня с такими работать.

Брайан молча кивнул, принимая это объяснение.

— В любом случае, я услышала достаточно, чтобы убедиться, что этого парня надо убирать как можно быстрее. Решила, что проще и вернее всего будет прийти к нему ночью. Это реально было сделать, не привлекая внимания стражи. Но он... Впрочем, дальше я тебе рассказывала.

— Ты остановилась на том, что он стал тебя приручать, — напомнил Брайан.

— Да. У меня после всех этих событий мысли вскачь, — повинулась я. — Короче говоря, он всё пытался убедить меня в том, какое светлое будущее ожидает тёмных а Настрии. «Светлое будущее для тёмных», — невесело хихикнула я. — Даже в самом сочетании уже кроется подвох. А затем надавил ещё и на то, что не в моих интересах теперь работать на Оплот. Поскольку если здесь узнают, что меня держали отнюдь не в тюрьме, а, наоборот, устроили со всем комфортом, то и доверия ко мне больше не будет. Дескать, сочтут шпионкой светлых. А раз так, то почему бы не перевербоваться по — настоящему? Понимаешь, для того, чтобы меня приручить, он создал некоторую иллюзию свободы. Не ограничил меня одной комнатой, а

предоставил возможность свободно передвигаться по небольшой части дворца. Число охранников, расположившихся на том этаже, не буду тебе называть из чувства скромности.

— И как ты отреагировала на его угрозу?

— Сделала вид, что беспокоюсь и напряжённо думаю, но пока ответа не давала.

— А на самом деле? Как ты отнеслась к его словам?

— Ну, если честно, он действительно заставил меня поволноваться. Но потом я решила, что ты знаешь меня слишком хорошо для такой ошибки. Да и потом, куда бы ещё я пошла, кроме как в Оплот?

— Ты всё правильно решила, — кивнул Брайан. — И правильно поняла: со стороны Уилфорта это было всего лишь средство давления. Самое что ни на есть классическое, кстати сказать. Но как тебе удалось уйти? Ты добралась до потайного хода?

— Если ты имеешь в виду тот, что открывается из библиотеки, то нет. Как раз в библиотеку мне путь был заказан. Но оказалось, что есть другой. Даже не ход, скорее лаз. — И я подробно описала Брайану путь, который проделала, чтобы выбраться за дворцовую ограду.

Таким образом я убивала сразу двух зайцев. Во — первых, Брайан будет думать, будто я не в курсе, что случилось с подземным ходом. Во — вторых, при желании, он сможет проверить информацию о выводящей из конюшни норе. Сам лаз к тому времени, конечно, заделают, но именно об этих-то работах и несложно будет узнать агенту.

— Как ты получила информацию об этом пути?

Вопросы Брайана никак не иссякали. Всё выглядело, как обычный отчёт после поездки, но я отлично понимала, что советник давно уже ведёт допрос.

Вот тут мы подступили к самому скользкому моменту. А скользким он был потому, что именно правда выглядела в данном случае весьма неубедительно. В историю про вора, так удачно (для меня) пробравшегося во дворец, Брайан никогда не поверит. Это я знала точно. Пришлось довольно грубо врать. Но зато объяснение вышло намного более правдоподобным.

— Мне подсказала одна тёмная служанка. — Темноволосые слуги во дворце действительно встречались, хотя и были, конечно же, в меньшинстве. — Я старалась присматриваться к слугам, особенно тёмным, и в ней заметила определённое сочувствие. И, когда выдался удобный случай, намекнула, что она могла бы мне помочь. Не бескорыстно, разумеется. Я отдала ей кое-что из маленьких по размеру, но дорогих вещей, к которым имела доступ. По легенде выходило, что именно я забрала их с собой, прежде чем сбежать. Ну, и ещё, — я виновато посмотрела на Брайана, — если честно, то я пообещала ей небольшую протекцию в случае, если она захочет перебраться в Оплот.

— Не страшно. Если понадобится, протекцию устроим, — отозвался Брайан. — Как звали служанку?

— Оттина.

Такая во дворце действительно была. Разумеется, Брайан мог попытаться проверить мой рассказ. Но, во — первых, даже если девушка действительно мне помогла, это не означало, что она поспежит в этом признаваться, пусть даже и собратьям по масти. А во — вторых, времени

на проверку уйдёт много. К тому моменту, как они получают ответ, я успею выяснить всё, что нужно, здесь. Если окажется, что Брайан не имеет отношения к той ловушке, которую устроили мне свои же, нас с ним ждёт второй, значительно более откровенный разговор. Если же выяснится, что за этим стоит именно он, к моменту возвращения очередного иллойского агента я уже буду далеко.

Глава 8

Первые сутки беглец почти не приходил в себя. Ночь он проспал беспробудным сном, то ли от усталости, то ли благодаря снадобью Тамиры, а скорее всего, сыграло роль сочетание первого со вторым. Днём он тоже по большей части спал, лишь изредка открывал глаза, чтобы в скором времени снова их закрыть. Послушно пил лекарства и бульон, которые давала Тамира, но приподняться для этого сам пока не мог, приходилось делать это самой. Впрочем, неженкой девушка, всю жизнь прожившая в лесу и самостоятельно заботившаяся о своём пропитании, не была, так что большого труда ей это не стоило. О разговорах речи не шло: если больной и хотел что-то сказать, то был слишком для этого слаб. Да и взгляд его в те редкие минуты, когда он не спал, казался не слишком осмысленным.

Сегодня Тамира подошла к заботе о пациенте более основательно, чем вечером. Обработала специальной мазью ушибы и ссадины. Провела ещё несколько проверок (но ничего опасного так и не обнаружила). Следила за температурой, сбивала её по мере необходимости.

А вот вечером, вскоре после заката, началось самое тяжёлое. Больной стал кричать во сне. При этом разбудить его удавалось разве что на несколько секунд, после чего он снова проваливался в сон, и вскоре всё повторялось. Тамира попробовала дать ему успокаивающее средство. Не помогло. Были, конечно, средства и сильнее, которые бы точно подействовали, но прибегать к ним девушка опасалась. Уж слишком много самых разнообразных лекарств получил пациент за последние сутки. Начиная с той же ферны, средства весьма сильного и далеко не со всеми лекарствами сочетающегося. Уж лучше пусть больной покричит во сне, чем получит серьёзные осложнения, рискующие по — настоящему подорвать его здоровье.

Однако на данный момент её собственное здоровье, как минимум, психологическое, оказалось под угрозой. Потому что попробуйте заснуть, когда из соседней комнаты то и дело доносятся стоны и громкие крики в духе «Не надо! Пожалуйста!», «Прекратите!», «Хватит!». А если всё-таки заснёшь и минут через десять проснёшься под подобное, будет ещё хуже. При этом Тамира и прошлую ночь не так чтобы долго спала.

Когда она подходила к больному, садилась рядом на краешек кровати, шептала «Ш — ш-ш!» и клала руку ему на лоб или на плечо, он успокаивался. Но стоило ей отойти, и он вновь начинал метаться во сне.

Наступает момент, когда усталость перевешивает любые помехи, и человек всё-таки засыпает. Случилось так и с Тамирой. Однако под утро, в час, когда тьма ещё стояла ночная, но знающий человек уже чувствовал близость рассвета, девушка проснулась. Криков слышно не было, но словно в самом воздухе витало что-то тревожное, давящее, беспокойное. Поднявшись, Тамира решила посмотреть, как там пациент. И обнаружила, что он шёпотом, ещё более пугающим, чем крик, выдыхает во сне: «Отпустите».

Девушку передёрнуло от жутковатого, неприятного чувства, какое человек может испытать лишь в такой предрассветный час. Она снова села рядом, опустила руку на горячий лоб. Да что ж такое? Если бы его в тюрьме запытали чуть ли не до смерти, всё это было бы легко

объяснимо. Но тогда и следы на теле были бы совсем иными. Да и потом, не звери же там служат. Ну, допросили, конечно, по всем правилам, но ведь не более того? Впрочем, многим людям и этого было бы достаточно.

Подумав, что вряд ли она сможет уснуть, если всё повторится, да и вообще бегать туда — сюда надоело, Тамира просто прилегла на кровать рядом с пациентом. После чего крепко уснула и проспала чуть ли не до полудня.

Проснувшись, она не сразу поняла, как здесь оказалась. А вспомнив, чуть не свалилась с кровати, поскольку обнаружила, что пациент тоже проснулся и глядит на неё вполне осмысленным взглядом.

Тамира поспешно соскочила на пол и схватилась за одежду, проверяя, хорошо ли та завязана. А параллельно постаралась придать своему лицу максимально деловое и независимое выражение.

— А я тут ваше самочувствие проверяла, — ляпнула она, хотя объяснений пока никто не просил.

— Я так и понял, — кивнул беглец.

Голос был хриплым (ещё бы, после такой-то ночи), но отнюдь не безжизненным.

Злясь и на себя, и на незнакомца за собственное смущение, Тамира сосредоточилась на работе. Принялась смешивать в кружке ингредиенты для лекарства.

— Кто вы?

Пациент, похоже, не собирался оставлять его в покое.

— Травница, — ответила Тамира, не отрываясь от кружки.

— И... всё?

Почему-то такой ответ больного не удовлетворил.

— Меня зовут Тамира, если вам так важно это знать, — бросила она, приподняв кружку и разглядывая на свет результат своих трудов.

Мужчина промолчал, не попытавшись выпытать дополнительные детали её биографии.

Выпил поднесённое ею лекарство. На сей раз он, пусть не без труда, но приподнялся сам, и даже сам держал кружку, хоть Тамира его при этом и подстраховывала.

Однако долго молчать, к неудовольствию девушки, пациент всё-таки не мог. Определённо, в бессознательном состоянии он ей нравился больше.

— Как я здесь оказался? — спросил он, напряжённо хмурясь.

— Пришли, — отозвалась Тамира, вновь принимаясь за дела, на этот раз, не касавшиеся непосредственно пациента. Просто именно в этой комнате находились почти все её запасы лекарственных трав, равно как и прочие компоненты, необходимые для приготовления снадобий. — Могу уточнить, что ногами, если это для вас важно.

— Стало быть, мне всё это не привиделось? — Ну, право слово, какой разговорчивый! — Девушка с корзиной, не выдавшая меня страже, потом долгий путь через лес и тёмный дом в глуши?

— Не такая уж здесь и глушь, — обиделась Тамира. — А шли мы не так уж и долго, всего-то с час.

— С час? — удивился пациент. — А мне казалось, прошло не меньше суток.

— В таком состоянии вам и не то могло показаться, — «порадовала» его травница.

— Как, высказали, вас зовут? Тамира? — уточнил он, опуская голову на подушку и прикрывая глаза. Впрочем, это не заставило его перестать говорить. — Занятно. Мне тогда подумалось, что сама Давирра решила укрыть меня от преследования. А у вас даже имя похоже.

— Уверяю вас, я совершенно материальна. — Тамира оторвалась от дел и протянула пациенту градусник. — Суньте под мышку. — Сравнения с лесными духами ей не льстили, а почему-то, наоборот, заставляли напрячься. — Вас-то самого как зовут?

Мужчина открыл глаза и посмотрел на неё со всё возрастающим удивлением.

— Вы меня не знаете? — проговорил он затем.

— Нет, — пожала плечами Тамира.

Он что, какая-нибудь знаменитость? Известный артист? Впрочем, даже если и так, в лес актёры с представлениями не приезжали.

Впрочем, следующий вопрос незнакомца кое-что прояснил. Во всяком случае, Тамире стало понятнее его замешательство.

— Тогда почему же вы привели меня сюда?

— Я же сказала вам ещё тогда, — отозвалась травница, принимаясь разогревать бульон.

— Да, помню. Вы пьёте человеческую кровь, — кивнул больной, давая понять, что оценил шутку.

— Надо же, запомнили. Что ж вы тогда со мной пошли? — любопытствовала она, помешивая вкусно пахнущую жидкость длинной ложкой.

— После всего, что со мной случилось, такая перспектива показалась далеко не самой пугающей.

— Ну вы ведь сами в этом виноваты, — невозмутимо отозвалась Тамира. — Вы ведь преступник. Не знаю уж, что вы натворили, но, видимо, знали, на что идёте, когда нарушали закон. Тем не менее, решили рискнуть. Вот и поплатились.

Какое-то время пациент молча смотрел на неё, слегка прищурившись, и девушка всё ждала, что вот сейчас он начнёт оправдываться, доказывать, что пострадал безвинно, или попросту обвинять её в чёрствости. Но этого не произошло.

— Вот я и спрашиваю: почему вы привели меня сюда и стали лечить, если не знали, кто я такой? — на удивление спокойным тоном спросил он. — Всё, что вам было известно, это что я

— преступник, бежавший из тюрьмы. Так почему?

— А что ещё с вами было делать? — раздражённо пожала плечами Тамира. — Щи из вас варить?

— Да хотя бы выдать стражникам. Или, по меньшей мере, просто оставить лежать, где лежал, чтобы сам разобрался со своими неприятностями.

— Угу, сильно бы вы сами разобрались, — пробубнила Тамира.

Аккуратно подула на ложку, предварительно зачерпнув из котелка. Попробовала. Чуть — чуть горячевато, но когда разольёшь по тарелкам, быстро станет в самый раз. Пожалуй, она и сама может разок побаловать себя куриным бульоном. Раз уж крестьяне расщедрились на продукты.

— Но я мог оказаться кем угодно, — не отставал больной. — Убийцей, насильником. Вы, как я понимаю, живёте одна. Вам не было страшно вести к себе в дом закоренелого преступника?

Последние слова были произнесены с определённой долей сарказма.

Тамира снисходительно фыркнула.

— Измождённый закоренелый преступник в бессознательном состоянии обычно не очень опасен для здоровой женщины. Вы и сейчас совершенно неспособны причинить мне вред. Я — травница и кое-что в этом понимаю. А к тому моменту, как станете способны, я успею выставить вас за дверь без малейших угрызений совести.

Она поставила тарелку с бульоном на поднос и поднесла больному. Тот усмехнулся, принимая услышанный ответ, и медленно сел в постели. Тамира поставила ему на ноги поднос и подняла повыше подушку.

— Вас-то как зовут? — спросила она, возвращаясь к собственной тарелке.

Пациент молчал. Удивлённо подняв глаза, Тамира обнаружила, что он напряжённо о чём-то думает. Видимо, срочно придумывает фальшивое имя.

— Мне не хотелось бы вам врать, — признался пациент, косвенно подтверждая её гипотезу. — Но, если вы дружны с властями Оплота, а у меня сложилось именно такое впечатление, боюсь, моё преступление понравится вам ещё меньше, чем убийство.

— И что? — Тамира убрала за ухо выбившуюся прядь. Надо бы причесаться после ночи, да обстоятельства пока не слишком тому способствовали. — Я лечу пациентов не за то, что они мне нравятся. — Она посмотрела на незнакомца исподлобья и, вздохнув, добавила: — Уж если сдавать вас страже, это надо было делать сразу. Сейчас мой донос будет выглядеть несколько странно, не находите? Впрочем, мне всё равно. Не хотите говорить своё имя, не надо. Придумаю вам прозвище, и дело с концом. Надо же вас как-то называть.

То ли пациент счёл это серьёзной угрозой, то ли действительно не хотел ей врать, но в итоге сказал:

— Меня зовут Эдвин Райс.

И посмотрел прямо в глаза, эдак внимательно, сосредоточенно.

Эдвин Райс. Теперь кое-что становилось понятно. Не артист, конечно, но его, должно быть, и правда многие знали в лицо.

Были такие ненормальные, которые считали, что Оплоту пришла пора объединяться с Настройей. По сути — добровольно отдать себя на растерзание волкам. Что за логика стояла за таким суждением, Тамира представляла себе слабо. Ненормальные — они ненормальные и есть. А этот, кажется, из них был особенно убеждённым. Высказывался, спорил, встречался с кем-то из руководства, вроде бы даже аудиенции у короля добивался... Что из этого вышло, Тамира не знала. Она вообще мало интересовалась подобными делами. Есть горстка ненормальных идеалистов, ну так кому какое дело? Изолировали его от общества — и правильно сделали. Пытать только зачем было? Государственные тайны он, что ли, какие-то продал? Так с какой стати его к ним допустили, если он с самого начала своих взглядов не скрывал? Или всё-таки не пытали, а сегодняшняя ночь — всего лишь результат кошмарных сновидений?

О том, на какое время Брайан пригласил Кеннингтона к себе в кабинет, я знала из их же разговора. Скрывать эту информацию ни тот, ни другой не стремился. Чего никак нельзя не сказать о теме предстоявшей беседы. Но тут-то хватало моего собственного логического мышления. В том, что обсуждать они станут именно мою скромную персону, сомневаться не приходилось. Другое дело, что происходило это за запертой дверью. И охрана поблизости присутствовала, так что даже через замочную скважину не подслушаешь. Тем более что с той стороны в скважине наверняка торчал ключ.

Вот только об особенностях моего слуха Брайан не знал. Понятия не имею, что заставило меня в своё время умолчать об этой своей особенности. Быть может, сработала неведомая мне самой интуиция? Так или иначе, сейчас это сыграло мне на руку. Я преспокойно устроилась на широком подоконнике неподалёку от кабинета и принялась листать захваченные с собой бумаги, как делала до сих пор неоднократно. Слушать отсюда было непросто: стены и расстояние скрадывали звук. Но, основательно напрягшись, я всё же могла различить произносимые в кабинете слова.

— Ты же знаешь: я с самого начала был против твоего решения по поводу Элайны, — говорил Кеннингтон. — Я считаю, что потеря такого агента — расточительство, которое мы не вправе себе позволить.

— Я ещё тогда тебе сказал, что понимаю твою логику. — Брайан говорил уверенно, но даже мне, на таком расстоянии, удавалось уловить нотки напряжения. — Но есть и другие соображения, которыми я тоже не вправе пренебрегать. Каждый агент хорош в течение определённого срока. Но наступает этап, когда у них накапливаются знания, делающие их потенциально опасными. А мы не можем допустить, чтобы потенциальная опасность превратилась в реальную. Меня совершенно не радует необходимость избавиться от Элайны. Я бы с радостью отпустил её, к примеру, просто жить в Оплоте и заниматься каким-нибудь другим делом. Но это невозможно. Мы не можем выпускать бывших агентов из-под контроля.

Я основательно прикрылась бумагами, чтобы ничего не слышавшие и ни о чём не подозревающие охранники, а также иногда проходящие мимо люди, не могли догадаться по моему лицу о том, что происходит у меня в душе. Отлично. Стало быть, бывших агентов не бывает. Есть нынешние и мёртвые, третьего не дано. И из первой во вторую категорию переводят всего через несколько лет после вербовки. Или такие особенные условия — лично для меня.

— А с Уилфортом у неё действительно было больше шансов, чем у других, — продолжал между тем Брайан. — Поэтому глупо было не воспользоваться таким шансом решить две проблемы одновременно.

— Элайна — необычный агент, — стоял на своём Кеннингтон. — Она обладает очень редким талантом, чрезвычайно полезным для нас. К тому же она по — настоящему преданна делу Оплота. Не вижу я объективных причин её списывать. Раньше не видел и сейчас не вижу. Что же касается погони за двумя зайцами, ты сам знаешь, что из этого выходит согласно поговорке. Так и получилось.

— Могло повезти, а могло и не сложиться, — философски отозвался Брайан. — Очень жаль, что с Уилфортом всё сложилось именно так, но это не последний шанс. Будем искать другие пути. К тому же, есть вероятность, что с ним разделается кто-нибудь из своих же. Далеко не всех светлых устраивают его реформы.

— Реформы ещё толком не начались, — протянул Кеннингтон.

— В том-то и дело. Когда они пойдут полным ходом, в Настрии появятся недовольные. Людей, предубеждённых против тёмных, там достаточно.

— Ладно, вернёмся к Элайне, — перебил Кеннингтон. — Я считаю, что она не исчерпала до конца свой потенциал. Есть ещё много информации, которая нам жизненно необходима. Никто не справится с этим лучше, чем она. Чёрт возьми, Брайан, мы столько её обучали! И потом, ты столько времени потратил на то, чтобы выманить её из Настрии в Оплот и заполучить в агенты! Месяцы сбора информации, затем такая кропотливая работа — и всё это ради каких-то несчастных трёх лет?

Я застыла, спрятавшись за своими бумагами, и почти перестала дышать. Главное — не думать о том, что я только что узнала. Не вспоминать, не ужасаться, не сопоставлять факты. Просто слушать. Сейчас все силы надо сосредоточить на слухе. Эмоции — потом.

— Дар Элайны — действительно редкий, но не уникальный. Можно найти другого агента с такими способностями. Согласен: нелегко, но можно. Что касается её преданности — в том-то и вопрос, до какого момента она будет простирается. Тут, как ни парадоксально, всё снова упирается в дар Элайны. Если обычный агент, похищающий документы, порой не имеет возможности в них заглянуть, тем более — внимательно прочитать, то с Элайной случай совершенно другой. Она помнит всё. Даже если переписывала, не задумываясь. Даже если никогда не сопоставляла. Рано или поздно она может перечитать все документы от начала и до конца. Все они хранятся в её памяти. А это чревато. Она может постепенно разобраться, что занимаемся мы не совсем тем, чего можно ожидать, исходя из нашей риторики.

— Для этого всё же надо читать всё очень детально и провести очень подробный анализ. Эти вещи не очевидны. А Элайна не кажется мне тем человеком, который станет копаться в подобном. Если, конечно, она не усомнилась в нас из-за твоей неудачной попытки её списать.

— Как раз об этой попытке она, судя по всему, не знает, — задумчиво протянул Брайан. — Во всяком случае, я проверил её на этот счёт. Непохоже. Скорее всего, она говорит правду: её хотели перевербовать, не сумели, а дальше подвернулся шанс бежать. Некоторые нюансы я попытаюсь проверить через своих агентов, но в целом я склонен ей верить. Однако безотносительно истории с последним заданием... Я с самого начала знал, что рано или поздно она станет потенциально опасной. Но знаешь, в какой момент я впервые подумал об этом всерьёз? Незадолго до того, как мы определились по Уилфорту, я спросил её, что она

собирается читать на площади. Она тогда как раз вернулась с очередного задания и принесла мне добытые документы. И знаешь, что она сказала? «Думаю, как раз эти документы и прочитаю». Да — да, не смотри на меня так. Конечно, это была всего лишь шутка. Но от такой шутки до правды уже не пропасть. Далеко — да, но... мостик можно проложить. Она не просто агент, Роберт. Она ещё и рассказчица. Её знает и любит народ. Ты представляешь, что произойдёт, если ей вдруг взбрѣдет в голову рассказать с помоста что-нибудь любопытное о политической жизни Оплота? Даже одного раза может оказаться достаточно.

— Полагаешь, мы совершили ошибку, предоставив ей такой род занятий?

— Полагаю, что да. Все способны ошибаться, и мы в том числе. Казалось бы, что может быть более невинно, чем сказка? А теперь выяснилось, что это — опаснейший инструмент, способный прямо или косвенно воздействовать на человеческие умы. Я склонен доверять Элайне, насколько вообще можно доверять человеку в нашем деле. Но она постепенно становится для нас опасной, и тут ничего не попишешь.

— Так что же, ты хочешь теперь её убрать?

Похоже, Брайану удалось убедить Кеннингтона. Во всяком случае, теперь последний не возражал так ярко, как в начале подслушанного мной разговора.

— Прямо сейчас? — Брайан как будто даже удивился такому предположению. — Нет. Зачем? Во — первых, её любит народ. Одно дело, если бы она погибла от рук ненавистных светлых. И совсем другое — если не вернётся из стен этого замка. В последнем случае нас ждѣт, скажем так, непонимание со стороны населения. Нет, отговориться мы, конечно, сумеем, но осадок останется, а это может иметь роковые последствия. Во — вторых, как я уже говорил, пока я склонен ей доверять. Так что не вижу причин избавляться от неё в срочном порядке. Не для удовольствия же я считаю нужным её списать. Правильнее будет подождать другого случая. Мало ли где и когда она нам сможет пригодиться. Возможно, нам снова понадобится смертник, и мы всё-таки сумеем убить одним ударом двух зайцев. Пока следует просто за ней присмотреть. Приставь кого-нибудь, чтобы следил, куда она ходит, когда покидает замок, и с кем встречается. Ну, и все её выступления надо слушать чрезвычайно внимательно. На всякий случай быть начеку. Найди кого-нибудь и на эту работу, я не уверен, что всегда смогу делать это сам. Уж очень много накапливается дел. Выживший Уилфорт продолжает создавать нам проблемы, да и прочие неприятности... Ты сам всё знаешь.

— Знаю, — подтвердил Кеннингтон. — Хорошо, я этим займусь. Давай в таком случае сойдѣмся на том, что пока без особой причины Элайну не трогаем. Возможно, она ещё принесѣт нам пользу как агент. Устанавливаем тайную слежку за пределами замка, в том числе на чтениях. И постепенно присматриваем подходящее задание. А там видно будет.

— Примерно так, — задумчиво согласился Брайан. И уже более сосредоточенно произнёс: — Да. Пожалуй, да. Это будет наиболее верным вариантом.

Ещё немного для виду полистав бумаги, я соскользнула с подоконника и направилась к себе в комнату. Дабы ненароком не встретиться с Брайаном, когда он выйдет из кабинета. С Кеннингтоном я ещё могла бы сохранить лицо. Но с Брайаном — не сейчас. Для этого понадобится время и основательная работа над собой. Но я справлюсь.

В конце концов, ведь именно для этого я и вернулась в Оплот — чтобы узнать правду. Вот я её и узнала. Кто же мог предвидеть, что она окажется настолько... убийственной? Я догадывалась, что Брайан осознавал, что делает, отправляя меня, в сущности, на смерть. Не понимала,

правда, почему, однако причины и сейчас оказались более чем зыбкими. Неудачная шутка? Случайно брошенная фраза? Выводы, которые я могла сделать чисто теоретически, притом очень сильно для этого постаравшись? Но всё это отступало на второй план на фоне гораздо более чудовищного открытия, которое позволил мне сделать этот разговор.

Брайан задумал всё с самого начала. Он знал про меня задолго до того, как мне пришла в голову первая мысль об эмиграции. Более того, судя по подслушанному разговору, именно он позаботился о том, чтобы такая мысль пришла мне в голову и, больше того, превратилась в реальность. Каким образом? Самой вероятной и одновременно самой чудовищной казалась напрашивающаяся версия: именно Брайану я должна быть «благодарна» за несправедливое обвинение и последующее наказание. Брайану, а вовсе не Александру Уилфурту. Но так ли это? Ничего конкретного в разговоре сказано не было.

Разумнее, конечно же, было бы сидеть тихо и просто думать о том, как выкрутиться из свалившихся на меня неприятностей. Но я чувствовала, что обязана знать всё до конца. Слежку внутри замка за мной, судя по всему, не устанавливали, да и нереально было бы вести тайную слежку в таком помещении. Уилфорт не уникален в методах своей работы. Брайан тоже делает записи. И тоже держит их в сейфе. Ну что ж, господа тёмные манипуляторы. Вы сами меня обучили. Теперь не обессудьте, если я применю вашу же науку против вас.

Я умела действовать аккуратно. Ходить бесшумно, определять, нет ли кого поблизости, несколькими быстрыми движениями открывать замки кабинетов. Они были куда менее сложными, чем система защиты сейфов. Потребовалось выждать три дня, но я нашла момент, когда стало возможным применить все эти знания, дабы пробраться в кабинет Брайана. Сейф стоял даже не здесь, а в маленькой соседней комнатке, но я бывала в этом кабинете достаточно часто, чтобы знать такие нюансы.

Увидев сейф, я криво усмехнулась. Он оказался чрезвычайно похож на тот, что я долгое время безуспешно пыталась вскрыть в доме Уилфорта. Быть может, именно поэтому меня и не обучили их вскрывать? Однако тебе не повезло, Брайан Коллинз. Один неудачливый, но высококвалифицированный вор уже восполнил этот пробел. Благодарю за это судьбу и мою тягу к знаниям.

Подобрать правильную комбинацию цифр оказалось несколько сложнее, чем с сейфом Уилфорта. Похоже, у Брайана стояла более новая модель, из тех, что, по словам всё того же вора, появились за границей, но ещё не дошли до Настрии. Здесь была установлена дополнительная защита. Всевозможные щелчки звучали постоянно, стоило только начать вращать колёсико с цифрами. Но я не отчаивалась прежде времени. Воспользовалась прихваченным на всякий случай стетоскопом и вскоре поняла: щелчки, призванные запутать вора, немного отличались от «правильных». Стоило вычислить эту разницу, и определить нужные цифры не составило труда. 7514. Код к твоим мыслям, Брайан.

Записи были, и очень много. Целая стопка исписанных от начала до конца тетрадей. Просматривать, сохраняя в памяти, их все, было бы слишком долго и чересчур рискованно. Поэтому я отыскивала тетрадь, относящуюся к последним месяцам, предшествовавшим моему переезду в Оплот. Нашла своё имя, и стала быстро проглядывать страницы. Затем перешла к самой последней тетради, имевшей отношение к нынешним событиям. После чего, придав содержимому сейфа прежний вид, поспешила прочь. Ночь мне предстояла бессонная.

Как и в случае с Уилфортом, в тетради не было подробного, связного рассказа о злодейском плане и его исполнении. Крохи информации приходилось собирать по отдельным страницам, расшифровывая сокращения и читая между строк. К примеру, один раз между двумя

кусочками важных для меня записей пришлось просмотреть семь совершенно нерелевантных страниц, касающихся внутренних дел Оплота.

На первой заинтересовавшей меня странице фигурировало семь имён, включая моё. Пять из них, опять же включая моё, были подчеркнуты двумя прямыми линиями. Далее шла краткая информация о каждом человеке из списка. Год рождения, место проживания, магический дар, профессия и тому подобное. Все люди были сравнительно молодыми (на тот момент — от двадцати до тридцати), тёмными, обладали даром, полезным в работе агента и проживали в Настрии. Двое в Иллоуе, двое в Тель — Рее, одна девушка из маленького южного городка, и я, из Тель — Мона. Через пару страниц фигурировал укороченный список из четырёх имён. Моё имя по — прежнему присутствовало. Более того, оно было подчеркнуто красным цветом, скорее всего, уже позднее, чем составлялся список. Стоит отметить, что время от времени в тетради встречались даты. По ним я смогла определить, что список был составлен за несколько месяцев до моего приговора.

Ещё через несколько страниц я нашла дополнительные подробности о себе. Домашний адрес, место работы, упоминание школы «Рока», и вообще небольшое досье. Впрочем, ничего особенно существенного досье на меня на том этапе содержать не могло. А дальше было ещё более интересно. На полях шли такие пометки, как «Иверт Ноллс. Тель — Мон. Знатное происхождение. Есть рычаги давления» и «Лувер Сент. Мэр Тель — Мона. Известен пристрастным отношением к тёмным».

Не стану приводить в подробностях все те кусочки мозаики, из которых я собирала цельную картину. Важен результат. Мои предположения, основанные на подслушанном в замке разговоре, подтвердились. Брайан действительно искал в Настрии человека, подходящего на роль агента, и нашёл меня. Тёмную, обладающую таким полезным даром, как исключительная память. Без семьи и без карьеры, а, значит, не слишком привязанную к Настрии. Молодую и потому готовую при соответствующих обстоятельствах сорваться с места и изменить всю свою жизнь. И, в силу всё той же молодости, поддающуюся манипуляции.

Брайан также имел возможность надавить на некоего Иверта Ноллса из Тель — Мона, достаточно знатного и богатого, чтобы к его обвинениям прислушались, а показания приняли, практически не проверяя. Скорее всего, Брайан средством давления являлся обыкновенный шантаж. Именно сейчас, как следует поразмыслив и восстановив в памяти кое — какие документы, я начала понимать, что именно за такой информацией Брайан зачастую и охотился. Той, которая позволяла манипулировать рядом жителей Настрии путём шантажа. И сейчас Брайан пустил в ход припасённый заранее козырь. Он знал также, что градоначальник Тель — Мона ненавидит тёмных и тщательно перепроверять такое дело не станет. Что же касается моего решения уйти в Оплот... С учётом ситуации оно весьма естественно и предсказуемо. Кроме того, я и сама сейчас не смогла бы вспомнить, кто, где и при каких обстоятельствах упоминал в моём присутствии такую возможность.

Одним словом, Брайан провернул блестящую операцию. И ему можно было бы поаплодировать, но... кое-что пошло не так. Он всё-таки допустил ошибку, хотя, пожалуй, я и сама не могла бы на том этапе сказать, где именно. Так или иначе, теперь я знала значительно больше, чем он рассчитывал. Хотя пока понятия не имела, как именно воспользоваться этой информацией. И вообще как быть дальше.

Глава 9

— Вот такие вот дела, друг мой Сэнд, — с патетикой, характерной для темпераментного и

одновременно подвыпившего человека, объявил Роберт. — Женщина, которая мне нравится, меня обокрала. А потом ещё и сбежала совершенно возмутительным образом!

Он с шумом поставил бокал на стол, и скатерть, несомненно, оказалась бы залита вином, если бы последнее не было к тому времени выпито до дна.

— Мне, знаешь ли, не лучше, — грустно усмехнулся Александр. Он тоже держал в руке бокал с вином, но прикладывался к напитку значительно меньше. — Женщина, которая нравится мне, пыталась меня убить. И тоже сбежала, не менее возмутительно.

— Этому произволу надо положить конец!

Тяжёлый кулак Роберта с размаху опустился на стол, заставив посуду зазвенеть.

— А знаешь, ты прав, — поддержал товарища Александр. — Действительно пора. Пожалуй, мне следует навестить дорогую супругу. Раз уж сама она встречаться на моей территории не желает. Тем более что мне давно пора туда наведаться.

— Куда это «туда»? В Тёмный Оплот?

Роберт аж протрезвел от такой идеи.

— Ага, — с напускной беззаботностью подтвердил Александр. — Ты же понимаешь: без этого в любом случае не обойтись. Ограничиваясь полумерами, мы далеко не продвинемся. А ты отлично знаешь, насколько необходимо государству объединение с Оплотом. Поездка — единственный шанс решить вопрос мирным путём.

— Если бы их так называемый «король» стремился договориться, тебя бы давно уже приняли, — резонно возразил Роберт.

— И всё равно попытаться необходимо, — парировал Александр. — Во — первых, король может опасаться каверзы с нашей стороны. Значит, надо убедить его в том, что игра будет честной. Во — вторых, если король принципиально против, можно найти среди приближённых к власти людей тех, кто думает иначе.

— Ну так отправь туда кого-нибудь, — проворчал Роберт. — Помощника, министра, заместителя... Кого-нибудь, кого не жалко.

— В таком случае визит будет не более чем формальностью, — откликнулся Александр. — А это меня не устраивает. Мне нужны настоящие переговоры и реальный результат.

— И на этом основании ты намереваешься сунуться в самое пекло? — скептически изогнул бровь Роберт.

— А что такого? Можно сказать, совершу экскурсию на историческую родину. Как-никак, Кернская пустошь, ныне величаемая Тёмным Оплотом — часть исконно настрийской земли. Вот и проедусь по историческим местам. А заодно навещу дорогую супругу... Ну, и между делом решу пару — тройку государственных вопросов.

— Ты — идиот. Ненормальный, — чётко выговаривая слова, сообщил Роберт. И совершенно нелогично заключил: — Я еду с тобой.

Александр вопросительно приподнял брови.

— Должен же кто-то прикрывать твою задницу в этой аванюре, — бросил в сердцах Роберт.

— Вообще-то я не собираюсь ехать в одиночестве. Меня будет сопровождать небольшой отряд профессионалов. Под видом свиты, конечно. Мы же не хотим обидеть дружественное государство недоверием.

— Много сделает этот твой отряд, если на вас всем скопом набросятся тёмные Оплота, — скептически отозвался Роберт.

Александр спорить, доказывая невозможность такого поворота, не стал и вместо этого задал резонный вопрос:

— А ты в этом случае что-то сделать сможешь?

— Во всяком случае, моё присутствие укрепит позиции настрийской делегации. Два приближённых к короне человека лучше, чем один.

— Как знаешь. В любом случае свои позиции нам действительно придётся укрепить по максимуму.

Уже через два дня все настрийские газеты сообщали, что лорд Александр Уилфорт и лорд Роберт Мэдисон направляются в Тёмный Оплот с дружественным визитом. Цель визита — укрепление взаимоотношений между Оплотом и Настрием, обсуждение возможностей торговли, а также доставка гуманитарной помощи. Информация быстро просочилась и за Грань Безопасности. Разбойники и нелегальные тёмные торговцы, иногда пересекавшие границу, сделали своё дело. Даже «Тёмный вестник» был вынужден написать об ожидающемся политическом событии несколько скупых слов. Жители Оплота ожидали визита с опаской и одновременно надеждой. Это был удар ниже пояса. Брайан Коллинз и Луис Пятый были вынуждены официально пригласить настрийцев в Замок Надежды. И воспользоваться расположенным в тайной комнате рычагом, позволявшим открыть Грань Безопасности для светловолосых визитёров.

Здоровье пациента по — прежнему оставляло желать лучшего. Царапины и гематомы заживали быстро, но он умудрился подхватить в казематах какую-то хворь, которая никак не желала отставать от ослабленного организма. Отсюда и жар, и периодические головные боли, и общее состояние бессилия. Когда Тамира сбивала температуру, Эдвин зачастую чувствовал себя вполне неплохо. Садился в постели, мог самостоятельно есть и пить, а также вести связный разговор. Но температура неизменно поднималась снова, а с ней приходило плохое самочувствие, сонливость и иногда даже бред. При этом непрерывно держать больного на лекарствах было опасно.

Сама Тамира заразиться не боялась. Её организм, хвала богам, был крепким, к тому же она регулярно принимала кое — какие травки в качестве профилактики. Нелишняя предосторожность для человека, который просто не может позволить себе не работать. Однако так уж выходило, что Эдвин задерживался в её доме на неопределённый срок.

Как бы ни относилась к этому факту Тамира, пациента он беспокоил. Поэтому однажды, после того, как температура в очередной раз спала, Эдвин спросил:

— Скажи, ты когда-нибудь проходишь мимо заброшенной мельницы?

На «ты» они перешли довольно быстро. Как-то странно звучала церемонность в их ситуации.

— Бываю, — сказала Тамира, недоумевающая, какое значение это может иметь.

— Сможешь оставить там записку?

— Записку?! Кому, зайцам?

— Не зайцам, — лаконично ответил Эдвин, усмехнувшись.

— А — а-а, — понимающе протянула девушка. — И что там будет написано, в этой записке? «Дорогие поделщики! Это я, беглый преступник. Вы можете найти меня в Вехском Лесу, в доме травницы по имени Тамира»? То-то стражники обрадуются, когда такое послание попадёт к ним в руки! А мне так и вовсе большая радость.

— Ничего такого там не будет, — заверил Эдвин. — И записку стража не найдёт. Но если даже они в силу невероятного стечения обстоятельств её заполучат, ни о чём не догадаются. Вот.

И он протянул Тамире обрывок бумаги.

Тамира повертела бумажку в руках, затем недоверчиво покосилась на пациента, прикидывая, точно ли у того спал жар. На обрывке, в лучших традициях пятилетних мастеров, были нарисованы три кривые ёлки и несколько загогулин непонятного назначения.

— Может быть, тебе стоит бросить политику и заняться живописью? — предложила девушка. — Это ничего, что поначалу не получается. Зато учёба надолго тебя займёт.

— Я понял твой тонкий намёк, можешь не продолжать, — усмехнулся Эдвин. — Но у меня немного другие цели. По этой бумажке меня смогут найти свои, и никто, кроме них.

— Хочешь сказать, что здесь даны точные координаты?

Тамира скептически сдвинула брови.

— Точных нет. Только общее направление. Но этого будет достаточно.

Тамира молчала, всем своим видом давая понять, что не считает такой ответ исчерпывающим, и Эдвин продолжил:

— Один мой товарищ — он что-то вроде телепата. Мысли не передаёт и не читает, но найти меня на ментальном уровне сможет. Если будет знать в общих чертах, где искать.

— Ну хорошо. И зачем конкретно ты хочешь, чтобы тебя нашли? Мне здесь, знаешь ли, собрание подпольщиков совершенно не нужно.

— Тебе и одного подпольщика слишком много, — сменив тон на предельно серьёзный, ответил Эдвин. — Точнее, беглого преступника. Моё присутствие для тебя опасно, к тому же я — порядочная обуза. Раньше я думал, что день — другой — и смогу уйти сам. Но, похоже, пока мне это не под силу. Так что пусть лучше мне помогут.

— Да переживу я уж как-нибудь твоё присутствие лишних несколько дней, — фыркнула Тамира. — Если смогу, передам твои художества, но это уж как получится. На рожон лезть не стану. А тебе даже полезно посидеть спокойно и подумать. Может, хоть дурь из головы поыветрится.

— Ты это о чём? — нахмурился Эдвин, передавая ей бумажку с «художествами».

— О чём, о чём, — пробурчала Тамира, возвращаясь к печке и чайнику. — Как тебе вообще в голову взбрело, что нам надо дружить с теми, кто в своё время чуть не загнал нас всех в могилу?

— Знаешь что, вот только не надо учить меня жизни, — огрызнулся пациент.

— А ничего, — невозмутимо возразила травница. — Ты у меня дома живёшь, я тебя лечу, так что немножко нравоучений потерпишь. От тебя не убудет. А если хоть что-то примешь к сведению, то вообще выйдет сплошная польза.

— А что ты в этом понимаешь? — Глаза Эдвина ожили, болезненно засверкали. Он поднялся повыше и даже скинул одеяло. — Посмотри, как ты живёшь!

— Нормально живу, — огрызнулась Тамира.

— Нормально? — С каждым словом пациент заводился всё больше. — Нормально? Ты действительно так считаешь? Ты еле — еле сводишь концы с концами, при том, что работаешь, не покладая рук. Думаешь, я ничего не вижу и не понимаю? Не знаю, как ты рано встаёшь и как поздно ложишься, до глубокой ночи портя глаза над своими порошками? И что ты со мной последним куском делишься, а сама понятия не имеешь, появится новый кусок завтра, или придётся на тех же травах перебиваться?

— И что с того? — Тамира сама не заметила, как тоже начала заводиться. — Так все живут!

— И это, по — твоему, хорошо? Это нормально? Так вот, я тебе расскажу: ты ошибаешься. Человек, который работает так, как ты, должен и жить соответственно. У него должно быть не только всё необходимое, но и хоть немного лишнего. И вообще, красивые девушки не должны жить в одиночестве в дремучем лесу. Они должны получать от жизни удовольствие. На мероприятия ходить — выставки, спектакли, да мало ли! У них должны быть подруги, соседки — сплетницы, поклонники наконец!

— Вот только сплетниц мне не хватало, спасибо на добром слове! — рассердилась Тамира. — И потом, с чего ты решил, что у меня нет поклонников? Может, по мне полгарнизона сохнет! И вообще, мы не о том речь завели. В конце концов, наша жизнь и правда не сахар. Но кто в этом виноват? Те самые светлые, с которыми ты и эти твои подпольщики так хотите водить дружбу! Именно они нас сюда и загнали!

— Ты когда в последний раз заглядывала в календарь? — язвительно осведомился Эдвин. — Знаешь хотя бы, какой сейчас год? И сколько веков прошло с тех пор, как они нас сюда загнали?

— Да сколько бы ни прошло! — Тамира решительно не понимала, как он может так упорствовать в таком очевидном вопросе. — Хочешь сказать, что двести лет назад они были зверьми, а сейчас — вдруг! — стали все из себя белые и пушистые?

— Не белые и пушистые. — Пациент утомлённо вздохнул. То ли начало сказываться состояние здоровья, то ли он просто устал повторять разным людям одни и те же аргументы. — И мы тоже не белые и пушистые. Но и не звери.

— Однако мы не способны на то, что двести лет назад устроили они!

— О, ты удивишься! — Эдвин скривил губы в невесёлой усмешке.

— Вот только не надо сравнивать! — вскинулась травница, отлично поняв, что он намекает на собственное недавнее положение. — Ты сам загнал себя туда, где отказался. Тюрьма — это ни в одной стране не сахар.

— Хочешь совет? Не распространяйся о тех вещах, о которых ничего не знаешь.

— И чего же я такого не знаю?

— Да я не собираюсь тебе рассказывать. Меньше знаешь, крепче спишь.

Тут Эдвин говорил правду: о том, что с ним случилось, он не рассказывал ровным счётом ничего, игнорируя не только намёки, но и прямые вопросы в лоб. Впрочем, Тамира особенно не старалась что-либо у него выпытать, сочтя, что прошлое пациента — это его личное дело.

— Тогда изволь основываться в споре на тех аргументах, которые можешь привести, — недовольно отозвалась девушка.

— Пожалуйста, — охотно согласился Эдвин. — Я был за Гранью, и меня там, как видишь, не съели.

— Зато, небось, завербовали, — хмыкнула Тамира.

- «Тёмный вестник» часто читаешь? — снова вспыхнул Эдвин. — Завербовали... Думаешь, там все только и думают, как бы навредить Оплоту? Да у них своих собственных дел масса. И тёмные там живут вполне нормально. Пальцем никто не показывает, за оружие не хватает.

— Ага, то-то они от такой идеальной жизни то и дело в наши «ненормальные условия» переезжают!

— Она не идеальная, — вздохнул Эдвин, удивляясь упрямству собеседницы. — Она не такая плохая, как пытаются изобразить в «Вестнике». Даже те самые приезжие, о которых ты говоришь, это признают. Мне доводилось обсуждать эту тему с парой — тройкой из них. И в Настрию я ездил не просто так, а чтобы посмотреть на всё своими глазами. На государственном уровне притеснения тёмных нет. Есть отдельные чиновники, которые настроены против нас и позволяют себе лишнее. Они есть, не спорю. Зато правительство заинтересовано в воссоединении. А простым людям по большей части вообще всё равно, какой цвет волос у соседа.

— И с какой это стати их правительство так в воссоединении-то заинтересовано? — подозрительно прищурилась Тамира.

— Чтобы перерезать нас всех, конечно, — язвительно отозвался Эдвин. — Послушай, тебе самой в голову не приходило, насколько наше разделение искусственно? — спросил он, вновь возвращаясь к серьёзной дискуссии. Попытки переубедить собеседницу он всё-таки не оставил. — Светлые и тёмные — это ведь не разные народы, не разные расы, даже не последователи разных конфессий. Мы все — настрийцы, просто обладающие разными способностями.

При слове «настрийцы» Тамира встрепенулась, явно намеренная возразить, но Эдвин продолжил с ещё большим напором, не давая ей вставить слово.

— Отделить тёмных от светлых — это всё равно, что поселить в разных странах пекарей и портных. Хорошо не будет ни тем, ни другим, потому что каждому человеку надо и есть, и одеваться. Да, пекарям жить будет легче, потому что еда важнее. Но рано или поздно и они ощутят дискомфорт. Мы нужны друг другу, Тамира. Нам не хватает их лекарств. Им — нашей анестезии. И это только пример. Я даже представить себе не берусь, чего можно бы было достичь, объединив их и наши возможности сегодня, с учётом развития современных технологий.

— Всё, что ты говоришь, прекрасно, но это только теория. А что однажды случилось на практике, мы уже знаем. Ты можешь быть уверен в том, что это не повторится? Пусть даже не сегодня, а пару поколений спустя?

Эдвин посмотрел на неё как-то странно. Серьёзно и... обречённо, что ли. Однако прежняя убеждённость никуда не исчезла.

— Не могу, Тамира. — Кому-то другому он бы, возможно, ответил иначе. Но ей солгать не мог, даже в таком не слишком важном вопросе, как его собственная, субъективная, уверенность или неуверенность. — Я не могу поручиться за то, что произойдёт пятьдесят или сто пятьдесят лет спустя. Возможно, политика светлых изменится, к власти придёт очередной маньяк, и для наших потомков настанут чёрные времена. Я очень надеюсь, что этого не произойдёт, но гарантировать, конечно же, не могу. Зато я могу гарантировать другое.

Он склонил голову набок и выразительно посмотрел ей в глаза, словно пытаясь достучаться до глубин сознания. Тамира же отметила блестящую на лбу испарину и нездоровый цвет кожи.

— Если мы не станем сотрудничать со светлыми, то выйдем значительно раньше, чем нас успеют настигнуть все эти гипотетические проблемы, — изложил ход своих мыслей Эдвин. — В Оплоте очень мало ресурсов, Тамира. Десять лет, в крайнем случае двадцать — и всё. Всех этих новых поколений просто не будет. Так что из двух зол приходится выбирать меньшее. А для того, чтобы обезопасить себя и своих потомков на будущее, надо принять меры с самого начала. Сейчас, когда правительство Настрии на нашей стороне, а мы сплочены и географически, и морально. Именно сейчас надо позаботиться о том, чтобы в перспективе события двухсотлетней давности не могли повториться. Но это не повод сидеть взаперти и медленно, но верно угасать от нехватки ресурсов.

— Всё сказал? — Тамира присела на корточки, открыв дверцу шкафчика, повозилась со склянками и вынырнула оттуда с наполовину наполненной кружкой. — Держи тогда.

Тщательно размешав порошок в воде, она вручила кружку Эдвину. Чтобы тотчас же снова отойти и заняться очередными порошками на длинной, узкой доске, игравшей роль рабочего стола.

Сперва пациент не хотел принимать лекарство, с досадой наблюдая за прервавшей разговор травницей, явно так и не переубеждённой. Потом всё же выпил содержимое кружки. Запал сошёл на нет, возвращая его к реальности и собственным малоприятным ощущениям. Стремление же открыть травнице глаза сменилось угрызениями совести. В конце концов, жила себе девушка и жила, никого не трогала. А тут он — с кучей проблем, да ещё и с нравоучениями. Ей и так памятник при жизни надо ставить, за терпеливость...

— Слушай, я не хотел тебя обидеть, — примирительно обратился Эдвин к ссутулившейся над «столом» спине Тамиры. — Не знаю, что на меня нашло. Увлёкся.

— Да ладно, я не из обидчивых, — фыркнула девушка, на миг полубернувшись, но полностью своё занятие так и не прервав.

Хватит, наболталась уже, а работа не любит, когда её бросают на полпути.

— Нет, правда, — не ограничился первым покаянием пациент. — Не собирался я тебе здесь лекции читать. Хочешь, можешь меня и дальше поучать, я даже слова не скажу.

Если на то пошло, он сначала всего лишь хотел сделать травнице комплимент, когда про красивую девушку упомянул. Но она этого даже не поняла. Не объяснять же теперь. А дальше разговор сам собой полился, не остановиться...

— Больно надо! — усмехнулась Тамира. — Мне, знаешь ли, тоже за поучения никто не приплачивает. Для тебя же хотела как лучше. Небось и так уже нахлебался выше крыши от своей политики.

На этом разговор по взаимному согласию прервался. Тамира продолжила работать, а Эдвин улёгся и вскоре заснул.

Два дня спустя, вернувшись из очередной вылазки в лес и в деревню, Тамира сообщила Эдвину, что оставила его записку там, где было сказано.

— Не знаю, найдёт ли её кто-нибудь, кроме зайцев, но место я нашла, — добавила она под конец.

— Спасибо.

Эдвин говорил искренне, но, несмотря на то, что парень действительно был немаленькой обузой, Тамиру эта искренность не порадовала. Странно, но она вдруг осознала, что ей не хочется, чтобы он уезжал. Чуть ли не как-то. Но, может быть, Эдвин где-то прав. Человек — социальное существо, и не должен постоянно жить в одиночестве. Пока другой жизни не знаешь, тебе вроде бы никто и не нужен. А стоит узнать, что такое чьё-то постоянное общество, — и по — другому уже тоже не можешь. Впрочем, это осознание лишь заставило рассердиться на пациента ещё сильнее.

— И когда мне теперь ждать в гости небритых и нечёсанных мужиков — подпольщиков? — поинтересовалась она, принимаясь раскладывать собранные травы на столе.

Небритый и нечёсанный пациент усмехнулся.

— Тамира, ты когда-нибудь бываешь доброй? — осведомился он.

— А что, очень надо? — огрызнулась она.

— Нет, — рассмеялся он. — Пожалуй, даже наоборот. Если я увижу тебя ласково что-нибудь лепечущей, наверное, здорово разочаруюсь.

— Ну вот и не выступай тогда, — бросила травница, чувствуя, что настроение отчего-то стремительно поднимается.

— Вряд ли их будет несколько, — перешёл — спасибо ему за это огромное! — к ответу Эдвин. — Думаю, придёт только один мой знакомый. Тот самый, о котором я упоминал. А вот когда... К сожалению, это непредсказуемо. Если всё сложится максимально быстро, то, думаю, где-

нибудь через сутки. Но это маловероятно. Я не знаю, когда он сможет заглянуть на мельницу, чтобы проверить почту. И не знаю, какие у него будут возможности после этого. Если получится, придёт быстро, а если нет...

Он виновато развёл руками, даже не подозревая о том, как приятно Тамире слышать, что история с уходом пациента из её дома может затянуться на неопределённый срок.

— Обстоятельства бывают разные... — начал было объяснять он, но тут травница вытянула руку в предупредительном жесте, заставляя его замолчать.

— Ш — ш-ш!

Девушка прильнула к окну.

Сначала Эдвин ничего не понял, и лишь пару секунд спустя тоже расслышал отдалённый цокот копыт. Который, впрочем, быстро приближался.

— Брайан Коллинз, — констатировала наконец Тамира, отходя от окна.

Эдвин резко вскочил с кровати. Последовавший за этим приступ головокружения заставил его обеими руками схватиться за изголовье. Но и это не заставило его вернуться в кровать.

— Тебя заметили, когда ты передавала записку? — взволнованно спросил он у Тамилы, изловчившись и схватив её за запястье. — Кто-то тебя увидел? Тогда нам надо уходить обоим. Тебя никто не пожалеет, если они узнают...

— Перестань нести чепуху. — Тамира уверенно высвободила своё запястье. — Никто меня не видел. А если бы и увидели, сам говорил: ни черта по твоей записке не понять. Разве что кто-то пожелал срочно организовать выставку для великого художника. Успокойся, всё в порядке. Я с Брайаном знакома, он нередко заезжает в гости, если выбраться удаётся. Ничего необычного. Просто сиди в этой комнате и не высовывайся. Я его всегда в соседней принимаю, сюда он не заходит. Сейчас только чай сразу туда отнесу. А ты, главное, веди себя тихо.

Поставив на поднос всё необходимое, она выскользнула в соседнюю комнату. А вскоре в дом, предварительно постучавшись, вошёл и Брайан, одетый в костюм для верховой езды.

— Привет, Тамира! — поздоровался он, привычно вешая плащ на крючок.

— Привет.

Девушка принялась переставлять посуду с подноса на стол.

— Кого-то ждёшь? — нахмурился Брайан, заметив наличие второй чашки.

— Тебя, — усмехнулась Тамира. — Услышала, как ты скачешь.

— Нечего-то от тебя не скроешь, — тоже рассмеялся Брайан. — Вот, это тебе.

И он вручил девушке сумку, полную крупных яблок с красными бочками.

— Ох! — восхитилась она. — Сколько раз тебе говорить, это совершенно необязательно.

— Мне несложно, — привычно возразил Брайан. — А тебе полезно. Сама же говоришь, витамины и всё такое. Целую лекцию мне, помнится, прочла на эту тему.

— Да, правда? — озадаченно переспросила Тамира. — Что-то не припоминаю. Похоже, меня в последнее время потянуло на нравоучения. Не иначе, старею.

— До этого тебе ещё ох, как далеко.

Брайан подошёл к столу, на ходу расстёгивая верхнюю пуговицу рубашки, и со вздохом опустился на стул.

— Устал? — понимающе улыбнулась травница, присаживаясь напротив.

— Да не без этого, — признался Брайан. — Дел с каждым днём всё больше.

— Ты всегда так говоришь, — хмыкнула Тамира.

— Правда? — Брайан снова рассмеялся. — Но уверяю тебя, я ни разу не солгал. Впрочем, в последнее время всё действительно усложнилось. Проблем очень много и, главное, они совсем не простые... Впрочем, оставь, я не хочу забивать тебе этим голову. Как твои дела?

Тамира пожала плечами.

— Нормально. Держусь на плаву.

— Ты тоже всегда так отвечаешь, — заметил Брайан.

— А у меня ничего особо и не меняется, — объяснила травница.

— А могло бы. Особенно если бы ты не отказывалась от помощи.

— Оставь, — протянула, отмахиваясь, Тамира. — Мне ничего не нужно.

Брайан отставил почти опустевшую чашку и, подперев сцепленными пальцами подбородок, посмотрел ей в глаза.

— Но так ведь не должно быть, — заметил он. — Красивые девушки, как ты, должны жить совершенно иначе.

— У вас, мужчин, странные представления о жизни, — звонко рассеялась Тамира.

Брайан нахмурился, не вполне понимая причину столь странного веселья.

— И тем не менее моё предложение остаётся в силе.

— Спасибо, Брайан. — Тамира с нежностью накрыла его руку своей. — Но мы это уже обсуждали. Всё это не для меня. Городская жизнь, люди из замка, политические интриги. Я привыкла жить в лесу, где всё спокойно, а самая большая опасность исходит от оголодавшего волка.

— Серьёзная, между прочим, опасность, — парировал Брайан.

— Только если с самого детства не знаешь, как избежать такой встречи. И как себя вести, если избежать её не удалось. У меня такое воспитание, Брайан, — добавила она. — Я привязана к земле. Можно сказать, пустила в неё корни. А главное, этот дом — это всё, что у меня осталось от отца и матери. Моя крепость и моя память.

— И ты собираешься прожить здесь вот так всю жизнь?

Тамира неопределённо повела плечом, потом улыбнулась.

— Почему бы и нет? Впрочем, что толку загадывать далеко вперёд? Это тоже не в моём характере.

— А вот мой род занятий требует именно этого, — заметил Брайан. — Загадывать настолько далеко, насколько это вообще реально.

— Я знаю. Что поделать, тут мы не совпадаем. Да брось, что тут говорить? Расскажи мне лучше последние городские новости. Что-нибудь интересное происходило? Кстати, ты случайно не захватил мне какой-нибудь выпуск «Вестника»? Я, кажется, уже два пропустила. Нет, скорее, всё-таки три.

Не возвращаясь более к скользким темам, они проговорили ещё минут сорок. Потом Брайан начал собираться назад, сетуя на нескончаемые дела. Ещё пять — десять минут, и цокот копыт возвестил о его отъезде.

— У нас сегодня яблоки! — торжественно возвестила вскоре после этого Тамира, внося во вторую комнату тарелку с уже нарезанным фруктом.

Ответом было молчание, да какие-то резкие звуки. Тамира прошла к столу, поставила тарелку, и лишь тогда заметила, что Эдвин стоит на ногах, полностью одетый (насколько можно было одеться в имевшиеся в его распоряжении обноски), и судорожно распахивает по карманам свои немногочисленные вещи.

— Ты чего? — удивлённо спросила она, разом позабыв про ожидаемое пиршество.

— Я ухожу, — глухо произнёс Эдвин, подыскивая место для последнего предмета — кинжала, похищенного, вероятнее всего, при побеге.

— Куда? — Кровь отхлынула от лица Тамиры. — За тобой что, пришли эти твои друзья?

— Никто за мной не пришёл, — пробурчал Эдвин. — Но я и пяти минут не проведу в доме, где так радостно принимают Брайана Коллинза.

Ближе к концу этих слов он всё-таки посмотрел Тамире в глаза. Взгляд этот был прямой и бескомпромиссный.

— Ах, вот, значит, как, — сердито выдохнула травница.

— Именно, — подтвердил пациент, обводя комнату последним взглядом, дабы проверить на предмет забытых вещей.

— Брайан — мой друг, — заявила Тамира, вздёрнув подбородок. — И ни ты, ни кто-либо другой не станет говорить мне, принимать ли его в моём собственном доме.

— А я и не говорю, — послушно согласился Эдвин. — Я просто ухожу. Я благодарен тебе за всё, что ты для меня сделала. Но дальше буду справляться сам. А ты можешь и дальше спокойно общаться с этим убудком, раз тебе так нравится.

— Не смей оскорблять моих друзей в моём присутствии! — окончательно разозлилась Тамира.

— Ты не можешь заткнуть мне рот!

— Могу, если ты говоришь полную чушь! Ты оскорбляешь моего друга только из-за того, что его политические взгляды, видите ли, не соответствуют твоим. А между тем он — хороший человек, и твои выпады совершенно несправедливы!

— Хороший человек?! — Эдвин уже стоял возле самой двери, но слова Тамиры заставили его вернуться и встать напротив девушки, облокотившись ладонями о стол. — Да ты хоть представляешь себе, что этот «хороший человек» творит в замковой тюрьме?

— Догадываюсь, — отозвалась Тамира. — Наверное, допрашивает заключённых. И что с того? Кто-то это должен делать! На одном миролюбии порядка не построить и страну не защитить.

— Допрашивает?

Эдвин холодно улыбнулся, но только одной стороной лица, и от этого зрелища мороз бежал по коже. Он подошёл ближе, и девушка невольно отпрянула, но он схватил её за руку и заглянул в лицо.

— Хочешь, я расскажу тебе, как «допрашивают» в Замке Надежды? Хочешь знать, что на самом деле творится в святой святых Оплота? Пожалуйста. — Он выпустил её руку, но смотреть продолжал всё так же. — Во — первых, лично мне вопросов почти что не задавали. Так, по мелочам, в самом начале. Их подвалы используют совсем для другого. Там проводят эксперименты.

Не отрывая взгляда, Эдвин сделал шаг вперёд, и Тамира невольно отступила.

— Знаешь, что бывает с человеком, когда его магически заставляют ощутить приступ безотчётного страха? Дикой, ничем не обоснованной паники, от которой никуда невозможно деться — до тех пор, пока магу это не надоест? Я видел человека, который сошёл с ума от такого «допроса». Его и вовсе ни о чём не спрашивали.

Он снова сделал шаг вперёд, подойдя к травнице практически вплотную, не позволяя ей отвести взгляд.

— А ещё они иногда сравнивают, что мучительнее — такие приступы или физические пытки. И вот тогда в ход идут всевозможные инструменты. Но не слишком долго, поскольку они не хотят покалечить заключённых, чтобы их и дальше можно было использовать. А кроме того, они определили, что, испытывая приступ страха, человек начинает двигаться. Кружить по камере, ходить туда — сюда — это хоть как-то облегчает его состояние. И знаешь, что они сделали, когда это поняли? Стали фиксировать людей на скамьях и начинать воздействие лишь после этого. Как раз тогда-то мой сокамерник и лишился рассудка. А теперь угадай, кто конкретно воздействует на разум заключённых?

— Я знаю Брайана чуть ли не с детства, — выпалила Тамира, выворачиваясь и отходя на несколько шагов. — Он не садист.

— А я и не говорил, что он садист, — спокойнее произнёс Эдвин. — Он делает это не ради личного удовольствия. А ради того, чтобы изучить возможности магического воздействия в пределах замка. Ты даже можешь считать, что всё это делается ради государственной безопасности. В известном смысле, пожалуй, так оно и есть.

— Я тебе не верю. — Тамира тоже заговорила спокойно, сдерживая огонь, который бушевал

внутри. — На человеческий мозг нельзя воздействовать против желания. Мы все это знаем. Ты просто лжёшь — чтобы оговорить своего политического противника.

Эдвин вновь криво усмехнулся.

— Нельзя, — согласился он. — Вот только они нашли в замке какой-то способ. Со мной сильно не откровенничали, но вроде как там есть источник магической энергии, ион позволяет преодолеть защиту. Они недавно это выяснили, потому теперь и экспериментируют.

— Я хорошо знаю Брайана, — прорычала Тамира. — Его работа, возможно, не подразумевает идеально чистых рук, но на такое бы он не пошёл. Кто ты такой, чтобы оскорблять моих друзей?!

— А тут ты права, — охотно и одновременно зло подтвердил Брайан. — Я никто. И никаких прав не имею. Я просто ухожу.

— Ну и убирайся, раз такой принципиальный! — выкрикнула Тамира.

В этот момент она думала именно то, что говорила. Впрочем, вряд ли её слова имели принципиальное значение. Пациент (впрочем, теперь уже бывший) в любом случае не намеревался задерживаться. Прилив адреналина даже помог его хвори временно отступить, и он почти не шатаясь добрался до двери. Ещё пара секунд — и хлопнула вторая дверь, выводящая наружу.

Тамира осталась стоять на прежнем месте, тяжело дыша и сердито сверкая глазами. Потом взгляд её упал на яблоки, которые она совсем недавно принесла с таким воодушевлением. Девушка подхватила одно и изо всей силы швырнула им об стену. Но, ещё немного постояв, решила, что хватит предаваться дурному настроению. Ушёл — туда ему и дорога. А у неё дел по горло.

Травница стала прибираться, начав всё с того же яблока. Думала, что, работая, успокаивается, но на самом деле лишь сильнее мысленно себя накручивая, придумывая всё новые и новые ответы на выпады Эдвина. Отвлечься на другие темы удавалось, должно быть, секунд на десять — пятнадцать от силы.

Постепенно совершенную картину праведного возмущения начал портить червячок сомнения. Дело было даже не в Брайане, дело было в Эдвине. Он же её пациент. Он же болен. Далеко он уйдёт в своём нынешнем состоянии? А скоро стемнеет. В лесу холодно станет...

Да что она, в самом деле, как добрая мамочка?! Ну, станет холодно, помёрзнет немножко. Для его кипящих мозгов даже полезно. И вообще, это не она его выгнала, он сам ушёл. Что? Сказала «убирайся»? Да подумай! Он всё равно намеревался уйти. Так что на этом её ответственность закончилась.

А там не только холодно, там ещё и волки. А у него скоро температура поднимется, она всегда поднимается к вечеру. И надо было его в прошлый раз спасти, чтобы сейчас на верную смерть выкинуть? Да пусть бы и не выкинуть, пусть просто выпустить! Ну да, наговорил он всяких гадостей, и что? На костёр его теперь за это? И потом, его, скорее всего, действительно пытали. Иначе его состояния не объяснить. И эти ночные кошмары... А судя по тому, что следов на теле мало, он, видимо, правду сказал: пытали ментально. А Брайан — не Брайан... Мало ли, может Брайан просто мимо проходил, а Эдвин запомнил. Мало ли что в голове может спутаться, после такого-то. А она его сразу во лжи обвинила. Он, правда, тоже хорош. Но кто-то

же должен быть умнее?

Ещё минут двадцать Тамира провела в подобных внутренних метаниях. А потом быстро собрала сумку с самым необходимым, сунула ноги в башмаке (старые — престарые, зато крепкие и удобные), набросила на плечи плащ и вышла из дома.

Снаружи было прохладно. Не мороз, конечно (в Оплоте морозов вообще не бывало), но свежо. Дорога от дома ввела только одна, а Тамира сильно сомневалась, что Эдвин стал бы ломиться сквозь кустарники. Так что она пошла по этой единственной тропе. Дальше помогло её знание леса и умение распознавать следы, даже в сгущающихся сумерках. Иначе после первой же развилки она бы не знала, что делать. А так нашла его достаточно легко, примерно через полчаса пути.

Эдвин сидел, привалившись спиной к сосновому стволу и тяжело, неровно дыша. Медленно поднял голову и встретился с Тамирой взглядом, полным ненависти к собственной беспомощности.

— Прямо здесь будешь ночевать? — повышенно бодрым голосом поинтересовалась травница.

— А разве тебе есть разница? — пробормотал он, впрочем, без былого запала, скорее по инерции.

— Никакой, — заверила Тамира. — Место даже хорошее. Воздух свежий. Давай, поднимайся.

— Не могу, — тихо признался Эдвин и отвернулся, старательно пряча от неё лицо. Потом горько усмехнулся: — Я теперь действительно никто. Даже уйти, хлопнув дверью, — и то не в состоянии.

— Ну и слава богам, — отозвалась Тамира, извлекая из сумки флакон. — Нечего портить чужое имущество. На, выпей.

Она откупорила флакон и протянула Эдвину. Тот принял и покорно проглотил содержимое, после чего возвратил девушке опустевший сосуд.

— Теперь надо немного подождать, — сообщила она, тоже садясь на россыпь хвои. — Средство быстроедействующее, скоро заработает.

— Спасибо, Тамира, — глухо сказал Эдвин, глядя перед собой. — Надеюсь, что когда-нибудь, я всё-таки смогу отплатить тебе за то, что ты сделала. Пока, увы, мне это не под силу.

— Ещё как под силу! — возразила Тамира. — С тобой сейчас можно на дровах экономить. От тебя жара, как от печки.

Эдвин улыбнулся, но совсем уж кисло, лишь отдавая минимальную дань вежливости.

— Скажи, — вновь заговорил он пару минут спустя, — Коллинз — он твой друг? Или больше?

— А разве больше, чем дружба, бывает? — решила поддразнить его Тамира. — По — моему, всё остальное — значительно меньше.

Однако было в устремлённом на неё взгляде что-то от беспомощности брошенного пса, и она всё-таки ответила на вопрос:

— Друг, друг. Мы ещё в детстве познакомились. Точнее, в подростковом возрасте.

— И-?

Похоже, Эдвин от её ответа напрягся ещё сильнее, словно она сказала «Мы познакомились, когда я была женщиной в самом соку, а он — мужчиной в полном расцвете сил».

— И ничего, — фыркнула Тамира. — У него свои дела, у меня свои.

— Но он зовёт тебя в город. Я слышал.

Подняв подбородок, Тамира серьёзно посмотрела на Эдвина.

— И что? Я в городе?

Он промолчал.

— Встать можешь? — уже другим, обычным своим тоном спросила девушка.

Эдвин попробовал. Получилось. Тамира удовлетворённо кивнула и тоже поднялась на ноги.

— Я дала тебе настойку ферны. — Последнюю, к слову. Больше у неё не оставалось. — Ближайшие час — полтора будешь полон сил. Потом ослабнешь, так что за это время надо пройти до относительно безопасного места. А вот теперь решай сам. Хочешь — идём со мной. Не хочешь — можешь продолжить хлопать дверьми. Дело твоё.

Не прощаясь и не оборачиваясь, Тамира зашагала по тропинке обратно к дому. Вскоре она облегчённо выдохнула, услышав шорох листьев за спиной. Эдвин ничего не говорил, но всё это время шёл за ней след в след.

Они так и вошли в дом, один за другой. Добрались до комнаты, где он жил всё это время. А потом...

Наверное, это совершенно естественно. Естественно и предсказуемо, и нет в этом ничего удивительного. Ничего такого, о чём стоило бы задумываться лишний раз. Классический расклад — сиделка и пациент. Это даже пошло. И набило оскомину.

И ни к чему волноваться, ни к чему приписывать происходящему глупую романтику, выдумывая сказки о сильных чувствах. Просто пациент испытывает чувство благодарности к ухаживающей за ним сиделке. В сочетании с тем фактом, что у него давно не было женщины, реакция более чем предсказуема. Просто сиделка, или в данном случае травница, невольно начинает испытывать чувство нежности по отношению к тому, о ком заботится. Особенно если жизнь её уже много лет протекает под знаком одиночества.

И ничего нет удивительного в том, что сначала сцепились пальцы рук. Его, длинные и смуглые, и её, нежные, хоть и с немного огрубевшей кожей. Равно как и в том, что затем он нашёл губами её губы. И когда он начал осыпать нежно — жадными поцелуями всё её тело, это тоже было совершенно логично и ожидаемо. И найдётся ли хоть что-то странное в резкости и порывистости её движений, когда она чуть не разорвала его и без того потрёпанную рубашку? Или в том, как кровать, до сих пор исполнявшая роль лазаретной койки, превратилась внезапно в ложе страсти? Без расшитого цветами постельного белья, без запаха духов и без лепестков роз — да всё это было и не нужно. Ничего необычного, ровным счётом. Разве только капли невыплаканных слёз, застывшие у обоих в глазах.

Глава 10

Я нервно ходила по комнате из угла в угол, ломая руки и кусая губы. В данный момент гости и хозяева заседали «в тёплой, дружественной обстановке». Общение на политические темы затянулось, и было решено совместить его с ужином. Оставалось только гадать, сколько именно отравлений во время этого ужина произойдёт, и выйдет ли оттуда на своих ногах хоть кто-нибудь из политиков.

Как не трудно догадаться, сама я на заседании не присутствовала. Не знаю, пригласили бы меня при иных обстоятельствах или нет, но в данном случае я сама завела разговор с Брайаном на данную тему и сама высказала предположение о том, что мне будет предпочтительнее держаться от Уилфорта подальше. Теперь я готова была грызть себе локти за такую инициативу, и тем не менее прекрасно понимала, что иначе было нельзя. Стремление увидеться с Уилфортом после всего, что между нами произошло по моей официальной версии, было бы несколько странным. Предложение не показываться ему на глаза, дабы лишний раз не накалять обстановку, казалось более логичным. Но легче от этого сознания не становилось. Я волновалась, и, скажем прямо, волновалась главным образом за Уилфорта. Вернее, за Сэнда. Чёрт бы побрал этого Александра, ну, кто его просил лезть в самое пекло?! Почему ему не сиделось в этой своей Иллоэе, в таком милом дворце и за семью печатями? Ведь знает же, что к нему уже подсылали убийцу, и именно здешние, оплотские власти подсылали! Так сильно понравилось, что ещё захотелось?

Нет, он, конечно, поступил именно так, как в своё время обещался. Приехал только что не под барабанную дробь. Атмосферу и правда создал такую, что и в визите не откажешь, и живым выпустить очень даже желательно. В противном случае как бы светлые власти и вправду не надумали снести Оплот вместе со всем его населением с лица земли. А если надумают, то кто их знает... Может, и сумеют. Брайан прекрасно это понимает, потому и ведёт себя с делегацией предельно вежливо, даже доброжелательно, но так при этом злится, что у меня, хорошо его знающей, мороз по коже. А если злость всё-таки победит? Впрочем, нет, не так. Злость в таком человеке, как Брайан, победить не может. Уточним: вдруг Брайан решит, что для Оплота (или для отдельных представителей оного) всё-таки будет выгоднее, чтобы Александр не вернулся в Настрию? Что, если, выбирая из двух зол, он рискнёт рассердить настрийского монарха, лишь бы поставить точку в игре против Уилфорта?

Я принялась ходить по комнате с удвоенной скоростью, ожесточённо теребя собственные запястья. Ох, муженёк, получишь ты ещё от меня нагоняй! Только бы до тебя добраться.

Мои граничащие с истерикой размышления прервал приход Брайана. О встрече мы не договаривались, но, тем не менее, в мою дверь, предварительно постучавшись, вошёл именно советник. Сам факт его прихода не заставил меня слишком сильно напрячься. За прошедшее время я уже привыкла общаться с Брайаном, зная всю правду о его роли в моей жизни. Здраваться, улыбаться, что-нибудь обсудать. Я просто вошла в роль, и практически не снимала маску.

Кроме того, в порыве творческого вдохновения, я «повинилась» перед Брайаном за то, что была вынуждена стереть из памяти многие из добытых в прошлом документов. Дескать, в плену у Уилфорта была тяжело больна, при задержании получила удар по голове, пришлось ради исцеления пожертвовать частью информации. Оставалось надеяться, что такое «признание» даст мне фору, укрепив Брайана в мысли, что разделяться со мной пока рано.

— Что-то случилось? — Изображать волнение не пришлось, а уж подлинные причины оного у меня на лице не написаны. — Что-то пошло не так?

Брайан устало опустил на стул и стал ожесточённо растирать себе виски.

— Во всей этой ситуации нет ничего хорошего, — признался он.

— Но, во всяком случае, во время ужина не было никаких эксцессов?

— Само присутствие этого настрийца в замке и есть самый большой эксцесс, — вздохнул Брайан. — Но сверх этого ничего непоправимого пока не произошло.

— Ты считаешь его присутствие опасным? — обеспокоенно спросила я. — Думаешь, его люди могут попытаться кого-то убрать?

— Это вряд ли, — покачал головой Брайан. — Им нужно совсем другое.

— Что именно? — вскинула голову я.

— Всё, — просто ответил Брайан. — Полное расформирование Оплота. О дальнейшем можно лишь догадываться, но история позволяет представить себе развитие событий вполне точно.

— Ты уверен, что всё настолько серьёзно?

— Он сам завёл разговор об «объединении», — сообщил Брайан. — Как ты полагаешь, может такое объединение состояться на равных правах?

— Нет, конечно, — ответила я, сильно подозревая, что тут Брайан совершенно прав.

В этом была сильная сторона официальной позиции Брайана и слабая — Уилфорта. В объединение, которое не поставило бы тёмных в зависимое положение людей второго сорта, я не верила.

— И только посмотри, как этот гад работает сразу по нескольким фронтам! — продолжал Брайан. — Ты обратила внимание на новость о гуманитарной помощи? Гуманитарной помощи! — возмущённо воскликнул он, даже не дожидаясь моего кивка. — Какая-то несчастная телега с лекарствами для целой страны, обделённой нормальной медициной на протяжении двух сотен лет!

— Но люди обрадовались, — заметила я.

— Это-то и плохо. При помощи этой брошенной кости Уилфорт планирует вызвать в наиболее наивных чувство благодарности и даже симпатию.

— Чтобы впоследствии они помогли ему вторгнуться в Оплот?

Вряд ли мне когда-нибудь удавалось изобразить более мрачное выражение лица.

— Что-то в этом роде, — подтвердил Брайан. — При известных обстоятельствах свои оказываются гораздо опаснее, чем чужие.

Я согласно склонила голову. Конечно, Брайан. Мне ли этого не знать?

— Так, может, просто убрать его? — озабоченно спросила я. — Доделать то, что не удалось мне в Настрии. И решить проблему. Или политические последствия окажутся слишком тяжёлыми?

Это был оптимальный способ выяснить намерения Брайана — если, конечно, он вообще

согласился бы ими со мной поделиться. Не задать вопрос, а именно выдвинуть предложение, при этом, конечно же, не подавая Брайану новых идей. О варианте избавиться от Уилфорта в замке он, без сомнения, успел подумать и без меня.

— Именно, — вздохнул Брайан. — Это был бы хороший вариант, но увы. Тут Уилфорт всё рассчитал. Сейчас, когда настрийский король при смерти, а принца никто до сих пор не видел, Уилфорт фактически представляет в Оплоде высшую власть. Убрать его во время визита — это практически то же самое, что убрать наследника королевской крови. Боюсь, что в этом случае светлых уже не остановит никакая Грань. И тот факт, что мы избавились непосредственно от Уилфорта, перестанет иметь значение.

— М — да, ты прав, — задумчиво покивала я. — Жаль.

Но Брайан ещё не закончил излагать свои размышления на этот счёт.

— Тем не менее, позволить ему благополучно провести эти переговоры и вернуться к Настрию с результатом я тоже не могу, — заметил он. — А значит, действовать придётся.

— Но ты же только что сказал...

— Я сказал, что Уилфорт не должен умереть во время визита в Оплот, — напомнил Брайан. — Но если он умрёт вскоре после возвращения в Настрию, за это мы уже ответственности не несём. А все предварительные договорённости, заключённые лично с ним, несложно будет расторгнуть.

— Ты хочешь подслать к нему убийцу уже за гранью? — уточнила я.

Брайан покачал головой.

— Есть вещи, которые можно сделать здесь, а проявятся они только за Гранью. Я говорю об илиевом корне.

Я медленно вдохнула и столь же медленно выдохнула, чувствуя, что мне становится по — настоящему жутко. До сих пор я была почти уверена, что убивать Уилфорта Брайан не рискнёт — по тем самым политическим причинам, что были озвучены в ходе разговора. Да, это «почти» не давало мне покоя, но это ничто по сравнению со знанием, что Брайан всё-таки готовит убийство. Илиевый корень, он же — корень рижая обыкновенного, содержит смертельный яд замедленного действия. Если подмешать его Уилфарту в еду незадолго до отъезда, то первые симптомы могут проявиться на следующий день после пересечения Грани.

— Подозрения у настрийцев, конечно, возникнут, — буквально-таки продолжил мои собственные мысли Брайан, — но доказать они ничего не смогут. А подозрения — это совсем не то же самое, что факты.

— Но это всё равно для нас опасно, — заметила я.

Брайан тяжело вздохнул.

— Опасно, — согласился он. — Хотел бы я, чтобы у нас был другой вариант...

— Ну как, ты убедился, что я был прав?

Стянув камзол, Роберт швырнул его на спинку кресла. Камзол повис криво, но всё-таки не упал, и хозяин не озаботился тем, чтобы его перевешивать.

— Смотря в чём.

Уилфорт тоже успел снять камзол, но пока продолжал держать его в руках, рассеянно разглядывая узор на рукаве.

— В том, что ни о чём ты с этим Коллинзом не договоришься.

Роберт говорил эмоционально, но всё-таки понизив голос, на случай, если под дверью (или где-нибудь ещё) притаились любопытные уши.

— В этом я не сомневался с самого начала, — хмыкнул Уилфорт. — Меня гораздо больше интересовала фигура короля. О нём, в отличие от Коллинза, нам не было известно практически ничего.

Он прошёл к кровати и положил камзол на покрывало.

— И что ты думаешь теперь? — спросил Роберт, мрачно наблюдавший за передвижениями приятеля.

— Думаю, что и фигуры-то никакой нет, — протянул в ответ Уилфорт. — Либо это очень хороший артист, либо он ровным счётом ничего из себя не представляет. Интересуется исключительно побрякушками и своей личной жизнью, а государством де факто управляет Коллинз.

— В кои-то веки я с тобой согласен, — фыркнул Роберт. — А теперь послушай меня как следует. Ты сам видишь, что договариваться здесь не с кем. Теперь настало самое время сворачивать наш милый визит и убраться отсюда к чёртовой матери. Задницей чувствую: без крупных неприятностей не обойдётся.

— Совершенно справедливо подмечено, — заявила я, бесшумно входя через потайную дверь, о существовании которой поселенный в этой комнате Уилфорт, конечно же, не подозревал. — Ваша задница мудрее, чем головы некоторых вельмож.

Произнося эти слова, смотрела я главным образом на Александра, а вовсе не на его спутника.

— Ты! — выдохнул супруг таким тоном, словно в самом этом утверждении было сокрыто серьёзное обвинение.

— Как видишь.

Я прикрыла за собой потайную дверь, которая мгновенно слилась с занимавшим всю стену панно, и всё так же бесшумно приблизилась к мужчинам.

— А вы знакомы? — поинтересовался спутник моего мужа.

— Самую малость, — ответила я, по — прежнему глядя главным образом на Александра.

— Познакомься, Роб, — сказал Уилфорт, отвечая мне столь же пристальным взглядом. — Это и есть та самая Элайна Кенборт.

Я всё-таки покосилась мельком на второго мужчину. Его приподнятые брови и весьма

выразительный взгляд свидетельствовали о том, что моё имя он слышит отнюдь не впервые.

— Очень приятно, — бросила я. — Полагаю, что вы — лорд Роберт Мэдисон, ещё один участник этой милой экспедиции?

Губы Роберта на миг тронула едва уловимая улыбка.

— К вашим услугам.

— Очень надеюсь, что они мне не понадобятся, — отрезала я.

После чего полностью сосредоточилась на персоне Уилфорта. А именно: подошла к нему почти вплотную и ожесточённым шёпотом произнесла:

— Всё жизнь мечтала выйти замуж за идиота!

— Замуж? — выдохнул у меня за спиной Роберт.

— Так получилось, — откликнулся Александр.

— Постой, постой... — Роберт обошёл нас, описав полукруг по комнате, и уставился на меня с новым интересом. — Хочешь сказать, там, на маскараде — это была она?

Сэнд лишь выразительно развёл руками. Я растянула губы в подобии улыбки, которая была призвана выразить согласие.

— Какого чёрта ты сюда приехал?! — вновь вызверилась я на супруга. — Жить так сильно надоело? Не мог придумать более простого способа для самоубийства?

— Ну, должен же я был навестить дорогую жену, раз она от меня уехала, практически не попрощавшись, — заметил он.

— Навестил? Теперь убирайся.

— Неужели даже чаю не попьём?

— Можем попить, — кивнула я. — Ты что к чаю предпочитаешь, ложные опята, мышьяк или что-нибудь более экзотическое?

— Я так понимаю, это не угроза, а намёк? — сосредоточенно осведомился счастливый обладатель мудрой задницы.

— Совершенно верно, — похвалила я.

— Садись.

Мигом посерьёзнев, Сэнд предложил мне стул. Я пожала плечами, давая понять, что беседовать сидя совершенно необязательно, но в целом мне всё равно, и приняла предложение.

— Тебя собираются накормить илиевым корнем, — продолжила я, едва Сэнд оказался сидящим напротив. Роберт расположился чуть позади. — Это такая ядовитая трава, растёт в Оплоте. В Настрии её, по — моему, нет, но, впрочем, не уверена. Я не особенно разбираюсь в настрийских ядах. В любом случае, идея в том, что яд действует медленно. Примешь ты его

здесь, а с жизнью расстанешься уже в Настрии.

— Хм. — Сэнд опустил задумчивый взгляд на собственные руки. — И в итоге никто не будет виноват. Умно.

— Рада, что ты оценил идею, — ядовито произнесла я.

— Спасибо. — Сэнд как будто не заметил моего сарказма. — Теперь я смогу принять меры.

— Ничего ты не сможешь принять, — отрезала я. — Ты не в силах предугадать, когда и во что именно они добавят яд. Не можешь же ты воздерживаться от еды и питья всё то время, что здесь проживёшь!

— Ничего, я подумаю, — откликнулся Сэнд. — Должен найтись какой-нибудь выход.

— Выход есть, и только один, — заверила я. — Ты должен завтра же убраться из Оплота. В этом случае они не успеют устроить отравление. Кроме того, если переговоры прервутся, они и сами предпочтут к этой мере не прибегать. Слишком скользкой политической ситуацией это чревато.

— Сэнд, дама права.

Роберт поднялся со стула, будто собирался уехать прямо сейчас. На самом же деле он описал полукруг по комнате, после чего остановился, положив руки на спинку стула Александра.

— Нам больше нечего здесь делать.

Сэнд поморщился.

— Это будет выглядеть как побег. Да, собственно, это и будет побегом. Весь политический выигрыш — насмарку.

— Ты предпочитаешь умереть? — будничным тоном осведомилась я. — Впрочем, я догадывалась, что в тебе разыграется светлая аристократическая гордость. Так что у меня есть план. Я устрою так, чтобы завтра ты получил письмо, в котором якобы будет сообщаться, что тебе необходимо незамедлительно выехать в Настрию по наиважнейшему делу. Это поможет сохранить лицо.

— Как ты можешь устроить подобное? — нахмурился Сэнд.

— Тебе какая разница? У меня есть друзья на границе.

Сэнд немного подумал, играя пальцами рук.

— Друзья — это, я так понимаю, те разбойники, которые регулярно грабят наших торговцев?

— Ничего подобного, — осклабилась я. — Это милые безобидные люди, за которыми торговцы сами гоняются с оружием, требуя, чтобы они забрали весь товар в Оплот в качестве гуманитарной помощи.

— Я запомню эту версию.

— Так ты согласен? — настойчиво спросила я, имея в виду свой план.

Несмотря на красноречивую мимику Роберта, стремившегося подтолкнуть Александра к правильному ответу, тот продолжал напряжённо раздумывать.

— Поедешь со мной? — спросил он меня в лоб.

Признаться, я слегка опешила, поскольку подобного вопроса не ожидала.

— Издеваешься? — откликнулась я, немного оклемавшись. — У меня здесь и так положение шаткое — дальше некуда. Любой неосторожный шаг — и меня уберут в один момент, без всяких ядов замедленного действия. А ты хочешь, чтобы я, по сути, объявила, что предпочитаю Оплоту Настрию, и уехала с тобой? Да меня не станет раньше, чем мы покинем город!

— Ну уж, от этого я сумею тебя защитить, — морщась, возразил Александр.

— Даже не надейся, — отрезала я. — Ты не у себя дома. Здесь всё по — другому.

— Но вам действительно опасно здесь оставаться, — вмешался Роберт, задница которого, похоже, перестала генерировать гениальные идеи. — Вы сами сказали: один неосторожный шаг может стоить вам жизни. Этот шаг вы уже сделали, придя сюда.

— Не беспокойтесь, — криво усмехнулась я. — Я умею работать. И выехать из Оплота тоже сумею. Тогда, когда момент будет подходящим.

— Ты приедешь в Иллоу? — обеспокоенно спросил Александр.

По этому вопросу я поняла, что на моё предложение он фактически согласился.

— Куда же я денусь? — хмыкнула я. — Мы же всё ещё должны развестись.

Покинув комнату Александра через потайной ход, я миновала пару коридоров, поднялась по лестнице, склонило голову, чтобы пройти под низкой аркой, и вскоре постучалась в хорошо знакомую дверь.

— Входи!

На лице Брайана читалась озабоченность и нетерпение.

— Ну что?

— Всё в порядке, — улыбнулась я. — Завтра во второй половине дня они уедут, и к вечеру уже будут за Гранью.

На следующий день Сэнд с Робертом действительно уехали и благополучно добрались до Настрии. Однако весточку от мужа я получила раньше, чем могла того ожидать. Правда, на тот момент я находилась не в городе, а в одной из оплотских деревень.

Обстоятельства моего отъезда были таковы. Через пару дней после того, как настрийская делегация покинула Оплот, я поинтересовалась у Брайана, есть ли у него на меня профессиональные планы в ближайшем будущем. Он предсказуемо ответил, что пока нет. Я осведомилась, как он в таком случае отнесётся к моим небольшим гастролям по деревням. Как я уже упоминала, на протяжении прошедших трёх лет я время от времени отправлялась в

подобные поездки, так что ничего подозрительного в такой инициативе в принципе не было. Брайан сказал, что ничего не имеет против: если я понадобится, за мной пришлют. И даже щедро выделил мне повозку и одного сопровождающего — он же возница. Он же, ясное дело, и мой надсмотрщик, но это напрямую не упоминалось. Тем не менее, я мысленно окрестила парня «три в одном», хотя отлично знала, что на самом деле его зовут Рег.

Первым делом мы направились на запад. Затем начали понемногу забирать на юг. Наконец, стали двигаться к востоку и, описав своего рода полукруг, выехали к деревне, с которой началось моё знакомство с Оплотом. Переезжая от селения к селению, читая сказки для взрослых и детей на фоне ветхих, покосившихся домиков, я не только усыпляла твою бдительность, Брайан. Я по — своему прощалась с Оплотом. Ибо на том этапе была уверена, что никогда больше не вернусь.

И вот, примерно в середине моего турне, зайдя в предоставленную мне комнатку, я обнаружила на окне записку. Как её умудрились незаметно доставить, не знаю, но, кажется, я успела заметить мелькнувшую у стены тень. Видимо, кто-то посчитал нужным не просто принести письмо, но и лично удостовериться, что оно действительно попало в руки к адресату.

Прочитав, я не отказала себе в удовольствии выругаться вслух. Автором записки являлся любимый супруг. Сомнений в этом не возникало: его почерк я знала отлично. Как-никак, у меня «с собой» имелась масса его образцов. В письме Александр интересовался, не имею ли я возможности помочь выбраться из Оплота одному человеку. Дескать, он отлично осознаёт, что это непросто, и прекрасно поймёт, если я откажусь. Но если мне всё же удастся это устроить, воспользовавшись своим «окном» на границе, он будет чрезвычайно мне благодарен.

Поскрежетав зубами, я подошла к свечке и не без удовольствия скормила записку огню. Чёрт побери, тут бы самой благополучно выбраться! А тут ещё какой-то неизвестный парень, да ещё, насколько я поняла из завуалированного текста послания, не слишком здоровый. И что мне прикажете делать?

План, однако же, созрел в голове достаточно быстро.

Человек, пришедший в один не слишком прекрасный день за Эдвином, действительно оказался небритым, да и вообще подпадал под образ подпольщика, каким себе рисовала его Тамира. Особого доверия или симпатии этот коренастый мужчина лет сорока у травницы не вызвал. Но Эдвин явно был хорошо с ним знаком и ждал, похоже, именно его. При встрече они обнялись, как старые друзья, а затем пришелец сказал, что уезжать надо как можно быстрее. Так что прощание получилось скомканным.

Пока подпольщик усаживался на оставленную на дороге телегу, Эдвин крепко обнял Тамиру. Затем чуть отстранился и, держа её за руки и глядя в глаза, пообещал:

— Я обязательно вернусь.

Тамира кивнула, сдерживая подступившие к глазам слёзы. А через несколько минут телега уже всю катилась прочь по лесной дороге.

Добравшись до той деревни, что лежала ближе других к Грани Безопасности, я в очередной раз выступила со своими сказками. Вечером, по окончании представления, сообщила Регу, что на границу к разбойникам в этот раз не поеду, так что турне можно считать завершённым. Завтра утром поспим подольше, а затем двинемся в обратный путь.

Ночевать нас оставили у старушки Клэр. У неё, в отличие Грэтты, в доме была не только одна жилая комната, но и сени, где и устроили Рега. Но прежде мы небольшой компанией расположились за столом, отмечая встречу, а заодно успешное окончание представлений. Одного взгляда в чистые, внимательные, не по — старчески живые глаза Клэр было достаточно, чтобы понять: всё идёт по плану.

Через час после начала трапезы беспробудным сном уснули все, кроме меня. Включая и хозяйку. Таким образом, вина за случившееся полностью снималась с присутствующих и перекладывалась на мои плечи. То есть на плечи единственного человека, который к моменту начала разбирательства будет далеко.

Я потихоньку выбралась из-за стола и, прихватив собственный плащ и плащ Рега, вышла из дома. Обогнув дом, разглядела в разгоняемой луной темноте небольшой сарай с покатою крышей. Приоткрыла дверь.

— Эй! Вы здесь? — тихо позвала я.

— Да.

От стены отделилась тёмная, как и всё в это время суток, фигура.

— Выходите.

Я подала пример, отступив во двор. Разговаривать с незнакомыми людьми всё же лучше там, где можешь хоть что-то нормально разглядеть.

Мужчина вышел из сарая и остановился у двери. Темноволосый. Любопытно. Я отчего-то думала, что Уилфорт хлопочет о каком-то светлом шпионе, прибывшем в Оплот вместе с его делегацией, но затем не уехавшем вместе с остальными. Но этот, похоже, был местным. Худой, даже осунувшийся. В видавшей виды одежде.

— Управлять повозкой сможете? — спросила я. — Понадобится где-то на полчаса, потом смогу сменить.

— Справлюсь, — кивнул он.

Говорил хрипло, но, может, это и не от болезни, а от того, что долгое время приходилось прятаться и молчать.

— Хорошо. Тогда запрягаем повозку — и вперёд. Наденете вот это. — Я протянула ему плащ Рега. — Капюшон накиньте на голову. По возможности старайтесь прямо держать спину, так будет максимальное сходство по фигуре с моим сопровождающим.

Мужчина снова кивнул.

— Тогда за дело.

И я зашагала к загону, в котором осталась наша лошадь.

Ехали неспешно. Накинувший капюшон мужчина вполне сходил в темноте за Рега. Конечно, остановив повозку и приглядевшись, легко было обнаружить подмену, но никто, похоже, не собирался этого делать.

Правое заднее колесо тихонько поскрипывало, западный ветер легонько касался волос.

— Как вас зовут-то? — спросила я.

Время от времени к спутнику надо было как-то обращаться, и делать это, не зная имени, было неудобно.

— Эдвин Райс, — ответил тот. — А вы Элайна Кенборт, верно? Я вас однажды слушал. У вас талант.

— Спасибо. У меня их много, — без малейшего чувства радости или гордости отозвалась я.

Ну да, конечно, беглецу наверняка сообщили, кто именно будет вытаскивать его из Оплота. Это меня оставили в полном неведении касательно личности спутника. Райс — знакомая фамилия... Кажется, что-то из «Вестника», но точно не припомню.

Между тем, Грань, хорошо заметная в темноте, была всё ближе.

— Что мне следует говорить на границе? — спросил, не оборачиваясь, Райс.

При этом он ни на секунду не переставал крепко сжимать поводья. Видимо, поездка всё же давалась ему нелегко. Держался, однако же, молодцом.

— Ничего. Говорить буду я. Старайтесь сохранять непроницаемое выражение лица. Дескать, вы только сопровождающий, подробности вам неизвестны.

Он коротко кивнул, всё также, не оборачиваясь. Мы без труда пересекли Грань (в сторону Настрии это мог сделать любой человек, даже светлый) и вскоре оказались под сенью деревьев. Тут-то нас и встретили разбойники.

— Элайна! — радостно поприветствовал меня Берт. — Будешь рассказывать сказки?

— Боюсь, что сегодня нет, — грустно улыбнулась я. Грустно, поскольку понимала, что произнесённое мной «сегодня», в сущности, приравнивалось к «никогда», — Спешное дело.

— Опять в Настрию? — сочувственно спросил Мэл. — Так срочно, что на ночь глядя?

— Так уж получилось, — откликнулась я.

Врать ребятам особенно не хотелось, но сказать правду значило если не получить проблемы, то превратить всех в соучастников.

— Ну, что задерживаете ответственного работника? — добродушно прикрикнул на разбойников Дик. — Вам же сказали: спешное дело. Поезжайте! — обратился он к Райсу, хлопнув лошадь по боку. — Элайна, не возражаешь, я немного тебя провожу?

— Конечно.

Лошадь тронулась, и Дик добавил ей работы, на ходу запрыгнув в повозку.

И вновь всё тот же равномерный скрип. Дик немного помолчал, дожидаясь, пока мы удалимся от остальных. Вопросительно посмотрел на спину Райса. Я кивнула, давая понять, что говорить можно.

— Всё-таки уезжаешь?

Разбойник улыбнулся, и было в этой улыбке что-то от моей собственной недавней грусти.

— Приходится, — подтвердила я.

В том, что Дик всё понял правильно, сомнений не возникало. Хотя как ему это удалось, я понятия не имела.

— Ясно. Что ж, допытываться, что да почему, не буду. Удачи тебе, красавица! Надеюсь, когда-нибудь всё-таки свидимся.

Увы, в последнем я сомневалась, но это не помешало мне с радостью пожать протянутую руку.

— Когда станут расспрашивать, скажи, я всё представила так, будто выезжаю по работе, — сказала я, когда Дик уже соскочил с повозки. — И у вас не было причин усомниться.

— Я отлично знаю, что и когда говорить! — с усмешкой заверил меня Дик. — Счастливо!

— Удачи! — прокричала я ему вслед.

И снова тишину разрывал только скрип колеса, да редкое уханье совы.

Вскоре я решила, что с маскировкой можно закругляться, и предложила Райсу поменяться местами. Он возражать не стал. Лёг и, по моему совету, укрылся плащом, чтобы оставаться незаметным. И быстро уснул.

После того, как мы выбрались из леса, я некоторое время продолжала ехать по основной дороге, а затем свернула на другую, поуже. Ещё четверть часа езды — и мы остановились.

Соскочив на землю, я обошла повозку и разбудила спутника.

— Повозку будут искать, — негромко объяснила я. — Так что оставим её здесь, а дальше пока пойдём пешком. Лошадь я отпущу. Думаю, её здесь быстро найдут, если не наши преследователи, то крестьяне. Долго идти не придётся: после перекрестья можно будет поймать попутную карету.

Райс кивнул и молча принялся помогать мне распрягать повозку. Сил у него явно прибавилось: видимо, сон пошёл на пользу. Значит, до кареты дотянет. А дальше идти пешком, скорее всего, не придётся до самой Иллойи.

— Ну что, Эдвин Райс? — бодро спросила я после того, как дело было сделано. — Готовы идти навстречу новой жизни?

Он усмехнулся и снова кивнул.

Вот так, улыбаясь, хотя на душе у обоих скребли кошки, мы зашагали в сторону тракта, который должен был рано или поздно довести нас до настрийской столицы. Оплот остался за спиной. То, что ждало впереди, скрывалось пока в объятиях ночной темноты. Не вызывало сомнений лишь одно: пути назад больше не было.

Глава 11

Иллойя. Накинув на плечи тёмно — синий плащ, я неторопливо шла по столичным улицам, впитывая душой и кожей позабытую атмосферу города. Здесь бурлила жизнь, начисто игнорируя накрапывающий потихоньку дождь. Разве что несколько зонтов появилось над

головами. Но лица при этом оставались прежние, целеустремлённые. Люди не мчались сломя голову, передвигались с достоинством, но одновременно точно знали, куда они идут, к которому часу и зачем. Платья с цветочными узорами, камзолы монотонной расцветки, длинные плащи. Изящные туфельки и массивные сапоги. Призывные витрины магазинов, часто проезжающие мимо кареты. Всё то, чего почти не наблюдалось в Оплоте. Можно было бы сказать, что я совершила путешествие во времени, переместившись века на три вперёд.

Правда, я хорошо знала цену такому прогрессу. Впрочем, и Оплотской гордой честности я тоже теперь знала цену. Слишком широкие познания мне довелось приобрести в этом вопросе. И я не была уверена, долго ли живут с такими познаниями.

Впрочем, слишком далеко я сейчас не думала. Для начала следовало встретиться с супругом и сообщить ему об Эдвине. Но вот вопрос: как это сделать, не привлекая к себе излишнего внимания? Не хотелось ненароком попасться на глаза соглядатаям Брайана, хоть я и сомневалась, что тот надумает устроить на меня охоту. Объявит персоной нон — грата, и вся недолга. Однако бережёного бог бережёт. Да и сталкиваться лоб в лоб с хорошо знающей меня в лицо Уилфортовой стражей тоже не хотелось. Словом, я предпочитала найти другое место для встречи.

Вскоре мне повезло. На широком каменном столбе — ещё один атрибут города, отсутствующий в Оплоте — висела афиша. Этим вечером давали новую оперу — «Голос из прошлого». Я никогда про такую не слышала, впрочем, на то она и новая. Главное было другое: выступать должны были чрезвычайно известные певцы. А, значит, премьера будет шумной. И на неё наверняка съедутся представители иллойской знати. Даже если они не любят оперу, их заставят неписанные законы общественной жизни.

Отыскать здание оперного театра не составило труда: всё же я не в первый раз посетила столицу, и худо — бедно здесь ориентировалась. Запахнула плащ, пригладила волосы и, изобразив скромное лицо, вошла внутрь.

— Простите, пожалуйста... — обратилась я к билетёру, сидевшему за невысокой стойкой справа от входа. Дождалась, пока он поднимет на меня глаза, и лишь тогда продолжила: — Моя госпожа просила узнать, будет ли занята ложа лорда Уилфорта на сегодняшней премьере.

Билетёр раскрыл толстую тетрадь, сразу же на нужной странице — видимо, она соответствовала сегодняшнему дню. Пробежал глазами по строчкам, исписанным непонятным почерком.

— Да, — сказал он, поднимая взгляд. — Лорд Уилфорт прибудет на оперу.

Я кивнула. Стало быть, моей гипотетической госпоже не светила возможность заполучить пустующее халявное место.

— Благодарю вас. Могу я заодно приобрести билет в партер, для моей тётки?

— Конечно.

Билетёр назвал цену, и я, не торгуясь (театры — это чуть ли не единственное место, где подобное бессмысленно), заплатила за билет.

Ну что ж, сегодня вечером у меня появится возможность встретиться с собственным супругом... Если, конечно, ложа и партер имеют шанс пересечься.

Одевшись в меру нарядно, но и без излишних изысков (деньги следовало экономить, к тому же мне предстояло провести вечер в партере, где публика попроще), я заняла свободное место у прохода в одиннадцатом ряду. С начала представления прошло не более четверти часа, когда ко мне приблизился незнакомый мужчина, одетый в наглухо застёгнутый чёрный камзол простого покроя. Склонившись к моему уху, он шёпотом сообщил, что меня приглашают в ложу лорда Уилфорта.

Мужчина явно ожидал, что я молча встану и покорно последую за ним. На его лице отразилось искреннее удивление, когда я вместо этого поманила его к себе, заставляя повторно наклониться.

— Передайте лорду Уилфарту, что я буду ждать его через четверть часа в фойе, возле пальмы, — негромко сказала я.

— Но ведь антракт ещё не начнётся, — удивился мужчина.

Я повела плечом, устремляя взгляд на сцену. Я действительно препятствовала лорду спокойно насладиться премьерой. Но я не могла позволить себе дожидаться антракта: к тому моменту в фойе соберётся слишком много народу. Посидев ещё с минуту, я поднялась и на цыпочках покинула зал.

Пальму, кадка с которой стояла в углу, в одной из наиболее удалённых частей фойе, я заметила заранее. И теперь устремилась напрямик к дереву. Долго ждать не пришлось. Уилфорт пришёл хоть и позже меня, но явно до истечения пятнадцатиминутного срока. Последовав моему примеру, он приблизился к пальме, и теперь нас, стоящих напротив друг друга, частично скрывали от потенциальных свидетелей широкие листья.

— Решила встретиться на нейтральной территории? — изогнул бровь Александр.

— Думаю, в моей нынешней ситуации это наиболее правильный шаг, — откликнулась я.

— А какова твоя нынешняя ситуация? — поинтересовался он. — Как ты уехала из Оплота? Получила новое задание?

— Увы, нет. Если бы мне дали новое задание, всё было бы значительно проще.

— Тогда как ты уехала?

— Скажем так, неофициально. Иными словами, путь назад отрезан.

Александр немного помолчал, оценивая мои слова.

— Поехали ко мне, — решительно произнёс он затем.

В мои планы это никак не входило.

— Прямо сейчас? — усмехнулась я. — А как же опера?

— Попрошу своего секретаря, чтобы потом рассказал мне, чем дело кончилось.

— Это, конечно, самое главное в опере, — хмыкнула я. — Чем всё закончится, я и так вам могу сказать, прямо сейчас.

— Давай ты расскажешь об этом в карете, — предложил Александр. — А когда секретарь вернётся, мы сверим ваши версии.

— Не пойдёт, — грустно покачала головой я. — Я здесь для другого.

— Надеюсь, что не для музыки?

Я тихонько рассмеялась постановке вопроса.

— Нет. Надеюсь, оперные певцы не будут в обиде: для того, чтобы их послушать, и так собралась масса народа. Я хотела сообщить тебе две вещи. Во — первых, человек, о котором ты беспокоился, в Иллоуе. Таверна «Лунный свет», второй этаж, пятая комната по левой стороне. За ним надо кого-то прислать. Он в сносном состоянии, но всё же нуждается в медицинской помощи.

Александр серьёзно кивнул.

— Я займусь этим без промедления, — сказал он, не трогаясь, однако же, с места. По — видимому, «без промедления» означало «сразу после того, как закончится наш разговор», — Рад слышать, что он в сносном состоянии. Признаться, я опасался, что он совсем плох.

— Как я понимаю, он получил очень неплохое лечение в пределах Оплота. Но у светлых магов больше возможностей, чем у наших травников.

— Понимаю. Об этом позаботятся. Ты хотела сказать что-то ещё?

— Да. — Я вытащила спрятанные под одеждой бумаги и протянула Александру. — Здесь моё согласие на развод. Заверенное по всей форме. С ним ты сможешь устроить. Тебе не придётся зависеть от моих непредсказуемых появлений и исчезновений.

Не торопясь принимать документ, он склонил голову набок.

— Я так понимаю, ты снова собираешься исчезнуть?

— Собираюсь, — призналась я.

Ему это не понравилось, хотя, готова поспорить, он предвидел такой вариант. Ох, как не понравилось. Это легко читалось в выражении его лица.

— Почему? — хмурясь, спросил он.

Я легонько пожала плечами, хотя вряд ли это движение могло отразить даже малую толику одолевавшей меня сейчас растерянности.

— Я не знаю, как мне жить дальше, — честно сказала я. Именно честно. Я не искала помощи, не просила совета. Я просто рассказывала. Хотя, возможно, именно такая помощь мне и требовалась от Сэнда — чтобы он побыл моим слушателем. — Сначала у меня была родина. Здесь. Потом настал момент, когда мне недвусмысленно показали, что мне здесь не место. — Он, кажется, хотел вмешаться, но всё-таки промолчал, предоставив мне возможность продолжать. — Я вычеркнула Настрию из своей жизни. Но, к счастью, у меня нашлась другая родина. Там многое было непросто. Условия оказались суровыми, люди непростыми, а дело, которым я занялась, — совсем не тем к чему я стремилась всю свою прошлую жизнь. Но это была моя страна, мой народ и моё дело. А теперь выяснилось, что этой родины тоже нет. Всё,

чем я занималась и во что верила, либо оказалось ложью, либо попало под жирный знак вопроса. Дороги назад мне нет: я сожгла мосты. Дороги в спокойную настрийскую жизнь, какую я вела до известных тебе событий, — тоже. Я — человек из ниоткуда, Сэнд. У меня нет дома, нет веры и нет целей. Можно сказать, что меня самой некоторым образом нет. Наверное, самым логичным в моей ситуации было бы броситься головой в омут. Но я этого не сделаю. Потому что... — Я задумалась и осознала, что, несмотря на собственную уверенность в сказанном, объяснений не нахожу. — Наверное, просто потому, что я такой человек. Не созданный для подобных поступков. Словом, — я сделала глубокий вдох и медленный выдох, возвращаясь к более конкретным вопросам, — не знаю, что будет через день, два или через пять лет. Но сейчас я точно не готова на тебя работать. И как бы то ни было помогать в продвижении твоих интересов. Всё, что я могу тебе дать в данную секунду, — это свобода.

И я вновь протянула ему бумаги.

— Ладно, не надо помогать мне в работе, — напряжённо сказал он. — Просто возвращайся. В моём дворце у тебя будет время, чтобы спокойно всё обдумать.

— На тюремном этаже или под стражей в жилых комнатах? — съязвила я.

— А как тебе самой кажется? — прищурился он.

Я улыбнулась и покачала головой.

— Это неважно. Потому что я всё равно к тебе не поеду.

— А если я тебя заставлю?

— Можешь, — без малейшего страха признала очевидное я. — Но в этом случае я никогда не смогу тебе доверять. И если снова сбегу — то уже навсегда.

Александр помолчал, напряжённо сверля меня взглядом. Губы сжались в тонкую линию, на лбу прорезались морщины.

— Я могу чем-то помочь? — сдался он наконец.

— Да, — не лицемеря, подтвердила я. — Если возможно, переправь меня, пожалуйста, в Тель — Мон. Ты ведь порталист, и это тебе под силу. — Я помнила разговор с секретарём про гонца, которого Александр собирался переправить именно в этот город. — Меня совершенно не смущает долгая дорога, — поспешила заверить я. — Да и не такая уж она долгая. Просто я не исключаю такой вариант, что за мной попытаются «присматривать» шпионы Брайана. А так они потеряют след.

Александр кивнул, глядя в пол.

— Прямо сейчас? — хмуро спросил он затем.

Я посмотрела ему в глаза.

— Прямо сейчас.

Александр тяжело вздохнул и принял-таки протягиваемую мной бумагу.

— Хорошо. Но ты помнишь, что в Тель — Моне тебя многие знают?

— Конечно. Я об этом позабочусь.

Он прикрыл глаза в знак того, что понял. Конечно, в государстве светлых такие вопросы решаются легко.

— Ты хочешь попасть в конкретную часть города? Я не слишком хорошо его знаю, но несколько вариантов есть.

— Если возможно, куда-нибудь на окраину. Дальше я сориентируюсь.

Александр внимательно глядел на меня ещё пару секунд, а потом всё-таки открыл портал.

— Возвращайся, — тихо сказал он.

Я кивнула, не оборачиваясь, глядя лишь в сияющую впереди темноту. И сделала шаг вперёд.

Листья, обременённые каплями прошедшего недавно дождя, клонились вниз. Туфли погружались в сырую землю. Сейчас с неба не лило, и я накинула капюшон плаща лишь для того, чтобы защититься от ветра. Утепилась, одновременно с наслаждением втягивая носом здешний воздух. Родной воздух, который так приятно пахнет после дождя.

Долго гулять по тёмному времени суток не стала. Остановилась в первом попавшемся трактире. Тихонько прошла в свою комнату и, заперевшись изнутри, мирно проспала там всю ночь. А наутро отправилась в город.

Первым делом я зашла в салон косметической иллюзорной магии и заказала изменение внешности. На меня наложили временную иллюзию, полностью изменившую черты лица. То есть фактически наложили одно лицо поверх другого. Иллюзия была, возможно, неидеального качества (более качественные обычно совсем недолго держатся), но для моих целей её было достаточно. Ну, в крайнем случае, кто-нибудь, кто надумает ко мне приглядеться, поймёт, что моё лицо скрывает иллюзорная маска. Ну и что с того? Мало ли какие у меня могут быть для этого причины. Законом такое не запрещается. А о моей подлинной личности никто всё равно догадаться не сможет. Полученная иллюзия должна была продержаться около восемнадцати часов. Незадолго до истечения этого срока можно было прийти, чтобы продлить эффект. За это надо было заплатить лишь треть стоимости сегодняшней процедуры.

Цвет волос я менять не стала. Как-никак не единственная тёмная в городе. Конечно, затеряться среди светлых ещё проще, но... видимо, во мне разыгралась гордость. Или просто упрямство. Так что над волосами я работать не стала. Длина и причёска и без того изменились за те годы, что я прожила в Оплоте.

И вот теперь, чувствуя себя призраком, невнятной тенью из прошлого, я отправилась к знакомым местам. С щемящим чувством ностальгии приблизилась к дому, в котором прожила много лет и в который давно уже вселились другие люди. На окне поменялись занавески; нынешние были какого-то нелепого жёлтого цвета. Перекрасили крышу. А в остальном это был тот же самый дом... Потом я отправилась в библиотеку. Тихонько прошла по залу. Большинство работниц за эти годы сменились, между стеллажами сновали совершенно незнакомые мне девушки. Я даже вздрогнула, увидев, что у одной из них — тёмные волосы. Что-то ждёт её дальше?

Затем я направилась в самый центр города. Мимо здания мэрии прошла без особенно сильных

чувств. Но следующим был позорный столб на площади...

Сейчас столб пустовал, да и вообще народу поблизости было мало. Но для меня это не играло никакой роли. Потому что я видела себя тогда, три года назад. У этого самого столба. Шрамы, окончательно зажившие при помощи чудодейственной мази Александра, будто взорвались болью. И я вдруг вспомнила чувство панического ужаса, когда, кажется, между восьмым и девятым ударом, мне показалось, что я не выдержу боль и умру прямо здесь и сейчас. Паника, которую быстро и действенно побороло только одно — очередной удар, пришедшийся на уже оставленные плетью раны. Боль отлично вытесняет любые мысли.

Меня внезапно захлестнула всепожирающая волна ненависти. Ненависти, злости, агрессии, желания сокрушить всё вокруг. Злости на Иверта Ноллса, оклеветавшего меня на пустом месте. На градоначальника Тель — Мона, не пожелавшего принять мою апелляцию. На Уилфорта, подписавшего приговор, не разобравшись в сути. На Брайана, подстроившего всю эту историю. На светлых, в стране которых возможно подобное обращение с людьми. На тёмных, которые так ничего и не сделали, чтобы изменить ситуацию.

Гнев был настолько сильным, что я до боли сжала кулаки, а перед глазами заплескали тёмные круги. Пришлось сделать десяток глубоких вдохов и медленных выдохов и буквально силой заставить себя разомкнуть стиснутые зубы. Я развернулась, и ноги сами понесли меня прочь с площади, подальше от центра, куда придётся, не останавливаясь, лишь бы идти и не думать, и чтобы ветер дул в лицо.

Я сама не заметила, как людные улицы со своими афишными столбами и витринами остались позади. Очнулась уже на окраине. И теперь, облокотившись о невысокий ветхий забор, взирала на одноэтажное здание храма с круглой зелёной крышей.

— День добрый, дочь моя.

Священник шёл по сырой траве лёгким, широким шагом. Он был одет в свободную белую рясу, перепоясанную простой бечёвкой.

— Могу ли я чем-нибудь тебе помочь?

Я покачала головой. Должно быть, он неверно понял моё появление около храма.

— Нет, святой отец. Благодарю вас.

Было немного странно называть этого конкретного священника «отцом»: не думаю, что ему было намного больше тридцати.

— Однако ты выглядишь как человек, который заблудился и нуждается в помощи, — заметил он.

Я, конечно, могла бы отмахнуться и просто уйти. Но в поведении священника отсутствовала неприятная навязчивость, улыбка же была открытой и какой-то светлой. Да и слово «заблудился» было выбрано чрезвычайно удачно. Я действительно чувствовала себя заблудившейся и, кажется, уже отчаялась найти выход.

— Быть может, я действительно нуждаюсь в помощи, отче, — ответила улыбкой на улыбку я. — Но только, боюсь, вы мне помочь не сможете. Слишком уж всё запутанно.

К моему удивлению, возражать священнослужитель не стал.

— Охотно верю, дочь моя, — кивнул он. — Я всего лишь человек, и потому отнюдь не всемогущ. Однако же тебе могут оказать помощь боги.

Я усмехнулась. Он вопросительно изогнул бровь, словно даже не подозревал, в чём может заключаться причина подобного скептицизма.

— Видите ли, святой отец, я не слишком религиозный человек, — объяснила я. — Сказать по правде, я почти не посещаю храмы и даже не уверена, что смогу вспомнить хотя бы одну молитву. Не думаю, что боги захотят мне помочь.

Священник весело рассмеялся. Причём так искренне, будто я в самом деле сказала что-то забавное.

— Дитя моё, неужели ты действительно думаешь, что богам больше нечем заняться, кроме как подсчитывать, сколько раз каждый из людей произносит молитву? — поинтересовался он, отвечая на моё изумление. — Поверь, подобные мелочи не играют для них большой роли.

— Как же в таком случае они решают, на чьи молитвы откликнуться, а кого — покарать? — осведомилась я, удивлённая и одновременно заинтригованная столь своеобразным подходом.

— О, поверь, для этого им достаточно лишь единожды обратить на человека свой взор. Их взгляд мгновенно проникает в самую суть.

— И вы полагаете, они сочтут нужным обратить свой взор именно на меня?

Конечно, я не рассчитывала на божественное вмешательство. Но этот забавный разговор был интересен сам по себе. Должно быть, я просто нуждалась в возможности вот так вот отвлечься от насущных проблем.

— Отчего же нет? Боги готовы выслушать и направить всякого, кто обратится к ним за помощью.

Он указал мне на призывно распахнутую дверь храма. Но тут уж я решительно покачала головой.

— Боюсь, я слишком большая грешница, святой отец, чтобы боги оказались ко мне благосклонны.

— В самом деле? — В голосе священника звучала совершенно нехарактерная для представителей его профессии ирония. — И каков же самый тяжкий грех из тех, что ты совершила?

Я задумалась. Вопрос оказался не из простых. Тем не менее, ответ вскоре нашёлся.

— Я пыталась убить человека.

Священник с серьёзным видом покивал головой.

— Из ревности? — уточнил он. — Или с целью обогащения?

— По приказу, — поправила я. Немного подумав, добавила: — И из идейных соображений.

Тайну исповеди никто не отменял, а в храме мы находились или возле храма, значения не имело. Так что на этот счёт я была спокойна.

— Пыталась — стало быть, не убила? Почему? — задал следующий вопрос он. — Недостаточно хорошо подготовилась?

— Это сложно, — откликнулась я. — Было много причин.

— Но ты ведь можешь назвать самую главную, верно? — пронизательно заметил священник.

Я вздохнула.

— Я не смогла.

Ответ был, конечно, донельзя двусмысленный, но священник понял меня совершенно правильно.

— Итак, давай уточним, — предложил он. — Ты не выполнила задание потому, что не смогла лишить человека жизни. Невзирая на то, что твои личные убеждения говорили не в пользу жертвы. И несмотря на то, что невыполнение подобных приказов, как правило, бывает чревато весьма серьёзными последствиями для ослушавшегося. Я ничего не упускаю?

— Вы очень хорошо для священнослужителя осведомлены о некоторых сторонах жизни, — грустно ухмыльнулась я.

— Суть служения церкви — не в том, чтобы сидеть, заперевшись в храме, и не видеть иных сторон жизни, — заметил священник.

— Там было очень много нюансов, — вздохнула я. — Но, думаю, в целом вы сформулировали верно.

— В таком случае, тебе действительно важно будет поговорить с богами. Не зря же ты сюда пришла.

Я покачала головой. Он опять всё не так понял.

— Я совершенно не собиралась сюда идти.

— Куда же, в таком случае? — удивился священник, окидывая взглядом далеко простирающиеся поля и темнеющий с другой стороны лес.

Идти, кроме как к храму, тут и правда было особенно некуда. Можно, конечно, добраться до некоторых деревень, но это проще было сделать, воспользовавшись другой дорогой, чтобы не пришлось огибать многочисленные поля.

— Я не задумывалась о том, куда иду, — призналась я, поморщившись. — Ноги сами принесли меня сюда.

Лицо священника расплылось в многозначительной улыбке, и я сразу поняла, что он имеет в виду.

— Если ноги сами приводят человека к храму, грешно в него не зайти, — сообщил он.

Я пожала плечами. В конце концов, почему бы и нет?

— И что я должна буду делать?

— Ничего. Просто сесть и расслабиться. Можешь сосредоточиться на конкретном вопросе, который хочешь задать богам. Но иногда люди бывают так заиклены на вопросе, что не слышат ответа. Поэтому я бы советовал просто освободить свои мысли, предоставить им плыть мимо твоего сознания спокойным потоком. И, рано или поздно, ты услышишь, что хотят сказать тебе боги.

Свой скептицизм я выразила исключительно при помощи мимики. И вошла в храм вместе со священником.

Мы оказались в обычном, хоть и небольшом, зале с алтарём и скамьями. Однако же священник сразу провёл меня к двери, ведущей в другое помещение. Это была совсем маленькая комнатка без мебели. Пол устилала циновка, а на высокой подставке дымились благовония.

— Удачи тебе! — улыбнулся священник и, развернувшись, зашагал к выходу из храма, тем самым показывая, что оставляет меня одну. Или наедине с богами.

Снова пожав плечами, я положила сумку на циновку и села рядом с ней.

Довольно удобно, как ни странно. Не слишком жёстко. Ой, нет... Кажется, мне говорили ни о чём не думать. Хотя разве это возможно?

Но я попыталась. Прикрыла глаза и просто сидела, предоставляя любым мыслям стучаться в голову, но с лёгкостью отпуская их, не заикливаясь ни на одной. Это было непросто, но постепенно получалось всё лучше. Вскоре мысли, облечённые в форму слов, сменились преимущественно зрительными образами. На смену логическим цепочкам пришли внутренние ощущения, эмоции и ассоциации, вызываемые возникающими образами.

Не знаю, говорили ли со мной в тот день боги. Не было ни разверзающегося над головой неба, ни сверкающих молний, ни звучащих из ниоткуда голосов. Но в мыслях моих раз за разом, будто якорь, способный помочь кораблю удержаться у берега в бушующем море, возникал один и тот же образ. Образ Сэнда.

Выйдя из храма, я поблагодарила священника. Он ни о чём не стал спрашивать, лишь с прежней улыбкой человека, знающего несколько больше, чем озвучивает, пожелал мне доброго пути. Я же отправилась напрямик в Иллою.

Глава 12

Роберт Мэдисон являлся не менее влиятельным человеком в Настрии, чем Александр Уилфорт. Тем не менее, он принял меня сразу после того, как обо мне доложили. В итоге, прождав не более десяти минут, я следовала за лакеем по коридорам дворца, а со стен на меня взирали многочисленные фамильные портреты. Все изображённые на них люди были, разумеется, светлыми, и будто намекали, что мне здесь не место. Тем более, что я была, можно сказать, в непристойном виде: в дорожном костюме. Впрочем, в данный момент меня не слишком беспокоила их точка зрения.

Роберт поднялся с кресла, чтобы лично встретить меня у входа в кабинет.

— Леди Элайна! — воскликнул он, прежде чем поцеловать мне руку. — Очень рад вас видеть!

— Благодарю вас, — склонила голову я, сомневаясь в том, что эта радость может быть искренней. С какой бы, собственно, стати?

— Прощу, проходите. — Роберт продолжал вести себя как радушный хозяин. — Присаживайтесь. Хотите чего-нибудь выпить?

— Нет, спасибо.

Я опустила на стул и скромно сложила руки.

— Александр знает о вашем возвращении? — серьёзно спросил Роберт, садясь напротив.

— Пока нет. Именно об этом я хотела с вами поговорить.

— Я весь внимание.

— В нашу прошлую встречу я несколько необдуманно заявила, что мне не понадобятся ваши услуги, — перешла к делу я. — Это была ошибка. Обстоятельство складываются так, что мне действительно нужна ваша помощь.

— Сделаю всё, что в моих силах.

Я снова склонила голову в знак благодарности.

— Видите ли, мне совершенно необходимо поговорить с Александром — в спокойной обстановке и без свидетелей. Но прийти к нему во дворец несколько проблематично. Меня там многие знают в лицо, и моё появление наделает массу шума ещё до того, как весть о моём прибытии достигнет ушей Александра. Конечно, я могла бы прийти под иллюзорной внешностью. Но кого попало к нему не пустят, особенно после... моего же прошлого визита. Поэтому я хотела спросить, не можете ли вы организовать нам встречу?

— И это всё? — с видимым облегчением спросил Роберт. — С лёгкостью, и, более того, с большим удовольствием. Вы только, ради всех богов, больше никуда не пропадайте. Александр весь извёлся после вашего отъезда и до сих пор не может себе простить того, что вас отпустил.

— Почему? Я ему для чего-то понадобилась?

Роберт устремил на меня полный укоризны взгляд.

— Он боялся, что вы покончите с собой.

— Я же сказала ему, что этого не сделаю!

Ответом был ещё более укоризненный взгляд. Я насупилась.

— Словом, устроить вашу встречу не составит труда, — оставил скользкую тему Роберт. — Я могу пригласить Александра сюда и предоставить в ваше распоряжение любую часть дворца, да хоть бы и весь дворец! Или ещё один вариант — если вы предпочитаете встретиться на его территории. Я могу нанести ему визит. Обычно в таких случаях я не беру с собой свиту, но если сделаю исключение, это будет полностью соответствовать этикету. А вы можете случайно оказаться в числе моих сопровождающих.

Я подалась вперёд: вторая идея определённо мне понравилась.

— Предлагаете всё-таки наложить иллюзию? — уточнила я.

— Думаю, это не понадобится, — возразил Роберт. — Оденем вас в мужское платье, волосы

спрячем под беретом — и, думаю, этого будет достаточно. К тому же, Александру, несомненно, будет приятнее увидеть вас в вашем истинном облике.

Важная информация от автора.

Дорогие друзья! В политике выкладки моих романов ожидаются некоторые изменения. Разумеется, роман «Тайна Тёмного Оплота» будет выкладываться на Самиздате и на моём сайте до конца. Однако по мере написания новых глав, некоторые из более ранних глав будут убираться с сайта. Кроме того, окончание романа пролежит в открытом доступе сравнительно недолго, несколько дней. Наконец, будет введена частичная защита от копирования.

Полагаю, причина такого нововведения очевидна. Понижение продаж, понижение тиражей, понижение гонораров. Следующий естественный шаг — уменьшение числа издаваемых книг. Одна из причин — пиратские сайты. Я долгое время не хотела ничего менять в своей политике, но, увы, обстоятельства складываются так, что особого выбора не остаётся.

На данный момент ситуация следующая: роман смогут бесплатно прочитать до конца те, кто читает по ходу написания. Тот, кто захочет прочитать его впоследствии, целиком, сможет это сделать, купив его. На каком именно сайте, я сообщу позднее.

Как будет обстоять дело с последующими романами, зависит от результатов. От продаж, от тиражей, от того, появится или не появится Оплот на пиратских сайтах. Могу сказать одно: для регулярно комментирующих читателей я обязательно оставлю какой-нибудь вариант прочтения романов до конца. Повторюсь: на данный момент роман будет бесплатно доступен всем, кто читает по мере написания, независимо от комментирования. Дальнейшие ограничения будут введены, только если я сочту нынешние недостаточно действенными.

Тем не менее, хочу сразу объяснить, почему комментирующие (не просто постоянные, а именно комментирующие) читатели потенциально могут оказаться в выигрышном положении. Я знаю, что читатели некомментирующие нередко обижаются на такой подход (присутствующий в политике многих авторов). Хочу объяснить, что таким образом авторы ни в коем случае не проявляют неуважение к некомментирующим читателям. Всё наоборот. Они уважают всех, но создают для комментирующих читателей особые условия в качестве благодарности. Посудите сами. Представьте себе, что комментариев, то бишь обратной связи, нет вообще. Станут ли издающиеся авторы выкладывать книги в открытом доступе? Не станут. Ибо зачем? Так что тем фактом, что бесплатные произведения вообще появляются в интернете, все обязаны именно комментаторам. Конечно, у каждого свой характер. Конечно, каждый вправе решать на своё усмотрение, комментировать или нет. Я просто хочу сказать, что комментирующие читатели действительно заслуживают особых условий.:

Вот так случилось, что лорд Роберт Мэдисон прибыл во дворец Александра Уилфорта в сопровождении четырёх пажей. Хозяина дома не оказалось, и гость вместе со своими сопровождающими вошёл в его личные покои, дабы подождать там. Как близкий друг он имел такое право. Затем, так и не дождавшись Александра, Роберт покинул дворец. И как-то незаметно получилось, что вместо четырёх пажей вместе с ним вышли только трое.

Оставшись в покоях Александра в одиночестве, я стянула с головы ненужный уже берет и тихонько пробралась в самую дальнюю комнату, каковой предсказуемо оказалась спальня. Не зная, сколько ещё придётся ждать, и, опасаясь, что сюда может заглянуть горничная, я устроилась за ширмой. Села на пол, приняв ту же позу, что и недавно в храме, благо по всей комнате тянулся синий ковёр с мягким ворсом.

Судя по успокаивающе тикающим часам, на которые я время от времени позволяла себе, высунувшись из-за ширмы, поглядывать, прождала я около часа. Затем открылась дверь, послышались шаги. Я небольшой специалист, но поступь показалась мне знакомой. Во всяком случае, вошёл явно мужчина и явно по — хозяйски, так что у меня не было причин сомневаться в его личности. И я уже собиралась выйти из своего убежища, когда услышала странный шум. Громкий возглас, явно принадлежащий Александру, шум сдвинувшейся с места мебели, звуки, наводящие на мысль о борьбе. Я осторожно высунулась из-за ширмы.

Моим глазам предстала совершенно неожиданная картина. Александр, стоя возле кровати, отчаянно боролся с неведомо откуда взявшейся сетью, которая опутала его с ног до головы. Сеть была тонкая, серебристая и, судя по безрезультатности всех попыток высвободиться, чрезвычайно крепкая. Магическая, на этот счёт у меня даже сомнений не возникло. Меж тем у окна мелькнула тень, на миг преграждая путь в комнату солнечному свету, и с подоконника соскочила тёмная фигура. Я затаилась, стараясь не дышать, чтобы не привлечь к себе внимания. Фигура принадлежала женщине, облачённой в странное одеяние чёрного цвета. И фасон, и материал казались непривычными, но, кажется, и то, и другое подбиралось специально, чтобы не стеснять человека в движениях.

И тут я поняла. Никогда не видела этих людей, как минимум в процессе работы (а в другое время они наверняка внешне никак не отличались от всех остальных), но слышала о них, как, думаю, и любой житель Настрии. Секта слуг кинжала пользовалась дурной славой, но и большим спросом в соответствующих кругах. Эти люди, отличавшиеся ловкостью и отличным владением холодным оружием, выполняли за большие деньги различные заказы, скажем так, щекотливого характера. Главным источником их дохода были заказные убийства.

— Можешь не стараться, — бросила Александру девушка (кажется, ей было не больше двадцати пяти), демонстрируя на ладони стеклянный сосуд в форме пирамиды. За стеклом кружилось что-то вроде серебристой пыльцы. — Это лунная сеть, и высвободиться из неё невозможно.

Я точно не знала, что такое лунная сеть, но общих познаний в сфере магических технологий было достаточно, чтобы догадаться о принципе работы. Сеть создавалась при помощи прибора, который в данный момент держала в руке сектантка. В него была вложена светлая магическая энергия, воздействующая не на мозг, а на внешний мир. Отключить сеть можно при помощи всё того же прибора, но делать этого девушка явно не собиралась. Разорвать же такую сеть без помощи светлой магии наверняка нельзя. Но и из светлых магов далеко не каждый обладает соответствующими возможностями. Уилфорт, к примеру, открывает порталы, а это не имеет никакого отношения к уничтожению магических нитей. Кстати, а не может ли он освободиться, ускользнув в портал? Видимо, нет. Вне всяких сомнений, он уже попробовал такой вариант, да и сектантка знала, кого ей заказали, и, следовательно, выбрала именно эту ловушку не случайно.

— Мэт! Ко мне! — громко крикнул Александр, слегка повернув голову в сторону двери, но лишь настолько, чтобы убийца не выпадала из его поля зрения.

— Не поможет, — скривила губы в слабой улыбке она. — Я наложила на комнату заклинание звезды. Ближайшие пятнадцать минут никто ничего не услышит.

Я стиснула зубы. Дело хуже некуда. Заклинание звезды — это что-то вроде отвода глаз, только не от человека, а от предмета. В данном случае — от комнаты. Это означает, что предмет (в данном случае, главным образом дверь) вроде бы и виден, но на него никто не обращает внимания. Теоретически в комнату реально войти, но это никому не придёт в голову — если,

конечно, специально человека не направить. И на исходящие отсюда звуки тоже внимания никто не обратит. Фактически мы оказались на четверть часа отрезаны от мира.

Я устремила злой взгляд на девицу, свободной рукой извлекающую из ножен длинный кинжал. Вот ведь зараза! И дверь-то, казалось бы, совсем близка — не та, через которую я вошла, а другая, ведущая непосредственно в коридор к страже. А всё равно до неё не добраться, и до охраны не докричаться. Ждать больше было нельзя. И я поспешно выступила из-за ширмы с окриком:

— Э нет, так не пойдёт! Извольте ждать своей очереди. Это я должна его убить!

Тишина. Все присутствующие застыли на месте, не считая разве что продолживших мерное тиканье часов.

— Что? — вылупилась на меня сектантка, по — прежнему держа наготове кинжал.

— Я говорю, — терпеливо повторила я, — что этот человек — мой. Я первая пришла его убивать. А вас здесь не стояло. Так что извольте соблюдать очередь. У меня задание.

— У меня тоже задание.

— Моё важнее. Я представляю свободный народ Тёмного Оплота. За многочисленные преступления против тёмной масти Александр Уилфорт был приговорён к смерти. Я пришла, чтобы привести приговор в исполнение.

«Конкурентка» посмотрела на меня с неожиданным интересом.

— Ты, что ли, и есть та самая тёмная, которая пыталась его убрать, но безуспешно? — спросила она.

— Она самая, — радостно согласилась я. — Один раз безуспешно, теперь пришла завершить начатое.

Сектантка немного подумала (видимо, мои аргументы показались ей в целом убедительными), затем покачала головой.

— Ничем не могу помочь. — Её голос звучал жёстко и совершенно не по — женски. — У меня заказ. И уже взят аванс. Но если я его убью, ваш приговор всё равно будет исполнен. Так что тебе не о чем беспокоиться.

— То есть как это не о чем?! — возмутилась я. — Весь мир должен узнать, что его не просто так убили! А что он был именно казнён по решению свободного народа Тёмного Оплота! Я не имею право передать такое важное поручение постороннему! Поймите меня правильно, я не шовинистка, и всё-таки вы — светлая, поэтому не подходите на роль нашего палача. Впрочем, если вы очень хотите... Можем сделать так: вы его убьёте, но это останется между нами. А я объявлю во всеуслышание, что казнь была совершена представителем Тёмного Оплота.

— Не подходит, — тут же возразила сектантка. — В этом случае заказчик не поверит, что убила я. И я останусь без гонорара.

— Ну, тогда не знаю, — проворчала я.

— Дамы, а вам не очень сильно мешает моё присутствие? — едко поинтересовался Александр.

— Мешает! — отрезала я, делая шаг в его сторону, а заодно и в сторону сектантки.

— Помолчи! — почти одновременно со мной рыкнула на него та.

— Что за мужчины пошли! — пожаловалась «конкурентке» я.

— Это точно! — охотно согласилась она.

— Никакого такта!

— Ты мне рассказываешь!

Александр возвёл глаза к потолку.

— Слушай, — доверительно обратилась к сектантке — и просто женщине — я, делая очередной шаг в её сторону. — А может быть, пойдём на компромиссный вариант?

— Это какой? — нахмурилась та.

— Ну как же!

Я на миг скосила глаза на стеклянный конус, который она успела поставить на полку. Как-никак, трудно орудовать кинжалом, одновременно держа во второй руке хрупкую вещь. Ведь даже опутанная сетью жертва не станет неподвижно ожидать удара. Беда в том, что даже если мне удастся добраться до контролирующего сеть аппарата, я понятия не имею, как его отключить. Наверняка несложно, но на то, чтобы разобраться, времени не будет совсем.

— Мы можем нанять третьего, который убьёт этого парня за нас обеих, — продолжала развивать «гениальную мысль» я. — Потом ты скажешь своему заказчику, что выполнила задание, а я властям Оплота — что казнь состоялась. С формальной точки зрения и то, и другое будет правдой.

Сектантка нахмурилась.

— Нет, — протянула она пару секунд спустя. — Какой смысл? Ведь третьему придётся заплатить, а стало быть, я всё равно потеряю свой гонорар.

— С одной стороны, да, — признала я. И заговорила более бойко, сообразив наконец, как именно следует поступить с аппаратом. — Но с другой, во — первых, мы платим третьему вдвоём, стало быть, ты теряешь только половину гонорара. — Рассуждая (и убеждая), я эмоционально жестикулировала. — Во — вторых, мы не обязаны нанимать столь же высококвалифицированного специалиста, как ты. Можем взять кого-нибудь подешевле. А в — третьих...

В этот момент я якобы споткнулась о ножку стула, пролетела к стене, схватилась за полку, чтобы удержаться, и конус «случайно» упал на пол. Как я и ожидала, стекло разбилось, а серебристая пыльца, выпущенная на свободу, стала плавно парить в воздухе. Сеть исчезла в мгновение ока.

Сектантка соображала быстро. Вскинула над головой руку с кинжалом, и я уже приготовилась полноценно ощутить, как лезвие проникает в мою плоть, поскольку увернуться не успела бы. Но повезло: Александр соображал ещё быстрее, чем сектантка. Во всяком случае, он, в отличие от неё, всё это время ожидал подвоха. Одним рывком стянув с кровати покрывало, он

набросил его девушке на голову. Пока она освобождалась (а потребовалось на это не более пары секунд), он буквально выпихнул меня за ведущую в коридор дверь. И оттолкнул к противоположной стене. Сам же, наоборот, остался стоять на пороге и, зычно крикнув «Убийца в комнате!», пропустил внутрь мгновенно подобранных стражей. Поскольку он направлял их, стоя у распахнутой двери, заклинание звезды не действовало. Правда, задержавшись ради этого на пороге, он несколько лишних секунд рисковал жизнью, но всё обошлось. Сектантка тоже понимала, что проигрывает, и пора уносить ноги. Предвидя такой поворот, Александр рывкнул сбежавшейся в коридор охране:

— Окно!

Его поняли без дополнительных объяснений. Два стражника помчались прочь по коридору, по пути привлекая к операции и других.

Предоставив охране действовать дальше самостоятельно, Александр подошёл ко мне. Я так и стоял у той стены, к которой он меня предварительно «отправил».

— Ты в порядке? — спросил он, вглядываясь в моё лицо.

— Да. В полном! — убеждённо заверила я. После чего спросила: — А можно я немножко посижу?

— До гостиной дойдёшь? — обеспокоенно спросил он.

Я представила, как в случае отрицательного ответа слуги потащат прямо сюда, в коридор, какой-нибудь неподъёмный диванчик, и кивнула. Ноги, однако же, малость подкашивались после пережитого стресса. Александр повёл меня в гостиную, легонько приобняв за плечи. Безо всяких вульгарных намёков, осторожно и бережно, и именно такое объятие придавало мне сейчас чувство уверенности.

Мы добрались до гостиной, и я опустила на ближайшую кушетку.

— Воды? — спросил Александр.

Я отрицательно покачала головой.

— Чего-нибудь покрепче.

Он принёс мне бокал с напитком, на поверку оказавшимся достаточно крепкой ягодной настойкой. После чего ненадолго вышел в коридор. Я сидела, прикрыв глаза и потихоньку потягивая напиток, и к разговору особенно не прислушивалась. Но что-то они там обсуждали, на повышенных тонах. Потом Александр снова вернулся.

— Ноги — руки поотрывать такой охране, раз всё равно не знают, для чего их использовать, — бросил в сердцах он.

— Что, сбежала? — предположила я, не открывая глаз.

— Да куда бы она делась? Взяли, — возразил Александр.

— И где она?

— Сейчас отведут в тюрьму, потом допросят.

— А ты лично допрашивать не будешь?

— С какой ещё стати? — даже удивился он.

Я открыла глаза.

— Хм. А я думала, ты всегда так с девушками знакомишься. Сначала она пытается тебя убить, потом ты приходишь к ней в тюрьму. У вас завязывается непринуждённая беседа... Ну, и так далее.

— Так я знакомлюсь только с теми девушками, на которых предварительно женюсь, — просветил меня Сэнд. — Но то, что ты уже способна шутить, радует.

— У меня вообще жизнь такая, что обхохочешься, — отозвалась я, снова прикрывая глаза. Сидеть на кушетке, откинувшись на спинку, было очень удобно. — А насчёт охраны ты совершенно прав. Они заслужили хороший нагоняй: в дом забирается чёрте кто. Вот почему порядочная девушка, тайком проникшая в хозяйскую спальню, не может просто расслабленно посидеть там за ширмой?

— Кстати, а как ты попала в мою спальню? — задал резонный вопрос Сэнд.

— Ты забыл спросить «зачем», — заметила я, вновь пригубив настойку.

— Этот вопрос у меня следующий на очереди.

— Меня Роберт провёл, — сообщила я.

— Значит, я и его должник, причём дважды, — заметил супруг.

- «И его»? — переспросила я. — Значит, чей-то ещё?

— Ты, между прочим, только что спасла мне жизнь, — напомнил Сэнд.

— М — м-м! — глубокомысленно промычала я.

От стресса и выпитого меня разморило, и теперь очень хотелось спать. А не разбираться, кто, кому и что должен.

— Давай я отведу тебя в спальню, — проникательно предложил Сэнд.

— Только не в ту, по которой бегают девушки в чёрном, — предупредила я.

— Не беспокойся, — хмыкнул он. — В той буду спать я.

— Извращенец, — поставила я диагноз сонным голосом.

Сэнд помог мне подняться. Мы снова пошли по коридору, как и раньше: неспешно, нога в ногу, он обнимает меня за плечи. Добрались до какой-то неизвестной мне спальни. Судя по горничной, вынырнувшей оттуда непосредственно перед нашим приходом, комнату заведомо приказали приготовить для меня.

— Охрана снаружи будет? — сонно спросила я, первым делом садясь на кровать.

— Не волнуйся, тебе ничто не угрожает, — заверил муж, откидывая для меня покрывало.

— Я не в том смысле. Чтобы я не сбежала, — пояснила я.

Сэнд посмотрел мне в глаза, но поскольку от сонливости я видела всё, как в тумане, разобраться в его эмоциях не смогла. Могла только поручиться, что эмоции были.

— Не будет никакой охраны, — тихо, но чётко произнёс он. — Надеюсь, тем не менее, что за эту ночь ты никуда не сбежишь.

— За эту — точно не сбегу, — заверила я, от души зевая.

Сэнд ушёл, но сквозь пелену завлакивающего сознание сна я ещё некоторое время слышала его голос, доносящийся из-за двери. А потом окончательно уснула.

Выспалась я хорошо и проснулась, как ни странно, вполне довольная жизнью. Хотя по — прежнему понятия не имела, какой хочу эту самую жизнь видеть. В комнату вскоре проскользнула горничная, видимо, время от времени заглядывавшая, чтобы проверить, проснулась ли я. Она принесла чистую одежду и, после того, как я умылась и привела себя в порядок, проводила к завтраку.

Сэнд был уже здесь, но за стол пока не садился. Стоял спиной к окну и, видимо, ждал меня. Теперь он отпустил горничную, пододвинул мне стул, и мы вдвоём расположились за столом.

— Как спалось? — спросил он, берясь за салфетку.

— Отлично, — ответила я, нисколько не покривив душой. — А тебе?

— Нормально.

Сэнд чуть качнул головой, давая понять, что большого значения это не имеет.

— Я волновался за тебя, — сказал он затем, глядя мне в глаза и даже не думая приниматься за еду.

— Да, Роберт мне сказал, — пробормотала я, пряча взгляд.

Как ещё ответить на его слова я, честно говоря, не знала. Я вообще плохо понимала, как вести себя с... кстати, а он ещё мне муж, или уже нет?

— Скажи, а тот документ, который я тебе передала при нашей прошлой встрече... — начала я.

Вопрос повис в воздухе. Александр отвёл взгляд и взялся за ручку наполненной чаем чашки.

Неправильная реплика. Я сказала не то и не тогда. Но слово не воробей. Этого уже не исправишь.

— Документ... да, — как-то невпопад пробормотал Сэнд. — То есть... я передал его хранилищам, процесс запущен, но я так понял, что разводы занимают сейчас много времени.

— Понятно, — кивнула я и взяла в руки кусок хлеба. Просто для того, чтобы чем-то их занять. — Не страшно. Я никуда не тороплюсь.

Мы помолчали. Даже немного перекусили, чтобы как-то это молчание оправдать.

— Элайна. — На сей раз в голосе Сэнда звучала решимость. Хоть и говорил он, тщательно взвешивая слова, словно боялся меня спугнуть. — Я бы хотел кое-что с тобой обсудить.

— Я тебя слушаю, — кивнула я, радуясь, что он прервал молчание, и одновременно напрягшись — о чём-то он заговорит?

— У меня есть к тебе предложение.

— Я уже замужем, — ляпнула я. — Извини, не обращай внимания. Что-то у меня нервишки шалют в последнее время, вот и несу всякую чушь. Так что ты хотел предложить?

— Поработать вместе.

Хорошая формулировка. Красивая. Особенно когда подразумевается «поработать на меня».

Я тяжело вздохнула. В данный момент мне совершенно не хотелось говорить ему «нет» и вообще усугублять и без того ощутимую сложность во взаимоотношениях. Но другого выбора я не видела.

— Сэнд, я действительно сожгла за собой мосты. Работать на Брайана я больше не стану. Но и действовать во вред Оплоту тоже не буду. Постарайся меня понять.

— Понимаю. Я и не предлагаю тебе действовать во вред Оплоту. Я давно пытался тебе объяснить, что и сам не воюю с Оплотом. И мои действия совершенно не направлены против тёмных. Против Брайана Коллинза — возможно. Но, в любом случае, сейчас не об этом речь. Я не предлагаю тебе участвовать в моих войнах. Мне просто нужна твоя помощь как тёмной. По делу, не имеющему прямого отношения к Оплоту.

— Тебе требуются какие-то конкретные способности в области тёмной магии? — нахмурилась я.

— Нет. Просто умный человек, который является тёмным сам и достаточно хорошо осведомлен в сфере тёмной магии в целом. Ты обучалась в Настрии, а затем жила в Оплоте, поэтому ты — идеальная кандидатура.

Я задумалась. В принципе, если речь действительно не идёт о войне против Оплота, то почему бы нет?

— А в чём конкретно будет заключаться моя работа?

— Прости, но я не могу тебе этого сказать прежде, чем ты согласишься.

— Ну, знаешь, это несерьёзно, — фыркнула я. — Я не могу взяться за работу с закрытыми глазами.

— Ты мне не доверяешь? — прищурился Александр.

Хороший ход. Ответить «не доверяю» — значит, обидеть. Ответить «доверяю» — значит, фактически согласиться на его предложение.

— Я доверяю тебе больше, чем другим, — отвела удар я. — Но неизвестно за что не возьмусь.

— Это действительно конфиденциальная информация, — вздохнул Сэнд. — И я не имею право её разглашать... — Он немного подумал. — Давай поступим так. Мы отправимся туда, где ты

предположительно будешь работать. Я посвящу тебя в суть своего предложения. И после этого ты решишь, соглашаться на него или нет. Но есть один нюанс. Поскольку информация секретная...

— ... то если я не соглашусь, тебе придётся меня убить? — предположила я.

По моей интонации легко было заключить, что я говорю несерьёзно, поэтому Сэнд лишь криво усмехнулся.

— Сейчас твоё чувство юмора нравится мне меньше, — заметил он. — Никто не собирается тебя убивать. Просто тебе придётся задержаться в том месте на несколько недель. В твоём распоряжении будет всё, что понадобится. Это большой дом, там отличные условия, есть даже парк, где ты сможешь гулять. Но за ограду ты выйти не сможешь. Прости, но в этом вопросе я никак не могу сделать исключение.

— А что случится через несколько недель?

— Информация перестанет быть секретной. После этого ты будешь свободна в передвижениях.

— А если я соглашусь на работу?

— То всё равно останешься там на те же несколько недель, — правильно понял мой вопрос Сэнд. — Но для того, чтобы выполнить работу.

— Другими словами...

— ... отправляясь со мной, ты в любом случае подписываешься на несколько недель, — закончил мою мысль он.

Я задумалась. А что, собственно, я теряю? В худшем случае проведу несколько недель в безделье. Возможно, на данном этапе это даже полезно. Будет время как следует всё обдумать.

— А ты? Тоже собираешься находиться в этом доме? — поинтересовалась я.

— Не всё время, но достаточно много, — ответил Сэнд.

Я кивнула, отмечая последние сомнения.

— Я согласна.

Глава 13

В особняк мы переместились при помощи телепорта в тот же день, вскоре после обеда. В комнате, где мы оказались, кроме нас, никого не было, и это позволило мне спокойно оглядеться. Богатое, я бы даже сказала, роскошное, убранство. До потолка я бы вряд ли дотянулась, даже если бы оказалась вдвое выше ростом. Три высоких окна, за которыми зеленеют многочисленные деревья. Преобладают среди них сосны. Видимо, тот самый парк, о котором упомянул Сэнд. На первый взгляд кажется, что это настоящий дикий лес, и только присмотревшись повнимательнее, можно по мелким штрихам определить, что место в действительности ухоженное.

Сэнд стоял у окна, сложив руки на груди, и спокойно ждал, пока я осмотрюсь и буду готова к разговору.

— Ну хорошо. И что теперь? — спросила я, прекращая процесс созерцания и поворачиваясь к нему.

— Теперь я бы хотел познакомить тебя с герцогом Настрийским.

— С кем?!

Я уставилась на Сэнда с отвисшей челюстью.

— С наследником престола, — спокойно ответил он.

— С принцем?

— Совершенно верно.

— Хочешь сказать, он меня примет? — скептически поморщилась я.

Муж и бровью не повёл.

— Это вообще очень вежливый молодой человек. Кстати, вот он.

И Сэнд указал куда-то за окно. Я подошла поближе. Внизу, по тропинке шагал худой мужчина. В данный момент мы видели его со спины, поэтому я не имела возможности рассмотреть лицо наследника престола. Но это было и не нужно. Спустя несколько секунд я громко расхохоталась, согнувшись в три погибели.

Сэнд мрачно смотрел на меня, совершенно не разделяя моего веселья.

— Так вам, светлым, и надо, — выдохнула я, отсмеявшись. — Всё-таки боги есть!

— Всё сказала? — по — прежнему мрачно осведомился Сэнд.

— Прости, не удержалась, — повинулась я, вытирая глаза.

И снова выглянула в окно. Наследник успел уйти достаточно далеко, но его всё ещё было видно. Очень молод — об этом каким-то неуловимым образом свидетельствует весь его облик. Получил аристократическое воспитание — такие вещи очень легко читаются и по осанке, и по движениям. И — темноволос.

— Он... законорожденный? — спросила я, понизив голос.

— Да, — ответил Сэнд. — Тёмный ребёнок светлых родителей. Такой же, как ты.

Как я ни пыталась сохранить серьёзное выражение лица, губы против воли растянулись в улыбке. Такой же, как я. Всё это хорошо, но — в королевской семье?!

— Теперь понятно, почему его так тщательно прятали, — заметила я, всеми силами стараясь вернуть своему лицу более подходящее выражение.

Моё веселье явно коробило Сэнда, в глазах которого смешавшая меня ситуация представляла огромную проблему государственного масштаба, каковую именно ему и приходилось решать.

— Да, — подтвердил он. — Когда ребёнок родился тёмным, его поспешили увезти из дворца и объяснили этот шаг как меру безопасности. Скрыть масть иным способом на том этапе было

практически невозможно. Парики куда не годились, да и какой младенцу парик? Иллюзорная магия тоже была менее развита. Впрочем, эти меры и на сегодняшний день недостаточно действенны. Конечно, в распоряжении принца будут лучшие специалисты, способные создавать долгосрочные иллюзии. Но дар некоторых светлых позволяет видеть истинный облик. Кроме того, похоже на то, что рыжеволосые и вовсе невосприимчивы к какому-либо виду магии.

— В самом деле? — заинтересовалась я.

— Да. Этот вопрос сейчас исследуется. Научно их иммунитет ещё не доказан, но существует очень много косвенных подтверждений этой теории. А раз так, значит, всё рыжеволосое население Настрии моментально увидит, что «король-то голый». Что же касается парика... Сама понимаешь: король (будущий король) — слишком видная фигура, чтобы тот факт, что он носит парик, долго сохранялся в секрете.

— Понимаю.

Тут я не могла с ним не согласиться. Конечно, в Оплоде власть имущие гораздо ближе к народу, чем здесь, но и в Настрии короля непременно окружает огромное число людей. Родственники, министры, слуги, стражники... В сущности, если вдуматься, то о короле Оплода люди знали значительно меньше, чем о настрийском монархе.

— А все эти слухи и расхождения во мнениях о том, сколько лет принцу... — Я вопросительно посмотрела на Сэнда.

— Разработаны приближёнными короля специально для того, чтобы сбить всех со следа, — подтвердил мою догадку он. — И можешь не сомневаться, каждый из них был предварительно подан королю на одобрение в трёх экземплярах.

— А сколько ему лет на самом деле? Я имею в виду — принцу?

Даже не ожидала, что меня охватит столь жадное любопытство.

— Шестнадцать.

Вот как. Стало быть, самая простая версия оказалась наиболее правдивой. Принц родился именно тогда, когда предполагалось изначально. Не было никаких подмен и никаких игр с возрастом.

И всё-таки важнее сейчас было другое.

— Стало быть, поэтому ты так стараешься объединить Настрию и Оплот! — наконец-то дошло до меня.

Сэнд прикрыл глаза в знак согласия.

— Король тяжело болен, Элайна, — сказал он затем. — В скором времени — по всей видимости, это вопрос нескольких недель — принцу настанет пора взойти на престол. Тёмному принцу — на престол светлого государства. Трудно предугадать, к каким последствиям это приведёт. Возможно, ни к каким. А возможно, к бунту и смуте. Поэтому необходимо срочно принять меры, чтобы укрепить его позиции. Это было поручено сделать нам — мне и Роберту. Одним из тех немногих, кто посвящён в тайну королевского семейства. Роберт занимается вопросами

внутренней политики. Смута не возникает на пустом месте, она должна быть кем-то направлена. Соответственно, его задача проследить за потенциальными претендентами на престол. В мои же задачи входит позаботиться о том, чтобы народ Настрии оказался максимально готов к появлению в стране тёмного монарха.

— И ты считаешь, что объединение с Оплотом может в этом помочь?

— Темноволосая часть населения — это наиболее естественные сторонники тёмного короля. Но на данный момент тёмных в Настрии очень мало. Объединение с Оплотом означало бы сделать тёмных более многочисленной и более сильной группой населения. Их по — прежнему будет меньшинство, но всё же достаточно сильное меньшинство, с голосом которого необходимо считаться. Выигрывают все, Элайна. И тёмные, которые на данный момент живут в Оплоте практически впроголодь, и принц — а, следовательно, государство. Смута не принесёт добра никому. Кроме того, необходимо срочно работать над общественным мнением. Разрушать стереотипы. Это важно как для того, чтобы светлое население приняло светлого короля, так и для того, чтобы иммиграция тёмных их Оплота не привела к массовым конфликтам.

По мере того, как я слушала, мне и самой всё меньше хотелось смеяться.

— Что же король делал раньше? Ведь было понятно, что рано или поздно вопрос встанет ребром. Начинать заниматься общественным мнением надо было, когда ребёнок только — только родился. А сейчас... Как можно всерьёз повлиять на общественное мнение за несколько недель?!

Сэнд очень грустно усмехнулся. Я сразу поняла, что означает эта усмешка. Его, Сэнда, никто не спрашивал. Когда принц родился, он и сам был ещё, можно сказать, ребёнком. А сейчас ему просто поручили важное для королевства задание. Мы на тебя надеемся, ты — один из немногих, кому мы можем доверять... А дальше — выкручивайся, как хочешь.

— Когда ребёнок только — только родился, король рассчитывал, что у него появятся другие наследники, с мастью которых не возникнет проблем, — всё же объяснил логику монарха Сэнд. — Но так случилось, что этого не произошло: больше у короля детей не было. Ну, а теперь слишком поздно рассуждать о том, как следовало поступить шестнадцать лет назад. Всё, что остаётся, — это исправить прошлые ошибки, насколько это возможно. В частности, изыскивать способы ускорить общественные процессы, которые обычно занимают по меньшей мере десятилетия. Помогает то, что, на самом-то деле, предубеждения против тёмных на сегодняшний день не так уж распространены. Такие, как бывший мэр Тель — Мона, есть, но их меньшинство.

— Бывший?

Я вскинула голову, на миг позабыв о теме нашего разговора.

— Разумеется. Я ведь в твоём присутствии распорядился, чтобы его вызвали в Иллойу.

— Это я помню, — кивнула я. — Но я не думала, что речь пойдёт о смещении с должности. Предполагала, что будет просто какое-нибудь наказание...

— Было и то, и другое, — бесстрастно откликнулся Александр. — Сначала публичное наказание в виде плетей, потом — увольнение с пожизненным лишением права занимать какую-либо государственную должность.

Я уставилась в одну точку, осмысливая услышанное.

— Поэтому я расспрашивал тебя о способностях тёмных, которые не пугали бы светловолосых, а, наоборот, расценивались бы позитивно. — Александр как будто не хотел задерживаться на теме тель — монского градоначальника, и вернулся к прежнему разговору. — И буду рад, если ты ещё поможешь мне в этом вопросе, но это будет твоё решение. Как-никак я обещал не втягивать тебя в свои войны, а работу над общественным мнением можно таковой считать. Тем более что мне важно бороться с предубеждениями не только светлых, но и тёмных.

— И это будет совсем непросто, — проговорила я, после чего подняла на Сэнда заинтересованный взгляд. — Постой. Ты говорил, что зовёшь меня сюда как своего рода тёмного эксперта. Но, как я понимаю, не для того, чтобы помогать тебе в формировании общественного мнения. В таком случае, для чего?

Александр бросил взгляд за окно, на тропинку, по которой недавно прогуливался уже исчезнувший из виду принц. Снова повернулся ко мне.

— Я хочу, чтобы ты обучила наследника, — чётко произнёс он.

— Обучила.

Я скорее повторила это слово, чем задала вопрос, но моя мимика была достаточно выразительной, и Александр пояснил:

— Круг посвящённых в историю мальчика все эти годы был очень узок. Темноволосые в него не входили. Поэтому мальчик получил отличное образование во всех сферах, не считая тёмной магии. Мы до сих пор не уверены, в чём именно заключается его дар. Знаю, сейчас ты скажешь, что ты не учитель. Но ты обучалась в специализированной школе для тёмных. Ты жила в Оплоте. И одновременно хорошо знакома с настрийским образом жизни. Всё это делает тебя идеальным кандидатом.

Ветер снаружи усилился, и даже сквозь закрытое окно было слышно, как зашуршали подхваченные им листья.

— Ну, что ты скажешь? — спросил Сэнд, ни на секунду не перестававший следить за выражением моего лица.

Я пожала плечами.

— Можно попробовать.

С принцем нас познакомили в этот же день. Время поджимало, и теперь, как следует осознав ситуацию, я видела, насколько сложившаяся ситуация и нереальные сроки тревожат Сэнда. Это отражалось почти в каждом его жесте, не говоря уже о выражении лица и нескольких появившихся на лице морщинках.

И вот теперь я стояла в одной комнате не с кем-нибудь, а с наследником настрийского престола. Ещё по — мальчишески худой, среднего роста, с блестящими чёрными волосами. Приятное лицо с правильными чертами. Никаких признаков высокомерия или брезгливой снисходительности, какую инстинктивно ожидаешь встретить в человеке столь высокого статуса.

Этот же юноша взирал на меня скорее с осторожным интересом. Взгляд его то и дело возвращался к моим волосам, столь же тёмным, сколь и его собственные. Возможно, я была первой темноволосой, которую ему довелось повстречать.

Я вгляделась в серо — зелёные глаза. Что он чувствовал, этот мальчик, всю свою жизнь лишённый полноценного общения, отосланный из дворца, в котором обитали его родители, росший среди людей, ничего не знающих о его масти? Он ведь не мог не знать, что именно в масти дело, и не чувствовать, что с ним что-то не так, раз из-за этого он вынужден скрываться и даже родного отца видеть раз в... В какой период? Виделся ли он вообще со своим отцом? Относился ли к нему король как к бракованному товару, который срочно необходимо заменить? Или он всё-таки любил сына, как любили меня мои светлые родители, для которых масть дочери не имела равным счётом никакого значения? Настолько, что я долгое время была уверена, что она не имеет значения и для остальных. Быть может, король страдал из-за необходимости отослать сына, но вынужден был так поступить, в том числе и ради личной безопасности последнего?

— Ваше высочество, — произнёс Сэнд предельно официальным тоном, — позвольте представить вам госпожу Элайну Кенборт. Госпожа Кенборт будет обучать вас основам применения тёмной магии.

Я равным счётом ничего не понимала в реверансах, поэтому предпочла поклон. Принц тоже вежливо склонил голову.

— Рад знакомству, леди Кенборт.

Надо же, меня уже записали в леди. Юноша действительно настолько вежлив или просто не знает, что к людям, не являющимся слугами, возможно обращаться иначе? Додумать эту мысль я не успела, поскольку следующими своими словами принц удивил меня ещё сильнее.

— Лорд Уилфорт много мне о вас рассказывал.

Я перевела на Сэнда слегка ошалевший взгляд. Это, в свою очередь, впервые пробило броню официоза, в которую тот, казалось, запаковался на время этой встречи. Явно смутившись, Сэнд отвёл взгляд.

Но, снова собравшись, обратился к принцу.

— Ваше высочество, к занятиям необходимо приступить в самое ближайшее время.

Тон был не совсем такой, каким подобает разговаривать с членами королевской фамилии. Но, впрочем, и не приказной тоже. Скорее, Сэнд говорил как-то... по — свойски, что ли? Будто они с принцем были достаточно хорошо и близко знакомы, чтобы он мог позволить себе пренебречь некоторыми условностями. Наверное, именно так дело и обстояло. Раз Сэнд был одним из немногочисленных посвящённых в ситуацию наследника, да к тому же ещё и обладал способностью перемещаться с помощью порталов, видимо, он навещал принца чаще, чем другие.

— Хорошо, — согласился принц. И снова посмотрел на меня. — Если это подходит леди Кенборт, то я готов начать прямо сегодня.

Действительно очень вежливый молодой человек.

Дверь камеры отворилась с противным скрипом. Роберт поморщился. Он вообще почти не переставал морщиться с того момента, как спустился на тюремный этаж. К счастью, его личной тюрьмой последние годы пользоваться практически не приходилось, так что здесь было тихо, сравнительно чисто и вообще, можно сказать, пристойно. Но всё равно это было не то место, где по — настоящему хотелось находиться, и не то место, где ему хотелось видеть ту женщину, на свидание с которой он сейчас направлялся.

Тусклый свет, пробивавшийся в узкое окошко под потолком — скорее узкую зарешёченную полоску, чем настоящее окно, — позволил разглядеть заключённую. Иден сидела на полу, устланном толстым слоем свежей соломы. Изящные запястья были скованны железными браслетами. Короткие цепи крепились к стене, что заставляло девушку держать руки слегка приподнятыми. В данный момент они были согнуты в локтях.

— Доигралась? — мрачно спросил Роберт, входя в камеру.

Единственный стражник, отперевший дверь, остался дожидаться за порогом.

Иден подняла на Роберта почти весёлый взгляд. Озорной и пока ещё не потухший.

— Сама виновата, — констатировал Роберт, окидывая взглядом её нынешние «апартаменты», — Скажи на милость, кто тебя просил обкрадывать личного секретаря короля? Настолько уверилась в собственной неуязвимости, что полагала, такое сойдёт тебе с рук?

Иден ничего не ответила. Лишь, подняв голову повыше, смотрела на Роберта всё тем же озорным взглядом, чуть приподняв уголки губ. Всё-таки необыкновенная женщина. Удивительная выдержка.

— Уж прости, что условия теперь не такие, как в прошлый раз, — продолжал он. — Не надо было убежать, когда тебе ничего серьёзного не угрожало, и уж тем более — использовать для этого магию. Скажи ещё спасибо, что ты не тёмная. Иначе, во избежание применения магии, пришлось бы и вовсе держать тебя на сонных зельях. А так всего лишь руки зафиксировали.

В общем-то, оправдываться он был совершенно не обязан. И делал это сейчас не столько перед ней, сколько перед самим собой. Понимание сего факта злило. Но и удержаться Роберт тоже не мог.

— Тебе ещё повезло, что ты попала ко мне, — пробурчал он. — А не в обычную городскую тюрьму, где неизвестно, как бы с тобой обошлись.

— А ты что же, не собираешься обойтись со мной точно так же? — впервые заговорила Иден. — Разве ты не для этого сюда пришёл?

Взгляд Роберта стал ещё более мрачным, даже суровым. Нет, он пришёл не для этого. Собственно, он и сам не знал, с какой целью пришёл. И это тоже бесило.

— Ты ошиблась, — процедил он.

— Правда? — Иден склонила голову набок и поджала чувственные губы. — Жаль.

Роберт нахмурился. Такой поворот был несколько неожиданным.

А между тем Иден, не отводя от него глаз, медленно и со вкусом провела языком по губам. Сначала по нижней, потом по верхней. Роберт почувствовал, как злость потихоньку

растворяется, уступая место другим чувствам... или ощущениям.

— Так ты уверен? — озорно, насмешливо, с вызовом спросила Иден.

Казалось, ни цепи, ни окружающая обстановка девушку ни капли не смущают. Будто она вообще не замечает никаких неудобств, или воспринимает цепи как очередную игру, вроде того, прошлого раза, когда её запястья оказались временно привязаны к спинке кровати шёлковыми лентами.

— Даже обидно, — напоказ вздохнула она. — Разве можно лишать осуждённую последних удовольствий?

Взгляд Роберта непроизвольно скользнул по её ключице и обнажённому наполовину плечу.

— До сих пор думаешь, что это игра? — хмуро бросил он. Голос прозвучал неожиданно хрипло. — Не понимаешь, насколько серьёзно влипла?

— Не привыкла унывать, — улыбнулась Иден. — Да и условия мне всякие приходилось видеть. Один раз я даже в Тёмный Оплот проникла. Было нелегко. Зато игра того стоила.

Она неспешно подняла одну ногу, затем другую, заставляя юбку основательно задраться, открывая взгляду соблазнительные чулки. Опустила ноги, затем так же медленно согнула их в коленях. Сначала одну, потом другую. Вопрос, возникший было у Роберта по поводу Оплота, моментально вытеснился ощущением, что брюки рискуют вот — вот порваться.

— Так ты... исполнишь последнее желание заключённой? — любопытствовала Иден, вновь дразняще облизнув губы. — Или, может быть, мне обратиться с этим вопросом вон к тому мальчику?

Её взгляд скользнул мимо Роберта, в направлении ожидающего возле камеры стражника. Действительно молодой мальчишка, к тому же вполне смазливый.

— Пошёл вон! — бросил ему, резко разворачиваясь, Роберт. — Вернёшься через полчаса.

Стражник послушно ретировался.

Иден победоносно улыбнулась. Победоносно и хищно. Потом, вновь не отрывая от Роберта глаз, медленно раздвинула согнутые в коленях ноги, демонстрируя на редкость короткие панталоны. И тут же снова сжала колени. И посмотрела на него исподлобья, прикусив белоснежными зубками нижнюю губу.

Роберт понял, что сопротивление бесполезно. Брюки были сняты и отброшены в сторону в кратчайшие сроки.

Одним движением Роберт раздвинул ноги заключённой. На сей раз он не разорвал панталоны, а всего лишь стянул их резким рывком и откинул к противоположной стене камеры. Иден со сладострастным стоном прогнулась под её руками. Не в силах на долгую прелюдию, он вошёл в неё почти сразу и принялся отчаянно доказывать свои права на эту необыкновенную женщину.

Она стонала, жарко дышала ему в ухо, проявляла необыкновенную чувствительность, отзываясь на каждое его прикосновение. А прикосновений было много. Он ласкал её всю, то нежно, то властно. Сжимал в ладонях грудь, отлично ощущающуюся сквозь тонкую ткань платья. Грудь, которую пленница не смогла бы спрятать от него при всём желании, поскольку

отстраниться возможности не имела. И нечего, потому что сейчас он был её хозяином. Она сама на этом настояла.

В голове помутилось. Руки скользили по её бёдрам, по вытянутым к стене предплечьям, гладили кожу лица, сжимали плечи. Он проникал в её тело всё глубже и глубже, боясь оставить неохваченной хоть малейшую часть этой непокорённой, но доступной в данный момент территории. Обхватывал её за ягодицы, за спину, рывком приподнимал над полом, прижимая к своему телу, а она продолжала стонать, и закусывать губу, и время от времени даже кричала, заставляя его окончательно терять голову. Кровь стучала в висках. Ничего, кроме этой женщины, не существовало. Только быть рядом с ней, обладать её телом, снова и снова, проникая глубже... Ещё глубже... Ещё...

Зажмурившись, он запрокинул голову, застонал, с силой закусив губу, чувствуя такой невероятный финал, какого, казалось, ещё ни разу не испытывал в жизни.

Голова полностью отключилась, все прочие чувства отошли на второй план. Перед глазами плясали тёмные круги, и он далеко не сразу сообразил, что его левая рука лишена свободы движений, поскольку каким-то образом оказалась прикована к стене. Запястье обхватывал тот самый браслет, который недавно обхватывал левую руку Иден. Один резкий поворот — и он, ощутимо ударившись об пол, оказался лежащим на спине. Второй браслет сомкнулся на правом запястье. А совершенно свободная Иден поднялась на ноги и преспокойно прошла к противоположной стене, чтобы подхватить с пола свои панталоны.

Как ей это удалось?! Без помощи магии, это точно! Она умудрилась открыть замки, выскользнуть из браслетов, надеть кандалы на него самого — и всё это так, чтобы он не заметил! Впрочем, освободиться она могла и раньше, ещё до его прихода, а затем лишь сделать вид, будто по —прежнему прикована к стене.

— Немедленно отпусти меня! — рявкнул он.

Иден обернулась с чарующей улыбкой. Подошла, склонилась над ними медленно провела указательным пальцем с ярко — алым ногтем по его губам. Потом поцеловала в лоб и снова отошла, наглядно демонстрируя, что вовсе не собирается выполнять приказ.

— Немедленно! — снова велел Роберт. — Это в твоих интересах. Уж лучше ты решишь этот вопрос со мной. Если сейчас я крикну и вызову своих людей, точно не отвертись.

— Дорогой, может быть ты забыл, но ведь уже отослал своего человека, — проворковала эта нахалка.

— Ничего, — заверил Роберт. — Если я позову как следует, меня и с другого этажа услышат.

— Ну, как знаешь, — с некоторым сомнением приняла его довод Иден.

После чего её панталоны оказались внезапно засунуты ему в рот в качестве кляпа.

— Ммммм! Ммм! Ммм! — возмущённо замычал он, отчаянно вращая глазами.

— Прости, дорогой. Приходится принимать меры предосторожности.

Иден снова склонилась к нему, в результате чего грудь стала виднеться в широком вырезе платья, и нежно провела рукой по щеке, а затем погладила по голове. Роберт вновь

возмущённо замычал.

— Жаль, что приходится расставаться с тобой при таких спорных обстоятельствах, — неискренне посетовала Иден. Жаль ей явно не было.

Роберт, округлив глаза, явно пытался протранслировать, что он сделает с ней, если она ему снова попадётся.

— Впрочем, — будто не замечая возмущения пленника, девушка плавно провела подушечкой пальца по его груди сверху вниз, забираясь под узкий вырез рубашки, — пожалуй, я попытаюсь немного сгладить свою вину. Чтобы оставить тебя с яркими воспоминаниями.

Отойдя к его бёдрам, она опустилась на колени и обхватила губами некую часть тела. Сперва в расширившихся глазах Роберта ещё просматривалось возмущение, но в скором времени оно сменилось совершенно другими чувствами. И он стонал, то расширяя глаза, то зажмуриваясь с перекошенным от сладкой пытки лицом, весь во власти чувственных алых губ и умелого языка, от медлительности которого, казалось, можно было порой умереть.

Нет, всё-таки самым ярким финалом в его жизни был этот, а не предыдущий.

Но когда Иден, поднявшись и утерев губы, весело помахала ему рукой на прощанье, он думал о том, что непременно придушит её, дайте только срок.

Глава 14

Ранним вечером Сэнд ушёл через портал, сославшись на срочные дела, но пообещал, что через пару часов вернётся и проведёт ближайшую ночь в особняке. Вроде бы у него были здесь свои постоянные апартаменты. Его обещание несказанно меня обрадовало. Правда, провести эту ночь совместно он не предлагал, и даже ни малейшего намёка в этом направлении не сделал. Но само осознание его присутствия в здании позволяло мне чувствовать себя более уверенно.

Вскоре после ухода Сэнда я, в соответствии с предварительной договорённостью, постучалась в дубовую дверь, в верхней части которой был вырезан некий узор. Присутствовал ли он только для красоты или нёс некий смысл, являясь, к примеру, чем-то вроде герба, я не знала. Но точно знала, что за этой дверью начинается личная территория наследника.

— Ваше высочество, — обратилась я к принцу, встретившему меня у порога, — я пришла, чтобы приступить к занятиям, если, конечно, вы не имеете никаких возражений.

Возражений принц, похоже, не имел.

— Проходите, леди Кенборт.

В очередной раз услышав это совершенно не заслуженное «леди», я вдруг в полной мере ощутила нелепость всего происходящего. Какой из меня учитель? Тёмной магии — в частности? Конечно, у меня в памяти хранилось много книг, и на эту тему в том числе, но библиотеку принцу могли обеспечить и без моей помощи. Роль учителя явно не в том, чтобы банальнейшим образом зачитывать текст учебников. А в чём конкретно? Да откуда мне знать? Я никогда не занималась преподаванием. И уж тем более никакой логике не поддавался тот факт, что мне предстояло обучать принца. Одно то, что я находилась с ним в его личных покоях один на один, казалось абсурдом. Даже с королём Оплота я ни разу не оставалась наедине. А тут — не потомок королей самопровозглашённого государства, обладающих весьма спорным статусом. Это человек, предки которого правили Настрией на протяжении доброй

тысячи лет. Впрочем, сей факт заставлял меня испытывать не столько пиетет, сколько общее ощущение нереальности происходящего.

— Ваше высочество, о теории тёмной магии можно говорить очень долго, — начала я, когда мы устроились в креслах. Кресла были мягкими, но неглубокими и обладали прямыми спинками. Это помогало не расслабиться слишком сильно и сохранить собранность. Идеальная мебель для всевозможных совещаний, участников которых нельзя усадить на грубые неудобные стулья в силу их статуса. — Однако, насколько я понимаю, мы очень сильно стеснены во времени. Поэтому, я думаю, было бы лучше начать с главного. А именно — с ваших магических способностей.

— Скажите, леди Кенборт, а каковы ваши магические способности? — спросил принц, которого явно одолевало любопытство.

Я качнула головой.

— Ваше высочество, не надо называть меня леди, — попросила я. — Это совсем не соответствует моему статусу. К тому же мне не так уж много лет. В сущности, наша разница в возрасте не слишком велика. Зовите меня просто Элайна.

— Хорошо, — легко согласился принц. — Но в таком случае, мне тоже не так много лет, чтобы всё время называть меня «ваше высочество» в частном разговоре. Зовите меня Джеймс. Только не при посторонних, — уточнил он.

Чувство юмора меня определённо порадовало. Похоже, общий язык мы всё-таки найдём... С кем? С настрийским принцем?! Нет, этот мир определённо катится в какое-то совершенно неподобающее место. Но, поскольку мой собственный мир укатился туда уже давно, так даже веселее.

— Договорились, — кивнула я. — Что касается моего дара, он несколько нетипичен. Это рефлексивный дар.

— Рефлексивный? — нахмурившись, переспросил принц.

— Да. Чаще всего тёмная магия подразумевает воздействие на чужой мозг. Я же воздействую на свой собственный. Поэтому дар называется рефлексивным. В моём случае это память. Я могу запоминать огромное количество текста. Практически неограниченное. Ну, или любые зрительные образы. Собственно, именно поэтому меня и взяли...

Я не договорила, поняв, что излишне увлеклась. Вряд ли наследника следовало информировать о моём предыдущем роде занятий. Однако он удивил меня, продемонстрировав неожиданную осведомлённость:

— ... в разведчицы?

Я медленно кивнула. Пожалуй, моя деятельность была несколько более неприглядной, чем можно предположить по такой формулировке, но суть сейчас заключалась не в этом.

— Вы знаете, кто я такая? — поражённо спросила я.

Джеймс кивнул, не слишком понимая причину столь острой реакции с моей стороны.

— Александр мне рассказал, — сообщил он.

Я помолчала, переваривая услышанное.

— И после этого вы согласились обучаться у меня?

Я бы непременно назвала их обоих ненормальными, и от этой реплики меня удерживал исключительно статус собеседника.

— Александр рассказал мне не только это, — пояснил принц.

Очень хотелось спросить, что же ещё, но я сочла, что сейчас настало время вернуться к менее скользким материям, а именно — к тёмной магии.

— Итак, ваше в... Джеймс, вы знаете о каких-нибудь своих магических способностях?

— Частично. — Если я, переведя разговор в деловое русло, сразу почувствовала себя лучше, то принц, напротив, выглядел менее уверенно. — Было несколько случаев, но... там очень много непонятного.

— Расскажите мне о них, — подбадривающим тоном предложила я. — Если были случаи, это уже хорошо. Стало быть, нам не придётся начинать с нуля. Иначе на выяснение ваших способностей могло бы уйти очень много времени. А вдруг ваш дар окажется полезным... в ближайшем будущем?

Принц сосредоточился, устремив взгляд в пол.

— Иногда мне удаётся снять боль, — начал он. — Но не всегда, и я не знаю, от чего это зависит.

— У себя или у других? — уточнила я.

— У других.

— Сильную? Или только слабую?

— Сильную скорее приглушить, не снять полностью.

Я кивнула.

— Есть два варианта: это может быть вашим основным даром, а может — побочным.

— Что значит «побочным»? — нахмурился принц.

— Некоторые магические способности доступны очень многим тёмным. Поговаривают, что даже всем — если пройти соответствующее обучение. Такие способности называют побочными, поскольку они присутствуют как бы в дополнение к основному дару. И проявляются в гораздо более слабой форме. Обезболивание — это как раз одна из таких способностей. Человек, у которого этот дар — основной, способен (после должного обучения) полностью снять даже самую острую боль. Если же дар побочный, то способность гораздо более ограничена.

— И как узнать, основной он или нет? — спросил Джеймс.

— Для начала проверить, есть ли у вас другие магические способности, более редкие. Если да, то, вероятнее всего, обезболивание вторично. Если нет, надо попробовать максимально его

развить и посмотреть, каких результатов удастся достичь. У вас были какие-нибудь другие странные случаи?

— Да. Складывается впечатление, что иногда я предчувствую опасность. Два с половиной года назад на особняк было совершено нападение. Никто не знал, что здесь живу именно я, — добавил он, отвечая на мой вопросительный взгляд. — Просто какие-то разбойники сочли, что в особняке будет, чем поживиться, и не поняли, насколько хорошо он охраняется. Но банда была большая, и подготовились они хорошо. Я тогда почувствовал... Не знаю даже, как это объяснить. Бывает плохо объяснимое чувство тревоги, когда не поймёшь даже: интуиция это или просто плохое настроение. И не скажешь никому, вроде как засмеют. А в тот раз у меня даже сомнений не возникло. Я ощущал эту опасность, как если бы видел её или слышал, или чувствовал запах... Словом, как будто у меня какой-то новый орган чувств открылся. Я поднял тревогу, и их вовремя взяли. Без жертв с нашей стороны.

— Отлично.

Действительно полезный дар. Особенно для наследника престола, а в перспективе — короля.

— С другой стороны, год назад в соседней комнате, — Джеймс кивнул на одну из дверей, — мне на голову чуть не упала старая люстра. Я по чистой случайности отошёл к окну, и в меня попала лишь пара мелких осколков. Перед тем, как это случилось, я ровным счётом ничего не почувствовал. Так что если я и предвижу опасность, тоне всегда, — задумчиво заключил он.

— Но эту историю с люстрой проверяли? — уточнила я, впрочем, не особенно сомневаясь в положительном ответе. — Злого умысла не было?

— Проверяли, — подтвердил принц. — Нет, просто старая люстра. Недосмотр, стечение обстоятельств. Не измена.

— В таком случае всё понятно, — заметила я. — Вы не почувствовали угрозы, потому что она не была никем запланирована. Если догадки верны, — пустилась в объяснения я, — то ваш дар — из области телепатии.

— Чтения мыслей? — удивился принц.

— Ну, чтение мыслей как таковое практически невозможно, — пересказала я пройденный в своё время материал. — Но есть всевозможные... элементы этих мыслей, в особенности — эмоциональная окраска, которые можно уловить. Обладая соответствующим даром, конечно. По — видимому, вы умеете засекаать угрозу, злой умысел, направленный на вас. И, возможно, на ваших близких.

— Но те разбойники не знали, на кого нападают.

— Видимо, достаточно было того, что они намеревались причинить вред хозяину особняка. То есть, в сущности, вам. Вы же инстинктивно сумели уловить отголоски этих намерений на энергетическом уровне. Такой дар называется реверсивным, поскольку воздействие работает как бы наоборот. Вместо того чтобы воздействовать на мозг окружающих, вы позволяете их помыслам воздействовать на вас. И результат для вас более чем полезен.

— Я смогу определять, от кого именно исходит опасность? — напряжённо хмурясь, уточнил принц.

— Напрямую — нет. Но, возможно, вы научитесь определять степень угрозы, равно как и

приблизительное местонахождение её источника. Последнее — фактически способ выявить конкретного человека. Но тут всё зависит от свойств вашего дара, и на то, чтобы определить все детали, наверняка уйдёт время. Думаю, через некоторое время вам смогут подобрать более опытного учителя. — Я совершенно не собиралась притворяться профессионалом, каковым не являлась, тем более что принц, судя по всему, знал о моей подлинной специализации достаточно. — А пока я покажу вам некоторые методики, позволяющие лучше концентрировать магическую энергию. И мы начнём постепенно тестировать ваши способности.

— А каким образом? — с интересом спросил Джеймс.

Я устремила задумчивый взгляд на окно.

— А вот это очень хороший вопрос.

— Ты просишь разрешение на что? — переспросил Александр, сверля меня узкими щёлками сощуренных глаз.

Мы расположились в его покоях тем же вечером, после его возвращения в особняк.

— Разрешение время от времени бить его высочество, — спокойно ответила я, без труда выдержав взгляд собеседника.

Александр резко вдохнул и выдохнул, сжал губы и склонил голову набок, не переставая изучать меня взглядом. Наверное, почувствовал, что приставлять к наследнику престола в качестве учительницы шпионку враждебной страны — это не самая хорошая идея. Впрочем, как оказалось, мысли его двигались в несколько ином направлении, что следовало из произнесённых далее слов:

— Элайна, не смей портить мне мальчика!

Я возмущённо фыркнула.

— Знаешь что, если бы даже у меня возникли эротические фантазии такого рода, я бы не стала воплощать их со столь юным молодым человеком! — категорично отчеканила я. — Нашла бы для этой цели кого-нибудь постарше.

Александр как-то сразу смешался и на всякий случай вжался в спинку кресла.

— И потом, я же не собираюсь причинять ему реальный вред! — примирительно сказала я. — Бить буду больно, но не опасно, и только время от времени.

Александр ожесточённо потёр виски.

— Судя по всему, у его высочества дар чувствовать злой умысел, — приступила к более подробным объяснениям я. — Моя задача — та, для которой ты меня сюда привёз, — это максимально развить эту его способность и, по возможности, определить её границы. Всё это очень трудно сделать, не подвергая принца реальной опасности. По — хорошему, я должна была бы попросить тебя привлечь к занятиям настоящих изменников, желающих принцу смерти. Подсунуть им информацию о том, где находится принц, предоставить возможность прибыть сюда, понаблюдать за реакцией принца, и лишь затем этих людей обезвредить. Заметь: всерьёз я этого не предлагаю. Я пытаюсь обойтись полумерами, которые могут не дать

вовсе никакого эффекта. Как-никак я зла его высочеству не желаю. Поэтому может оказаться, что никакой реакции на мои намерения не возникнет. Но стоит хотя бы попытаться. Если я буду всерьёз намереваться ударить принца, возможно, он сумеет это почувствовать. Тогда мы убьём сразу двух зайцев. Сможем разрабатывать дар принца и к тому же выясним, что он способен засечь не только угрозу жизни, но и мелкое вредительство.

Александр хмурился, явно не придя в восторг от моего предложения. Тем не менее, и категорического «нет» в его взгляде я теперь тоже не видела.

— Хорошо, — медленно произнёс он наконец. — В целом, мне нравится твоя готовность искать к делу нестандартный подход. И умение его находить. Боюсь только, как бы подход не оказался в данном случае слишком нестандартным.

— Если предложишь более стандартный, я не буду возражать, — пожала плечами я. — Ты ведь отлично знаешь: я не специалист в области преподавания. Но, насколько мне известно, невозможно научить человека плавать, не имея в своём распоряжении водоёма. Разумеется, можно просто бросить его в воду, когда настанет время. И посмотреть, выплывет он или нет. Но в этом случае учитель не нужен.

Александр, пусть и скрепя сердце, но дал мне разрешение. Поэтому на следующий день я вошла на территорию принца, пряча в глубоком кармане свёрнутый в кольцо ремень.

Наследник вышел из соседней комнаты мне навстречу, но на полпути остановился, нахмурился и посмотрел на меня взглядом, полным сомнения.

— В чём дело, Джеймс? — осведомилась я.

— Что-то не так, — неуверенно проговорил он.

— Что именно? Вы плохо себя чувствуете?

— Нет. Но что-то...

Принц замолчал, сверля меня подозрительным взглядом.

— Bravo, ваше высочество! — улыбнулась я, извлекая из кармана так и не пригодившийся (к счастью!) ремень.

Через некоторое время мы сидели во вчерашних креслах и дружно покатывались от хохота.

— Это надо было видеть! — воскликнула я. — Я говорю Сэнду: «Прошу разрешения ударить принца». Будь у меня талант художника, непременно запечатлела бы его лицо в этот момент!

Мы снова скорчились от очередного приступа смеха.

— Но кроме шуток, давайте договоримся так, — продолжила я, наконец посерьёзнев. — Раз в сутки я буду пытаться устроить какую-нибудь мелкую пакость. Ваша задача — определять, когда именно.

— Хорошо, — кивнул Джеймс, и в его взгляде я заметила юношеский азарт.

Мы отпили каждый из своего бокала и погрузились в собственные мысли.

— Скажите, Элайна, — вывел меня из раздумий серьёзный голос принца, — каково это — жить в стране, где все тёмные?

Пожалуй, я понимала, откуда возник этот вопрос. Я была едва ли не единственной тёмной, которую юноша видел за всю свою жизнь, не считая собственного отражения в зеркале. И он отлично знал, что своей, без сомнения, непростой жизнью обязан именно собственной масти. В какой-то степени каждый из нас, настрийских тёмных, понимал его чувства. История, конечно, у каждого была своя, но... мало у кого её не было вовсе.

Суть вопроса я понимала, но вот ответ был очень сложным. А в глазах принца я читала желания получить именно полноценный ответ, глубокий, исчерпывающий, а не просто пару ничего не значащих слов. И он имел право на этот ответ. Раз уж ему выпал такой непростой жребий. И раз ему предстояло стать первым после двухсотлетнего перерыва королём, правящим как Настрией, так и Оплотом. Хотя я до сих пор с трудом себе представляла, как Уилфорт рассчитывает этого добиться.

— В чём-то это очень хорошо, — медленно заговорила я, устремив взгляд в пространство, стараясь наиболее точно передать собственное восприятие. — Масть внезапно перестаёт быть поводом для смущения, для страха или неуверенности. Когда вы точно знаете, что никто не станет ненавидеть или бояться вас из-за цвета волос. Когда далеко не первое поколение живущих рядом людей растёт, не стыдясь своей масти, а гордясь ею. Когда они слышат слово «тёмный», у них не возникает подсознательного желания сжаться в комочек и забиться в самый дальний угол. Это важно. — Я помолчала, думаю над продолжением. — Но существует несколько «но». Во — первых, в Оплоде очень тяжёлые условия жизни. Александр наверняка рассказывал вам об этом.

Принц кивнул.

— Конечно, тот факт, что Оплот — государство тёмной масти, не связан напрямую с нехваткой ресурсов, — продолжала я. — Можно считать это случайностью. Хотя предполагаю, что если бы Кернская пустошь была более лакомым куском, светлые в своё время не отступились бы от неё так легко. Но отсутствие светлой магии тоже не улучшает качество жизни. К примеру, в медицине приходится полагаться на старые средства, главным образом на целебные травы. И травники в Оплоде прекрасные, но не во всех случаях природные средства могут заменить медицину, основанную на современной светлой магии. Но самое главное... — Смокнув губы, я снова устремила отсутствующий взгляд в пространство. — Там так же, как и здесь, есть ложь, предательство и лицемерие. Нет, дружба и преданность, разумеется, присутствуют тоже, но... Важен сам факт. То, что кругом — тёмные, глобально ничего не меняет. Это всё равно люди, такие же, как и здесь. И, прожив там какое-то время, вы вдруг понимаете, что разница, в сущности, не так уж и велика. Будь то к добру или к худу.

— Понятно.

Мои слова погрузили принца в состояние глубокой задумчивости. Предоставив его собственным мыслям, я допила содержимое своего бокала. Но затем всё-таки не удержалась.

— Джеймс, раз уж мы всё равно отвлеклись от занятий, могу ли я задать вам вопрос... не по существу?

— Конечно.

Он поднял на меня выжидательный взгляд.

— Скажите, что рассказал вам обо мне Александр?

Глаза его высочества выразительно забегали. Молодым человеком он был умным, но, в силу обстоятельств, неискушённым, и потому его эмоции было достаточно легко прочитать.

— Я не уверен, что мне следует об этом говорить, — признался он. — Кажется, я напрасно упомянул вчера эту тему.

— Но всё равно ведь уже упомянули, — рискнула морально надавить на наследника престола я.

Принц обречённо вздохнул.

— На самом деле, я знаю достаточно многое, — нехотя ответил он. — Например, о вашей работе на Оплот.

Наверное, Джеймс надеялся, что я удовлетворюсь этой информацией, которую и так уже получила вчера. Но не тут-то было.

— А что ещё?

— Ну... я знаю о вашей первой встрече.

— У него во дворце? — уточнила я.

— Нет, ещё до того. Скажем так, я знаю, что вы — муж и жена.

Ничего себе! Такой откровенности со стороны Александра я никак не ожидала.

— Ну... в принципе, не такая уж это и важная информация, — протянула я, всё же несколько шокированная осведомлённостью его высочества. — В конце концов, бракоразводному процессу уже дан ход, так что в самом скором времени всё это будет неактуально.

— Бракоразводному процессу? — брови принца взметнулись в искреннем удивлении.

Стало быть, Сэнд всё-таки рассказывал ему не обо всём.

— Да, — подтвердила я. — Я подготовила все бумаги и некоторое время назад передала их Александру. Так что развод скоро будет оформлен.

Принц посмотрел меня с большим сомнением, но спорить не стал.

— Мне кажется, я должен кое-что объяснить, — сказал он чуть погодя. Поднялся с кресла, подошёл к окну и продолжил уже оттуда. — Вам, наверное, кажется, — он говорил медленно, тщательно подбирая слова, — что Александр рассказывает о вас направо и налево. Но это не так. — Джеймс повернулся ко мне спиной и дальше говорил, глядя в окно. — Вы, вероятно, догадываетесь, что я веду уединённый образ жизни... которого сам не выбирал. В моём кругу общения практически нет моих сверстников. И хотя мне бы очень хотелось, чтобы жизнь сложилась иначе, иногда мне кажется, что, окажись рядом мои ровесники, я бы просто не знал, как с ними общаться.

Я сочувственно глядела в слегка сутуленную спину. Лишь слегка, насколько позволяло королевское воспитание. Искусству держать себя наследника обучили. А вот такую ерунду, как дружба, сочли излишеством.

— Отец навещал меня раз в месяц, пока мог навещать. А вот Александр последние несколько лет навещается сюда довольно часто. Он — доверенное лицо отца и, кроме того, может перемещаться при помощи порталов. В общем, мы много разговаривали. У него, конечно, не такой узкий круг общения, как у меня. Но он редко близко сходитесь с людьми. И, несмотря на разницу в возрасте, мы легко нашли общий язык. Не знаю, считает ли он меня своим другом... Но, по крайней мере, его поведение позволяет мне сделать такой вывод.

Я печально покачала головой, пользуясь тем, что говорящий меня не видит. Принц принцем, но комплекс неполноценности у юноши точно развился, стараниями венценосного папочки. Даже в том, что кто-то испытывает к нему искренние дружеские чувства, он будет сомневаться до последнего. Сколько бы подтверждений тому ни получал.

— Словом, я хочу сказать, — заключил принц, снова поворачиваясь ко мне лицом, — вы не должны думать, что Александр излишне болтлив, если упоминал при мне о вас. Я совершенно уверен, что того, что известно мне, не знает почти никто. Разве что Роберт Мэдисон. К тому же, когда мы разговаривали на эту тему, у Александра не было причин предполагать, что вы с вами когда-нибудь увидимся.

Что ж, вполне вероятно. Во всяком случае, это объяснило бы тот факт, что Александр ни словом ни обмолвился при принце о разводе. Не счёл нужным обсуждать наши с ним отношения после того, как перспектива нашей с Джеймсом встречи стала вполне реальной.

— Я вовсе не сержусь на Александра, — заверила я, что самое интересное, искренне. — Просто немного удивилась, только и всего. Ну что ж, давайте теперь займёмся концентрацией магической энергии?

Конечно, мне очень хотелось расспросить его о подробностях. Что ещё говорил обо мне Сэнд и, самое главное, как он это говорил? И менялся ли с течением времени тон его рассказов? Но пытаться принца всеми этими вопросами было как-то неловко. И я промолчала.

Два дня спустя я сидела на ветке раскидистого дуба, отчасти скрытая зелёной и желтоватой листвой. Отчасти — потому, что, как следует присмотревшись, меня, конечно, можно было обнаружить. И всё-таки скрытая, так как если специально не задирать голову, приглядываясь к деревьям, никто меня не заметит. В одной руке я держала привет из детства — замечательную трубочку, из которой можно было обстреливать окружающих.

В качестве боеприпасов изначально нацелилась на обрывки газеты, которые можно было скатать в маленькие шарики. Но, увидев её сегодня утром, невольно зачиталась. Любопытной показалась информация об аферистке Пантере.

«Известной аферистке в очередной раз удалось уйти от правосудия, — говорилось в статье. — Пантера была поймана во время попытки ограбления приближённого к королю придворного. Женщина была препровождена в тюрьму, причём свидетели, присутствовавшие при аресте, утверждают, что она была закована в кандалы. Тем не менее, ей каким-то невообразимым способом удалось бежать в день ареста. Речь идёт о дворцовой тюрьме лорда Роберта Мэдисона. Эта тюрьма расположена на подвальном этаже и, как нам удалось выяснить, оснащена по всем правилам. Дворец также прекрасно охраняется. Лорд Мэдисон отказался комментировать происшествие. Не удалось ничего выяснить также и у стражника, отвечавшего за охрану заключённой. Стражник не отвечает на вопросы журналистов, при этом несложно было определить, что он очень сильно напуган. По всей видимости, ему угрожали, и угрозы оказались столь страшны, что даже бывалый солдат не решается предоставлять

информацию прессе. Кто мог так его напугать? Ответ напрашивается сам собой: Пантера.»

Прочитав эти строки, я ухмыльнулась и погрузилась в воспоминания. Сомнений почти не оставалось: наверняка Пантера — это та самая женщина, что так удачно помогла мне ускользнуть с Бала Неузнанности. И если я правильно понимаю ситуацию, в тот раз она ограбила именно Роберта Мэдисона. Не зря ведь он при мне рассказывал Сэнду про женщину, только что обчистившую его карманы. Теперь же она сбежала из его личной тюрьмы? Что-то подсказывало: с побегом она справилась без всяких угроз.

Словом, наткнувшись на эту статью, я позабыла о том, для чего мне изначально понадобилась газета. И в результате не взяла её с собой.

Однако унывать я не стала, собрала гость ягод удачно подвернувшейся по дороге рябины, и осталась довольно такими боеприпасами. Зарядила трубочку и приготовилась.

Долго ждать не пришлось. Джеймс и Сэнд неспешно шли по главной тропинке парка, как изначально и предполагалось. В последний миг, когда я уже поднесла трубочку к губам, принц остановился, недоумённо озираясь по сторонам. А вот Александр инстинктивно сделал ожидаемый шаг вперёд... Полдюжины ягод рябины одна за другой врезались в его куртку в районе груди, после чего стали отскакивать на землю.

— Какого демона?!

Александр поднял глаза, ища, откуда прилетели ягоды, и встретился взглядом со мной.

— Плохо, ваше высочество! — крикнула со своего места я.

— Почему? — вступил в спор несколько не шокированный принц. — Я же почувствовал опасность и остановился!

— Сами остановились, а друга не уберегли, — отрезала я. — Да и остановились слишком близко.

И я демонстративно поднесла трубку к губам.

— Прекратите немедленно! — рявкнул Александр. — Леди Кенборт, что вы себе позволяете? Вы хотя бы осознаёте, что ваш поступок граничит с преступлением?

— Нееет, — злорадно протянула я. — Не леди Кенборт. Официально я — леди Уилфорт. В случае дознания именно так будет записано в протоколе.

Всё равно Джеймс наверняка рассказал ему о нашем разговоре. Из недавней беседы с принцем это следовало достаточно ясно. Стало быть, все трое в курсе, что эта информация не является секретом ни для кого из присутствующих.

Александр возмущённо поджал губы.

— Леди... Элайна, — произнёс он затем. — Будьте любезны зайти ко мне сегодня перед сном. Нам надо кое-что обсудить.

— Хорошо, — покладисто согласилась я. После чего переключилась на принца. — Ваше высочество! Предлагаю немного облегчить задачу. Через пятнадцать минут я буду поджидать вас на этом же участке парка. Ваша задача — определить, где именно.

— Договорились! — с нескрываемым азартом согласился Джеймс.

Александр недовольно покосился сначала на меня, потом на принца, и обречённо махнул рукой.

Я не знала, чего ожидать от вечерней встречи. Была готова к тому, что Александр станет на меня кричать, выплёскивая таким образом своё возмущение. Но допускала также, что он позвал меня в свои покои на ночь глядя с совершенно другой целью.

Так или иначе, к этой встрече я готовилась долго. Надеть что-то особенное, резко отличающееся от моего обычного облачения, не решилась. Это казалось неуместным: всё же меня позвали для делового разговора, как минимум по официальной версии. Однако я тщательнее, чем обычно, укладывала перед зеркалом волосы. Долго выбирала платье. Надела на запястье широкий браслет из тёмного серебра. И определённо волновалась, когда стучалась в закрытую дверь.

Александр открыл мне почти сразу и предложил войти. Первого осторожного взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: не сердится. Следовательно, вряд ли заготовил мне взбучку. А если даже заготовил, то проведёт её «без огонька». Так что особенно волноваться нечего... Впрочем, на этот счёт я как раз не волновалась.

— Как ты устроилась в особняке? — спросил Александр.

Сердитым он действительно не выглядел, но держался как-то беспокойно, я бы сказала, напряжённо.

— Хорошо, — кратко ответила я, тоже чувствуя себя не так чтобы сильно расслабленно.

— У тебя есть всё, что нужно? Может быть, чего-нибудь не хватает? — продолжал допытываться он.

Я пожала плечами, не вполне понимая, почему разговор зашёл на столь отвлечённую тему.

— Всё нормально. Меня всё устраивает.

Я вообще достаточно неприхотлива. А тут меня и вовсе обеспечили едой, питьём, одеждой, даже вон кое — какими украшениями. О жилищных условиях и вовсе молчу. А то, что всё это не сделано именно так, как мне хотелось бы, не идеально соответствует моему вкусу — ну, так на то я и в гостях, а не у себя дома.

Он кивнул. Переступил с ноги на ногу.

— Ты не жалеешь о том, что приняла моё предложение?

— Нет. — Я уверенно покачала головой. — Мне симпатичен принц, и я рада, если могу чем-то ему помочь. К тому же, мне в любом случае особо некуда было идти. Так что я не теряю время и ничего не пропускаю, находясь здесь. Наоборот, эта передышка очень к месту. Так что я тебе благодарна за это предложение.

Он снова кивнул. Ещё немного постоял и затем проговорил:

— Хорошо. Ну что ж. Иди спать. Уже поздно, а завтра у вас снова занятия.

Мои глаза невольно округлились от удивления. Сглотнув, я кивнула, развернулась и поспешила выйти за дверь.

И что это было?! Он позвал меня только для того, чтобы спросить, всё ли меня устраивает? Какой-то уголок сознания осведомился «а почему бы нет?», но гнев и разочарование кровью стучали в висках, заглушая этот спокойный, рациональный голос. Да лучше бы Александр наорал на меня за то, что нарушаю дисциплину и неподобающе общаюсь с его высочеством! Всё что угодно лучше, чем равнодушие...

Глава 15

Спала я в ту ночь плохо, и на следующий день во время занятий с его высочеством всё никак не могла сосредоточиться. Настроение было преотвратное, что катастрофически портило концентрацию внимания.

— Джеймс, боюсь, нам придётся сделать перерыв. — Я наконец вынуждена была признать очевидное. — Что-то у меня самой работа с магическими потоками не клеится. Надо прийти в рабочее состояние, а то сейчас от меня очень мало толку.

— Хорошо.

Принц нисколько не возражал. По — моему, он даже где-то обрадовался, хотя до сих пор лени и нежелания обучаться я за ним не замечала.

— Скажите, Элайна... — Он немного поколебался, а затем всё-таки продолжил: — Раз мы всё равно сейчас не занимаемся... Понимаю, что это не совсем моё дело, и всё-таки — почему вы отталкиваете Александра? Он вам не нравится?

Его слова поразили и одновременно возмутили меня до глубины души. И причина заключалась вовсе не в том, в своё или не в своё дело он вмешивается.

— Отталкиваю?! — выдохнула я, даже не думая о том, чтобы сдерживать собственные эмоции. — А он, в таком случае, что делает? Можно подумать, будто он делает шаги навстречу, а я убегаю!

— Но вы ведь тоже не делаете шагов навстречу, — заметил принц.

В его взгляде читалось сомнение, будто в справедливости моих слов он уверен не был, но вступать в спор на эту тему не захотел.

— Из нас двоих мужчина именно он, — напомнила я.

— Разве это так важно?

Я вздохнула.

— Да, Джеймс. Это важно. Когда инициативу проявляет женщина, это называется «вешается на шею». Когда точно такую же инициативу проявляет мужчина, это называется «поступает по — мужски». Так уж устроено общество.

Пожав плечами в знак того, что не нам менять устоявшиеся нормы, я взялась за бокал и постаралась притвориться, что меня мало беспокоит данная тема. Но принц на этом не остановился.

— А если у мужчины нет возможности выяснить, как вы к нему относитесь? И он не знает, как вы воспримете его ухаживания? Что тогда?

Я раздражённо мотнула головой.

— Джеймс, мужчина — он на то и мужчина, чтобы проявлять инициативу, даже когда это сопряжено с некоторыми неудобствами. Это его задача — ухаживать, форсировать события, где надо, проявить настойчивость, а в некоторых случаях — даже надавить, стукнуть кулаком по столу и поставить вопрос ребром. Всё зависит от обстоятельств.

В конце концов, как знать, быть может, когда-нибудь этот разговор пригодится самому Джеймсу?

— Понятно, — проговорил он, опуская глаза, и сосредоточенно прикусил губу. — То есть именно такого поведения вы ожидаете от Александра?

— Я этого не говорила, — тут же пошла на попятный я. — Я вообще ничего от него не ожидаю. Тот факт, что мы женаты, — не более чем недоразумение. Вы ведь хорошо об этом знаете.

— Всё дело в том, что Александр никогда не сможет так поступить, — напряжённо проговорил принц. Мои последние слова он проигнорировал, то ли умышленно, то ли просто не обратив на них внимания. — Именно с вами — не сможет. Ну, или не захочет... — Джеймс колебался, явно не уверенный, которая из формулировок — правильная. — В общем, Александр никогда не станет на вас давить или стучать кулаком по столу и тому подобное. Элайна, я понимаю, что вы гораздо больше меня знаете об отношениях между мужчинами и женщинами. Но в данном конкретном случае... Просто есть вещи, которые виднее со стороны.

— И что же это за вещи, которые я, с вашей точки зрения, не учитываю? — в высшей степени скептически осведомила я.

— Чувство вины, — моментально ответил Джеймс.

— За что?

Я недоумённо нахмурила брови. Имеется в виду тот факт, что Александр держал меня в тюрьме? Так ведь это же было после того, как я сама набросилась на него с ножом! Или речь о его просьбе вывезти из Оплота этого Райса?..

— За подпись, которую он когда-то поставил. Я не знаю подробностей, но Александр когда-то сказал, что эта подпись поломала всю вашу жизнь. Когда он впервые познакомился с вами — ну, на Балу Неузнанности, — то с самого начала обратил внимание на горечь в ваших глазах. А потом оказалось, что именно он и является тому причиной. Поэтому он никогда на вас не надавит и вообще не позволит себе ничего лишнего. Он даже отпустил вас после того, как вы вернулись из Тёмного Оплота. А ведь он очень за вас волновался, пока вы там находились, я точно это знаю. А потом, когда вы снова ушли, отчего-то беспокоился ещё сильнее. Но всё равно отпустил.

Вот как. До чего же странно всё порой складывается. Брайан, совершенно осознанно подстроивший то, что случилось со мной три года назад, несколько из-за этого не переживал, не мучился чувством вины и с лёгкостью перешёл со мной на близкие отношения. Александр, который виновен, конечно, но косвенно, как оказалось, по этой самой причине держится на расстоянии.

— По его поведению тоже никак не скажешь, что его что-то не устраивает в сложившейся ситуации, — проворчала я, просто чтобы что-нибудь сказать.

В душе, однако же, мне вдруг стало легко, как будто внезапно испарилась тянувшая до сих пор к земле тяжесть.

— Разве? — удивился принц. — Ну, я не знаю... Но он же привёз вас сюда.

— Ради дела, — возразила я.

— Он заботится о вас. Следит, чтобы у вас было всё, что нужно.

Я промолчала. До сих пор мне представлялось, что Александр просто единожды отдал слугам приказ, а сам больше к этому вопросу не возвращался.

— И потом, он проводит здесь втрое больше времени, чем раньше, — добавил принц.

— А разве... Я думала, он всегда проводит здесь много времени, — растерянно пробормотала я, хотя уже и сама понимала, какую говорю глупость.

У Александра масса дел и есть собственный дворец, где я же заставляла его без малейшего труда. И он вовсе не исчезал отсюда так надолго.

— Во всяком случае, он почти никогда здесь не ночевал, — хмыкнул принц.

В уголках губ поселилась улыбка, которую стало очень трудно не выпускать наружу.

— Ну что ж, Джеймс, я думаю, нам пора возвращаться к занятиям, — заявила я, чувствуя, что теперь сложностей с работой не будет.

Я сейчас вообще, кажется, могла бы свернуть горы.

И действительно, дальнейшие занятия прошли без проблем.

А поздним вечером я снова наведальась в покои Александра. Несмотря на то, что на сей раз меня никто туда не приглашал. Постучалась, дождалась несколько удивлённого ответа и решительно вошла в спальню, закрыв за собой дверь.

Степень удивления Александра лишь повысилась после того, как он увидел, кто именно нарушил его покой.

— Что-то случилось? — нахмурился он.

— Нет, — отрезала я и подула на лоб, дабы избавиться от выбившейся пряди.

— Хочешь обсудить занятия с принцем?

Вторая попытка, и столь же неудачная.

— Скажи, как обстоит дело с нашим разводом? — не обременяя себя ответом, осведомилась я.

И требовательно упёрла ладонь в бок.

На сей раз во взгляде, которым Александр одарил меня из-под нахмуренных бровей, читалось

недовольство.

— Если для тебя это так важно, я могу завтра же вызвать сюда священника, — бросил он, явно на взводе. — И он разведёт нас в один момент, без всяких бюрократических заморочек.

— Да нет, я как раз не тороплюсь, — отозвалась я, кажется, окончательно выбив собеседника из равновесия. — Меня интересует другое. Стало быть, формально мы всё ещё женаты. И следовательно, если сейчас ты воспользуешься ситуацией и совершишь надо мной насилие, по закону это не будет считаться преступлением. Поскольку формально ты в своём праве.

Я с интересом наблюдала за тем, как бледное лицо Александра (у светлых вообще, как правило, бледная кожа) покрылось красными пятнами. Голос его, однако, прозвучал достаточно спокойно, я бы даже сказала, холодно.

— С чего ты взяла, что я собираюсь делать нечто подобное?

— А разве нет? — удивилась я.

— Нет, — огрызнулся он.

— А почему же тогда ты запер дверь? — изумилась я.

Александр недоумевающе уставился на меня и уже открыл было рот, дабы сообщить, что дверь он даже не думал запирать. И застыл, наблюдая за тем, как я вытягиваю руку и задвигаю щеколду. Тяжёлый, пристальный взгляд серо — голубых глаз встретился с моим.

— Я ведь предупреждал, что будет, если ты станешь в третий раз намекать на изнасилование в моём присутствии, — заявил он, делая один шаг в мою сторону.

Да что ты говоришь?!

— Возможно, тебе это неизвестно, но у меня отличная память, — сообщила я, не отводя глаз.

Остальные шаги в мою сторону были проделаны как-то на удивление быстро. Вот только на изнасилование последовавшее походило меньше всего.

Его руки, мягко прикоснувшиеся к моим щекам, показались ледяными. Или это так пылало моё лицо? Продолжая держать его в ладонях, Сэнд наклонился, и я, закрыв глаза, встретила губами его губы. Мягкий, осторожный поцелуй и такие же осторожные прикосновения. Его руки действительно холоднее моей кожи, и я вздрагиваю от каждого движения. Или не в холоде дело?

Постепенно прикосновения становятся всё более и более смелыми. Они по — прежнему осторожны, словно меня опасаются сломать, но в них всё сильнее ощущается страсть. Мои руки, почти сразу обвившие шею Сэнда, тоже становятся смелее. Сначала порывистыми, жадными движениями гладят его по волосам, потом скользят по спине, вновь поднимаются к шее, пытаются пробраться под ворот рубашки.

Это словно служит указанием к действию. Сэнд стягивает с себя рубашку с такой скоростью, будто ненавидел её всю свою жизнь, но лишь сейчас, наконец-то, получил возможность от неё отделаться. Я жадно тянусь руками, а затем и губами к его обнажившемуся торсу. Шумно вдохнув, он подхватывает меня на руки и опускает на кровать, а сам нависает сверху. Его руки

упираются в кровать с обеих сторон от меня. Мои ноги оказываются между его коленей. Вот он — тот момент, когда бежать уже явно некуда. Но как, чёрт побери, можно стремиться к побегу, когда прямо над тобой — такие плечи, и этот плоский живот, и я уже молчу про по — сэндовски голубые глаза, в данный момент — без малейшего оттенка серого. В кои-то веки я не хочу никуда бежать и чувствую, что нахожусь в правильное время в правильном месте. Да и вижу по глазам, что не отпустят меня никуда. Теперь — не отпустят.

И я запрокидываю голову и приоткрываю рот, чтобы снова встретить его поцелуй. И некоторое время веду себя пассивно, предоставляя Сэнду возможность избавиться меня от одежды. Вздрагивая всем телом — нет, теперь уже точно не от холода, а от сводящих с ума ощущений, когда его пальцы прикасаются ко мне в совершенно недопустимых, с ханжеской точки зрения, точках. От этих прикосновений нервные окончания полыхают огнём, и кровь стучит в висках.

Я приподнимаюсь на локтях и целую его шею. Или не целую, а просто прихватываю её губами. Сэнд с шумом выдыхает, как и в других случаях, когда я проявляю инициативу. И впервые обнимает меня, не соразмеряя силу, так что на короткий момент мне становится трудно дышать. Но я не пытаюсь отстраниться, а вместо этого действую как девушка мстительная: обхватываю его как можно крепче, стараясь ответить тем же. Прижимаюсь губами к его плечу, потом — щеке, потом — губам.

Я даже не успела заметить, в какой момент он избавился от собственных брюк. Момент, когда осталась обнажённой сама, осознала, но после этого чувство близости Сэнда и его совсем уже смелые (поздновато теперь для робости!) прикосновения окончательно затуманили сознание. Этот туман порвался в клочья в тот момент, когда Сэнд неожиданно — да, отчего-то в ту секунду это оказалось неожиданным — проник в моё тело. Настало время мне сделать шумный вдох и задержать дыхание. Сильнее раздвинуть ноги, пропуская его в себя, вцепиться руками в плечи и, откинув голову назад, прикрыть глаза. Тем самым давая понять: я полностью отдаю в твою власть. Я — твоя. Сказать это на языке тела, которому неведома ложь, который не знает двусмысленности и которому не нужно учиться. Тело само знает, что, когда и кому говорить.

Впрочем, пассивность не длится долго. Изогнувшись, я обвиваю руками его шею, притягиваю к себе. Это не соло, а дуэт. Игра в четыре руки. И мы вместе, дыша в унисон, движемся к кульминации.

Потом мы долгое время лежали в молчании, я — уткнувшись носом в грудь Сэнда, он — обхватив мою спину, словно не намеренный отпустить. Похоже, именно так оно и было, поскольку, когда тело затекло, и я заёрзала, дабы изменить положение, услышала его голос:

— Не уходи.

— Даже и не подумаю, — заявила я с интонацией, полной самоуверенности, каковой я на самом деле не испытывала. — Я пока ещё твоя жена, так что имею полное право спать со своим мужем. И ничего ты тут поделывать не сможешь.

Губы Сэнда коснулись моего лба, потом щеки, а затем он прижал меня к своей груди.

— Надеюсь, ты понимаешь, что никакого развода я тебе теперь не дам? — поинтересовался он, немного ослабив объятия.

Я этого не понимала. Точнее сказать, у меня, конечно, мелькала такая сумасшедшая мысль, но я совершенно не воспринимала её как нечто само собой разумеющееся.

— Но ты же уже подал на развод, — напомнила я. — Не побежишь же ты теперь в храм с

требованием остановить процедуру.

— Не подавал я ни на какой развод, — с прикрывающей смущение усмешкой сообщил Сэнд.

Я аж приоткрыла рот от удивления. Так вот почему принц так странно отреагировал на моё упоминание о разводе!

— А как же документ, который я тебе передала? — решила уточнить я.

Сэнд ведь говорил, что дал бумаге ход.

— Возможно, если очень постараться, ты ещё найдёшь его у меня во дворце в корзине для бумаг, — хмыкнул он. — Разорванным на шестнадцать частей.

— На шестнадцать?! — впечатлилась я.

— У меня было в тот момент плохое настроение.

Я тихонько рассмеялась, попутно прикоснувшись губами к его разгорячённой коже.

— Ты что же, с самого начала не собирался аннулировать брак?

— Собирался. Но та регулярность, с которой ты упоминала о разводе, невероятно меня бесила. Пришлось задуматься, почему.

— Я просто хотела тебя отпустить.

— Знаю. И мне было безумно трудно отвечать тебе тем же.

Я почувствовала, как его губы легонько коснулись моей макушки.

— И что, ты действительно готов к такому браку? — недоверчиво спросила я. — С тёмной, да ещё и бывшей шпионкой Оплота? Да ещё и чуть не проткнувшей тебе грудь кинжалом?

— Угу, а ещё дважды спасшей мне жизнь, — продолжил список Сэнд. — А вот ты готова остаться женой человека, который поставил подпись на твоём приговоре?

Я сдержанно улыбнулась.

— На самом деле я не настолько злопамятна. Да и потом, откровенно говоря, я с самого начала не так чтобы сильно злилась лично на тебя. Я отлично понимала, что большая шишка не станет вдаваться в подробности каждого дела.

— Тем более осторожно «большая шишка» должна относиться к собственной подписи, — возразил Сэнд. — Тут я получил очень хороший урок. Раз я подписал тот документ, такие оправдания как «не вдавался в подробности» неубедительны.

— Ладно, уговорил, — легко согласилась я. — Значит, ты виноват. И придётся тебе теперь со мной расплатиться.

— Не вопрос. Как? — серьёзно спросил он.

— Дёшево не возьму, — с важным видом предупредила я. — Значит, так... — Я принялась загибать пальцы. — Супружеский долг, забота, любовь. Всё это — на протяжении всей жизни.

Фактически долговое рабство. Зато в следующий раз ты очень серьёзно подумаешь, прежде чем поставить свою подпись на каком-либо документе.

— Договорились.

Тихо рассмеявшись, он снова поцеловал меня в макушку. Я расслабленно прикрыла глаза.

И открыла их лишь на следующий день.

Утро мы начали с повторения вчерашнего нового опыта. Потом неспешно умылись, привели себя в порядок и вместе позавтракали.

— Сегодня в половине двенадцатого ваши занятия придётся прервать, — сообщил мне Сэнд, глотнув горячего чая из фарфоровой чашки. — У нас на двенадцать намечено совещание, и Джеймс хочет присутствовать.

— Что-то важное? — нахмурилась я.

— Довольно-таки, — подтвердил Сэнд. — Будем обсуждать дальнейшую политику в отношении объединения мастей.

Я замерла, так и не донеся бутерброд до рта. Опустила его обратно на тарелку.

— И ты ничего мне не сказал?! — возмутилась я. — Здесь собирается совещание, которое, возможно, решит дальнейшую судьбу Оплота, а ты пытался от меня это скрыть?

— Я вовсе не пытался этого скрыть, — возразил Сэнд. — Но я обещал, что не буду втравливать тебя в свои политические войны. Ты ведь сама не хотела принимать участия ни в чём, кроме обучения наследника. Разве не так?

Немного подумав, я была вынуждена согласиться, что да, именно так. Но поводом отступить это не являлось.

— Я всё равно хочу присутствовать на этом совещании, — заявила я.

— Уверена? — приподнял брови он.

— Абсолютно. Пусть я и бежала из-за Грани, и вряд ли меня ждёт там что-то, кроме смертной казни, но мне не наплевать на судьбу Оплота. И я не могу оставить его на произвол ваших светлых политиков, добавила я, хмуро покосившись на мужа.

Он улыбнулся.

— Не забывай, что в скором времени Настрия станет страной тёмного короля. Но если ты хочешь участвовать в совещании, это только к лучшему. Я считаю, что твоя консультация может быть более чем полезна. Ты — единственная из гостей, кто знает обе страны изнутри. Так что приходи к двенадцати в зал совещаний. Это на втором этаже, если понадобится, слуги тебя проводят. Сам я освобожусь только к началу: мне придётся открывать порталы, чтобы провести сюда участников. Почти никто из них не будет знать, где именно находится этот особняк.

— Если ты не доверяешь этим людям, почему бы не собрать их в другом месте? — удивилась я. — Например, у тебя во дворце?

— Я им доверяю, — возразил Сэнд. — Собственно говоря, здесь соберётся всего несколько человек, и эти люди — самые проверенные. И тем не менее, лишняя осторожность не мешает никогда. Поэтому было бы действительно лучше собрать их во дворце. Но Джеймс захотел присутствовать при разговоре. А я считаю, что не вправе ему запретить. Поэтому встреча состоится здесь. Чтобы наследнику не пришлось раньше времени показываться в Иллое.

— Он будет присутствовать в своём истинном облике? — уточнила я.

Сэнд покачал головой.

— Он будет наблюдать за ходом совещания из соседней комнаты. В зале предусмотрена такая возможность. Участники совещания не будут знать, что в этом особняке живёт принц. Не считая, конечно, тех немногих, кто знает об этом в любом случае. Например, Роберта.

— Понятно. — Я задумчиво постучала чайной ложечкой по гладкой поверхности стола. — А как мне следует себя назвать?

Я не стала излагать суть вопроса подробнее, но Сэнд сразу понял, что я имею в виду.

— Ты права. Пожалуй, будет лучше, если мы представим тебя как Элайну Кенборт. Надо отдельно подумать над тем, как подать информацию о нашем браке. Но точно не между делом, в присутствии небольшого числа посторонних людей. Иначе слухи распространятся быстро, но обростут при этом такими немыслимыми подробностями, что мало не покажется нам обоим. Не возражаешь?

— Ни в коем случае.

Последнее, что мне хотелось делать, — это хватать за грудки совершенно незнакомых светлых лордов и радостно вопить им в ухо, что я являюсь законной супругой Александра Уилфорта. Тем более, я подозревала, что они будут шокированы такой новостью, но вовсе не придут от неё в восторг.

Супруг проводил меня на занятия. Принц усмехнулся и якобы случайно полуотвернулся, увидев, как Сэнд приобнимает меня за плечи. Вроде бы мы и не собирались афишировать произошедшее прошлой ночью, но язык тела сам собой раскрывает подобные секреты. Так что на совещании нам придётся вести себя осторожнее.

В полдень я пришла в упомянутый Сэндом зал. Здесь собралось не слишком много участников: включая нас с Сэндом, восемь человек. Не считая Джеймса, который находился в соседнем помещении. Помимо нас, на совещание прибыли: Роберт Мэдисон, поздоровавшийся со мной весьма тепло, Джой, который, по — видимому, был не только секретарём, но и помощником моего мужа, Эдвин Райс, чьё присутствие приятно меня удивило, а также три человека, которых я видела впервые. Среди них один рыжеволосый, Стэнли Дайас, представленный Сэндом как изобретатель, и двое политиков — министр и ещё один, занимающий чуть менее высокую должность (кажется, он был помощником какого-то другого министра). Последние, понятное дело, были светловолосыми.

Итак, в общей сложности за длинным прямоугольным столом собралось двое тёмных, один рыжеволосый и пятеро светлых. Я в очередной раз убедилась в том, что правильно сделала, придя на совещание. Тёмная масть и так не сказать, чтобы была хорошо представлена. Но один тёмный на семерых участников?!

Когда все расселись на своих местах, слово взял Сэнд.

— Леди Кенборт, господа, — начал он. — Как вам известно, мы собрались здесь, чтобы обсудить дальнейшие шаги по созданию оптимальных условий для сосуществования подданных разных мастей. Поскольку основной проблемой является многовековой конфликт между тёмной и светлой мастью, сосредоточимся мы именно на нём. — Он коротко взглянул на Дайаса, словно именно ему объяснял, почему о рыжеволосых сегодня речь не пойдёт. Впрочем, изобретатель и без объяснений явно знал о цели сегодняшней встречи. — Данная тема включает в себя два аспекта. Работу со светлым населением, цель которой — искоренение предрассудков по отношению к темноволосым. И работу с населением Оплота. Мы заинтересованы в том, чтобы привлечь этих людей и подвигнуть их на репатриацию в Настрию. Идеальный вариант — объединение Настрии и Тёмного Оплота в единое государство. Правда, достичь этого результата, мягко говоря, непросто, поскольку правительство Оплота не желает даже начинать переговоры. Вооружённое же вторжение, во — первых, затрудняется существованием Грани Безопасности, а во — вторых, нежелательно в принципе, поскольку мы стремимся к мирному сосуществованию, а не порабощению. Предлагаю начать с обсуждения первого пункта, работы с настрийским населением. Этот пункт более реализуем, и кроме того, нас ждёт доклад о новых технических возможностях, серьёзно упрощающих работу.

— Можно ли узнать подробнее о том, какие меры уже были приняты? — осведомился министр, воспользовавшись небольшой паузой в речи Сэнда.

— Разумеется, — подтвердил тот. И обратился к Джой: — Господин Велмис, не могли бы вы представить краткий отчёт о проделанной работе?

Это прозвучало как просьба, хотя в сущности таковой не являлось. Джой, явно заранее готовый к данному повороту, сосредоточенно кивнул и приступил, периодически заглядывая в лежащие перед ним бумаги:

— Было принято несколько мер, призванных перебороть предрассудки против темноволосых подданных, а также направленную против них дискриминацию. В частности, вместо отдельных школ созданы школы объединённые, в которых тёмные и светлые дети с юных лет учатся и развлекаются бок о бок. Кроме того, в школах, где светловолосые ученики составляют девяносто процентов и выше, проводятся специальные беседы на тему взаимоотношения мастей.

— Это хорошие меры, и вполне вероятно, что они дадут плоды, но очень нескоро, — заметил помощник министра.

— Совершенно справедливо, — подтвердил Джой. — Из более быстро действующих средств можно отметить строгие наказания, введённые за дискриминацию по признаку масти. Несколько показательных наказаний уже было проведено в разных городах страны. Первым из них, как вам, полагаю, известно, стала публичная порка, которой мэр Тель — Мона был подвергнут в Иллохе.

Я старательно рассматривала поверхность стола, делая вид, будто упомянутое событие не имеет ко мне ни малейшего отношения. Довольно того, что из присутствующих по меньшей мере Сэнд, Роберт и Джой в курсе. Плюс, вероятнее всего, принц, сидящий в соседней комнате.

Джой продолжал говорить о дополнительных мерах, которые большей частью являлись долгосрочными, могущими дать результат спустя месяцы или годы. Сосредоточившись на собственных эмоциях, я поначалу слушала недостаточно внимательно, но среди прочего он упоминал введение тёмных артистов в труппы ведущих театров страны, со строгим наказанием

руководству театра не ставить темноволосых на отрицательные роли.

Наконец, секретарь завершил свой доклад. Слово снова взял Сэнд.

— Все перечисленные меры уже были приняты, — подытожил он. — Но этого недостаточно. Нам важно отменить отношение населения к тёмной магии. Ненависти к темноволосым как таковой большая часть населения не испытывает. Но к их магии, воздействующей на мозг, бесспорно относятся с опаской. Нам следует разобраться, какие возможности темноволосых реально использовать, чтобы разбить этот стереотип — «тёмная магия страшна и губительна». Давайте исходить из того, что нам удастся привлечь в Настрию часть населения Оплота. Для того чтобы разобраться с этой проблемой, я уже расспрашивал о свойствах тёмной магии присутствующую здесь леди Элайну Кенборт. Но, может быть, леди Кенборт захочет самостоятельно высказаться на этот счёт? А господин Райс сможет при желании её дополнить? — Сэнд устремил на меня призывный взгляд. — Леди Кенборт, как вам кажется, какие способности тёмных магов могут вызвать доверие со стороны светловолосого населения королевства?

Я сделала глубокий вдох, собираясь с силами и с мыслями. Нечего отмалчиваться. Сама пожелала присутствовать на этом совещании, сама хотела влиять на решение касательно судьбы Оплота. Значит, изволь принимать активное участие.

— Первое, что приходит в голову в таком контексте, — это анестезия, — заговорила я. Бросила взгляд на Райса, и тот выразил свою поддержку кивком. — Тёмные, у которых этот дар особенно хорошо развит, способны полностью блокировать способность человека чувствовать боль. Временно, разумеется.

— Прямо полностью? — с любопытством осведомился министр. — Скажем, если речь идёт об особенно острых приступах?

— Абсолютно при любых обстоятельствах, — ответила я. — Даже если вонзить в человека кинжал, максимум, что он почувствует, — это сильный толчок.

— Впечатляет.

Министр переглянулся сначала с Сэндом, затем со вторым политиком.

— Стало быть, нам следует отыскать людей, обладающих этим даром, — заключил Сэнд, для которого упомянутые мной факты не являлись новостью. — И постараться привлечь их к работе в лазаретах.

— Люди побоятся идти к тёмным медикам, — неспешно, растягивая гласные, проговорил заместитель министра. — Всё-таки страх перед воздействием на мозг силён.

— Те, кто способен потерпеть, побоятся, — подтвердил Сэнд. — А те, кто страдает от по — настоящему острой боли, либо просто обладает низким порогом чувствительности, будут готовы обратиться к кому угодно. А получив столь впечатляющий результат, станут рассказывать о положительном опыте всем знакомым. И постепенно люди станут обращаться к тёмным анестезиологам всё чаще и чаще. Какие ещё способности вы считаете нужным выделить?

Вопрос был адресован мне, но я повернулась к Райсу, сочтя правильным дать ему возможность высказаться.

— Заболевания, так или иначе связанные с мозгом, — уверенно произнёс он. — Разные люди специализируются на разных сферах. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но, насколько мне известно, светлая магия не слишком хорошо справляется с недугами такого рода.

— Вы не ошибаетесь, — признал министр, хотя ему, кажется, не понравилось упоминание слабого места светлых магов.

— Тёмные специалисты могут предложить лечение психических заболеваний, неврозов, амнезии и прочих недугов, связанных с функцией памяти, а также нарушений сна, — продолжал Райс. — Вероятность исцеления очень высокая. Не стопроцентная, конечно. Врождённая деформация мозга, например, тёмной магией не лечится. Но в большинстве случаев наши лекари справляются. А если объединить возможности светлой и тёмной магии, то показатели станут ещё выше.

— Как раз с объединением светлой и тёмной магии связана следующая тема, которую мы собираемся сегодня поднять, — заметил Сэнд. — Но прежде я хотел бы поинтересоваться, есть ли у присутствующих какие-нибудь вопросы.

— Да, — тут же вступил помощник министра, слегка приподняв руку в жесте, напоминающем школьный. — Как именно вы собираетесь распространять информацию о способностях тёмных и их успехах в конкретных случаях? Слухи, рассказы знакомым — всё это хорошо, но занимает слишком много времени. К тому же нет гарантии, что сплетни не обростут ложными деталями, которые не пойдут на пользу нашему делу. Планируете ли вы использовать газеты?

Сэнд улыбнулся и отчего-то переглянулся с рыжеволосым участником совещания.

— Именно к этому я и собирался приступить следующим пунктом. Сейчас господин Дайас расскажет вам о своём новом изобретении, которое позволит чрезвычайно быстро передавать информацию максимальному числу настрийских подданных. Передаю ему слово. Скажу лишь, что господину Дайасу удалось совершить настоящий прорыв в магической науке. И этот прорыв оказался возможен лишь благодаря совместным усилиям светлых магов, тёмных магов и рыжеволосых специалистов.

Он замолчал, глядя на Дайаса и давая понять, что передаёт ему слово. Тот начал говорить не сразу, и я почувствовала, что выступать перед аудиторией подобного уровня для него в новинку. Что ж, тут он был не одинок. Как и во многих других ситуациях, светлые и в этом плане оказались в выигрышном положении: у них опыта участия в подобных совещаниях было куда как больше.

— Если сформулировать в двух словах, то мы разработали способ передавать звук на большие расстояния, — приступил к объяснениям Дайас. — Общая схема следующая. Некий человек произносит текст. Находящаяся в том же помещении аппаратура позволяет переправлять звук на огромные расстояния. Мы можем охватить всю территорию Настрии. Для этого задействована светлая магия. Но маг способен переправить звук лишь на небольшое расстояние. Наша же аппаратура существенно увеличивает диапазон.

— Вы хотите сказать, что над всей страной будет раздаваться громогласный голос того, кто зачитывает текст? — скептически поморщившись, предположил министр.

Роберт усмехнулся, видимо, представив себе такую перспективу.

— Нет, — возразил Дайас. — Разумеется, такой вариант неприемлем, поскольку слишком сильно мешал бы повседневной жизни государства. Жители страны смогут самостоятельно

регулировать, когда, где и на какой громкости слышать текст. Это будет сделано с помощью специальных аппаратов, которые планируется распространить среди населения.

Он бросил взгляд на Сэнда, поскольку вопросом распространения, видимо, занимались не учёные.

— Распространением аппаратов мы займёмся в самое ближайшее время, — подтвердил Сэнд. — Простейшая модель не будет дорогостоящей; кроме того, государство субсидирует проект, чтобы понизить цены. Наконец, аппараты будут бесплатно установлены в ряде государственных учреждений. Продолжайте, господин Дайас.

— Аппарат представляет собой нечто вроде искусственного мозга, точнее сказать, определённых его частей, — послушно заговорил учёный.

— Надеюсь, не внешне? — хохотнул Роберт, за что тут же получил недовольный взгляд министра.

Впрочем, последнее лорда нисколько не смутило, и он расселся, вольготно вытянув под столом длинные ноги.

— Нет, — сдержанно улыбнулся Дайас. — Только с функциональной точки зрения. Внешне это что-то вроде... чёрной коробки вытянутой формы. В принципах, по которым аппарат получает сигнал, заложены основы телепатии. Текст как бы передаётся искусственному мозгу на мыслительном уровне. А затем аппарат воспроизводит текст, как если бы человек повторял то, что ему диктуют. Таким образом, хозяин аппарата слышит всё, что произносится в студии, с приблизительно минутной задержкой. Мы назвали эту систему «эхолиниями», поскольку аппарат повторяет «услышанное» наподобие эха.

Дайас замолчал, видимо, сочтя, что сказал достаточно, и его функция на этом закончена.

— Любопытно, — проговорил помощник министра. — Весьма любопытно. И как конкретно вы планируете использовать это изобретение?

На сей раз вопрос был адресован Сэнду.

— В течение дня по эхолиниям будет передаваться различная информация, — ответил тот. — В том числе и развлекательного характера. Люди должны счесть это новшество интересным и стоящим того, чтобы его слушать. Человек в студии будет зачитывать свежие новости — заметьте, что в этом плане эхолинии будут существенно опережать газеты. Новость можно озвучить, едва она станет известна. А вот выход газеты занимает прилично времени. А помимо всего прочего — и максимально ненавязчиво — нам следует транслировать нужную информацию. О достижениях тёмного лекаря, об успехах тёмного телепата в поиске пропавших людей, и так далее. Можно также использовать этот ресурс, чтобы помогать темноволосым иммигрантам в трудоустройстве.

— Если по эхолиниям будут идти развлекательные передачи, то леди Кенборт могла бы выступить со своими историями, — подал голос Райс.

Я уставилась на него в немом изумлении. Даже не знаю, почему, но мне и в голову не пришло, что этот человек мог слышать обо мне прежде, чем мы познакомились на границе Оплота. Остальные присутствующие глядели на Райса кто с удивлением, а кто с любопытством.

— С какими историями? — решил уточнить Сэнд.

— Не думаю, что это актуально для наших целей, — поспешила откреститься от инициативы я.

— А по — моему, как раз наоборот, — возразила эта зараза. — В Тёмном Оплоте госпожа Кенборт проявила дар талантливой рассказчицы. Истории в её исполнении слушали как дети, так и взрослые. Я полагаю, что её рассказы помогли бы сделать эхолинии более популярными.

Я одарила Райса тяжёлым, выразительным взглядом, намекая на то, что некоторые могли бы и промолчать. Он, в свою очередь, посмотрела на меня не менее выразительно, уверенный в собственной правоте.

— А если люди узнают, что рассказчица — тёмная, это снизит степень их недоверия к тёмной масти, — подхватил, на мою голову, министр. — Мы убиваем сразу двух зайцев. Определённо, мне нравится такая идея.

— Зато мне не нравится, — пробурчала я, правда, совсем тихо. А громче сказала: — Если люди узнают, что рассказчица — тёмная, они попросту не станут слушать.

— А мы не будем говорить им сразу, — поддержал идею Райса помощник министра. — Пусть сначала послушают рассказы, получают удовольствие, привыкнут, что рассказы передаются, скажем, ежедневно или еженедельно в один и тот же час. А уж затем кто-нибудь из журналистов — или как будут называться работники эхолиний? — расскажет, например, вашу краткую биографию. Избирательную, конечно, — добавил он, видя, что я вовсе не пришла в восторг от этой идеи. А ещё лучше будет, если у рассказчицы возьмут интервью. Это возможно? — обратился он к Дайасу.

— В целом да, — с некоторым сомнением ответил тот. — Есть одна проблема: аппарат повторяет текст одним, фиксированным голосом. Правда, мы делаем два варианта приёмников: голос может быть мужским или женским. Но в данном случае это ничем не поможет...

— Не вижу в этом большой проблемы, — вмешался Роберт, по — прежнему сидя в своей расслабленной позе. — Можно ввести систему опознавания специально для эхолиний. К примеру, если в передаче принимает участие несколько человек, каждый называет своё имя прежде, чем высказаться. Или что-то в этом роде.

Я в полном смятении повернулась к Сэнду.

— Я полагаю, детали, касающиеся содержания эхопередач, можно будет обсудить на другом уровне, — решительно заявил он. — И, разумеется, нам по меньшей мере понадобится согласие потенциальных ведущих. А теперь предлагаю перейти ко второй теме сегодняшнего обсуждения, значительно более сложной. А именно — к работе с населением Оплота.

— Это вообще реализуемо? — осведомился заместитель министра, склонив голову набок.

— Не знаю, — спокойно ответил тот, выдержав испытывающий взгляд. — Когда его величество поручил мне заняться вопросом масти, я был склонен считать задачу неразрешимой. Однако же кое — каких успехов мы, как видите, достигли. Так что предлагаю принять как данность, что решить этот вопрос необходимо. Поэтому в первую очередь я бы хотел обратиться к леди Кенборт и господину Райсу как к людям, знакомым с обстановкой в Оплоте изнутри. Как вы считаете, что могло бы подвигнуть жителей Оплота на эмиграцию в Настрию?

Мы с Райсом переглянулись. Он заговорил первым.

— Да в общем-то единственное, что их останавливает, — это страх перед светлыми, — заметил он.

— Они опасаются светлой магии также, как наше население — тёмной? — спросил, подавшись вперёд, министр.

Мне такое предположение показалось смешным. Он что же, забыл собственную историю?

— Нет, они опасаются, что, стоит тёмным ступить за Грань Безопасности, как светлые перебьют их без всякой магии, — ответила я, стараясь быть сдержанной и не проявить собственного раздражения.

— Они всерьёз этого ожидают? — удивился министр.

Я заметила, что второй политик покосился на коллегу со снисходительной усмешкой.

— Они привыкли слышать это со всех сторон, с самого детства, — мрачно объяснил Райс. — У них нет причин думать иначе. Это то, что пишут в газете — единственной на весь Оплот и контролируемой властью. Это то, что вещают политики. Которые притворяются лучшими друзьями, не жалеют для простых людей улыбок и дружески хлопают их по плечу. Правда, при этом палец о палец не ударят, чтобы сделать жизнь простых смертных хоть немного лучше. Но никто не вменяет им это в вину, поскольку всё объясняется существованием страшных и ужасных светлых.

— Всё-таки несколько странно, что практически всё население страны всерьёз предполагает, будто здесь станут хватать и убивать каждого темноволосого, — продолжал стоять на своём министр.

— Вы знаете, — я всё-таки не смогла сдержать своё раздражение, — у них, как ни странно, есть на это некоторые причины. Может быть, нам с господином Райсом стоит напомнить об обстоятельствах, при которых тёмные оказались запертыми в Кернской пустоши два столетия назад?

— Но прибывают же в Оплот настрийские тёмные, которые могут рассказать, что в наше время всё изменилось, — не уступал министр.

Я лишь криво улыбнулась.

— Настрийские тёмные, эмигрирующие в Оплот, делают это не от хорошей жизни, — подсказал министру Сэнд. — У них нет причин рассказывать остальным, какая Настрия замечательная страна и как легко здесь живётся обладателям чёрных волос. Давайте вернёмся к сути вопроса. Итак, нам следует найти способ протранслировать населению Оплота, что им ничто здесь не угрожает. Мы подумаем, как это осуществить. Мы с лордом Мэдисоном пытались сделать первый шаг, приехав в Оплот с гуманитарной помощью, но, как вам известно, поездка не увенчалась успехом. Правительство Оплота слишком сильно противилось сотрудничеству.

— Их можно понять, — хмыкнул помощник министра. — Сейчас они правят. Пусть маленькой страной с большими проблемами, и всё же они — на вершине власти. А кем они станут в случае объединения?

— Если жизнь в Оплоте так тяжела, как рассказывают, то даже правительство, вероятно, живёт не слишком сладко, — возразил министр.

— О, поверьте, правительство живёт, мягко говоря, неплохо, — горячо возразил Райс. — Не уверен, что уровень их жизни намного уступает уровню жизни настрийской знати. Разве что масштабы не те.

— Кстати сказать, любопытно, как им это удаётся? — задумчиво проговорил помощник министра.

Сам факт его явно не удивил, но вот поднятый им вопрос оказался не в бровь, а в глаз. Мне и самой доводилось удивляться, хотя эта тема никогда не являлась для меня первостепенной. Вот откуда, к примеру, у Брайана взялся сверхсовременный иностранный сейф, какого не было даже у Сэнда? Или такие сейфы изобрели именно в Оплоте?

Райс развёл руками, Сэнд покачал головой. Похоже, точного ответа не было ни у кого.

— И всё-таки, допустим, что нам удалось, по меньшей мере, зародить сомнения в том, что светлые представляют опасность, — в очередной раз возвратил дискуссию в нужное русло Сэнд. — Что, в таком случае, может заставить жителей Оплота рискнуть и перейти Грань?

— Условия жизни в Оплоте настолько тяжелы, что стоит жителям удостовериться в безопасности настрийцев — и кернские земли опустеют, — уверенно откликнулся Райс. — В оплоте останутся лишь самые убеждённые скептики. А также старики, которые предпочитают быть похороненными на той земле, где родились.

— То есть, господин Рейс, если я правильно понимаю, вы считаете, что мы должны сосредоточиться на демонстрации дружественного настроения? — осведомился министр.

— Райс, — поправил Эдвин.

По тому, как он поморщился, я поняла: министр — не первый, кто совершил ошибку. Что делать, за две сотни лет произношение в Настрии немного изменилось, а вот диалект Оплота оказался более консервативным. В итоге для настрийцев более стало естественным произносить данную фамилию как «Рейс».

— Я полагаю, что это действительно наиболее важный момент, — дал ответ Эдвин.

— Есть свойства светлой магии, которых очень не хватает в Оплоте, — вмешалась я. — Медицина. Многочисленные заболевания приходится лечить лишь при помощи трав. В итоге уровень медицины в Оплоте отстаёт от настрийского на несколько столетий. Не считая психиатрии, разумеется.

— В Оплоте есть очень хорошие травники, — возразил Райс.

— Я знаю, — согласилась я, — но их возможности всё равно чрезвычайно ограничены.

— Смотря о каких заболеваниях идёт речь.

Я нахмурилась, недоумеваю, отчего Эдвин так настойчиво защищает травников Оплота. Когда речь шла о других сферах, преимущества Настрии его не смущали.

— Допустим, — пожала плечами я. — Так или иначе, многие люди были бы искренне благодарны, если бы им предоставили возможность пользоваться достижениями современной медицины.

Я думала в этот момент о старушке Клэр, которой вечно приходилось беспокоиться о том, где и каким образом достать необходимое лекарство.

— А это хорошая идея, — с энтузиазмом отметил помощник министра.

Однажды утром человек, выглянувший за Грань Безопасности, смог бы увидеть странную картину. Совсем недалеко от Грани, между нею и границей Кернского леса, выстроилась череда высоких светлых шатров. Возле шатров мелькали фигурки людей, но это была не нервная, а скорее рабочая суета.

Через некоторое время высокая статная женщина, одетая в строгий костюм, вышла из самого большого шатра. Остановившись перед входом, она кивнула уже поджидавшему рядом мужчине, и он приподнял руки, направляя на неё раскрытые ладони. Магия мужчины позволила её голосу эхом разнестись над окрестностями, проникая сквозь Грань Безопасности и достигая ушей темноволосых жителей ближайшей деревни.

— Уважаемые подданные Тёмного Оплота! — Женщина говорила спокойно и веско, не пытаясь кричать, словно слушатели находились в непосредственной близости от неё. — Наш лазарет открыт для всех нуждающихся. Любой желающий сможет прийти на осмотр и, в случае, если у него обнаружатся какие-либо заболевания, совершенно бесплатно получить лечение. К сожалению, нас отказались пропустить на территорию Тёмного Оплота, поэтому лазарет расположен рядом с Гранью Безопасности.

Наша методика основана на новейших достижениях целебной светлой магии. Кроме того, в нашем распоряжении большие запасы эффективных лекарств, которые вы сможете получить по рекомендации лекаря, чтобы впоследствии использовать на территории Оплота. В лазарете работают лекари различных специализаций. Мы эффективно лечим такие заболевания, как...

Далее шёл длинный, почти нескончаемый список недугов. Впрочем, нет, наступил момент, когда список закончился, и женщина, практически не делая перерыва, чтобы отдышаться, принялась повторять весь свой текст сначала. И говорила столь хорошо поставленным голосом, будто всю жизнь только и занималась тем, что делала подобные объявления.

Спустя приблизительно полчаса возле Грани Безопасности, со стороны Оплота, стали скапливаться люди. Светлые лекари не могли их видеть, но шорох и перешёптывание доносилось до них сквозь переливающуюся всеми цветами радуги преграду.

Долгое время ничего больше не происходило. А затем невысокая женщина в годах прошла сквозь Грань и решительной походкой направилась к шатрам. Её братья и сёстры по масти застыли на своей стороне, затаив дыхание.

— Добрый день, — приветливо обратилась к ней высокая светловолосая целительница. — Прошу вас.

Вышедший навстречу первой пациентке лекарь любезно отодвинул перед ней полог шатра. Женщина вошла внутрь.

— Меня зовут Марта Клэр, — сказала она. — И я много лет страдаю от сердечного недуга.

Спустя ещё полчаса старушка Клэр всё той же решительной, бодрой походкой возвратилась к Грани. Там её мгновенно обступили жители деревни. Выяснив, что всё прошло успешно, состояние Клэр существенно улучшилось, и вдобавок она получила немалый запас лекарств,

ещё двое темноволосых, мужчина и женщина, решились и пересекли Грань.

Слух быстро распространился, и постепенно к Грани стали подтягиваться жители других деревень, а затем и горожане. Вскоре на территорию Настрии ступила невысокая женщина с относительно короткими и тем не менее непослушными волосами. На вид ей было лет пятьдесят, но, впрочем, внешность могла оказаться обманчивой, ибо тяжёлые условия жизни старят раньше времени. Когда женщина добралась до шатров, её, также приветливо, как и остальных, спросили, чем она страдает. В ответ вновь пришедшая помотала головой.

— Меня зовут Брэнда Коут, — заявила она. — И я — специалист по магическому обезболиванию.

С этого момента светлые лекари лазарета стали сотрудничать с тёмным анестезиологом. А вскоре к шатрам выстроилась длинная очередь, протянувшаяся вдоль мерцающей Грани.

Что интересно, разбойники, орудующие в окрестностях, содержимым шатров не заинтересовались, лекарей не тронули, и вообще по случайному стечению обстоятельств промышляли на другом краю леса. Правда, известно, что незадолго до случившегося их предводитель, Дик Грэй, беседовал о чём-то с молодой темноволосой женщиной, пришедшей в Кернский лес с настрийской стороны.

Зато на следующий день, по ещё одному случайному стечению обстоятельств, разбойникам удалось захватить целых два обоза с чрезвычайно странной аппаратурой. Речь шла о чёрных предметах, по форме напоминавших ящики с несколькими рычажками непонятного назначения. Разбойники распространили добычу по всему Оплоту, так что почти в каждой деревне оказалось хотя бы по паре аппаратов. Жителям объяснили, что назначение предметов пока не выяснено, зато точно известно, что это новейшая разработка настрийских технологов, и аппараты, несомненно, представляют немалую ценность. Так что людям остаётся просто поставить их где-нибудь в углу и подождать, пока местные специалисты разберутся, как правильно использовать «чёрные ящики».

Стоит ли уточнять, что аппараты были переданы жителям Оплота во включённом состоянии, настроенные на нужную волну, на которой ничего не передавалось... до поры, до времени.

Глава 16

Время шло, и предсказуемо наступил момент, когда его величество Пабло Второй, предчувствуя, что времени у него осталось совсем мало, сделал важное для страны объявление. Герольды призвали горожан собраться на центральной площади Иллои в назначенный час. Пабло Второй, опираясь на руку верного слуги, вышел на балкон, который выходил на площадь. И там, в присутствии многочисленных свидетелей, он признал шестнадцатилетнего темноволосого юношу своим сыном и законным наследником.

Народ безусловно был удивлён, однако реакция оказалось не настолько бурной, как можно было ожидать. Бунта ничто не предвещало. Быть может, потому, что несколько потенциальных зачинщиков оного были заблаговременно изолированы от общества стараниями лорда Роберта Мэдисона?

Теперь, когда принцу не надо было более скрываться, он переехал во дворец. Особняк стал фактически не нужен. Я возвратилась во дворец Сэнда. Здесь же гостил теперь и Эдвин. Роберт также часто посещал друга, и мы неоднократно собирались таким составом, чтобы обсудить результаты, которых удалось добиться, и разработать план дальнейших действий. На этих

совещаниях, иногда запланированных, а иногда и не очень, обычно присутствовал также Джой. Ещё пара — тройка участников присоединялись от случая к случаю.

Но сейчас я находилась в совсем другом здании и в помещении совсем иного рода. Очень странном помещении. В просторной комнате почти не было мебели. Лишь голые стены, длинный стол и два стула в центре, осветительные приборы, да кое — какая аппаратура. В данный момент я сидела за столом и рассматривала трубку, слегка напоминающую стетоскоп, в которую мне предстояло говорить.

Это было очень странное ощущение. Конечно, я привыкла выступать перед публикой, но в тех случаях я всегда эту самую публику видела. Я могла ловить её настроение, отмечать взгляды, вздохи, смешки, чувствовать, получают ли люди удовольствие, или же им становится скучновато. Теперь же передо мной не было никого, не считая двух работников эхолиний, мужчины и женщины, оба из которых обладали светлыми волосами, да Сэнда, оставшегося стоять у стены возле входа.

А мне предстояло говорить, обращаясь по сути к населению целой страны — Тёмного Оплота. И говорить о чрезвычайно важных вещах. Таких важных, о каких я никогда ещё не говорила. И сказать всё надо было правильно. Не так, как хотел бы Брайан. И даже, возможно, не совсем так, как хотел бы Сэнд. А именно — правильно. И второй попытки не будет. Потому что Брайан, несомненно, быстро узнает о сегодняшнем эфире, после чего «чёрные ящики» будут объявлены вредными и незамедлительно конфискованы.

Работница эхолиний энергично кивнула, давая мне знак приготовиться. Я вновь посмотрела на трубку. До чего же странно. В передачах, транслируемых на Настрию, я ещё не участвовала. Мы решили повременить с этим планом, в том числе опасаясь, что информация просочится в Оплот и дойдёт до Брайана. А это могло таить угрозу как для меня лично, так и для проекта с использованием эхолиний в Оплоте. Проекта, к реализации которого мы приступали непосредственно сейчас.

Странно, и даже по — своему страшно. Но отступить поздно, да и не хочу я отступить. Повторный кивок светловолосой девушки. И я начинаю говорить.

- «Пробьют часы двенадцать раз,

Просить отсрочку бесполезно.

Я появлюсь в толпе сейчас,

Чтоб навсегда затем исчезнуть».

Слова стихотворной сказки, неоднократно исполнявшейся мною почти во всех частях Тёмного Оплота, отскакивали от зубов, и мне даже не требовалось прибегать к особым свойствам своей памяти. Присутствующие, вне всяких сомнений, не ожидали такого начала политической речи, однако вмешаться было уже нельзя.

— Дамы и господа, как вы, наверное, уже поняли, сегодня с вами Элайна Кенборт, — перешла на прозу я.

Я действительно не могла ни видеть, ни слышать свою аудиторию. Но мне показалось, что я почувствовала, почти на физическом уровне, как десятки семей замерли у своих приёмников.

— Обстоятельства складываются так, что на этот раз нам приходится общаться иначе, чем обычно. Это стало возможным благодаря совместным усилиям светлых и тёмных магов, а также рыжеволосых специалистов, которые создали находящийся в вашем доме аппарат. Выступить же перед вами прежним способом я не могу, ибо вход в Оплот для меня отныне закрыт.

Разумеется, слушатели, видевшие перед собой лишь чёрный аппарат, а также наслышанные о гипотетическом коварстве светлых, могли не поверить в то, что с ними действительно говорит Элайна Кенборт. Полагаю, наиболее ярые скептики не поверили и сейчас. Но было два нюанса. Первый — всевозможные детали, ненавязчиво, но убедительно указывающие на личность говорящего. Интонации, манера речи, часто используемые обороты, даже паузы. Не говоря уже о строках из стихотворения, которые я использовала в качестве своих позывных. Второй нюанс заключался в том, что, создавая партию эхоприёмников для Оплота, Дайас использовал в качестве модели мой голос. Поэтому, слушая «пересказ» моей речи в исполнении аппарата, жители Оплота узнавали Элайну Кенборт.

— В течение нескольких лет я верой и правдой служила нашему общему правительству. И всё это время пребывала в глубоком убеждении, что действую на благо Оплота и тёмной масти. Жизнь показала, что я заблуждалась. Но сейчас я бы хотела говорить не о себе. Я должна сообщить вам о важном событии, произошедшем недавно в Настрии, где я сейчас и нахожусь. Основным источником информации о настрийском королевстве является «Тёмный вестник». Беда заключается в том, что эта газета передаёт настрийские новости избирательно и односторонне. Многие недоговаривают, многое преподносят в искажённом свете. И, поскольку правительственная газета рассказывает сказки, сказочнице приходится передавать правду.

Итак, позавчера настрийский король Пабло Второй представил народу своего наследника. Это родной и единственный сын короля, Джеймс Настрийский, шестнадцати лет от роду. Темноволосый. Да, вы не ослышались. Законный наследник Пабло Второго, будущий король Настрии, родился тёмным. Случилось так, что мне довелось лично познакомиться с этим человеком. Разумеется, это произошло лишь недавно, но по сложившемуся у меня впечатлению он — очень достойный молодой человек, умный, серьёзный и внимательный, для которого дружба — не пустое слово и который хорошо знает, что такое быть тёмным в королевстве светлых. Думаю, он станет хорошим королём.

Уверена, вы уже понимаете, насколько важно это обстоятельство для Оплота. Борьба с дискриминацией по признаку масти идёт полным ходом. Но это ещё не всё. Будущий король Джеймс Третий призывает жителей Тёмного Оплота возвратиться на свою историческую родину в Настрию. Не стану утверждать, будто в Настрии не осталось дискриминации. Но, как я уже говорила, с ней борются, и даже нарушителям самого высокого статуса не удаётся избежать наказания. Не буду также утверждать, будто переезд в другую страну даётся легко, и каждого из вас здесь ждут золотые горы. Это не так. Тем не менее, все эмигранты из Оплота получают в Настрии первичную помощь. Молодёжь получит возможность получить бесплатное образование. А взрослые люди, обладающие полезными для Настрии навыками — как магическими, так и просто профессиональными, будут устроены на работу.

Думаю, многие из вас сейчас заметят, скептически нахмутив брови, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. И добавят, что наследник настрийского престола преследует собственные цели, делая такое предложение жителям Тёмного Оплота. Я не собираюсь оспаривать последнее. Это действительно так. У Джеймса Настрийского есть личный интерес в том, чтобы вы переехали в его страну. Но это тот случай, когда его и ваши интересы совпадают. Всё просто: тёмному королю понадобится поддержка тёмных подданных. В данный момент таковых в Настрии очень мало. Таков личный интерес Джеймса. Кроме того, принц

отлично понимает преимущества государства, в котором на равных будут существовать представители всех мастей. Мы нужны друг другу. Сотрудничество тёмных и светлых даст результаты, каких не добиться по отдельности ни тем, ни другим. Светлые будут исцелять тело, а тёмные — душу. Светлые дантисты будут лечить зубы, а тёмные анестезиологи — снимать при этом боль. Тёмные следователи будут использовать телепатические способности для поиска преступников, а светлые — задерживать преступников при помощи магии холодного пламени. Наглядным примером такого сотрудничества является эхоприёмник, тот самый аппарат, благодаря которому вы слышите сейчас мои слова. В него вложена звуковая телепортация — магия светлых, телепатическая магия тёмных и знания рыжеволосых. Убрать один из этих компонентов — и эхоприёмники перестанут существовать.

Наверное, я отвлеклась. Я не стану рассказывать вам о том, насколько тяжела жизнь в Оплоте. Вы знаете об этом намного лучше меня. Дальнейшее решать вам. Помните об одном. Настрия — это уже давно не та страна, что двести лет назад. Её не надо идеализировать. В ней есть свои недостатки, есть сложности, есть случаи несправедливости. Я — последняя, кто станет это отрицать. Однако то, что рассказывают вам о Настрии в «Тёмном вестнике», то, что вы слышите от власть имущих, — ложь. Настрийцы — это вовсе не кровожадные звери, стремящиеся уничтожить всех, кто родился с тёмным цветом волос. А полное отсутствие контактов с Настрией — на совести властей Оплота. Которые боятся потерять свой нынешний статус и готовы сохранить его любой ценой. Когда двести лет назад наши предки выбирали короля Оплота, цель была иной. Во всяком случае, мне очень хочется верить, что те, первые, короли, действительно заботились о судьбе своих подданных.

Ну что ж, пожалуй, я сказала всё, что хотела. Желая каждому из вас сделать правильный выбор — тот, с которым будет хорошо лично вам. Возможно, мы ещё встретимся на волнах эхолиний. Но если нет — будьте счастливы и верны себе. А напоследок я всё-таки расскажу вам сказку, и да простит меня «Тёмный вестник».

Это была обычная сказка, без всяких политических мотивов, из тех, которые я рассказывала раньше. Когда эфир завершился, я подняла глаза и встретилась взглядом с работницей эхолиний. Забавно, но на время передачи я, кажется, совершенно забыла про присутствовавших в комнате людей. Полностью сосредоточилась на тех, для кого этот самый эфир был предназначен, хотя недавно так сетовала, что не могу не видеть их, не слышать.

Светловолосая девушка быстро отвела взгляд, а затем и вовсе отошла к своему коллеге, и они стали о чём-то шептаться, периодически косясь в мою сторону. Я тоже покинула своё место и воссоединилась с Сэндом, так и стоявшем, прислонившись спиной к стене и сложив руки на груди. Только теперь на его губах играла загадочная улыбка.

— Знаю, я сказала не совсем то, что ты ожидал, — с места в карьер приступила я, едва мы вышли за дверь, которая была почему-то стеклянной.

— Ну почему? — усмехнулся в ответ Сэнд. — Я с самого начала не сомневался, что ты станешь говорить так, как захочешь сама. Так что идея вручить тебе приблизительные наброски речи была отмечена, не успев окончательно оформиться. Пытаться на тебя повлиять не имело смысла, так что я предоставил тебе полную свободу действий. И не разочаровался.

Там, за стеклом, светловолосые мужчина и женщина жадно наблюдали за каждым нашим движением, явно шокированные тем, сколь по — свойски Сэнд обнял меня за плечи.

— Что, тебя даже не смутило то, как я рассуждала про будущего короля? И как обещала, что не

будет золотых гор?

— А это должно было меня смутить? — повёл плечом Сэнд. — Стоит ли обещать людям золотые горы, а потом иметь дело с плохо предсказуемыми последствиями, к которым приведут обманутые ожидания? Тем более, я сильно сомневаюсь, что после твоей речи в Оплоте захочет остаться больше десяти процентов населения.

— Ты так думаешь? — без особой уверенности спросила я.

— Даже не сомневаюсь. Конечно, на принятие решения большинству потребуется время. Но первую волну иммиграции можно ожидать в ближайшее время. Не считая, конечно, отдельных смельчаков, которые рискнули остаться в Настрии после первого же посещения лазарета. Всё же это — единицы.

— Решение непростое, к тому же у большинства людей есть семьи и какое — никакое, но имущество, — отозвалась я. — Но мы хотя бы готовы принять эту волну?

— Конечно. Средства из казны выделены, помещение для первого приёма иммигрантов уже установлено неподалёку от Грани. Там мы будем проводить беседу с прибывающими и по итогам этой беседы решать, в какую часть страны их следует отправить, а также на какую работу рекомендовать. Это была отличная идея, — похвалил он.

— Не моя, — откликнулась я. — Я бессовестно украла эту идею у Брайана. Интересно, он может подать на меня в суд за плагиат?

Я вопросительно посмотрела на Сэнда.

— Пусть подаёт, — снисходительно разрешил тот. — Мы рассмотрим.

И весело мне подмигнул.

— Впрочем, — пробормотала я, — думаю, после сегодняшнего плагиат — это последнее, что он захочет вменить мне в вину.

В то утро мы с Эдвином работали, сидя в зале для совещаний. Мы уже давно успели заметить, насколько это помещение удобно для того, чтобы спокойно заниматься своим делом. Просторная комната без всяких изысков, с отличной звукоизоляцией, создавала идеальную рабочую атмосферу. Вот и сейчас мы с Эдвином сидели с разных сторон длинного овального стола, и каждый возился со своими бумагами. И друг другу не мешаем, и переговорить в случае, если понадобится что-то спросить, не проблема.

В дверь постучали. В зал вошёл лакей.

— Послание для леди Кенборт. Прошу прощения за беспокойство, господин Рейс, — вежливо извинился он.

Эдвин в отчаянье закатил глаза.

— Не Рейс, а Райс, — процедил он.

— Господин Райс, — послушно повторил лакей и, передав мне конверт, удалился.

Я сочувственно посмотрела на приятеля.

— Никуда тут не денешься, — «успокоила» я. — Они всё равно будут говорить так, как удобно им. Всех не перевоспитаешь.

— Да, но меня это бесит, — признался он.

— Понятное дело. Когда имена перевирают, это раздражает, — согласилась я.

Во время этого обмена репликами, я вскрыла конверт и развернула два помятых листа бумаги. По почерку сразу стало ясно, что автор послания — Дик. Опустив глаза на бумагу, я принялась читать... и быстро позабыла о присутствии в комнате собеседника. Да что там, я даже забыла о том, что собиралась пододвинуть себе стул и дочитывать письмо сидя! Слишком впечатлило меня его содержание.

— Что-то стряслось? — обеспокоенно спросил Эдвин, видя, что недавняя собеседница превратилась в памятник самой себе.

Я и правда застыла, как каменное изваяние, устремив невидящий взгляд на последние строчки, хотя письмо давно уже было дочитано.

— Элайна! — позвал Эдвин, интеллигентно ожидая ответа вместо того, чтобы пытаться прочитать текст, стоя у меня за плечом.

Я наконец, подняла глаза. На Райса, правда, не посмотрела, скорее устремила взгляд в пространство перед собой, но это всё равно был прогресс.

— Что произошло? — повторил Эдвин. — Новости из Оплота? Или личное?

— Из Оплота, — глухо сообщила я.

А сама подумала, что куда уж более личное?

— И... что случилось?

Эдвин продолжал расспрашивать терпеливо и вежливо, хотя сам всё более напрягался. Я, наконец-то, вырвалась из плена собственного шока и посмотрела собеседнику в глаза.

— Дик написал... Брайан закрыл границу. То есть изнутри. К Грани прислали отряд вооружённых стражников. В Настрию никого не выпускают. Тех, кто пытался прорваться, арестовали. И ещё раньше арестовали около двадцати человек из тех, кто ходил к целителям. Среди них — старушка Клэр. И эта женщина, анестезиолог, которая работала со светлыми... — Я опустила взгляд на письмо. — Брэнда Коут. И ещё полторы дюжины человек.

— По какому обвинению? — мрачно спросил Эдвин.

Я с трудом заставила себя сфокусировать на нём отсутствующий взгляд.

— Шпионаж, измена родине и масти, сотрудничество со светлым врагом.

Меня вдруг затрясло, и я буквально упала на стул.

— Они же ни в чём не виноваты, Эдвин! — воскликнула я, ломая руки. — Они просто ходили лечиться! Если бы арестовали твоих соратников — нет, не спорю, в этом бы не было ничего хорошего, но это хотя бы было бы как-то обоснованно. Это оппозиция, которая борется против правительства. А те люди не имели никакого отношения к политике. У старушки Клэр большое

сердце! Она же там долго не выдержит.

— Старушка Клэр — очень сильная женщина, — попытался успокоить меня Эдвин, хотя судя по тому, как у него ходили желваки, парню и самому было далеко до спокойствия. — Что же касается политики... Бывают времена, когда она касается всех.

— А бывают люди, которые этому способствуют, — с горечью пробормотала я. — Какого чёрта мы всё это устроили Эдвин?! — Я приложила руки к вискам, хотя голову и так словно сжимало в тисках. — Это же плоды наших трудов. Если бы не моё чёртово выступление... Ты можешь объяснить, какого дьявола я сунулась в политику?!

— Элайна, это не наши труды, — веско произнёс Эдвин. — Это труды правителей Оплота. Брайана Коллинза, Роберта Кеннингтона и прочих.

— Не надо говорить мне очевидные вещи, — тоскливо покачала головой я. — Они ничего не меняют. Брайан — мерзавец, это данность. Но я, начиная участвовать во всей этой аванюре, отлично про эту данность знала. И всё равно сунула свой нос туда, где мне не место. И вот результат. Рассказывать сказки и выступать с политическими призывами — слишком разные вещи. Вскрытие сейфов и политические игры — тоже.

— Мы не играем в игры. Мы стараемся спасти свою масть, — отрезал Эдвин.

Вот уж кто, похоже, не испытывал ни малейших сомнений в собственной правоте.

— Поздравляю: спасли, — констатировала я с горьким смешком.

— Ещё не вечер, — процедил сквозь зубы Эдвин.

— Что ты предлагаешь сделать? Взять Оплот штурмом? — вскинулась я, чувствуя, как в голосе прорезаются никому не нужные истеричные нотки. — Ладно, разберёмся, — бросила я себе под нос, стараясь взять себя в руки.

Вскочила и направилась к выходу, но у дверей столкнулась нос к носу с Сэндом.

— Нам надо срочно поговорить, — начала я и только тут заметила, что супруг тоже держит в руке основательно помятый лист бумаги.

— Я так понимаю, ты тоже получила информацию, — откликнулся он. — Откуда?

— Дик написал.

— Глава разбойников?

Я кивнула.

— Это хорошо, что ему можно доверять, и сам он пока на свободе, — проговорил Сэнд.

— Их пробуют зазвать обратно в Оплот, но он вовремя сообразил, чем это чревато, и остаётся с настрийской стороны, — передала я информацию, которую также почерпнула из письма. — Пока — под благовидным предлогом. А ты откуда узнал?

— У меня есть свои люди в Оплоте, — объяснил Сэнд. — Сначала им не удавалось со мной связаться из-за этой внутренней блокады. Но потом один из них сумел прислать весть

голубиной почтой.

— Отстреливать голубей Брайан ещё не додумался? — бросила я, не ожидая, разумеется, ответа.

Потом решительно подняла голову и твёрдо посмотрела мужу в глаза.

— Мы обязаны что-то предпринять, Сэнд. — Я даже вцепилась руками ему в плечи. — Обязаны, понимаешь? Плевать на политику, но мы несём ответственность за этих людей. Мы сами втянули их в нынешние неприятности, даже не спросив их точку зрения. Загнали в болото, из которого им теперь самим не выбраться.

— Тише, Элайна, — успокаивающе сказал он. — Мы этим займёмся.

— Что конкретно мы можем сделать?

Сэнд осторожно высвободился из моей хватки.

— Вот сейчас соберём совещание и выясним. Вы оставайтесь здесь. А я кое — кого позову и скоро вернусь.

Он действительно вернулся скоро, в обществе Джоя, Роберта и заместителя министра. Министр, присутствовавший на самом первом совещании с моим участием, то ли не смог прийти, то ли не получил приглашения. На мой взгляд, последний вариант был бы абсолютно логичен. Я ещё тогда, на первой встрече, пришла к выводу, что этим двоим не мешало бы поменяться ролями. Немного позднее к нам присоединился ещё один мужчина, представленный Сэндом как генерал Дэр, хотя внешне он совершенно не походил ни на генерала, ни вообще на военного.

И вот, пятеро светлых и двое тёмных сидели в зале совещаний за овальным столом и пытались решить проблему, по определению не имеющую решения.

— Если бы не одно «но», я бы сказал, что единственный вариант при таких обстоятельствах — это военное вмешательство, — заявил помощник министра.

— Лично мне видится два «но», — заметил Роберт. — Не могли бы вы уточнить, что именно имеете в виду?

— Моё «но» именуется «Грань Безопасности», — откликнулся помощник. — Как можно вторгнуться на магически защищённую территорию? В течение двухсот лет это никому не удавалось.

— В течение двухсот лет никто по — настоящему и не пытался, — вмешался Сэнд.

Помощник министра прикрыл глаза, давая понять, что возражение принимается.

— Полагаю, Роберт, твоё второе «но» — это сам факт военного вмешательства, против которого мы все выступали?

На этот раз Сэнд вёл себя менее формально, чем на первом совещании, и сейчас это проявилось в том, что к другу он обратился по имени и на «ты». Повлияло не то отсутствие министра, не то экстренность обстоятельств.

— Именно, — подтвердил Роберт. — Мы не хотим, чтобы жители Оплота видели в нас врагов.

— Всё это верно, — подтвердил генерал, — но, если позволите высказаться военному человеку... Я понимаю, от нас ожидают исключительно желания повоевать, — он иронично усмехнулся, — однако на самом деле мы кое-что смыслим в целесообразности подобных действий и их последствиях. Так вот, не думаю, что в сложившейся ситуации вмешательство военных станет политической помехой. До того, как власти Оплота начали закручивать гайки, мы выглядели бы как завоеватели. Теперь же мы придём как освободители, а это совершенно другая роль и другое отношение со стороны народа.

— Вы полагаете?

— Уверен. Разумеется, мнения в любом случае разделятся. Но основная часть населения будет рада нашему появлению. После того, как поймут, что мы не собираемся грабить, насиловать и убивать мирных жителей, разумеется.

— А вы уверены, что сможете это гарантировать? — спросил Сэнд, сверля генерала пронзительным взглядом.

— Это война, — ответил тот. — Совсем без потерь среди мирного населения вряд ли обойдётся. Но гарантировать, что такие потери будут сведены к минимуму, я могу. Я — профессионал, господа, и у меня — армия, а не сборище бандитов. Что такое дисциплина, мои ребята знают хорошо. Насколько я понимаю, у нас будет две основные цели — отряд, охраняющий границу, и затем — Замок Надежды. Первое будет легко, второе — посложнее, но осуществимо.

— Мы можем переправить вместе с войском герольдов, которые будут предупреждать местное население не выходить из своих домов, — внёс предложение Джой. — Используя магическое усиление голоса. Так же они будут объявлять, что цель настрийской армии — свергнуть власть и вернуть свободу населению Тёмного Оплота. Нечто в этом роде, формулировку нужно будет продумать, — добавил он.

— Что скажете? — обратился к Эдвину Сэнд. — Как отреагируют местные жители на подобное развитие событий?

— Немного сложно говорить, учитывая, что я не видел их реакцию на наши последние действия, — ответил Эдвин. — Однако учитывая всё, что мне известно, думаю так. В данный момент люди уже поняли, что правительство Оплота — это отнюдь не тот лучший друг и защитник, каким она позиционировала себя до сих пор. Почувствовав, что власть ускользает из рук, Коллинз пошёл на решительный шаг, полностью изменивший его образ в глазах окружающих. Теперь всем очевидно, что в Оплоте — диктатура. Раньше у правительства не было проблем, поскольку народ винил в своей тяжёлой жизни светлого врага. Теперь все увидели, что обстоятельства несколько иные. Одним словом, я думаю, люди действительно могут увидеть в настрийских воинах освободителей. Сначала они испугаются и попрячутся по домам без всяких предупреждений. Им покажется, что кошмар многих поколений тёмных осуществился, и светлые пришли по их душу. Но если практика покажет, что дело обстоит иначе, нам удастся единожды расставить все точки над «и». Если мирное население действительно не тронут, люди быстро поймут, что кровожадные светлые — это очередная ложь вероломного правительства.

— Значит, будем считать, что этот вопрос решён, — заключил Сэнд. — Назовём это даже не вторжением, а военной операцией, которую необходимо провести не просто эффективно, а ювелирно.

Он требовательно взглянул на генерала.

— Сделаем, — спокойно отозвался тот.

— Всё это хорошо, но как насчёт моего «но»? — вмешался помощник министра. — Что мы будем делать с Гранью?

— А вот теперь, когда мы пришли к выводу, что это действительно ключевой вопрос, предлагаю именно на нём и сосредоточиться, — кивнул Сэнд.

И обвёл взглядом всех присутствующих.

— Граница закрыта не для всех настрийцев, а только для светлых, — хмурясь, протянул Эдвин. — Её может пересечь любой тёмный. Для рыжеволосых она, как я понимаю, тоже не помеха.

— Да, — подтвердил Джой. — На рыжеволосых магия не действует, этот факт уже можно считать доказанным научно.

— То есть теоретически можно ввести в Оплот войско, состоящее из тёмных и рыжих солдат, — озвучил напрашивающийся вывод помощник министра.

— В этом случае я умываю руки, — отрезал генерал. — Проверенные воины, профессионалы — это одно. А войско, собранное исключительно по принципу цвета волос, — это не войско, а сборище неучей, которым по недоразумению раздали оружие. Они могут натворить что угодно. Тут я не обещаю ни успешное завершение операции, ни тем более дисциплину.

— А профессионалов тёмной и рыжей масти в стране недостаточно? — спросил Сэнд, тем самым давая обсуждаемой идее последний шанс.

— Нет, — отрезал генерал. — Большинство наших военных — светловолосые. И это не дискриминация, — добавил он, в упор глядя на Эдвина. — Население по большей части состоит из светлых, и это отражается на армии. К тому же магические способности светлых больше подходят для ведения боевых действий.

— Вспомнил бы об этом кто-нибудь двести лет назад, — буркнула я, но лишь мотнула головой в ответ на вопросительный взгляд генерала.

Сейчас было точно не время вспоминать старые конфликты.

— Можно ли найти магический способ аннулировать действие Грани? Или заставить её воспринимать светлых как тёмных? — спросила я, вспомнив давние рассуждения Брайана.

Тогда он давал мне понять, что это вполне возможно, оправдывая тем самым радикальные методы в борьбе против Настрии.

— Непохоже, — покачал головой Сэнд. — Во всяком случае, на подобную работу потребуются даже не месяцы — годы. И то без какой-либо гарантии на успех.

— В таком случае, — помощник министра развёл руками, — остаётся только один способ. Король Оплота может временно блокировать действие Грани. Так было сделано, когда вы, лорд Уилфорт, и вы, лорд Мэдисон, прибыли в Оплот с дружественным визитом. Стало быть, чисто теоретически, границу реально открыть и сейчас. Но сделать это, по имеющейся у нас информации, можно только из Замка Надежды.

— Причём почти никто не знает, как именно, — пробурчал Сэнд. — И что-то мне подсказывает, что ни король, ни Брайан Коллинз не вспыхнут желанием поделиться с нами сведениями.

— Думаю, это не понадобится, — объявил Роберт, неожиданно вставая. Мы все задрали головы: лорд Мэдисон был высок, и это особенно остро ощущалось сейчас, когда все остальные продолжали сидеть за столом. — Я знаю одного человека, который сумел проникнуть в Оплот, несмотря на свою светлую масть. Насколько я понимаю, без приглашения. Так что я отправляюсь этого человека разыскать. Если повезёт, в скором времени мы найдём способ провести за Грань нашу армию.

Пантера, одетая в невероятно элегантное тёмно — синее платье, сидела в кресле для посетителей, прислонившись к спинке плечом. Место напротив пустовало. Мужчины, каковых было двое, предпочитали стоять. Роберт Мэдисон и вовсе замер у ближайшей стены, скрестив руки на груди. Александр Уилфорт время от времени принимался неспешно расхаживать по комнате, но неизменно останавливался напротив посетительницы... или заключённой. Во всяком случае, посещение дворца Уилфорта в целом и этого конкретного кабинета в частности было не так чтобы добровольным. Хотя и официального ареста произведено не было.

— Итак, госпожа Пантера, надеюсь, вы осознаёте всю серьёзность своего положения? — произнёс Уилфорт. Обжог её холодным, чуть прищуренным взглядом, и вновь принялся мерить шагами кабинет. — Не скрою, ваша деятельность впечатляет. Однако для вас в этом нет ничего хорошего. Вы ограбили лорда Мэдисона, похитив у него, среди прочего, фамильную драгоценность.

Лорд Мэдисон стоял, не шевелясь, с непроницаемым лицом, и никакого участия в разговоре пока не принимал, как будто всё происходящее и вовсе его не касалось.

— Вы обманным путём получили у лорда Ковальди крупную денежную сумму, — продолжал Уилфорт. — И тем самым не только ограбили самого Ковальди, но и подорвали общественное доверие к благотворительным организациям.

— Благотворительные организации и не заслуживают общественного доверия, — спокойно заметила Иден. — Вы не находите? Кроме того, школу для сирот действительно строят в соответствии с моим планом.

— Но строите её не вы, — отрезал Уилфорт. — Зато вы проникли в дом леди Инмейр под видом гадалки и, убедив её в том, что гадаете на бриллиантах, заставили достать из сейфа уникальное в своём роде кольцо. Которое затем таинственным образом исчезло.

— Я предсказала ей скорые финансовые потери, — ответила Пантера таким тоном, будто сей факт полностью оправдывал её действия.

Уилфорт иронично вскинул бровь.

— Полагаете, что суд сочтёт кольцо адекватной платой за правильное предсказание? — поинтересовался он. — Вынужден вас разочаровать, госпожа Пантера. Суд может тысячу раз оценить красоту вашей игры, но за все перечисленные и опущенные мной художества вы получите весьма внушительный срок. И на этот раз вам не помогут никакие уловки.

Иден распрямила спину, откинула голову чуть назад, сверля Уилфорта внимательным взглядом и изредка переводя глаза на второго мужчину. Весь её вид говорил о собранности, что в сочетании с красотой, ловкостью и знаменитой хваткой этой женщины действительно

наводило на мысль о пантере.

— Ладно, давайте по существу, — поморщилась она. — Что вам от меня нужно?

Уилфорт вопросительно изогнул бровь.

Пантера поморщилась сильнее.

— Вы же не просто так затеяли всю эту душеспасительную беседу, — пояснила она, и не думая проявлять к собеседнику того уважения, которого требовал его ранг. — Так чего вы хотите? Не развлечения же втроём, в самом деле, — добавила она, вновь устремив мимолётный взгляд на Роберта Мэдисона.

— Не этого, — невольно усмехнулся Уилфорт.

Ничего похожего на подобное желание у него и вправду не возникало. Ему вообще не вполне была понятна тяга Роберта к этой женщине. Несмотря на то, что она была безусловно красива и чувственна. Возможно, слишком чувственна, на вкус Александра, который во всём предпочитал большую сдержанность.

— Буду с вами откровенен, — продолжил он. — Нам действительно кое-что от вас нужно, и если вы пойдёте нам навстречу, думаю, мы сможем договориться.

— Что именно? — деловито поинтересовалась аферистка.

— Нам нужно знать, как именно вы сумели проникнуть в Тёмный Оплот, — последовал ответ. — Во всех подробностях. Вы ведь светлая, не правда ли? Как вам удалось перехитрить Грань Безопасности?

Лицо Иден превратилось в каменную маску.

— Я никогда не бывала в Тёмном Оплоте, — заявила она.

— Вот как? — прищурился Уилфорт. — Стало быть, как я понимаю, сотрудничать вы не хотите. Ну что ж...

Он потянулся к колокольчику, предназначенному для вызова слуг — или, в данном случае, стражи.

— Постой. — Роберт мягко коснулся его плеча. — Позволь мне.

Уилфорт пожал плечами и демонстративно отступил, предоставляя другу возможность действовать.

Роберт взял стул, поставил его возле кресла Пантеры, сел и, подавшись вперёд, испытывающе посмотрел ей в глаза.

— Иден, — мягким, проникновенным голосом произнёс он. — Ты же очень умная женщина. И понимаешь, насколько нам важно найти сейчас общий язык. Неужели сохранить секрет проникновения в Оплот для тебя важнее?

— Я никогда не была в Тёмном Оплоте, — упрямо повторила аферистка.

Роберт взял её руку и коснулся губами тыльной стороны ладони.

— Была, — возразил он, продолжая удерживать ухоженную ручку. — Ты сама мне об этом сказала.

— Я просто хвасталась. Без оснований.

Роберт улыбнулся и качнул головой.

— Не верю.

Теперь его палец мягко скользнул по её щеке.

Иден прикусила губу. В сущности, ей не было так уж необходимо разводить таинственность. Просто она не любила раскрывать о себе правду. Это превратилось в привычку, а потом стало жизненным кредо. Она — женщина из ниоткуда, загадка, не имеющая прошлого, приходящая и исчезающая по собственному желанию. И сейчас, в присутствии Роберта Мэдисона, ей меньше всего хотелось нарушать собственные правила.

Однако и с выбором в данной конкретной ситуации было плохо. Понятно, что сейчас, когда в дело вмешался Уилфорт, так просто ей не уйти. Не так чтобы она была уверена в собственном проигрыше — о нет, до этого было очень далеко. Однако же риск был высоковат, и попытка договориться казалась оправданной.

— Я родилась в Оплоте, — нехотя призналась она наконец.

— Вы? Однако вы светлая, ведь верно? — тут же вмешался в разговор Уилфорт.

— Светлая, — кивнула Иден. — Если хотите, ваш друг это подтвердит. У вашего же короля родился тёмный принц, как недавно выяснилось. И светлые дети у тёмных родителей тоже порой рождаются. Правда, очень редко.

— Стало быть, вы — светлая дочь тёмных родителей, — задумчиво подытожил Уилфорт.

— Да.

— Однако живёте в Настрии?

— Так мне захотелось, — пожала плечами аферистка. — Светлые, рождающиеся в Оплоте, — редкость, и их, как правило, стараются привлечь к шпионажу.

— Привлекли и вас?

— Пытались, — поморщилась девушка. — Но я отказалась.

— Почему?

Похоже, Уилфорту действительно стало любопытно.

— Я никогда ни на кого не работаю, — жёстко ответила Пантера. — Только на себя.

— Что же случилось дальше?

— Спокойная жизнь в Оплоте тоже была не по мне. И я решила попытать счастья здесь, в Настрии. Это было очень давно. Мне тогда ещё не исполнилось и пятнадцати. Практически

сразу я стала заниматься тем, чем занимаюсь сейчас.

— Однако вы всё-таки вернулись в Оплот, как минимум один раз. Как вам это удалось?

— Грань пропускает светлых, которые родились в Оплоте, — объяснила Иден. — Не существует никакого способа перехитрить Грань, — добавила она, глядя Уилфору в глаза.

Хорошо понимая, насколько сильно его разочаровывает, и, следовательно, насколько существенно предоставляемая ею информация теряет в цене.

Мы с Эдвином стояли в коридоре, напряжённо ожидая результатов допроса Пантеры. Едва мы увидели лица Сэнда и Роберта, вышедших из кабинета, стало очевидно, что ничего обнадеживающего они не узнали.

— Значит, остаётся только один выход, — заключила я после того, как лорды поделились с нами полученной информацией. — Кто-то должен пробраться в Замок Надежды, отыскать «ключ» к Грани и открыть её для светлых, чтобы войско смогло пройти в Оплот.

— Пантера могла бы это сделать? — повернулся к Роберту Сэнд. — Чисто теоретически, если бы мы нашли способ убедить её этим заняться?

— Не знаю, — задумчиво протянул Роберт. — Не убеждён. Нет, заморочить голову она может кому угодно. А учитывая её способность к иллюзиям, быть узнанной в Оплоте ей не грозит, но...

— Правильно ли я понимаю, что светлая магия в Оплоте работает, в том числе и зрительные иллюзии? — перебила я.

— Да. — Вместо Роберта ответил Сэнд. — Мы сами это проверяли. И Пантера уже пользовалась иллюзиями на территории Оплота. Да и усиление звуков, использованное для приглашения пациентов, тоже сработало без проблем. Похоже, что в Оплоте «глушатся» исключительно порталы. Полагаю, это часть наложенной в своё время защиты, как и собственно Грань Безопасности. Так что ты говорил, Роберт? Что за «но»?

— Иден — светлая, — отозвался Мэдисон. — А Грань Безопасности — плод тёмной магии. И «ключ», открывающий её из Замка Надежды, — тоже. Не факт, что им способен воспользоваться светлый. Было бы более чем логично обезопасить Оплот, лишив светловолосых даже этой, последней, возможности снять защиту.

— Думаешь, «ключ» чувствителен к масти?

Роберт пожал плечами.

— Грань чувствительна. А «ключ»... Мы ничего о нём не знаем. Возможно, им способен воспользоваться любой, кто сумеет его отыскать. А может быть, только тёмный. Нам остаётся только гадать.

— Всё верно. — Я решила, что настала пора подать голос. — Именно поэтому в Оплот отправлюсь я.

— Ты?! — воззрился на меня Сэнд.

Я выдержала красноречивый его взгляд. На душе скреблись кошки, но неуверенности не было.

Собственное решение совершенно меня не радовало, но я точно знала, что иначе не смогу.

— Из твоих союзников я знаю Замок Надежды и его обитателей, как никто другой. — Я принялась объяснять своё решение, не дожидаясь более развёрнутого вопроса. — Я там жила. Конечно, никто не рассказывал мне, где находится «ключ», но, думаю, у меня неплохие шансы его найти. Во всяком случае, я хорошо представляю себе, в какие части замка простых смертных вроде меня не пускают. Кроме того, у меня богатый опыт вскрытия различных замков. Я умею бесшумно ходить и обладаю острым слухом. Первое качество приобретённое, второе — врождённое. Всё это делает меня оптимальной кандидатурой.

— Но в Замке Надежды тебя хорошо знают, — попытался ухватиться за соломинку Сэнд.

— Знают, — согласилась я. — Но если в Оплоте действует светлая магия, то это не проблема. Уверена, что найдутся специалисты по иллюзиям, которые сумеют качественно изменить мою внешность и голос. А на других вещах я сама постараюсь не попасться.

— Чушь! — воскликнул в сердцах Сэнд, напрочь растеряв свою обычную бесстрастность. — Набрать армию из темноволосых мы, может, и не можем, но это не значит, что кроме тебя не найдётся ни одного кандидата на роль агента!

— А надо ли искать? — тихо спросила я. Однако вдаваться в подлинный смысл своего вопроса не стала, возвратившись вместо этого к аргументам. — Я знаю Оплот, Сэнд. Знаю распорядок жизни в замке. Отлично представляю себе расположение комнат и коридоров, включая некоторые потайные ходы. Лично знакома со многими стражниками. И с неплохой степенью вероятности могу предсказать поступки и реакции Брайана Коллинза. Знаешь, почему у Брайана довольно плохо обстоят дела с агентурой в Настрии? Потому что люди, рождённые в Оплоте, слишком плохо представляют себе нюансы настрийской жизни. Точно так же тёмные агенты, которых ты отправишь в замок, не знают Оплот изнутри, и могут спалиться на какой-нибудь мелочи. Им ведь придётся действовать непосредственно под носом у Брайана, а Брайан ох, как умеет обращать внимание на мелочи. Так что отправить меня — это самый логичный ход.

— А если на мелочи спалишься ты? — мрачно полюбопытствовал Сэнд.

Роберт наблюдал за нами столь же мрачно, переводя взгляд то на меня, то на Сэнда, но в разговор не вступал.

— Значит, туда мне и дорога, — криво усмехнулась я. Однако моё лицо тут же снова приняло серьёзное выражение. — Я всё равно туда пойду, Сэнд, — тихо сказала я. — То, что случилось, — отчасти моя вина. Я теперь в ответе за этих людей.

— Я пойду с тобой, — уверенно сказал, приблизившись, Эдвин. — Я помогу ей, лорд Уилфорт. И постараюсь оградить от неприятностей, насколько это в моих силах.

— Уверен, что тебе стоит возвращаться туда после всего, что было? — осведомилась я.

— Абсолютно. Раз проблема внешности решена, меня ничто не останавливает. Я тоже считаю себя ответственным за судьбу Оплота. Да и вообще, я обещал вернуться.

— Чёрт бы побрал вас, тёмных! — взорвался Сэнд. — За всех вы отвечаете, всем вы должны! И никого не желаете слушать!

Эдвин смотрел на него с удивлением, Роберт — с мрачным, сочувственным пониманием. Мой

взгляд так и норовил устремиться в пол, но я всё-таки заставила себя встретиться с глазами Сэнда и легонько коснулась его руки.

— Всё будет хорошо, — пообещала я. — Главное — придумать предлог, под которым мы сможем попасть в замок. Остальное не так уж сложно. Я действительно очень хорошо знаю это место.

Сэнд лишь саркастично фыркнул в ответ на это моё обещание и возмущённо тряхнул головой. Но всё это свидетельствовало о том, что он пусть неохотно, но соглашается.

— Неизвестно, сколько времени вам на всё это потребуется, — недовольно пробурчал он наконец. — А ни одно заклинание иллюзорной внешности не продержится бесконечно. Вам понадобится человек, который сможет обновлять заклинание с определённой регулярностью. И есть только один человек, который способен и на светлую магию, и на проникновение в Оплот.

И он перевёл взгляд на Роберта.

— Значит, она это сделает, — ответил тот на невысказанный вопрос.

Первым с Пантерой побеседовал именно Роберт. Подробностей никто не знал, или, во всяком случае, они не дошли до нас с Эдвином. Однако Пантера вроде бы пообещала серьёзно обдумать данное предложение. В награду, разумеется, затребовала полную амнистию и солидный куш. Но это никого не смущало: того, что она станет работать за спасибо, никто и не ожидал.

Приняв за рабочую гипотезу предположение, что в конечном итоге Пантера даст согласие, мы стали работать над деталями. И вот теперь собирались встретиться впятером — мы с Эдвином, Сэнд, Роберт и Пантера, — чтобы некоторые из деталей обговорить. Операция разрабатывалась в строжайшем секрете. Даже охраняющая Пантеру стража дежурила не в кабинете, а снаружи, у двери.

На встречу я пришла раньше прочих — не считая Пантеры, которую, судя по наличию упомянутой выше стражи, уже привели. Немного поколебавшись, я вошла в кабинет. Пантеру я чисто инстинктивно не опасалась, зато мне было очень любопытно посмотреть на неё, дабы развеять последние сомнения: являлась ли она той самой женщиной, что помогла мне бежать с Бала Неузнанности?

Оказалось, что да. Хватило одного короткого взгляда. Всё же аферистка была не из тех невзрачных людей, которых трудно узнать после одной — единственной встречи. Что характерно, она тоже сразу же меня вспомнила, хотя моя внешность навряд ли являлась настолько же яркой.

— О, это ты! — весело констатировала она, с любопытством меня разглядывая.

Я кивнула, ответно улыбнувшись.

— Ну как, успешно тогда улизнала? — осведомилась Пантера.

— Благодаря вам — да, — вновь кивнула я. — Правда, если говорить честно, то ненадолго. Потом всё равно попалась.

— Какое совпадение! — рассмеялась аферистка. — Представь себе: я тоже. Попалась тому же, от кого улинула с бала.

— И я!

Пантера откинула назад белокурые волосы, а затем, подавшись вперёд и обхватив руками колени, принялась разглядывать меня с новым интересом.

— И за что тебя прижали? — любопытствовала она.

— За попытку убийства, — откликнулась я, не видя причин врать или увилывать от ответа. Вряд ли собеседница ответит мне чтением морали или уголовного кодекса.

Я оказалась права. Мой ответ вызвал никак не неприязнь. Скорее, удивление, смешанное чуть ли не с восхищением.

— Ого! — протянула Пантера, явно находившаяся под впечатлением. — Не ожидала. Ты что, наёмница?

Мне сразу припомнилась пробравшаяся к Сэнду сектантка. Воспоминание было неприятным, и я поспешно покачала головой.

— Скорее шпионка, — откликнулась я. — Ну, бывшая.

— Ну это понятно: все мы — бывшие, — подмигнула аферистка.

Как ни странно, желания спорить у меня не возникло. Тем более что в чём-то Пантера была права. В конце концов, в каком качестве я собиралась отправиться в ближайшее время в Оплот? Той же самой шпионки, пускай на этот раз и на другую сторону.

— А ты за что попалась? — любопытствовала я.

— За мошенничество, — со скучающим видом протянула девушка. Но затем лицо её озарилось лукавой улыбкой, и она с гордостью добавила, вытянув вверх указательный палец правой руки: — В особо крупной форме.

— Понятно, — кивнула я, отчего-то тоже не испытывая в связи с этим ни малейшей неприязни к собеседнице.

— И долго ты просидела? — поинтересовалась та.

— Не очень.

— Выпустили?

— Сбежала.

— Ну надо же! — Отчего-то мой ответ привёл аферистку в восторг. — Откуда, из тюрьмы?

— Не совсем. Меня держали под охраной во дворце у человека, которого я чуть не убила. Но не в тюрьме, и мне удалось уйти.

— С ума сойти! — воскликнула Пантера и продолжила обмен впечатлениями. — У меня ровно то же самое. Только я своего пыталась не убить, а ограбить. Зато успешно! А ещё мой меня

второй раз поймал, и я опять ушла.

— Даже не верится! — хмыкнула я. — Я тоже во второй раз ушла.

— Ну, правда, признаюсь по секрету, я ему немного поддалась, — доверительно сообщила Пантера. — Иначе он бы меня так легко не поймал.

— Да я, в общем, тоже во второй раз к нему сама пришла, — поделилась я, вспомнив нашу с Сэндом встречу в опере.

Аферистка со смешком откинулась на спинку кресла и в очередной раз окинула меня изучающим взглядом.

— Так ты, стало быть, шпионка? Профессиональная? Или так, хобби?

Вопрос так вопрос. Но почему-то позиционировать себя как шпионку в буквальном смысле слова не хотелось совершенно. Независимо от того, как относится к такой специальности собеседница.

— Не только, — уклончиво ответила я. — У меня есть второе занятие. Я чтица. Ну, можно сказать, сказочница.

— Хорошее дело, — заметила Пантера. — Я, между прочим, тоже обожаю сказки рассказывать. Мужикам, — добавила она и расхохоталась.

Её веселье передалось и мне.

— Слушай, так это ты податься в Оплот собираешься? — любопытствовала она после того, как мы вдоволь насмеялись.

— Я. С напарником.

— Понятно.

Продолжать тему Пантера не стала, я тоже решила, что лучше будет до прихода остальных обходить её стороной. И разговор возвратился в прежнее русло.

— Нет, вскрывать сейфы — это не комильфо, — разглагольствовала Иден, когда дверь распахнулась, и в кабинет вошли мужчины. — Куда лучше уболтать клиента так, чтобы он открыл свой сейф самостоятельно.

— Это потому, что ты любишь работать с людьми, — горячо возразила я. — А с сейфами, на самом деле, куда как спокойнее.

Мы дружно подняли одинаковые выжидательные взгляды на мужчин, в нерешительности замерших на пороге. Это заставило их выйти из оцепенения и всё-таки занять свои места.

— Итак, госпожа Пантера, — ровным голосом произнёс Сэнд, — у вас было время подумать над нашим предложением. Каково ваше решение?

— Зовите меня Иден, — предложила аферистка с ослепительной улыбкой, после чего игриво закинула ногу за ногу.

И бросила мимолётный взгляд на Роберта, вне всяких сомнений интересуясь его реакцией.

— Это ваше настоящее имя? — поинтересовался Сэнд.

— Нет, — всё так же ослепительно улыбаясь, откликнулась Пантера. — Но оно мне нравится.

— Так каков ваш ответ? — спокойно переспросил Сэнд, умышленно не используя при этом никакого имени.

Давал понять, что его решение в этом отношении будет напрямую зависеть от её слов.

— Хорошо, я согласна, — небрежно бросила Иден, таким тоном, словно речь шла пусть о досадной, но мелочи. — На определённых условиях, конечно.

Возможно, мне только почудилось выражение с трудом скрываемого разочарования на лице Сэнда? А может быть, он и правда до последнего надеялся, что Пантера откажется, и это вынудит нас отменить операцию? Ответственно делал всё, что мог, дабы операция благополучно состоялась, и тем не менее отчаянно надеялся, что это не произойдёт в силу независящих от него обстоятельств?

— Прежде, чем мы станем обговаривать эти условия, — медленно проговорил он, сверля аферистку тяжёлым взглядом, — я хочу прояснить один момент. Вам крайне не рекомендуется предавать наши интересы, оказавшись за Гранью Безопасности. Было бы крайне недальновидно с вашей стороны попытаться бежать или — тем более — переметнуться на сторону властей Оплота. Вы ведь хорошо понимаете, что мы сумеем вас разыскать после того, как вы повторно пересечёте Грань. Конечно, у вас остаётся вариант безвылазно сидеть в Оплоте. Но вы сами говорили, что такая жизнь не по вам. Кроме того, раньше или позже, но Грань мы преодолеем. Теперь это точно вопрос времени. А значит, в конечном итоге, мы достанем вас и там. И если по вашей вине пострадают другие участники операции, — Сэнд выдержал многозначительную паузу, — можете не сомневаться: вам придётся дорого за это заплатить. Скажу больше: даже если лорд Мэдисон попытается за вас заступиться, вас это не спасёт.

— Ладно, я всё поняла, — отмахнулась Пантера. — Можете не продолжать. И не беспокойтесь так сильно: своих я не предаю.

И она весело мне подмигнула, к немалому удивлению присутствующих мужчин.

— Однако, — деловым тоном продолжила аферистка, — вознаграждения это не отменяет.

— Сколько вы хотите? — бесстрастно осведомился Сэнд.

— Два миллиона, — просто ответила Пантера.

И наивно похлопала ресницами, в то время как лорды смотрели на неё во все глаза.

— Сколько? — приподняв брови, переспросил Сэнд.

— Два миллиона, — спокойно, но уже не так наивно повторила девушка. — А что вы так волнуетесь? Не из своего же кармана будете платить! Вся королевская казна к вашим услугам. Зато, — добавила она, обаятельно улыбнувшись Роберту и Сэнду, — заметьте, что я не краду эти деньги, а честно их зарабатываю. Так что можно считать, что благодаря вам я встала на путь исправления.

В тот момент в её милой, доброй улыбке было бы крайне сложно уловить признаки издёвки.

Глава 17

Очередной раскат грома взбудоражил притихший на ночь дворец. Вот только особого вреда он принести не мог: в спальне Александра Уилфорта и без него было беспокойно. Мы собирались лечь и уже переоделись ко сну, но Сэнд даже не подошёл к кровати. А сейчас, после того, как снаружи в очередной раз вспыхнула молния, а по ушам ударил громкий рокот, хозяин дворца подошёл к окну. И вместо того, чтобы удостовериться, плотно ли оно закрыто... распахнул его настежь. Высунулся наружу, под струи проливного дождя.

Я подошла, затянула его обратно и захлопнула окно. На полу успела образоваться лужа, светлые волосы Сэнда налипли на лоб. Стекавшая с них вода быстро намочила одежду.

Я обхватила его за плечи, игнорируя дождевую влагу, и, глядя в глаза, с нажимом заверила:

— Всё будет хорошо.

Он лишь усмехнулся в ответ. Невесело и без малейших признаков доверия.

— Правда. — Я легонько встряхнула его, словно стараясь избавиться от тоски и способствующего ей скептицизма. — Я буду очень осторожна. Предельно осторожна, обещаю!

— Ты лезешь в змеиное гнездо, — горько бросил Сэнд и, полуотвернувшись, вытер ладонями мокрое лицо.

— Да, — согласилась я. — Но я знаю это гнездо как свои пять пальцев. И сумею избежать укуса. — Я снова подошла и снова положила руки ему на плечи. — Я справлюсь, Сэнд. Поверь, я не авантюристка, как Иден, и не самоубийца. Я действительно буду действовать осторожно. От меня не так уж много и требуется. А Эдвин с Иден помогут. Ты же знаешь, какие махинации Пантера проворачивала в одиночку. А тут нас будет трое. Мы справимся.

— Даже если вы справитесь, — глухо откликнулся Сэнд, — с того момента, как откроются ворота, и до подхода к замку нам потребуется не менее трёх часов. И это при самом оптимистичном раскладе. Допустим, я не стану ждать, пока наши расправятся с пограничниками Оплота. Возьму с собой отряд и буду скакать во весь опор. Нам всё равно понадобится куча времени!

— А мы всё это время будем сидеть тише воды, ниже травы. Делая вид, что знать не знаем, что произошло, и отчего Грань неожиданно дала сбой.

— Это если вас не поймают на горячем.

— Постараемся, чтобы не поймали. И потом, ты ведь дал нам координаты, как связаться с твоими агентами в Оплоте. А у Эдвина есть выход на подполье. До вашего прихода у нас будет подмога. Пусть недостаточная, чтобы взять замок штурмом, но всё равно. Мы не будем одни.

Сэнд тяжело вздохнул и посмотрел куда-то в сторону. В свете очередной вспышки молнии мне почудилось, что в уголке его глаза сверкнула капля, но, может быть, это была дождевка, от которой он просто не успел избавиться?..

— Будь моя воля, я запер бы тебя здесь, во дворце, — глухо и одновременно с жаром произнёс он. — Ни за что бы не отпустил. Любой твой каприз исполнил бы. Перенёс бы в любое, самое

экзотическое место в мире. Только не в Оплот.

— Что же тебя останавливает? — спросила я, стараясь скрыть за улыбкой, насколько сильно меня тронули его слова, и насколько близка я теперь к тому, чтобы разрыдаться.

Сэнд грустно посмотрел на меня, потом отвёл взгляд и практически беззвучно вздохнул.

— Та подпись, — отозвался он, глядя в другую сторону. — Как ни крути, я чувствую, что с тех пор не имею права на тебя давить. Хотя, наверное, в результате я совершаю самую большую глупость в своей жизни.

Я крепко обняла его и прижалась щекой к его груди. Потом встала на цыпочки и тихо прошептала ему на ухо:

— Отпусти меня сейчас — и мы квиты. Забудь о той подписи. И можешь запирайте меня, сколько душе угодно.

— Даже не сомневайся, — грустно усмехнулся Сэнд, обнимая меня ещё крепче. — Больше ни на какую авантюру я тебя не отпущу. Даже если ты будешь топтать ногами, бить посуду о мою голову и обзывать меня последними словами.

— Договорились, — усмехнулась сквозь слёзы я.

— Боги, какого же чёрта я втянул тебя в эти политические игры?! — зло выдохнул Сэнд, прижимая меня к себе. — Ведь обещал же, что всё ограничится обучением принца!

— В политические игры меня втянул не ты, — убеждённо ответила я. — Это сделал Брайан. Ему и держать ответ... в самое ближайшее время.

— Да кто бы ни втянул! — почти выкрикнул Сэнд. — Будь проклята эта политика...

— Если бы не политика, я бы не приехала в Настрию, чтобы тебя убить! — напомнила я «на позитивной ноте».

Сэнд усмехнулся, на этот раз чуть веселее.

— Н — да, такое я, пожалуй, мог бы и не пережить, — признал он.

На следующее утро мы с Эдвином пересекли границу Оплота. Иден проникла туда за несколько дней до нас, и от неё не было никаких новостей. В этом смысле всё шло по плану: ей было важно не засветиться, да и передача информации из Оплота в Настрию стала в последнее время делом безумно сложным. Но всё равно, ясное дело, все участники операции беспокоились.

Сэнд, воспользовавшись порталом, перенёс нас с Эдвином почти к самой границе Кернского леса. Здесь мы с ним и простились. На сей раз коротко, без лишних слов и слёз. Одно короткое объятие, последний поцелуй — и он снова скрылся в дымке портала, как того требовали соображения конспирации. Всё было сказано вчера, наедине и под покровом ночи. Вся нежность, какую только можно себе представить, была отдана друг другу в уединённости супружеской спальни — которая пока ещё даже не называлась таковой. А слёзы... Их можно пролить и после.

К моменту перемещения мы с Эдвином выглядели иначе, чем обычно. Над нашей внешностью

(равно как и голосом) поработал высокочеловеческий королевский специалист по иллюзиям. Личины должны были благополучно продержаться четыре дня, а к истечению этого срока мы предполагали объединиться с Иден. С этого момента поддерживать иллюзии предстояло уже ей. Сама аферистка тоже проникла в Оплот под иллюзорной внешностью, дабы её не опознали после предыдущего визита. И, конечно же, новая личина обеспечивала ей тёмный цвет волос.

Первым делом мы миновали пост разбойников, и я испытала забавное чувство ностальгии. Дик и его люди по — прежнему выполняли обязанности привратников, и нас как желающих иммигрировать в Оплот проводили к Грани, снабдив при этом соответствующими случаям подъёмными. Раскрывать инкогнито мы в данном случае не стали.

Затем был переход за Грань, и нас препроводили в хорошо знакомую мне деревню. В столь же знакомом домике Анна заполнила для нас типовые анкеты, задавая стандартные вопросы. Мы хорошо знали, что отвечать.

В двух словах, легенда была следующей. Мы с Эдвином — брат и сестра, Эрик и Дейзи. Оба тёмные, родившиеся в Настрии. Родители светлые, но бабушка по материнской линии была темноволосой. Магический дар у обоих слабый и потому незначительный: у Эрика телепатический, у меня — обезболивающий. И то, и другое мы могли в случае необходимости продемонстрировать, но, как и следовало из легенды, в весьма ограниченном объёме.

Значительно важнее было другое. До недавнего времени мы с «братом» служили в особняке, в котором скрывался от народа наследный принц Настрии. К тёмному принцу решили приблизить тёмных слуг, и именно так мы оказались в столь высокой компании. Однако же за равных нас ни в коем случае не считали. Напротив, гнобили, как могли. Сам принц, несмотря на общую масть, презирал простолюдинов. К тому же, основательно настрадавшись от того, что родился тёмным, он перенёс свою ненависть на других представителей той же масти. Ну, а про светловолосых коллег и говорить нечего. Проявить в открытую мастевую неприязнь к наследнику престола они не могли, поэтому отрывались на нас. Меня постоянно зажимали в тёмных углах, пытавшегося заступиться Эрика нещадно били. Словом, светлых мы ненавидели, Настрию тоже. И теперь, когда принц переехал из особняка во дворец, а его секрет перестал быть секретом, мы стали никому не нужны. Это дало нам долгожданную свободу, и мы поспешили ею воспользоваться, перебравшись в Оплот.

Готовы на любую, самую чёрную работу, лишь бы подальше от светлых. А также готовы поделиться всей информацией, которой успели волею — неволею наслушаться, постоянно находясь поблизости от наследника.

Последнее было сказано якобы невзначай, но именно на эту деталь и делалась основная ставка. Брайан не мог не проглотить столь серьёзную наживку. И непременно захотел бы заполучить настолько ценных информаторов. Особенно сейчас, когда политическая обстановка накалилась до предела. Таков был наш расчёт. И мы не ошиблись.

За нами приехали на следующий же день. Правда, это был не Брайан. По — видимому, теперь, с учётом нынешней обстановки, он оказался завален делами и просто не мог себе позволить разъезжать по Оплоту на встречу с ценными кадрами. Поэтому в деревню прибыл один из его ближайших помощников. Также много улыбался, порасспрашивал нас о том — о сём и предложил проехать с ним в город. Пообещал, среди прочего, знакомство с самим королём. Мы с воодушевлением согласились.

Приехали мы сразу же в Замок Надежды. Нас более чем радушно препроводили в кабинет

Брайана. Тот буквально-таки сиял, протягивая руку для пожатия. Что характерно, мне он руку тоже пожал, целовать не стал. Возможно, предположил, исходя из моей истории, что проявление мужского внимания будет мне в данный момент неприятно. Просчитывать человеческие реакции Брайан умел хорошо.

Нашему с «братом» магическому багажу он уделил лишь самое минимальное внимание. Зато о жизни в особняке принца расспрашивал весьма подробно. Где этот особняк находится, какой там распорядок дня, как выглядит первая справа люстра в приёмном зале. Мы давали правдивые ответы касательно реального (и уже не засекреченного) особняка, так что ни разу не сбились и в показаниях не расходились. Затем пошли более интересующие Брайана вопросы касательно визитёров принца, попадавшихся нам на глаза документов и тому подобного. Разумеется, никто не ожидал, что слуг станут осознанно посвящать во все политические секреты, однако и пренебрегать знаниями тех, кто работал в личной резиденции наследника, не стоило.

Мы подбросили Брайану немного правдивой и, среди прочего, даже секретной, но не особенно существенной информации.

— Что вы можете сказать об обстановке в Настрии с точки зрения отношения к тёмным? — осведомился Брайан под конец нашего разговора.

Эдвин красноречиво поморщился.

— Ничего хорошего, — заявила я категоричным тоном глубоко обиженного человека. — Нет, на государственном уровне проблему пытаются замять. Точнее, сделать вид, будто её не существует. Как-никак тёмный принц. Но вот если смотреть на реальную обстановку, на то, как ведут себя люди в повседневной жизни... Всё осталось, как было. Мы для них люди второго сорта.

Брайан сочувственно покивал.

— А могли бы вы, например, поделиться с жителями Оплота своими наблюдениями? — спросил он затем.

— Поделиться — это с кем-то конкретным? — нахмурилась я и заёрзала на стуле, демонстрируя нервозность.

— Скорее с населением в целом. Например, если бы люди собрались на площади, чтобы поприветствовать вас как наших новых сограждан. Им наверняка будет интересно знать, как обстоят дела в Настрии. Услышать это не из уст политиков, а просто от очевидцев. Вы бы могли рассказать им всё как есть?

Похоже, рассказывать сказки — воистину моё предназначение...

— Думаю, что могли бы, — пожал плечами Эдвин.

— Только нам надо обязательно подготовиться, — добавила я. — Честно говоря... выступать перед большим количеством народа — это немного страшно. У меня совсем нет такого опыта. Я думаю, мы с братом могли бы составить приблизительный текст, и это поможет нам выступить.

Я улыбнулась, стараясь передать чувство неловкости.

— Отлично, — легко согласился Брайан. — В таком случае, составьте приблизительный текст, и покажите его мне перед тем, как мы организуем вам встречу с согражданами.

Ну вот и хорошо, удовлетворённо подумала я. Над текстом можно работать долго. А там, глядишь, и зачитывать его не понадобится.

— Ещё такой вопрос... — Брайан поглядел в свои записи и постучал по столу костяшками пальцев. — Вы сообщили при дворе, что уходите в Оплот? Так сказать, ушли, хлопнув дверью?

— Нет, — покачал головой Эдвин. — Мы не стали играть с огнём. Кто знает, чего от них можно было ожидать?

— Мы просто сказали, будто у нас заболела родственница, — подхватила я. — И что по этой причине мы уезжаем на неопределённый срок. А потребность в наших услугах всё равно отпала, так что с отъездом не возникло проблем.

— Стало быть, в сущности, вас не увольняли? — уточнил Брайан, и я хорошо поняла, куда он клонит.

— Нет, — синхронно ответили мы с Эдвином.

— Отлично.

Брайан кивнул своим мыслям. Видимо, в его голове уже родился план заслать нас с Эдвином обратно в Настрию, на сей раз в качестве шпионов. Однако делиться своими намерениями он не спешил.

— Ну что ж. — Брайан радушно улыбнулся. — Простите, что утомил вас своими расспросами.

— Ну что вы! — поспешил воскликнуть Эдвин. — Мы всё понимаем!

— Я очень этому рад. А теперь давайте перейдём к более приятному. Я бы хотел пригласить вас поужинать сегодня в обществе его величества.

— Ох! — Я всплеснула руками. — Это такая честь!

— Но не будет ли это... несколько самонадеянно с нашей стороны? — усомнился Эдвин.

— Ну что вы. — Брайан воистину был само радушие. — Король Оплота, в отличие от настрийского монарха, близок к своим подданным. Стало быть, договорились. Спускайтесь к семи часам в главную трапезную.

— Будет много гостей? — спросила я, изображая робость.

— Не слишком, — качнул головой Брайан. — Его величество, мой коллега Роберт Кеннингтон, некая леди Анетта Лорен, темноволосая меценатка, приехавшая к нам из-за границы, дабы поддержать Оплот. И ваш покорный слуга со своей невестой. Стало быть, всего нас будет семь человек.

На этом мы раскланялись, и нас с Эдвином сопроводили в личные покои. Я задумчиво шагала по коридору за двумя служанками. Стало быть, Брайан женится. Должно быть, на той самой девушке, за которой он в своё время ухаживал. Интересно, что она из себя представляет? Мне никогда не доводилось с ней встречаться. Нет, это была не ревность. И не ненависть тоже. С какой стати мне ненавидеть ту, чьей предшественницей в некотором роде являлась я сама?

Она могла оказаться какой угодно. Могла полностью разделять взгляды Брайана и одобрять его методы. Могла, напротив, быть невинным цветочком, ничего не знающим о его делах. В этом и заключалась причина моего интереса. Мне было любопытно.

В наше распоряжение предоставили две смежные комнаты в северном, жилом, крыле замка, и оставили одних. Ну, это мы должны были так думать, что одних. Мне же эти комнаты были хорошо известны. И я отлично знала, что в той из них, где находились сейчас наши вещи, за настенным ковром скрывалось небольшое окошко, через которое можно было прекрасно слышать всё происходящее внутри. Поэтому, едва горничные покинули комнату, я подала Эдвину условный знак, приложив к поверхности стола безымянный и указательный пальцы правой руки.

— Что скажешь, Дейзи? — спросил он, кивая и присаживаясь на диван. — Как тебе все эти перемены?

— Неожиданно, — усмехнулась я. — То есть... совсем неожиданно. После вчерашнего ночлега я готовилась совсем к другому. А тут — ужин с королём? Как думаешь... — я выдержала небольшую паузу, — ... он будет сильно отличаться от Джеймса Настрийского?

— Наверное, — задумчиво откликнулся Эдвин. — Конечно, судить пока рано. Но Джеймс уж точно никогда не пригласил бы таких, как мы, на ужин.

— В Настрии мы были людьми второго сорта, — напомнила я. — А здесь — вроде как нет.

— И всё равно мы — не более чем иммигранты. Неужели здесь всех так тепло встречают?

— Не знаю... — протянула я.

Внезапно «Эрик» усмехнулся.

— А может быть, король просто увидел тебя где-нибудь в коридоре и был очарован твоей красотой, — поддел «сестру» он. — Вот и позаботился о том, чтобы тебя пригласили на ужин. Ну, а меня — так, заодно.

Я тихонько рассмеялась.

— Не говори ерунды. Да и не хочу я мужского внимания после всего. Сам понимаешь.

Словом, мы немного поболтали на публику, после чего разошлись по своим комнатам раскладывать вещи (коих, впрочем, было мало) и отдыхать. Но, заглянув в скором времени к Эдвину, я обнаружила, что он стоит у распахнутого окна, опираясь о подоконник правой ладонью и держась левой рукой за раму. Что-то это означало, но я понятия не имела, что. Понимала только, что увидеть его можно издалека, и что таким образом он либо передаёт своим соратникам некую информацию, либо задаёт собственный вопрос. Во всяком случае, речь не шла о самом факте нашего появления в замке. Об этом, насколько я успела выяснить, подпольщики должны были узнать по другим каналам связи.

На ужин мы спустились без пяти семь, сочтя, что как гости низкого ранга должны прийти пораньше. Однако, как ни странно, практически все спустились в зал в это самое время.

После непродолжительных приветствий и заверений в том, как нас рады видеть, гости и хозяева расселись за столом. Угощение было более чем богатым, однако меня значительно

больше интересовали участники трапезы.

Разумеется, большинство из них уже были мне знакомы. Это касалось всех присутствующих мужчин: моего спутника, Брайана, Роберта Кеннингтона и Луиса Пятого. Последний выглядел, как и всегда — молодой худощавый сероглазый мужчина, необычно бледный для тёмного и будто стремящийся компенсировать эту бледность ярким костюмом с всевозможными побрякушками.

Женщины представляли для меня большой интерес. Собственно, помимо меня, их было всего две. Обворожительная Анетта Лорен выглядела чрезвычайно соблазнительно. Это была вынуждена признать даже я, женщина самой что ни на есть традиционной ориентации. Чувственная, изящная, с пластикой кошки, в роскошном наряде, обнажающем многие части тела, но одновременно оставляющем и место для загадки, с длинными чёрными локонами, прикрывающими оголённую сверху спину.

Разумеется, внешне она никак не походила на Иден, известную также под именем Пантера. Но, точно зная, что это именно она, можно было... не столько даже увидеть, сколько почувствовать сходство. Так что в кольце с крупным голубым камнем, надетом на средний палец «меценатки», даже не возникло особой необходимости.

Удостоверившись в том, что под личиной Анетты скрывается именно Пантера, я успокоилась, и с этого момента наиболее интересным для меня человеком в этой компании стала на время невеста Брайана. Девушка разительно отличалась от Иден, неважно, который из известных мне обликов последней брать для сравнения. Одета она была просто, хотя наверняка Брайан мог бы обеспечить свою избранницу самыми роскошными нарядами. Длинное тёмное шерстяное платье и никаких украшений, кроме серебряной заколки в волосах. Загорелая кожа, заметно огрубевшая на руках. Лицо довольно приятное, но не носит того отпечатка чувственности, что у Иден. И черты более резкие.

Держалась девушка отстранённо, всё больше молчала, либо односложно отвечала на вопрос. Спокойно села рядом с Брайаном, взялась за бокал, затем за вилку и, кажется, интересовалась собственными мыслями значительно больше, нежели сотрапезниками. В целом невеста Брайана, представленная как Тамира, скорее понравилась мне, чем нет. Но это не более чем первое впечатление. Посмотрим, как пойдёт дальше.

— Как вам понравился город? — спросила у нас с Эдвином Иден с такой ослепительной улыбкой, будто она сама этот город строила.

— Честно говоря, мы почти ничего не успели увидеть, — смущённо ответила я.

Мне показалось, что расточать направо и налево похвалы Оплоту было бы слишком «сладко» и потому недостаточно достоверно.

— Ну ничего, ещё обязательно увидите, — заверила «меценатка», — Впрочем, должна признать, что я и сама побывала пока не везде, хоть и приехала четыре дня назад. Всё дело в том, что здесь, в замке, тоже масса всего интересного.

И она многозначительно коснулась рукава его величества, рядом с которым сидела и от которого вообще почти не отдалялась в течение всего вечера. Король этим фактом был явно доволен, проявляя к своей гостье искренний (и довольно-таки недвусмысленный) интерес.

— Конечно, здесь непросто живётся, и климат не слишком лёгкий. — Даже говоря о более серьёзных вещах, Иден продолжала виртуозно поддерживать беседу. — Однако этот же климат

способствует весьма интересным природным явлениям. И растительность здесь встречается такая, какую не найти ни в Настрии, ни в других близлежащих странах. Не так ли, дорогая?

Её последние слова были отчего-то устремлены к Тамире. «Дорогая» согласно кивнула, не проявив при этом никаких эмоций и совершенно не стремясь поддержать беседу. Впрочем, Иден это ничуть не смутило, и она с лёгкостью переключилась на нас с Эдвином.

— Может быть, расскажете нам немного о настрийской столице? — предложила она.

Я вопросительно взглянула на Эдвина, но он, кажется, даже не расслышал слов «меценатки». Времени раздумывать над невнимательностью спутника не было, и я занялась тем, чем пренебрегла невеста Брайана, — поддержанием беседы.

— А какого рода информация вас интересует?

— Я полагаю, сейчас не время и не место для обсуждения проблем. — Иден сочувственно взглянула на Луиса и как бы невзначай накрыла его руку своей ладонью. Мне бросился в глаза ярко — алый цвет ухоженных ногтей. — Почему бы вам не побаловать нас рассказом о самых последних сплетнях?

Она подмигнула, заговорщицки улыбнувшись.

— Думаю, кое-что найдётся, — ответно улыбнулась я, делая вид, что расслабилась, поняв, в каком направлении движется разговор.

Покосилась на Эдвина, которые по — прежнему был как будто немного «не здесь». В общем, это не беда: вполне логично, что пересказывать сплетни станет не брат, а именно сестра.

— Ну вот, например, есть совсем свежая история про леди Кронг, — приступила я. Лицо моё выражало удовольствие и одновременно смущение, что свойственно многим сплетникам: дескать, я вроде бы и понимаю, что сплетничать нехорошо, но это не мешает получать наслаждение от процесса. — Вы представляете, — я понизила голос и расширила глаза, заставив слушателей с любопытством податься вперёд, — оказалось, что она замужем за двумя мужчинами одновременно!

Будь я истинной сплетницей, несомненно, осталась бы довольна произведённым эффектом. В частности, Иден всплеснула руками и шумно выдохнула.

— Как же так?! — воскликнула она. — И что же, они знали друг о друге?

— В том-то и дело, что нет, — сообщила я, вновь интимно понизив голос. — Она сначала вышла замуж за одного, а два года спустя, в другом городе — за второго. Собственно за лорда Кронга. И умудрялась в течение многих месяцев жить на два дома. Как утверждают соседи, с обоими супругами — душа в душу.

— Удивительно! — выдохнула Иден.

— Вы находите? — неожиданно вступил в разговор Эдвин. — А по — моему, ровным счётом ничего удивительного здесь нет. Всё в рамках женской натуры.

— Что вы хотите этим сказать? — полюбопытствовал Кеннингтон.

Иден кивнула, показывая, что она вся внимание.

— Женщинам вообще не свойственна преданность, — пожал плечами Эдвин. — Они ветрены по своей природе. Хранить верность одному мужчине не в их характере. Разве не так? — спросил он, глядя почему-то на Тамиру.

Девушка оторвала взгляд от синей каймы на тарелке и удивлённо повела плечом, не поняв интереса к своей персоне.

— Полагаю, что все женщины разные, — спокойно ответила она.

— Да? Вы так думаете? — В голосе Эдвина слышался сарказм. — А мне кажется, вы кривите душой. Исключения из упомянутого мной правила крайне редки.

Недоумевающая, откуда такой прилив совершенно неуместного красноречия, я надела ему на ногу носком туфли. Но Эдвин внимания на этот приём не обратил.

Тамира снова пожала плечами. Похоже, разговор начинал её утомлять.

— Я не отвечаю за всех женщин, — заявила она, давая понять, что на этом её участие в дискуссии закончено.

— Ого, да у нас здесь, похоже, появился настоящий женоненавистник!

Иден говорила так восторженно, что, казалось, ещё чуть — чуть — и она захлопает в ладоши.

— Вовсе нет, — возразил Эдвин. — Просто я наблюдателен и умею признавать очевидные факты.

— И что же, ваши наблюдения говорят о том, что все женщины ветрены? — полюбопытствовала «меценатка».

— Именно так, — согласился Эдвин, и его взгляд вновь отчего-то устремился к Тамире.

— А как же ваша сестра? — чуть насмешливо осведомился Брайан.

Эдвин смешался, но лишь ненадолго.

— Я ведь признал, что исключения бывают, — заметил он. — Просто они достаточно редки.

— Пожалуйста, не обращайтесь внимания на моего брата, — вмешалась я и сильнее надавила ему на ногу. Пришло время брать ситуацию под контроль. — Просто его бросила девушка и... сами понимаете. Неудачный опыт. Теперь он обозлился на весь женский род. Со временем это, несомненно, пройдёт.

Я надеялась, что такое объяснение поведения Эдвина прокатит.

— Что с тобой творится? — прошипела я ему на ухо. — Прекрати, ты ставишь всё под угрозу!

— Прошу прощения. — То ли Эдвин прислушался к моим словам, то ли сам понял, что хватил лишнего. — Дейзи права. У меня действительно есть неприятный опыт. Правда, это не означает, что я неправ, — добавил он, всыпав в свои оправдания очередную порцию упрямства.

Наступила тишина. На Эдвина смотрели кто с участием, кто с любопытством. Тамира вновь смотрела куда-то в сторону. Во всяком случае, подозрительности я в присутствующих не

заметила. Уже хорошо.

— Простите, что вмешиваюсь не в своё дело, — проговорил Брайан. — Но та девушка... Какой она была масти?

Эдвин поднял на него затуманенный взгляд.

— Светлой, — ответил он после секундной задержки.

— Тогда всё понятно. — Брайан сочувственно улыбнулся. — Вы сделали правильный вывод, молодой человек, просто неверно обобщили. Дело не в женском роде. Дело в светлой масти. Светлым, к сожалению, действительно не свойственна преданность. Конечно, исключения есть и здесь, но это — не более чем исключения. А девушки бывают самые разные. Уверен, со временем вы поймёте, что наши, оплотские, девушки способны и на преданность, и на порядочность.

Эдвин склонил голову, выражая таким образом нежелание спорить.

— Главный вопрос — используют ли они в реальности эту свою способность, — пробубнил он на грани слышимости.

Мы с Иден поспешили вернуть разговор к тематике сплетен. Пантера расстаралась во всю, я помогала по мере сил, так что, надеюсь, о странном поведении «брата» все в скором времени забыли.

Немного позднее мужчины отправились в один из соседних залов, чтобы полюбоваться на королевскую коллекцию оружия. Мы же остались втроём, в чисто женском кругу, и, выйдя из-за стола, расположились полукругом на мягкой кушетке без спинки и столь же мягком табурете.

— Чем вы занимались в Настрии, госпожа Дейзи, если, конечно, это не секрет? — светским тоном осведомилась Иден.

Я покосилась на неё и прикусила губу, изображая неловкость.

— О, простите, наверное, это был бестактный вопрос! — Пантера весьма искусно изобразила расстройство. Забавно. Спектакль двух актёров ради одного зрителя. — Поймите меня правильно, госпожа Дейзи, вам ровным счётом нечего стесняться! В этом особенность Оплота, за которую я так люблю эту страну. Здесь все равны. Совершенно неважно, чем именно каждый из нас зарабатывает себе на хлеб. Вот возьмите, например, меня. — Она чуть наклонилась вперёд, заставляя нас так же приблизиться. — Когда-то я начинала с работы модисткой. Да — да, — торжественно подтвердила она свои слова, не без удовольствия наблюдая наше удивление. — А потом удачно вышла замуж. Вернее, нет, — немного подумав, скорректировала Иден. — Замуж я вышла не слишком удачно. Но очень удачно овдовела.

Я захихикала, и даже Тамира позволила себе криво усмехнуться.

Такое начало подвигло и меня дать «честный» ответ на вопрос.

— Я была в особняке чем-то средним между камеристкой и дизайнером. Дело в том, что штат был совсем небольшой, из-за необходимости сохранить тайну принца. Поэтому почти все выполняли больше одной обязанности.

— Надеюсь, платили хотя бы соответственно? — деловито осведомилась Иден.

— Да, — подтвердила я. — В этом плане я не могу предъявить настрийцам претензию. А вы, леди Тамира? — повернулась к девушке я. — У вас была какая-то профессия, прежде чем вы стали невестой Брайана?

Поведение Эдвина заставило меня заинтересоваться этой девушкой, и я подумала, что такой вопрос в контексте заведённого Иден разговора не прозвучит подозрительно.

— Просто Тамира, — поморщившись, сказала девушка.

— В Оплоте не приняты церемонии, — с улыбкой пояснила Иден.

— Я — травница, — продолжила Тамира. — И не вижу причин, чтобы замужество как-то влияло на род занятий.

Травница... У меня в голове словно раздался щелчок, когда разрозненные кусочки информации сложились, наконец, в единую картину. Сначала Эдвин так активно защищает оплотских травников на совещании. Непропорционально активно, словно знает кого-то из них лично. Потом упоминает, что задержался в Настрии и должен вернуться (хотя тогда казалось, что речь идёт об исключительно политических соображениях). И вот теперь столь странная агрессивность по отношению к травнице, собирающейся стать женой Брайана Коллинза.

Когда вечер подошёл к концу, и мы с Эдвином возвращались в свои комнаты, я тихо прошептала ему на ухо:

— Обсудим ситуацию завтра в саду. Не наделай глупостей.

Напарник был мрачен, но это не помешало ему согласно кивнуть.

Сад действительно был идеальным местом для разговоров, не предназначенных для посторонних ушей. Точнее сказать, отдельные его части. Те, где густая растительность не заслоняла обзор и, следовательно, не позволяла спрятаться потенциальному слушателю. К тому же стремление новых гостей посмотреть на сад выглядело со стороны более чем естественно. Единственное, чего я опасалась, — это решения кого-нибудь из гостеприимных хозяев навязать нам своё общество. Но, к счастью, обошлось. То ли Брайан был слишком занят, то ли просто не счёл данную меру необходимой.

Пройдя вглубь сада по усыпанной гравием дорожке и в должной степени удалившись от той тропинки, что огибала замок, я огляделась и наконец заговорила о наболевшем.

— Что у тебя было с невестой Брайана?

Эдвин откровенно поморщился, не столько от сути вопроса, сколько от эпитета, который я применила к Тамире.

— Ничего значимого, — ответил он, отворачиваясь.

— Вот как? — изогнула брови я. — И когда же произошло это «ничего значимого»?

— Незадолго до нашего с тобой знакомства, — буркнул он.

Ну что ж, кое-что становилось понятно. Учитывая то состояние, в котором пребывал Эдвин на

момент нашего знакомства, а также профессию Тамиры.

— Послушай, Эдвин, я совершенно не хочу лезть в чужие дела, — поморщилась я. — Но пойми меня правильно: сейчас слишком многое на кону.

— Знаю, — согласился он. — Я буду держать себя в руках.

Растительность стала более буйной, и мы продолжили прогулку молча. Эдвин вёл меня под руку, как хороший брат — нежно оберегаемую сестрёнку. Очередной поворот извилистой дорожки — и мы совершенно внезапно увидели Тамиру, сидевшую на короткой скамейке. Видимо, девушка, как и мы, искала уединения: место, где оно устроилась, не просматривалось ни с одной из сторон, если только не подойти непосредственно к нему по случайно выбранной нами тропинке. Травница вертела в руках широкий лист какого-то незнакомого мне растения.

— О, простите! — воскликнула я, после того, как мы с «братом» резко остановились от неожиданности. — Мы не хотели мешать вашему уединению. Просто гуляли по саду и оказались в этой его части совершенно случайно. Правда, Эрик?

Эдвин пробурчал нечто неразборчивое, но должное восприниматься как положительный ответ.

— Что вы, всё в порядке, — вежливо улыбнулась Тамира. — Это я, должно быть, расположилась в не совсем удачном месте. Ещё не привыкла к замку и его особенностям.

— Ну, полагаю, у вас будет для этого много времени.

Я поморщилась. Вроде бы со словами Эдвина всё было в порядке, но уж больно ощутимая сквозила в них неприязнь. А травница не настолько глупа или невнимательна, чтобы не обратить внимания на его интонации.

— В самом деле, у вас вся жизнь впереди! — радостно подхватила я, стремясь исправить впечатление. — Кстати, когда состоится свадьба?

— Через два дня.

Голос Тамиры прозвучал столь бесстрастно, будто речь шла не о бракосочетании её шестилетней сестры, которую она и в жизни-то никогда не видела.

— Что ж, примите наши самые искренние поздравления! — Я была сама любезность. — Ещё раз простите, что потревожили. Пожалуй, мы пойдём.

Я повернулась к Эдвину за поддержкой.

— Да — да, — сразу же согласился он. — Я думаю, нам вообще стоит заканчивать прогулку. Этот сад оказался не таким приятным местом, как казалось вначале.

Бросив на Тамиру последний и, увы, неприязненный взгляд, он пошёл прочь по тропинке, увлекая меня за собой. Мне оставалось лишь послать девушке прощальную, извиняющуюся, улыбку.

— Прости, — хмуро бросил Эдвин. Он смотрел прямо перед собой, поэтому моего укоризненного взгляда, скорее всего, не видел, но отлично понимал, что в очередной раз не сдержался. — Просто она обещала ждать.

Он не стал развивать эту мысль: и так всё было понятно.

— Тебя долго не было, — заметила я.

Сколько времени прошло с того дня, как мы пересекли Грань и оказались на территории Настрии? Не так-то просто было сразу сообразить. Я успела побродить по стране, вернуться как раз вовремя, чтобы вытащить Сэнда из лап наёмной убийцы, стать наставницей Джеймса, принять участие в разработке новой настрийской политики... Месяца два, не меньше. Всё это время от Эдвина в Оплоде не было ни слуху, ни духу. Так ли удивительно, что девушка не сочла разумным ждать его гипотетического возвращения?

— Знаю, — кивнул он. — Но я вернулся так быстро, как мог. И если бы она хотя бы выбрала кого-то другого! Но Коллинз... Я ведь рассказывал ей про него. Но она всё равно не поверила. Стало быть, он значил для неё слишком много.

Я сочувственно посмотрела в спину напарнику, продвигавшемуся по саду более быстрым шагом. Я знала его историю: он успел рассказать обо всём нам с Сэндом. Следовательно, и Тамира была в курсе, что Брайан стал для Эдвина фактически палачом. Не захотела верить? Сочла, что это не имеет значения, поскольку Эдвин — «предатель родины», а, следовательно, так ему и надо? Так сильно любила Брайана, что просто забыла обо всём прочем? Я скривила губы: слишком приторно звучала последняя версия. Да, я лучше многих знаю, насколько хорошее впечатление умеет производить Брайан. Каким он может быть приятным собеседником, обаятельным ухажёром, да и, что уж там скрывать, отличным любовником. Но на влюблённую дурочку Тамира не походила никак. А может, этот брак построен на голом расчёте? Жизнь в Оплоде, мягко говоря, нелегка. И если тебе делает предложение человек, живущий в самом Замке Надежды, правая рука самого короля, по сути — лорд, способный радикально изменить всё твоё существование... При этом молодой, красивый, обаятельный мужчина... Да многие ли девушки отказались бы? И можно ли хоть одну из них винить в готовности согласиться?

Разговаривать наедине, быть может, и было о чём, но было столь же очевидно, что момент сейчас для этого неподходящий. Так что мы покинули сад и просто поднялись в свои комнаты. Здесь я всё-таки подошла к настенному ковру и, сделав Эдвину знак не шевелиться, прислушалась. Потайное окошко давало шпионам возможность подслушивать наши разговоры, но оно же имело и обратную силу. Пользуясь своим острым слухом, я была вполне способна определить, стоит ли кто-нибудь с той стороны. Рано или поздно шпионов выдавало дыхание. На этот раз за стеной никого не оказалось.

— Можем отдохнуть, — сказала я, отходя от ковра.

Это была своего рода кодовая фраза, означавшая отсутствие слежки. На всякий случай мы всё-таки предпочитали не откровенничать вслух без крайней необходимости.

Только мы устроились в комнате (Эдвин уселся на стул, я забралась с ногами на мягкий диван), как в дверь постучали. Я выразительно поморщилась, но затем весьма любезным тоном предложила стучавшемуся войти. В комнату проскользнула горничная — дородная черноволосая женщина лет сорока, в тёмно — синем платье, белом переднике и белой же косынке. В руке она держала щётку для пыли.

— Господин. Госпожа. — Она поприветствовала нас двумя реверансами.

— Здесь уже делали уборку сегодня утром, — не без раздражения бросил Эдвин, —

— Я пришла не ради уборки, — заявила горничная и, немало нас удивив, отложила щётку на подлокотник кресла.

— А ради чего, в таком случае? — нахмурился Эдвин. — О напитках мы тоже не распорядились.

Впрочем, он и сам понимал, насколько маловероятно последнее предположение, учитывая, что ничего, напоминающего поднос с напитками, горничная не принесла.

— Ради совсем другого, — глубоким, томным голосом произнесла женщина, после чего решительно шагнула в сторону Эдвина.

При этом в его взгляде было что-то от хищного зверя, обнаружившего добычу. Во всяком случае, так показалось не только мне, поскольку Эдвин поднялся с кресла и стал по стеночке отодвигаться от горничной подальше. Однако же куда ему было до её напора? Настигнув Эдвина в два прыжка, женщина нависла над ним и интимным тоном сообщила:

— Наверное, вы не обратили на это внимания, но я присутствовала на вчерашнем ужине. Вы тогда сказали, что ненавидите женщин.

— Я выразился иначе, — поспешно покачал головой Эдвин, заодно прикидывая, как бы ускользнуть от горничной.

Увы, возможности сделать это тактично она не оставила, а совсем уж невежливо отталкивать женщину напарнику не позволяло воспитание.

— Это неважно, — прошептала она, тяжело дыша. — Я поняла, что необходимо доказать вам, насколько хороши бывают женщины. Чтобы вы раз и навсегда изменили мнение о женском поле, вам необходимо пообщаться с нами поближе.

— С — со всеми поближе? — на всякий случай уточнил Эдвин.

— Будет достаточно только со мной, — заверила горничная.

Эдвин вжался в стену. Двинуться с места ему не позволяло оружие женщины — вернее, два её оружия, в районе которых с большим трудом застёгивалось платье.

Я на всякий случай переместилась к настенному ковру и повторно прислушалась. С той стороны по — прежнему царил тишина.

— Иден? — осведомилась я по окончании этой проверки.

— Ну, я так не играю, — расстроено протянула «горничная», разом теряя к Эдвину всякий интерес. — Меня ещё ни разу так быстро не вычисляли.

— Я просто знала, что именно вычислять, — успокоила аферистку я.

— Нельзя же так издеваться над людьми, — проворчал Эдвин, с облегчением утирая пот со лба и падая в кресло.

Пантера, по — прежнему в облике дородной горничной, вольготно расположилась в кресле напротив.

— Небольшая встряска тебе не повредит, — без малейших угрызений совести заметила она. —

Особенно после вчерашней выходки.

— Давно ты здесь? — поинтересовалась я.

— Три дня, — отозвалась Иден.

Говорили вполголоса, в качестве дополнительной меры предосторожности.

— Хорошо, что вы приехали, — продолжала она. — А то здесь такая скука. — Она выразительно закатила глаза. — Один раз пробраться в этот замок было интересно, но второй раз — уже перебор. Луис совершенно неинтересен, даром что король, такого я бы обработала за полчаса. Кеннингтон — воплощение скуки, Коллинз — уже отработанный материал.

— Но выбрала ты, как я понимаю, короля? — уточнила я.

— А кого ещё? — пожала плечами Иден. — Всем здесь заправляет Коллинз, но с ним я уже как-то раз дело имела. К тому же он как раз собирается жениться, так что в данный момент обрабатывать его может быть рискованно. А Луис — он, как ни крути, король.

— Кстати, по поводу брака Брайана, — не удержалась от вопроса я. — Ты что-нибудь об этом знаешь? Как давно они надумали жениться? С какой целью? Что там — взаимные чувства, расчёт, что-то другое?

Эдвин так и впился глазами в аферистку, даже не притворяясь, будто ему неинтересен ответ.

Увы, особо ценной информации у Иден не было.

— К браку стали готовиться недели три назад, тогда девчонка и переехала в замок, — сообщила она. — Большого сказать, пожалуй, не могу. Кроме того, что девочка от перспективы не в восторге, но это, по — моему, и так очевидно. Хотя почему — вот, пожалуй, вопрос на сто миллио...

— Почему очевидно? — жадно перебил её Эдвин.

Мы с Иден переглянулись.

— А что, разве так непонятно? — изумилась она.

— Если бы ты наблюдал повнимательнее, то сам бы это увидел, — обратилась к напарнику я. — Меньше всего Тамира походит на счастливую невесту. По — моему, за всё это время она даже ни разу не улыбнулась.

Эдвин несколько неуверенно повёл плечом.

— Вообще-то это просто не в её духе, — проговорил он. — Она по характеру не самый улыбчивый человек. Чувства держит внутри, а вести себя предпочитает по — деловому.

— До такой степени, что даже свадьба со вторым человеком в Оплоте не заставляет её изменить привычке? — фыркнула я.

— Даже с первым поправила Иден.

— Вот именно.

Взгляд Эдвина устремился в пространство и расфокусировался. Видимо, напарник начал самостоятельно сопоставлять наши слова со своими наблюдениями.

— Предлагаю перейти от лирики к делу, — заявила Иден.

Я в очередной раз на цыпочках приблизилась к ковру и прислушалась. Затем возвратилась на своё прежнее место.

— Обновишь наши личины?

— Уже, — усмехнулась Пантера.

Я одобрительно хмыкнула.

— А по поводу того, где находится... хм... интересующий нас предмет? Есть какие-нибудь предположения?

— Ничего конкретного. Я здесь недавно, и внимания ко мне много. Лишняя суета нежелательна. У вас есть свои намётки?

Я кивнула.

— Думаю, вариантов два. Либо личные покои Луиса, либо подвалы. При других вариантах я бы знала хоть что-то.

— А личные покои Коллинза? — выдвинула предположение Иден.

— Вряд ли. Я там бывала... немало. Знаю их хорошо. Даже сейф его самый потайной, с кодовым замком, — и то вскрывала. Там только записи. К тому же «ключ» создавался не сейчас, не при Брайане и Луисе, а двести лет назад. Наверняка его установили там, где до него удобнее всего добраться королю. Либо там, где он надёжнее всего защищён. Это вариант с подвалами.

— В подвалах, как ни странно, ходит довольно-таки много народу, — вмешался Эдвин. — Заключённых переводят с места на место, охраны полно, слуги заглядывают в погреба. Всё, конечно, возможно, но если «ключ» там, значит, к нему отдельный ход ведёт. Иначе рано или поздно кто-нибудь что-нибудь бы заметил.

Спорить тут было не о чем. С замковыми подвалами напарник, увы, познакомиться успел.

— Как будем действовать? — спросила я. — Если обыскать королевские покои можно хотя бы чисто теоретически, то «перерыть» все подземные этажи — никак.

— Тут всё как раз понятно: спровоцировать, — небрежно передёрнула плечами Иден.

Лёгкие, изящные движения очень плохо вязались с обликом грузной горничной.

— Ты имеешь в виду — заставить их подойти к «ключу»? Каким образом? Вынудив пригласить в Оплот кого-то из светлых?

— Думаю, можно поступить проще, — возразил Эдвин. — Достаточно пустить слух о том, что кому-то из светлых удалось проникнуть в Оплот. Тогда они непременно решат проверить, всё ли в порядке.

Хмыкнув, я звонко щёлкнула пальцами.

— Хорошая мысль! — Но тут же возникло и сомнение. — Лишь бы нас как раз и не заподозрили.

— Мы двое легко можем доказать, что тёмные, — напомнил Эдвин. — А чтобы обезопасить Иден, слух должен гласить, будто светлые проникли в Оплот... ну, скажем, вчера, или даже сегодня утром. Иден проследит за королём — насколько я понимаю, это не вызовет подозрений?

— Его величество не возражает против моего общества, — мило улыбнулась Пантера.

— А мы с тобой аккуратно понаблюдаем за Коллинзом, — завершил, обращаясь ко мне, напарник.

— Что ж, вариант, — согласилась я. — А как убедительно пустить слух?

— Это я возьму на себя.

Я поняла, что Эдвин намерен каким-то образом задействовать свою связь с подпольем, и расспрашивать о подробностях не стала.

После того, как Иден ушла — я бы даже сказала, ускользнула, настолько быстро и бесшумно она испарилась из комнаты, — я подошла к окну, обдумывая последние изменения наших планов. Лёгкое прикосновение Эдвина к моему локтю вывело из состояния задумчивости.

— Элайна. — Он говорил тихо, на случай, если нас снова попытаются подслушать. — У меня будет к тебе одна просьба. Очень важная.

— Ну? — спросила я, оборачиваясь.

Возможно, ему понадобится помощь в распускании слухов?

— Я хочу попросить тебя поговорить с Тамирой.

Я удивлённо воззрилась на Эдвина, внимательно глядящего мне в глаза.

— О чём?

— О её свадьбе. Я должен знать, почему она выходит замуж за Коллинза. А главное — хочет она этого, или её принуждают.

— Эдвин, я, конечно, понимаю, что это важно, но почему ты хочешь, чтобы это сделала я?! Ты можешь точно с таким же успехом поговорить с ней сам.

— Не могу. — Эдвин сделал небольшой круг по комнате и вновь остановился напротив меня. — Женщина скорее будет откровенна с другой женщиной, чем с мужчиной. К тому же я вёл себя по отношению к ней враждебно. У вас же вполне нормальные отношения.

— Но мы чужие люди!

— Выбора нет, — качнул головой он. — Конечно, мы сможем поговорить, если я признаюсь ей, кто я на самом деле. Но конспирация не позволяет мне так поступить, ведь верно?

Он не спрашивал, скорее, просто призывал меня осознать факт упомянутый факт.

— Верно, — вздохнула я.

Можно сколько угодно рассуждать о том, что девушка не испытывает восторга в связи с собственной помолвкой, но невеста Брайана есть невеста Брайана. Выдавать ей себя с потрохами на том лишь основании, что она улыбается реже обыкновенного для невесты, мягко говоря, недальновидно.

— Поэтому я очень тебя прошу, — продолжил Эдвин, видя по моему лицу, что я разделяю его позицию, — поговори с ней.

— Она что же, настолько болтлива, чтобы распространяться о своих чувствах при совершенно постороннем человеке? — скептически спросила я.

— Болтлива — нет. Но и не скрытна. Она — прямой человек, Элайна. Гарантий, конечно, никаких, но шанс есть.

Я пожала плечами. Есть, так есть. Попытаюсь мне в общем-то несложно.

Глава 18

Тамиру я обнаружила в саду, на той же самой скамейке, где мы с Эдвином случайно потревожили её покой несколькими часами ранее. Похоже, девушка основательно закрепилась на этом месте.

— Можно я присяду?

— Пожалуйста.

Она передвинулась чуть ближе к краю, хотя место для двоих на скамейке и так было достаточно.

Я села, положила руки на колени и спустя несколько секунд заговорила снова.

— Вы знаете, я бы хотела извиниться за своего брата. Он был излишне резок, возможно, даже груб.

— Я не настрийский золотой, чтобы всем нравиться, — бросила девушка.

— Нет — нет, в том-то и дело, что вы тут совершенно ни при чём. Причина в самом Эрике. У него действительно был недавно печальный опыт... В общем, он был влюблён в девушку, похожую на вас. И, как вы сами понимаете, ничего хорошего из этого не вышло.

Тамира равнодушно пожала плечами.

— Проблемы вашего брата решать придётся только ему самому.

— Не спорю, — кивнула я. Начало разговору было положено, хотя не сказать, чтобы очень удачно. — Брайан пригласил нас на свадьбу. Мы обязательно придём, — сменила тему я.

— Приходите.

Губы девушки попытались изобразить улыбку, но много стараний приложено не было, так что попытка с треском провалилась.

— Тамира. — Я решила взять быка за рога. Да — да, нет — нет, но долго морочить голову и ей, и себе я не собиралась. — Простите, что я задаю этот вопрос, но... честно говоря, всё выглядит немного странно. Я уже второй раз встречаю вас здесь одну. Вы почти не проводите времени с Брайаном. Вы... не рады этому браку? Простите, что вторгаюсь в ваше личное пространство, — поспешила «спохватиться» я. — Вы только не подумайте ничего дурного. Меня вовсе не подослал Брайан или что-то в этом роде...

Тамира ответила на такие оправдания кривой усмешкой.

— Конечно, вас не подослал Брайан, — отозвалась она. — Потому что Брайан отлично знает ответ на ваш вопрос. А у меня нет никаких причин скрывать его грехи. В сущности, даже если вы собираетесь обсудить эту тему за следующим ужином, мне всё равно.

— Уверяю вас, что нет.

— Не имеет значения. Об этом нужно беспокоиться не мне, а Брайану. Что же касается ответа на ваш вопрос — да, я выхожу замуж не по собственному желанию.

— Может быть, вам нужна какая-то помощь?

— Не думаю, что вы можете её оказать, — рассмеялась Тамира, полностью убеждённая в своих словах.

Подгоняющий сухой воздух ветер закачал головки цветов, быстрыми пальцами пианиста пробежался по листьям. Я машинально опустила взгляд на руки. Местный климат уже давал о себе знать: на тыльной стороне ладоней по коже пробежали мелкие трещинки.

— Просто вы производите впечатление очень независимого человека, редко идущего на компромиссы, — заметила я.

— Независимого? — переспросила Тамира, взвешивая мои слова. — Не знаю. Наверное. Во всяком случае, я с детства привыкла выживать — самостоятельно и ни у кого не прося помощи. Но так уж сложилось, что подобной возможности меня лишили.

— Каким образом?

— У меня был дом, оставшийся в наследство от родителей. Собственно, это единственное, что у меня было. Дом и профессия травницы, при помощи которой я и зарабатывала себе на еду. На большее здесь, в Оплоте, мало кто может рассчитывать. А потом пришёл Брайан — мы долгое время были друзьями, — и рассказал мне, что дом, оказывается, моим родителям вовсе не принадлежал. Дескать, они всего лишь взяли его в аренду, и вот объявился хозяин, которому очень много лет ничего не платили. И теперь он требует плату за всё это время, разумеется, с набежавшими процентами. Больше того, он требует, чтобы я либо выкупила дом (что, разумеется, не отменяет прочих выплат), либо немедленно выметалась из дома. В общем, с меня внезапно, затребовали десять тысяч, притом всё было подтверждено как следует оформленными документами. Достать такие деньги нереально, даже если я выйду на большую дорогу.

Я мрачно кивнула. Очень в духе Брайана: если мир устроен не так, как он хочет, просто переключить ситуацию под себя. Раз он умудряется создать нужные ему обстоятельства в Настрии, то уж в Оплоте-то он — просто царь и бог.

— Полагаю, Брайан пришёл к вам не просто так, а с решением проблемы? — предположила я. — Практически как рыцарь на белом коне?

— Как вы догадались? — с сарказмом откликнулась девушка. — Да, он пообещал решить все мои проблемы, если я окажу ему великую честь.

— И вы согласились?

— А мне деваться особенно было некуда, — с подчёркнутым равнодушием отозвалась она. — Климат, конечно, тёплый, но на улице долго не проживёшь. Лекарства без дома тоже особо не поготовишь. А лишний рот у нас здесь кормить некому. Вы уж простите, — усмехнулась она пару секунд спустя, — если я нарушила идиллическую картину жизни в Оплоте.

— Не нарушили, — отмахнулась я. — Мне отлично известно, что благородство и отсутствие оного мало зависят от масти. Я... вам сочувствую.

Глупо прозвучало. Но что тут особенно скажешь? Не предупредишь ведь о том, что, если операция пройдёт успешно, нынешней власти Оплота придёт конец, и что будет с Брайаном впоследствии, неизвестно...

Эдвину я пересказала содержание разговора с Тамирой сразу же по возвращении в замок. Он слушал внимательно и сосредоточенно, и эмоции отражались на его лице значительно меньше, чем я ожидала.

— Элайна, я очень прошу тебя, — произнёс он, едва я закончила рассказ, — проследи за Брайаном. Я должен отлучиться из замка.

— Отлучиться из замка?! — ошарашенно переспросила я.

Но Эдвин как будто уже не слушал. Он энергично перемещался по комнате, от ящика к столу, от стола к вешалке, подхватывая те или иные предметы и распахивая их по карманам.

— Да.

Я даже удивилась, дождавшись ответа.

— Эдвин, ты понимаешь, что мы здесь... несколько для другого? — громким шёпотом напомнила я.

Он резко остановился, лишь для того, чтобы посмотреть мне в глаза и вновь приняться за сборы.

— Я должен ей помочь, — отрезал он.

— Каким образом? — простонала я. — Справься с заданием — и ты ей поможешь.

— Будет слишком поздно. За два дня мы не успеем. Первый срок назначен через три дня.

Это была правда. Под первым сроком подразумевалось то время, когда настрийское войско должно было подойти к Грани. Наша задача заключалась в том, чтобы открыть проход в назначенное время. Если не успеваем — продолжим работать, а войско будет ждать, но в этом случае терялся эффект внезапности.

— Элайна, я помню, зачем мы сюда пришли, — продолжил Эдвин, подойдя и коснувшись руками моих плеч. — Для меня свобода Оплота — не пустой звук, и я сделаю всё, что понадобится. Дай мне лишь совсем немного времени. Просто начни слежку за Брайаном сама. Я скоро вернусь. Обещаю.

Что мне было делать? Не удерживать же его при помощи холодного оружия. За Брайаном я, в общем-то, и так собиралась присмотреть самостоятельно. Правда, рассчитывала на всякий случай поручить Эдвину Кеннингтона, но на нет и суда нет. Главное, Брайан и Луис под присмотром, а дальше прорвёмся.

Интересно было бы знать, что собирается устроить Эдвин, дабы сорвать послезавтрашнюю свадьбу. Неужели привлечёт подполье для похищения невесты? Я схватилась за голову. Только этого мне тут сейчас не хватало. Хотя, с другой стороны, возможно, это отвлечёт охрану от нашей главной цели?..

Замок Эдвин покинул под новой личиной, которую ему обеспечила Иден. А я, мысленно кляня на чём свет стоит всех влюблённых, включая себя саму, отправилась на поиски своего объекта.

С Брайаном всё оказалось просто, и помощь Эдвина не понадобилась. Он негромко обсуждал малозначащие поручения с одним из своих помощников. Я прогуливалась вдоль кадок с пальмами и другими растениями, которые считались в Настрии экзотическими. Затем другой помощник стремительно подбежал к Брайану и стал нащёптывать что-то ему на ухо. В общем-то, особый слух и не требовался. По поведению обоих нетрудно было догадаться, что речь идёт о той самой, запущенной нами, дезинформации. Распорядившись не поднимать панику и ждать в его кабинете, Брайан быстрым шагом направился к лестнице. Я аккуратно последовала за ним.

Хорошее знание замка облегчало задачу, позволяя время от времени терять Брайана из вида, поскольку я отлично представляла себе, где именно он пройдёт минутой спустя. Оставаясь незамеченной, я проводила объект до королевских покоев, где молчаливо препоручила его беседовавшей с Луисом Иден.

Немного позднее аферистка сообщила мне, что король, переговорив с Брайаном, вежливо попросил её подождать. Выражение его лица было при этом более чем обеспокоенным. Иден устроилась в кресле, в то время как Брайан с Луисом прошли вглубь королевских покоев. Девушка, разумеется, не стала долго рассиживаться и выяснила, в какую именно комнату прошла эта парочка. Как оказалось, в спальню. Впрочем, Иден сильно сомневалась, что они уединились для любовных утех (о чём она по собственной инициативе сообщила; мне бы подобное предположение и в голову не пришло). Наблюдать за ними у аферистки возможности не было, но подслушать у щели всё-таки удалось. Сперва был стук шагов, потом скрипение, наводящее на мысль об открывающемся тайнике, а затем — тишина, вновь нарушенная шумом шагов лишь минут через десять. Вывод: вероятнее всего, существовал секретный проход, который вёл из спальни Луиса к тайнику, где хранился «ключ». Оставалась самая малость — проникнуть в королевскую спальню, найти проход и добраться до тайника. Ах, да, ещё и незаметно вернуться назад, но это уже такие мелочи...

В вечернее время в дверь комнаты Тамиры постучали. Открыв, она немало удивилась, так как обнаружила на пороге недружелюбного брата Дейзи. Правда, сейчас он имел куда более доброжелательный вид и даже, что особенно удивительно, держал в руке одну белую розу на тонкой ножке.

— Вы позволите?

Тамира молча отступила, предоставляя ему возможность войти в комнату. Эрик плотно закрыл дверь, заставив девушку нахмуриться, но, вновь повернувшись к ней, продолжил себя вести, как сама невинность.

— Я бы хотел извиниться перед вами, леди Тамира, — непривычно мягко произнёс он. Тамира даже не подозревала, что голос этого мужчины может звучать настолько мягко. — Я вёл себя совершенно неподобающим образом. Обещаю, что больше это не повторится.

Он замолчал, будто ожидая от неё какого-то ответа. Тамира не слишком представляла себе, что может сказать в подобной ситуации, но, раз уж это предполагалось, произнесла:

— Хорошо, я принимаю ваши извинения.

— Благодарю вас, — склонил голову Эрик. После чего с мало понятной девушке загадочной полуулыбкой проговорил: — Надеюсь, вы не откажетесь принять в знак примирения этот цветок?

Тамира молчала, и он просто положил розу на стул. Не протянул ей, а почему-то именно опустил на сиденье.

— Это подарок от друзей, — добавил он в довершение всех странностей. — Вы будете знать, как им распорядиться.

И, склонив голову на прощание, ушёл.

Тамира тупо смотрела на закрывшуюся за приподнявшимся гостем дверь. И что это было, хотела бы она знать? Хотелось бы надеяться, что не ухаживание. И с чего только они все ею заинтересовались, на её голову? Сначала Брайан, а теперь ещё и вот этот...

Проморгавшись, она перевела взгляд на цветок, да так и застыла, неспособная пошевелиться от изумления. Иллюзия медленно, но верно развеивалась, и на месте хрупкой розы возник мешочек, напоминающий кошель. Коснуться его и тем более открыть Тамира решила далеко не сразу. А когда сделала это, обнаружила внутри деньги и медальон с крупным зелёным камнем. Сумма составляла около двух тысяч, а камень, вне всяких сомнений, тянул не меньше, чем на оставшиеся восемь.

На следующий день Эдвин обнаружил Тамиру в парке. Утром девушка без лишних слов вручила мешочек со всем его содержимым Брайану. Причём сделала это при свидетелях, так, чтобы отвертеться отвергнутый жених уже не мог. В вежливой форме, но с убийственным взглядом высказала предположение, согласно которому Брайан найдёт возможность передать данную сумму хозяину дома и уладить конфликт. В ответ на сдержанный вопрос Брайана, правильно ли он понимает, что помолвка расторгнута, лаконично ответила, что он понял правильно.

Тем не менее, из замка она сразу же не уехала. Побелевший, как снег, Брайан последовал за ней, после чего они какое-то время беседовали наедине. Долго разговор не продлился, но в ходе него Брайан попросил Тамиру ещё немного задержаться в замке, и девушка согласилась. То ли пожалела старого друга, то ли пришла к выводу, что идти ему наперекор банально не имеет смысла. Так или иначе, пока она по — прежнему оставалась в Замке Надежды.

Тамира обернулась заблаговременно, услышав шорох его шагов. Эдвин остановился, лихорадочно думая, как бы начать разговор. Не так чтобы у него было для этого недостаточно времени. И всё равно здесь и сейчас, оказавшись с ней лицом к лицу, что будет правильнее сказать, он не знал.

— Эдвин? — спросила она, чуть склонив голову.

Молодой человек опешил.

— Давно ты догадалась? — спросил он, сглотнув.

Тамира отрицательно покачала головой.

— Только вчера вечером. Та роза. Я подумала, что раз уж она могла оказаться иллюзией, то и всё остальное под вопросом. И тогда многому нашлось объяснение. Почему ты не сказал мне сразу?

— Не мог. Прости.

— Спасибо.

Извинения она проигнорировала.

— Не стоит. Я ведь должен был отблагодарить тебя за то, что ты сделала для меня тогда.

— А... Отблагодарить, — протянула она, разочарованно скривив губы.

— Дурочка.

Он медленно покачал головой, а потом бросился ей навстречу и сгрёб в объятия. Тамира запрокинула голову, целуя его так, словно никогда уже не рассчитывала его увидеть. Впрочем, именно так оно, в сущности, и было.

— Я тебя искал, — выдохнул Эдвин минуту спустя, так и не выпуская Тамиру из объятий. — Едва я оказался в Оплоте, попросил у своих выяснить, как ты, и передать весточку. Но они обнаружили лишь заколоченный дом. А потом этот ужин, и Коллинз представил тебя как свою невесту.

— Он просто не оставил мне выбора. — Тамира продолжала цепляться руками за плечи Эдвина, как будто он мог в любой момент растаять в воздухе. — Хотя обставил всё иначе, просил подумать, уговаривал. А ты всё не появлялся. И никаких вестей, даже записки с этими твоими дурацкими художествами. И я сдалась.

— Я вернулся, как только смог. Мне пришлось выехать за Грань. Как только нашёлся способ вернуться, я это сделал.

— Но не ко мне, — грустно улыбнулась девушка. — А ради Оплота.

— Ерунда, — уверенно возразил Эдвин. После чего, крепко прижав её к себе, едва слышно добавил: — Одно слишком сильно переплетено с другим. Иногда мне кажется, что ты и есть Оплот.

Они ещё немного постояли, обнявшись, в тишине тенистого сада, наполнившегося сладким, чуть давящим ароматом роз.

— Где ты добыл эти деньги? — спросила Тамира, готовая услышать любой ответ — ограбил светлого, украл у тёмного, нашёл клад. В сущности, её бы не смутил ни один вариант.

— Это не должно тебя тревожить, — заверил он с такой спокойной усмешкой, что девушка чуть было не утвердилась в своих предположениях. Без нарушения закона не обошлось.

— Можешь смело признаться. Я всё не собираюсь швырять их тебе в лицо, — тихо рассмеялась она.

Эдвин тоже улыбнулся.

— У меня есть в Оплоте друзья, — пояснил он. — Деньги — от них. А медальон — мой. Семейный.

— Семейная драгоценность? — изумилась Тамира.

Чуть отстранившись, она по — новому оглядела молодого человека. Однако же как внешне отличить тёмного дворянина от тёмного же крестьянина, она представляла себе достаточно плохо.

— Да, — не слишком охотно откликнулся Эдвин, — мои предки принадлежали к дворянскому роду. — Он ухмыльнулся, скрывая тем самым чувство неловкости. — К тем самым тёмным аристократам, которым досталось в своё время в первую очередь. Но родители сумели бежать в Кернскую пустошь. Кое-что из фамильных драгоценностей сохранилось, правда, большую их часть отдали на развитие Оплота. А медальон остался. Собственно, это единственное, что осталось в конечном итоге. Не так чтобы его прятали от сограждан. Если бы это могло помочь, наверняка бы отдали, но деньги и драгоценности в Оплоте стоят мало, ты сама это знаешь. А медальон нельзя ни съесть, ни выпить, ни закутаться в него, чтобы согреться. Для нас же это была память.

— И ты вот так его отдал? — спросила Тамира, ощутив укол совести. — Фактически Брайану?

Плечи Эдвина дрогнули в беззвучном смехе, а глаза, несмотря на всю сложность ситуации, светились счастьем.

— Вот так вот отдал, — подтвердил он. — Дворянство Райсов уже в очень далёком прошлом, будь то к добру или к худу. И, представь себе, ты для меня важнее камушка на цепочке. Тебя это удивляет? — прищурился он. И, не дожидаясь ответа, добавил: — Впрочем, считай это чисто эгоистическим шагом. Я сходил с ума от злости, пока ты считалась невестой Коллинза.

Теперь и Тамира улыбнулась, опуская глаза.

— Я так понимаю, твоя сестра — тоже никакая не сестра? — спросила она.

Эдвин покачал головой.

— Просто мы делаем одно дело, — поспешил уточнить он.

В памяти сразу же всплыли детали их плана на завтрашний день.

— Зря всё-таки ты согласилась задержаться в замке, — прошептал Эдвин, вновь прижимая Тамиру к себе.

Время «первого срока» подошло вечером. Мы с Эдвином, следуя заранее разработанному плану, проскользнули в королевские покои под видом горничных. Да — да, иллюзию горничных Иден «надела» на нас обоих: я была горничной похудее, а Эдвин — потолще. При этом Пантера предупредила, что иллюзия — вторичная и кратковременная, наложенная поверх более прочной личины, под которой нас знали в замке. Образ горничных спустя максимум час должен был испариться, а предыдущая личина при этом останется. При этом половина означенного срока уже истекла, поскольку Иден, наложив иллюзию, отправилась в королевские покои первой. По плану нам следовало предоставить ей некоторое время, и лишь затем соваться туда самим.

И вот теперь мы вошли на территорию Луиса с подносами, которые оставили в первой же комнате, далее шествуя налегке. Стараясь не терять бдительности, я всё же невольно осматривалась, всё больше впечатляясь роскошью убранства. Куда там основной части замка! Перед последней комнатой, каковой являлась спальня, мы остановились. Дверь была прикрыта, но через небольшую щель было вполне реально подсмотреть и тем более подслушать, что происходит с той стороны.

Женский голос мы услышали почти сразу. Принадлежал он Иден, и неожиданностью это не являлось. Задача аферистки заключалась в том, чтобы отвлечь его величество, да настолько качественно, чтобы мы с Эдвином сумели найти вход в тайник и проскользнуть туда незамеченными. Согласитесь, задача, мягко говоря, нетривиальная. Конечно, до недавнего времени оставалась надежда, что король попросту уйдёт в нужное время в другую часть замка, но, увы, наши надежды не оправдались. Пришлось пускать в ход самый смелый план. Аферистку это, кстати говоря, не смутило вовсе.

И вот теперь, осторожно просунув голову в щель, я встретила взглядом с вольготно устроившейся в комнате Иден. И сразу же вынырнула обратно, в соседнюю комнату. Теперь оставалось выжидать. Впрочем, много времени это не заняло.

Сначала в спальне завели музыкальную шкатулку. Я недоумевающе покосилась на Эдвина. Неужто в этом и заключался шикарный план Пантеры? Заглушить таким образом наши шаги? Оно бы и хорошо, но видеть нас шкатулка Луису не мешает. Однако, вновь заглянув в комнату минуту спустя, я не смогла не восхититься находчивости Иден. Девушка плавно двигалась вокруг узкой декоративной колонны, держась за неё одной рукой, покачивая бёдрами и время от времени делая различные танцевальные движения — так и не выпуская колонну. Вот она на секундочку отвернулась — и вот расстёгнутая пуговица позволила платью спуститься с одного плеча. Поскольку кровать, на которой в данный момент восседал король, располагалась между колонной и дверью, нетрудно догадаться, что он сидел к нам спиной. И оборачиваться в ближайшее время не собирался.

Мы с Эдвином тихонько проскользнули в комнату. Пушистый ковёр, полностью укрывавший пол спальни, скрадывал звук шагов. Задачи разделили: Эдвин следил за происходившим в спальне действием, дабы, если король всё-таки обернётся, мы успели изобразить не вовремя зашедших служанок. Я же ощупывала стены в поисках тайника. Всё же в этом отношении у меня имелся неплохой опыт.

Конечно, нам бы очень повезло, если бы тайный вход обнаружился в первой же осмотренной стене. Но увы. Вскоре стало ясно, что либо я теряю сноровку, либо дверь — в совсем другом месте. Я подала соответствующий знак Иден, одежда которой к тому моменту была по большей части разбросана по полу. Если говорить совсем откровенно, то к этому моменту на ней оставались лишь длинные, удивительно красивые чулки с бантиками и столь же длинные

кружевные перчатки. Увидев мой знак, девушка прыжком настоящей пантеры перебралась на кровать, буквально накрыв короля своим телом. Тот, ясное дело, не возражал. Я ткнула в бок засмотревшегося не на то, на что надо, Эдвина, и мы стремительно переместились в другую часть комнаты.

Я продолжила быстро ощупывать стены, уделяя особое внимание гобеленам, картинам, коврам и прочим предметам, предположительно призванным украшать интерьер, но могущим иметь и другое предназначение. О том, что происходило в это самое время в спальне, несложно было догадаться по громким мужским и женским стонам. Наконец, мне повезло. За одной из картин обнаружилась ручка, я надавила на неё, и часть стены с тихим скрипом сдвинулась наружу, превратившись в приоткрытую дверь. К счастью, Луис был в данный момент слишком занят, чтобы обратить внимание на негромкий звук, которым сопровождалось это превращение. Прихватив канделябр с двумя свечами (в спальне хватало освещения и без него, так что внимания сей факт не привлёк), мы с Эдвином нырнули в темноту.

Без наших свечей здесь действительно царил бы крошечная тьма. А так мы, к счастью, сумели своевременно разглядеть лестницу, начинавшуюся почти у самых наших ног и ведущую куда-то вниз. Похоже, оба моих предположения касательно расположения «ключа» оказались верны. Вход находился в покоях Луиса, но при этом «ключ» был спрятан именно в подвале.

Мы стали осторожно спускаться по узким, неровным ступеням. Впереди — Эдвин, освещающий путь при помощи канделябра и не выпускающий из второй руки кинжал с длинным, узким лезвием. За ним — я.

Спустившись на один этаж, мы фактически упёрлись в закрытую дверь. Эдвин попытался её толкнуть — заперто. Но это в нашем случае не являлось серьёзным препятствием. Обычный старый замок. По сравнению с современным кодовым — ничего серьёзного.

Эдвин светил мне, пока я возилась со скважиной. Вскоре раздался щелчок, и дверь поддалась. После темноты лестницы нас буквально ослепил лившийся изнутри свет. И теперь мы, шурясь, глядели на уменьшенную копию Грани, зависшую в воздухе и переливавшуюся всеми цветами радуги.

Я медленно приблизилась. Когда до «ключа» оставалась всего пара шагов, посередине проступили очертания круга, напоминающего ручку двери. По — видимому, мы с Эдвином сделали правильно, предоставив Иден отвлекающий манёвр и отправившись сюда самостоятельно. «Ключ» был порождением тёмной магии и, вероятнее всего, воспользоваться им могли лишь темноволосые.

Осторожно, словно боясь обжечься, я взялась за «ручку» и потянула половину «Грани» в сторону, словно открывая раздвижные двери. Это оказалось на удивление легко. Её несколько мгновений — и, совершенно неожиданно для нас, копия Грани просто погасла, будто и не было в комнате никакого магического света. Этот процесс сопровождался резким дуновением, которое я бы приняла за обман чувств, если бы от него не погасли свечи. В итоге мы с Эдвином остались в полной темноте.

— Что это было? — шёпотом спросила я у напарника.

— Грань перестала функционировать, поэтому её копия тоже погасла? — высказал предположение Эдвин.

Однако по интонации ответ его звучал скорее как вопрос, что заставило меня уточнить?

— Ты уверен?

И получить предсказуемый ответ:

— Нет.

Ещё немного потоптавшись на месте, мы поняли, что в ближайшее время никаких изменений не предвидится. Копия Грани не спешила загораться. Других источников света, к слову, тоже не появилось. Но мы успели попривыкнуть к темноте, а, главное, хорошо представляли себе дорогу назад. Нащупать дверь, выйти из комнаты, и практически сразу — вверх по лестнице. А там, тоже практически сразу, — очередная дверь. Главное — идти осторожно и не поскользнуться на ступеньках. А если вдруг поскользнёмся, то, как минимум, не ругаться слишком громко.

Решившись, мы потихоньку двинулись на выход. По лестнице поднялись без приключений. Затем постояли наверху, приводя в порядок дыхание, и, решившись, потихоньку приоткрыли ведущую в спальню дверь. Приоткрыли совсем чуть — чуть, чтобы уловить хоть какие-то звуки. И правильно сделали, что этим ограничились. Потому что первым голосом, который мы услышали, был голос Брайана.

— Поговорить нужно прямо сейчас.

Мы замерли, стараясь не дышать.

— Ты выбрал крайне неудачное время. — Судя по интонации, король не был рассержен на своего советника, скорее просто раздосадован. — Неужели нельзя было прийти попозже и не смущать даму?

Я беззвучно усмехнулась: что-то подсказывало, что смутить Иден весьма непросто. Для этого надо постараться значительно серьезнее.

— Сожалению, — без малейшего сожаления, но вежливо произнёс Брайан.

Видимо, в этот момент он обращался к Иден, поскольку она не замедлила ответить:

— Всё в полном порядке, господа. Где вы желаете побеседовать?

— Если возможно, то прямо здесь, — ответил Брайан, и от его слов волосы зашевелились у меня на голове.

Если сейчас они с Луисом засядут в спальне, нам с Эдвином крупно не повезло. Видимо, Иден подумала о том же, поскольку уточнила:

— А вы уверены? Возможно, в гостиной или в кабинете вам будет более удобно? Я вполне могу подождать пока здесь.

Мы с Эдвином взволнованно затаили дыхание. И обречённо уронили головы на грудь, услышав ответ Брайана:

— Нет — нет, мы лучше поговорим прямо здесь, это будет быстрее. Простите за причинённые неудобства. В гостиной для вас уже накрывают на стол. Вас ждёт чай, сладости, фрукты и всё, что вы пожелаете.

— Благодарю вас. Это очень любезно с вашей стороны, — сдалась Иден.

Эту битву она проиграла и, понимая это, предпочла капитулировать. Мы же с Эдвином остались в темноте пожинать плоды.

Разговор Брайана с Луисом оказался не из коротких. Не берусь сказать, сколько именно он продлился. При подобных обстоятельствах кажется, будто время течёт медленно. Сперва мы с Эдвином напряжённо прислушивались, ожидая, что дверь в любую секунду распахнётся, и нас застанут «на месте преступления». На всякий случай мы даже встали, прижавшись к стене, так, чтобы оказаться за распахнутой дверью. Это давало какой-то шанс, что вошедшие нас попросту не заметят. Но долго оставаться в такой вот ежесекундной готовности сложно. Постепенно мы немного расслабились, а когда тело совсем уж затекло, отошли от стены и, чуть позднее, даже уселись на верхнюю ступеньку.

Иногда мы чуть приоткрывали дверь, дабы выяснить, не закончился ли разговор сильных мира сего и, следовательно, не можем ли мы, наконец-то, отсюда убраться. Делать это старались как можно реже, дабы не выдать себя. На третий раз нам наконец повезло. Комната оказалась пустой. Правда, в ней погасили свечи, но для нас так было даже лучше. После крошечной темноты потайного коридора здесь было видно хоть что-то. К примеру, по силуэту своего напарника я смогла убедиться, что вторичная иллюзия спала, и мы снова выглядим как мужчина и женщина. Эдвин взял на себя роль первопроходца, я же двинулась следом лишь после того, как стало ясно, что никаких препятствий на пути напарника не обнаружилось.

Мы заранее договорились о том, что в случае удачного завершения предприятия Эдвин отправится не в наши комнаты, а к Тамире, дабы помочь ей, буде возникнет такая необходимость. Я же поспешила в свою законную спальню. По дороге, к счастью, никого не встретила. Не зажигая свечей, быстро стянула с себя платье, нырнула под одеяло и закрыла глаза, делая вид, будто лежу так уже давно.

Заснуть я, конечно же, не рассчитывала. Пару часов провалялась, слушая главным образом биение собственного сердца. В коридоре, судя по тишине, ничего не происходило. Эдвин тоже не появлялся. Свистопляска началась внезапно, резко, и больше прежнее спокойствие в замке уже не восстанавливалось.

Сначала снаружи послышался топот коней, сопровождаемый лаем проснувшихся и выбежавших во двор собак. Потом одиночные выкрики. Хлопанье дверей, потом снова крики, на сей раз более громкие и массовые. Топот сапог, звяканье металла — видимо, куда-то пробежали охранники. Свист не слишком понятной мне природы — возможно, полетели стрелы. А потом переполох распространился и на внутреннюю часть замка.

Теперь я уже слышала хлопанье дверей из коридора. Сонные голоса, взволнованные интонации. Одни спрашивали, что происходит, другие отвечали. Топот ног, где-то вдалеке голос Брайана.

Я по — прежнему не зажигала свечи и делала вид, будто сплю и вижу десятый сон. Даже когда ко мне постучали, ответила не сразу. Затем пообещала, что скоро открою, не без труда влезла в платье (учитывая, что в комнате было темно), и лишь тогда отодвинула засов.

В комнату ворвались отблески освещавшего коридор факела. В комнату вошёл Барни, здешний стражник, и сразу же взволнованно заговорил:

— Госпожа, вам надо немедленно отсюда уходить. На замок совершено нападение. Пожалуйста, возьмите лишь самые необходимые вещи и перейдите вместе с остальными в

западное крыло, оно самое безопас...

Его глаза, успевшие за это короткое время привыкнуть к более скудному, чем в коридоре, освещению, расширились, и он изумлённо выпалил:

— Госпожа Кенборт?!

Я вздрогнула, ещё не понимая, что произошло. Возглас Барни прозвучал очень громко, и это возымело крайне неприятные последствия. Всего несколько секунд спустя в дверном проёме возник прибежавший с другого конца коридора Брайан.

— Ты?! — возопил он, едва меня завидев.

И тут я наконец поняла. Будь она проклята, эта магия Грани! По — видимому, приведённый в действие «ключ» заблокировал действие светлой магии в районе замка. Лишь на короткое время, конечно, но этого хватило, чтобы уничтожить наши с Эдвином иллюзии. Вот только, всё время находясь в темноте, мы не догадались, что, помимо вторичной личины горничных, развеялась и первая, в результате чего из Эрика и Дейзи мы вновь превратились в Эдвина и Элайну.

— Отлично, — сквозь зубы выдохнул Брайан. — Эй, там! — На его крик сбежалось ещё несколько стражников, в то время как Барни продолжал непонимающе хлопать глазами. — Найдите второго.

Он мотнул головой в сторону выхода в соседнюю комнату, и стража устремилась туда. Хотя бы по этому поводу я могла быть спокойна. Эдвина в покоях нет. С другой стороны... Где он находится в данный момент, и лучше ли его ситуация, чем моя собственная, я не знала.

— Ну что ж, — не отрывая от меня злого взгляда, проговорил Брайан, после того, как выяснилось, что в покоях я пребывала совершенно одна. — Сопроводите её в королевские покои и не спускайте глаз. Я скоро туда приду.

Почему меня отводят не в тюрьму, а в королевские покои, было неясно. Может, тюрьма уже пострадала при штурме замка, а покои Луиса являются самым обстреливаемым местом? Потому Брайан и решил доставить меня туда... Нет, как-то не клеится. Во — первых, он сам собирается туда же прийти, во — вторых, по — настоящему серьёзных разрушений в замке пока не было: такое не прошло бы незаметно. Тогда почему мы отправляемся ни больше, ни меньше — к королю? Что ж, в самом скором времени мне предстояло это узнать.

Глава 19

Я сидела на стуле в той самой гостиной, что соседствовала со спальней Луиса. Мягкая обивка, удобная спинка, изящные ножки — всё это резко контрастировало с общей атмосферой, царившей сейчас в покоях его величества. Стражники, бдительные, но несколько дезориентированные, стояли у дверей, то и дело бряцая кольчугами. Другие стражники, а также кое-кто из слуг, периодически проходили через гостиную, направляясь откуда-то снаружи в спальню и обратно, переносили вещи, кого-то искали, передавали срочные донесения. Брайан тоже то появлялся, то исчезал, но в данный момент был тут, стоял, барабанил пальцами по спинке кресла, и явно чего-то ожидал. Луис вносил свою лепту в общую суматоху, периодически принимаясь нервно ходить из угла в угол. В такие моменты Брайан бросал в его сторону крайне неодобрительные, чтобы не сказать «неприязненные», взгляды, но держал себя в руках и вслух ничего не говорил.

Вскоре очередные два стражника привели Тамиру. Девушка, как и я, поднятая посреди ночи и приведённая сюда не по своей воле, держалась с достоинством. Скользнула по мне взглядом, но и только: темноволосая незнакомка не вызвала в ней особого интереса. Чего не сказать о Брайане, которому она уделила куда как больше внимания. Правда, исключительно молча. Затем, следуя направлению его взгляда, села рядом со мной.

— Что с её «братцем»? — бросил Брайан одному из новоприбывших стражников. — Его нашли?

Поняв, что именно о моём мнимом брате идёт речь, Тамира повернулась ко мне и посмотрела с новым интересом. Вскоре в её глазах пробудилось понимание.

— Дейзи? — одними губами спросила она.

Я прикрыла глаза, подтверждая её догадку.

— Н — нет, — подозрительно замаявшись, проговорил стражник. — То есть не совсем...

— Нашли и потеряли, — более спокойно пояснил второй. Видимо, он не участвовал в операции по поимке Эдвина и, следовательно, не нёс ответственности за её плачевные результаты. — Его обнаружили поблизости от комнаты госпожи Тамиры.

Брайан бросил быстрый, пронзительный взгляд на бывшую невесту.

— Поблизости? — уточнил он.

— Да. Как вы и приказывали, за её комнатой присматривали. — Стражник поколебался, покосившись на Тамиру и, видимо, прикидывая, не сболтнул ли лишнего. Затем, должно быть, осознав, что слово, в любом случае, не воробей, продолжил. — Видимо, он как-то это дело просёк, поэтому непосредственно в комнату не сунулся, а вместо этого затаился поблизости. Но когда за девушкой пришли, его тоже заметили.

— И-? — требовательно спросил Брайан.

Стражник пожал плечами.

— Он умудрился уйти. Бросился в окно. Никто не сумел сориентироваться.

— Надеюсь, он разбился? — не проведя и бровью, осведомился Брайан.

— Нет. — Своим ответом стражник разочаровал королевского советника, но отнюдь не нас с Тамирой. — Выбрался на крышу, потом нырнул в какое-то окошко... Пока его найти не смогли.

— Очень надеюсь, что найдут, — отчеканил Брайан. — Буду исходить из того, что поиски продолжаются и ведутся с должным рвением.

Стражники, заметно приунывшие, покинули гостиную. Ситуация вполне чётко читалась по их глазам. Сейчас в замке такой переполох, что тут хорошо бы тень собственную отыскать, не то что сбежавшего мужчину.

— Что с нашей «меценаткой»? — спросил Брайан очередного вошедшего.

— Как сквозь землю провалилась, — развёл руками тот.

Полуотвернувшись, я злорадно усмехнулась. Ещё бы она не провалилась сквозь землю! Пантера и без помощи магии способна облапошить кого угодно. А уж учитывая, что к её услугам магия иллюзий... Наверняка нейтрализующее действия «ключа» было кратковременным, и теперь Иден могла преспокойно менять личины, как перчатки. Даже любопытно, что за новый человек появился сейчас в замке — горбатая старуха — прачка, соблазнительная горничная или девочка — замарашка с кухни? А может быть, никого нового не появилось, просто кто-то из обитателей замка раздвоился, и теперь сам он ходит по одному коридору, а его копия — по совершенно другому? Впрочем, задавать все эти вопросы Брайану я благоразумно не стала.

— Зачем она вообще тебе сейчас понадобилась? — раздражённо спросил Луис.

— А что, так непонятно? — резко повернулся к нему Брайан. Похоже, чаша терпения у советника переполнилась, и на уважительное поведение по отношению к королю его больше не хватало. — Судя по тому, что светлые уже полчаса штурмуют замок, Грань открыли около четырёх часов назад. Кто находился здесь непосредственно в это время?

— Она всё время была со мной, — поморщился Луис.

— Конечно, — раздосадованно подтвердил Брайан. — И развлекала вас так, что вы даже не заметили, как кто-то, — быстрый взгляд в мою сторону, — пробрался вниз и открыл Грань.

На это король не ответил, ибо крыть было нечем. Тем временем ещё один человек подбежал к Брайану и что-то прошептал ему на ухо. Новости, видимо, были плохие. Брайан только что не зашипел в ответ.

— Всё, уходим, — обратился он к Луису.

— А может быть, всё ещё как-то наладится? — жалобно простонал тот.

— Как наладится? — рявкнул Брайан. — Если светлые ограничились первым отрядом и нашими подпольщиками, всё ещё могло бы обойтись. А после того, как к ним пришло подкрепление, шансов у нас нет! И это, — он потряс перед носом у расстроенного Луиса листком бумаги, который доставил последний гонец, — только подтверждает очевидное! Собирайтесь!

Король ещё несколько секунд постоял, беззвучно шевеля губами, а затем выбежал из гостиной.

— Какая же ты всё-таки дрянь! — наконец-то, высказался в мой адрес бывший любовник. — Если бы не твоё предательство, ничего бы этого не случилось бы.

— Ещё как случилось бы, — заверила я. — Любому человеческому терпению рано или поздно приходит конец, Брайан. К тому же, если бы ты сам не привёл меня в Оплот, не было бы и моего так называемого «предательства». Парадокс, верно?

Бросив на меня ледяной взгляд, Брайан быстрым шагом направился к двери, бросив на ходу:

— Найдите Кеннингтона, срочно.

Мы с Тамирой остались сидеть на своих стульях. Обстановка в королевских покоях стала ещё более оживлённой. Снова стали сновать туда — сюда слуги, держащие в руках предметы одежды, обувь, фляги, дорожные мешки. Мы с девушкой переглянулись, обе многозначительно повели бровями, и продолжили сидеть молча. Слишком много поблизости было народу, чтобы заводить разговор. Поэтому каждая была предоставлена главным образом собственным

мыслям.

Итак, Брайан сказал, что надо убраться. Выйти из замка обычным путём сейчас, во время штурма, явно невозможно. Значит, существует потайной ход. Что ж, это разумно, где-то даже предсказуемо. Куда же он может вести? Да куда угодно. Хоть в город, хоть в близлежащий лес, хоть (если ход длинный) в одну из деревень. Но какой во всём этом смысл сейчас? Куда планирует бежать Брайан? Не в Настрию же, право слово! Да и не пройти незаметно ни через город, ни через лежащие на пути деревни. Учитывая ситуацию, даже сейчас, ночью, не спрячешься. Наверняка везде горят костры, и никто не спит. Может быть, цель в том, чтобы какое-то время скрываться в лесу или в горах, как делает здешняя оппозиция? Точнее, делала до недавнего времени? Я непонимающе покачала головой. Ладно, Брайан, возможно, какое-то время бы продержался. Но Луис?! Абсурд...

Прошло ещё полчаса, прежде чем в гостиную вбежал Кеннингтон. В кольчуге, с растрёпанными, липнувшими на лоб волосами и обнажённым мечом.

— Брайан, чёрт возьми, это было настолько срочно? — рявкнул он. — Там каждый человек на счету!

— Срочно, — подтвердил Брайан, пришедший незадолго до Роберта. — Мы уходим.

Кеннингтон немного помолчал, переваривая информацию.

— Я не могу сейчас бросить своих людей, — возразил он затем.

— Придётся, — безапелляционно возразил Брайан. Безапелляционно, но не рассерженно, то есть в целом к позиции Кеннингтона он, видимо, отнёсся с пониманием. — Королю необходимо покинуть страну.

Покинуть страну? Значит, всё-таки побег в Настрию? Может быть, туда есть какой-то тайный проход, помимо Грани? А дальше Брайан рассчитывает затеряться на территории большого государства? И всё-таки звучит как бред...

Кеннингтон ещё немного поколебался и наконец склонил голову в знак согласия.

— Тебе понадобятся какие-то вещи, кроме стандартного походного набора? — спросил Брайан.

— Нет.

— Хорошо. В таком случае уходим прямо сейчас. Ваше величество, вы готовы?

Король как раз проходил через гостиную, с трудом удерживая в руках золотое блюдо и украшенный драгоценностями канделябр.

— Мне потребуется ещё с полчаса, — предупредил он.

— Какие, к демонам, полчаса?! — заорал Брайан. Никогда не думала, что он умеет кричать так громко. Но, видимо, нынешняя ситуация оказалась перебором даже для его нервов. — Какие канделябры, что за музейные экспонаты? Светлые могут ворваться в эту самую комнату в любую секунду! Минимум вещей, деньги и лёгкие драгоценности — да, остальное остаётся здесь!

Луис, что интересно, на столь неуважительное обращение не обиделся, лишь стоял, вжав

голову в плечи, словно нашкодивший ребёнок, и растерянно хлопал глазами.

— Спускаемся! — бросил Брайан, чуть успокоившись, стражникам, которые стояли, уже забросив за плечи дорожные мешки. — Женщин берём с собой.

— Я против, — вмешался Кеннингтон. — Зачем?

— Затем, что мы не знаем, как пойдёт дело дальше, — отрезал Брайан. — Они будут гарантией нашей безопасности.

Видимо, ненужных людей из гостиной уже успели выпроводить, поскольку он явно не опасался быть услышанным. Теперь мы все — кто добровольно, кто вынужденно, — направились в спальню, где Брайан открыл уже известный мне проход в стене. Стражники зажгли факелы, и мы стали гуськом спускаться по каменной лестнице. Поворот ключа — и мы оказались в также знакомой мне комнате. «Ключ» снова переливался всеми цветами радуги, свидетельствуя о том, что Грань восстановлена. Вот только слишком поздно. За несколько часов армия успела пройти в Оплот, а с выходом проблема для светлых не возникала и так.

— Ну вот что, — вдруг заявила сохранявшая до сих пор молчание Тамира. — Я никуда дальше не пойду.

— Придётся, — мрачно возразил Брайан.

— Попробуй меня заставить, — парировала она. — В юности ты мне нравился больше, Брайан. Не знаю, что произошло с тех пор... Может быть, ты просто повзрослел.

Шум, раздавшийся совсем уж громко (а, стало быть, близко), отвлек от всех от разговора. Топот сапог зазвучал непосредственно на ведущей вниз лестнице. Брайан, бросил короткий приказ, и часть стражников кинулась обратно. Послышались крики и звон стали.

Мы ждали, затаив дыхание. Увы, отсюда практически ничего не было видно. До тех пор, пока в комнату не ворвался Эдвин с обнажённым мечом в одной руки и кинжалом в другой. Брайан что-то сказал стоявшему рядом с ним мужчине. Последний был знаком мне лишь визуально — коротковолосый, коренастый, с бледной кожей и серыми глазами. Кажется, Брайан звал его Горс. Тот поднял голову и в упор посмотрел на Эдвина.

Вспыхнула и словно задрожала в воздухе копия Грани. На лице Горса заплескали блики. А Эдвин стал вдруг бледным, как полотно. Руки задрожали, лицо исказилось в гримасе. Кинжал выпал из разжавшихся пальцев, но меч Эдвин всё же удержал, хотя для этого ему пришлось схватиться за рукоять обеими руками. Он даже сделал ещё шаг в нашу сторону, но затем, под напором тёмной магии Горса, многократно усиленной магическим «ключом», был вынужден остановиться. Меч всё ещё не выпустил, но уткнул лезвие в пол, чтобы самому опереться о рукоять.

Честно говоря, наблюдать за подобным было гораздо страшнее, чем если бы человека ударили ножом, и из раны во все стороны хлынула кровь. Было нечто жуткое именно в том факте, что внешне, с физической точки зрения, с Эдвином ровным счётом ничего не происходило, и при всём при этом человек на глазах превращался в собственную тень. Видимо, Горс как раз и являлся одним из палачей Замка Надежды, умеющим применять магию ужаса и способным, благодаря действию «ключа», преодолевать естественную защиту мозга. При этом Эдвин был совершенно беззащитен, и теперь любой из присутствующих мужчин, включая даже Луиса, мог убить его в любой момент.

Всё закончилось внезапно. Удар неведомо откуда взявшейся статуэтки пришёлся Эдвину по голове чуть выше шеи. Всё-таки выронив меч, он сполз на пол. Тамира поддержала его, как смогла.

— И что это значит? — заинтересованно подняв бровь, спросил у девушки Брайан.

— Вы больше не сможете его мучить, — резко заявила Тамира, откладывая в сторону нестандартно использованную статуэтку. — Он и так достаточно натерпелся. А теперь послушай меня, Брайан. Я пойду с тобой, куда ты там собрался нас увести. Но взамен ты не тронешь Эдвина. И твои люди тоже.

Если Брайан и колебался, то не дольше пары секунд.

— Хорошо, — согласился он. — По рукам.

— Оставляй его здесь проблематично, — подал голос один из возвратившихся в комнату стражников. — Неизвестно, как скоро он оклемается. Может позвать подмогу и навести на наш след.

— Разумно, — кивнул Брайан. — Значит, делаем так. Берите его в тоннель. Оттащите в одно из первых же ответвлений и там оставьте.

И мы пошли. У меня, конечно, никакой договорённости с Брайаном не было. Но смысла упираться я тоже не видела. В данном случае мы с Тамирой были в несколько разном положении. Меня Брайан, если что не так, с удовольствием придушит, махнув рукой на все преимущества подобной заложницы. А вот к Тамире у него отношение иное. Подозреваю, что он и с собой-то её тащит не в качестве заложницы и живого щита, а просто потому, что не хочет отпускать — и точка. Похоже, что по — своему он её всё-таки любит. Любовь — она у каждого своя. Обстоятельства не позволили ему разыгрывать перед избранницей принца на белом коне, и тем не менее, он не теряет надежды хоть как-то, пусть со временем, наладить с ней отношения.

Пока я размышляла на эту тему, мы вошли в тёмный коридор через очередную потайную дверь, обнаружившуюся с противоположной стороны от светящейся «Грани». Коридор то сужался, то расширялся, высота потолка тоже то и дело менялась, стены были неровными и шероховатыми наощупь. До первого ответвления мы дошли довольно быстро.

— Отнесите его туда, — велел Брайан двум стражам, до сих пор тащившим бесчувственного Эдвина. — Как следует свяжите и возвращайтесь.

— Об этом мы не договаривались! — вскинулась Тамира.

— Он может быть опасен, — бесстрастно ответил Брайан. — Это элементарная подстраховка.

— Но ведь его же никто не найдёт! — воскликнула Тамира. — И криков там, — она мотнула головой в сторону оставленного позади замка, — никто не услышит!

— Возможно, найдут, — пожал плечами Брайан. — Но слишком поздно для того, чтобы нагнать нас. Возможно, сам сумеет освободиться. Если долго и упорно будет стараться, то справится. И, во всяком случае, своё слово я сдержал. Я его не убиваю, мои люди — тоже.

Тамира взглянула на Брайана с ненавистью, но спор не продолжила, отлично понимая, что никакого реального выбора у неё нет, и повлиять на решение Брайана она не в силах.

— Тебе всё это когда-нибудь отзовется, — только и процедила она.

— Он — враг, Тамира, — объяснил свою позицию Брайан. Мы уже продолжили путь по тоннелю. — Вражеский шпион. Предатель. При этом он до сих пор опасен.

— Чей враг, Брайан? — насмешливо любопытствовала я.

— Враг Оплота, — не смешавшись ни на секунду, ответил тот. — Такой же, как и ты.

— А — а-а, — глубокомысленно протянула я.

Мы продолжали идти в свете двух факелов, которые несли стражники. В общей сложности нас оказалось девять человек. Мы с Тамирой, Брайан с Кеннингтоном, Луис, Горс и трое стражников. Четвёртый, раненный в стычке с Эдвином и его союзниками, был вынужден остаться в замке. Варианты побега я обдумывала постоянно, но, увы, при таком количестве охраны, без собственного источника освещения, да ещё и при наличии ответвляющихся коридоров и незнании дороги, бегство пока представлялось весьма смутно.

— Брайан, а можно кое о чём тебя спросить? — бодро осведомилась я около часа спустя.

— Только если это не займёт много времени, — бросил он в ответ.

Видимо, просто не желал со мной разговаривать. Непохоже было, чтобы наш путь в скором времени подошёл к концу.

— О, не беспокойся, у меня всего два вопроса, — заверила я. — Видишь ли, мне почти всё давно известно. О том, как ты устроил, чтобы я получила те милые украшения на спине и в итоге переправилась в Оплот, и о том, как собрался списать, позаботившись о том, чтобы я не вернулась с очередного задания. А потом не знал, что со мной делать, когда я всё-таки, вопреки всем твоим прогнозам, вернулась.

Лицо Брайана на протяжении этого разговора оставалось бесстрастным, а вот Кеннингтон, на которого я в какой-то момент бросила взгляд, глаза отвёл.

— Так что меня интересуют всего две детали, — прежним бодрым, даже весёлым голосом продолжала я. — Зачем тебе понадобилось убивать тех тёмных мальчиков? Поехавших на экскурсию? Неужели только ради того, чтобы сагитировать меня на убийство Уилфорта?

— Скорее всего, ты мне не поверишь, Элайна, — отозвался Брайан, соизволив-таки взглянуть в мою сторону, — но я их не убивал. И приказа такого не отдавал. Предполагаю, что это был просто несчастный случай. Насколько мне известно, место там действительно опасное. Либо лошадь чего-то испугалась, либо кучер не справился, либо камень неожиданно на дорогу выкатился. Сейчас уже никто не разберёт. А вот не использовать эту ситуацию действительно было бы глупо.

Как ни странно, я ему поверила. А какой ему смысл лгать? В нынешних-то обстоятельствах. Тем более что столь циничное использование случившейся в Настрии трагедии чрезвычайно в его духе.

— В таком случае, ещё один вопрос. Куда мы идём?

Брайан и тут колебался совсем недолго.

— Если тебе так надо это знать, то в Карис.

Карис?! Я даже чуть не остановилась прямо посреди дороги. Карис — это государство, куда даже из Настрии ехать и ехать, поскольку эти страны разделены длинной горной полосой. Добраться из одной в другую можно только в объезд. Или... Стоп!

— Ты хочешь сказать, что есть сквозной путь из Оплота в Карис? Прямо через горы? — дошло наконец до меня.

— Да, я именно это хочу сказать, — подтвердил Брайан.

— Естественный? Или рукотворный?

— Главным образом естественный, — отозвался советник. — Но местами его, конечно, пришлось расчистить, а некоторые пещеры — соединить, пробив проход в скале.

— То есть... — выдохнула я и замолчала, всё ещё силясь переварить информацию. — То есть всё это время у жителей Оплота была возможность перебраться в другую страну? Даже если отбросить Настрию и предположить, что светлые — такие страшные монстры, какими вы их описывали, у людей всё равно существовал шанс на лучшую жизнь? Вы сделали проход за границу и скрыли его от людей?

— Во — первых, что значит «мы»? — откликнулся Брайан. — О тоннеле знает не первое поколение королей. Во — вторых, что касается шанса для народа. Власти Кариса вовсе не горят желанием массовой эмиграции иностранцев, не имеющих имущества, не знающих языка и при этом обладающих магическими способностями. На территории Кариса магия практически отсутствует, и к таким, как мы, там относятся с большим подозрением. Если мы смогли договориться кое о какой торговле в небольших масштабах, для королевской семьи, это не значит, что с той стороны обрадуются массовому наплыву беженцев. Их просто не выпустили бы наружу.

— А вас, значит, выпустят? — уточнила я.

— Короля Оплота собственной персоной? Конечно, — уверенно откликнулся Брайан. Выпустят и дадут политическое убежище. А может быть, и помогут восстановить власть, но это уже как пойдёт.

— А у тебя хорошие планы, — пробормотала я.

— Надеюсь, на этом твои вопросы закончились?

— Более — менее да, — смилостивилась я. — Кроме разве что одного. Долго продлится наше путешествие?

— А это зависит от скорости, — отозвался Брайан. — Но вряд ли больше двух дней.

— Два дня — это серьёзно, — присвистнула я. — А как быть, если у кого-то начнётся страх закрытых помещений?

— В этом случае тебе придётся поднапрячься и перетерпеть, — едко ответил советник.

— Мне-то ладно, — хмыкнула я. — А как насчёт его величества?

И я повернула голову к королю Оплота, который и правда имел весьма плачевный вид. Он был бледен, глаза болезненно сверкали, руки дрожали так, что это было видно со стороны. Брайан тихо выругался сквозь зубы, понимая, что если я и не попала в цель, до этого было недалеко.

— Ваше величество, вы, главное, не волнуйтесь! — заботливо воскликнула я, перемещаясь поближе к Луису и подальше от Брайана. — Дышите глубоко и не смотрите вверх, чтобы не видеть, насколько близок потолок. И ещё: если вам вдруг покажется, что стены сужаются, потолок опускается, и вас вот — вот расплющит, вы просто твёрдо знайте: это не так. Это только впечатление такое. На самом деле подобное случается редко. Примерно в двадцати процентах случаев.

— Элайна, замолкни! — рявкнул Брайан.

— Почему? — возмутилась я. — Я всего лишь стараюсь помочь его величество побороть клаустрофобию. Это очень важно! Штука-то крайне неприятная.

Я повернулась к Тамире, ища поддержки медика.

— Это правда, — не замедлила согласиться она. — От страха закрытых помещений даже сознание теряют. А уж если из закрытого помещения долго нельзя выбраться...

Она многозначительно махнула рукой.

— И вот ещё такой момент, — добавила я. — Если вам послышится эдакий отдалённый гул и покажется, что сверху вот — вот полетят камни, это тоже неправда. Скорее всего.

— Ну почему? — возразила Тамира. — Я слышала, в таких тоннелях бывают обвалы.

— Бывают, — согласилась я. — Но нечасто. Поэтому я и говорю: скорее всего, неправда.

— Но риск есть, — настаивала Тамира.

— Риск есть, — подтвердила я.

Мы немного пошагали молча, к немалому облегчению Брайана, как вдруг я, пощупав холодный и влажный камень, выдала:

— А говорят, в таких тоннелях иногда устраивают захоронения? Прямо в стенах?

Шедший впереди стражник невольно шарахнулся от ближайшей стены. Поскольку он нёс факел, незамеченным данный манёвр не прошёл.

— Здесь нет никаких захоронений, — процедил Брайан.

— Я понимаю, что нет! — воскликнула я так обиженно, будто меня только что обвинили в скудоумии. — Я просто к тому, что... ну, в случае чего... мало ли... мы ведь сможем похоронить его величество как положено, с достойными почестями?

— Молчать! — заорал Брайан.

Эхо от этого крика принялось отскакивать от стен. Слова быстро стихли, но всё ещё казалось, будто по тоннелю разносится подозрительный гул.

— Тише! — рявкнул уже на Брайана Луис. — Мне всё это не нравится. — Он облизнул

пересохшие губы и нервно огляделся. — Делаем привал.

— Мы недостаточно далеко ушли, — покачал головой Брайан.

Но тут как раз вернулся стражник, недавно посланный им назад, для проверки, нет ли за нами погони. Выяснилось, что всё чисто, и Брайан дал добро на десятиминутный отдых. Дойдя до ближайшей пещеры, где пространства было побольше (и даже потолки, к радости Луиса, повыше), мы расселись прямо на каменном полу. Из походных сумок извлекли пару фляг, и даже пустили по кругу какой-то каравай.

Вскоре, к моему немалому удивлению, ко мне подсел Кеннингтон.

— Элайна, зачем вы раздражаете Брайана? — тихо спросил он.

— А вы за него переживаете, Роберт? — саркастически осведомилась я.

— Дело не в этом. Вы понимаете, что играете с огнём? Брайан и в обычном своём состоянии способен серьёзно навредить тому, кого считает своим врагом. А сейчас нервы его на пределе, и это несложно понять. Для вас подобные заигрывания могут очень плохо закончиться.

Я повернула голову и пристально взгляделась в его лицо.

— А вас, Роберт, это с какой стороны беспокоит? — поинтересовалась я. — Неужто имеете на меня какие-то виды?

— Боги с вами, Элайна, — поморщился он. — Просто я вас уважаю. Искренне уважаю вас как человека и не хотел бы, чтобы вы так глупо погибли.

Мои брови поползли вверх и всё никак не желали останавливаться.

— Вы уважаете меня так сильно, что даже участвовали с Брайаном в организации моей публичной порки? — изумилась я вслух.

Роберт вздохнул и помолчал, обдумывая последующие слова.

— Да, мне было известно о планах касательно вашей персоны, — признал он. — Это война, Элайна. Пусть до сих пор она и не принимал той формы, что сегодня, когда светлые вторглись на нашу территорию. Не без вашей помощи, насколько я понимаю. Так вот... Война есть война. На ней используются средства, недопустимые в мирной жизни. Моя основная специализация — военное дело, а не разведка, и не могу сказать, чтобы некоторые из этих методов мне сильно нравились. Но я признаю, что они необходимы. К тому же, на том этапе вы были для меня не более чем именем, написанным на листе бумаги. Когда вы прибыли в Оплот, начали работать, я узнал вас лично — и зауважал. За ваш профессионализм, за принципиальность, за преданность делу Оплота. Которую, как оказалось, мы трактуем совершенно по — разному. Но в данном случае дело не в этом. Я слышал ваше м — м-м... выступление, Элайна. Слышал его вместе с Брайаном. Должен сказать, он пришёл в бешенство. Если бы вы попались ему под руку тогда, думаю, от вас бы мало что осталось. Так что имейте в виду: сейчас он ведёт себя чрезвычайно сдержанно.

— А вы? Как вы отреагировали на ту передачу? — любопытствовала я.

— Передачу? — нахмурился он, отреагировав на новое слово — или, вернее, на новое значение слова, уже знакомого. — Видите ли, Элайна, я — человек старой закалки. Я был воспитан в

определённой среде, где мне были привиты определённые взгляды. И я не из тех, кто легко меняет свои убеждения. Я по — прежнему считаю светлых врагами. В моей семье очень хорошо помнили те обстоятельства, при которых наши предки попали в Оплот. Да и сейчас это они нарушили нашу границу. И в данный момент их факелы поджигают наши деревни, и их стрелы убивают наших солдат.

— Наши деревни никто не жжёт, — горячо возразила я, отчаянно молясь, чтобы это было правдой. Потому что если нет, если после моего «выступления» окажется, что светлые всё-таки принесли в Оплот смерть, мне останется только покончить жизнь самоубийством. — Настрийцы пришли не убивать, а спасти от произвола. Дать свободу выбора.

— Из чистого альтруизма? — усмехнулся Кеннингтон с интонациями, напомнившими мне мои собственные — во время давнего разговора с Сэндом. — Что ж, я не стану с вами спорить, Элайна. Но я почти четыре десятка лет придерживался определённых убеждений, и не думаю, что мне следует их менять. Да, возможно, всё это время я жил в заблуждении. Если так, то, вероятнее всего, в этом же заблуждении я и умру.

— И всё же эти убеждения не помешали вам бросить своих людей и отправиться за границу.

— Моя главная обязанность — позаботиться о безопасности короля, — возразил Кеннингтон. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что, добравшись до Кариса, я собираюсь отсидеться там в каком-нибудь тёплом местечке. Убедившись, что его величество в безопасности, я сразу же возвращусь в Оплот. Чем бы это ни оказалось для меня чревато.

— А прикрываться женскими спинами? — полюбопытствовала я, ёрзая, дабы изменить положение. Не слишком уютно было сидеть на холодном полу, откинувшись упомянутой выше спиной на холодную, неровную стену. — Это укладывается в вашу систему ценностей?

Кеннингтон вновь поморщился.

— Я был против того, чтобы брать вас с собой, — напомнил он. — Но сейчас слишком поздно что-то менять. Помочь вам скрыться я не рискну. Во — первых, вы можете привести погоню, а во — вторых — и это куда более вероятно, — просто заблудитесь или переломаете себе ноги, упав в какую-нибудь яму. И в этом случае ваша смерть действительно будет на моей совести.

Меж тем голос Брайана возвестил о том, что привал пора заканчивать. Все кругом зашевелились, стражники принялись складывать извлечённые вещи обратно в мешки.

— Что ж, мне понятна ваша позиция, и должна признать, что вы тоже внушаете мне уважение, Роберт, — сказала я, поднимаясь с помощью собеседника на ноги. После чего моя рука выскользнула из его ладони, и я добавила: — Но это не помешает мне вонзить нож вам в спину, если представится такой шанс, и я сочту это полезным для дела.

Кеннингтон ухмыльнулся.

— Благодарю за предупреждение.

На этом наш разговор закончился.

А вот другой разговор всё никак не мог толком начаться. Брайан, старавшийся идти в ногу с Тамирой, всё пытался завести с ней беседу. Видимо, стремился хоть как-то примириться. Ему это не удавалось, что было вполне предсказуемо. Куда менее ожидаемым оказалось то, что

Тамира внезапно, отстранившись от Брайана, воззвала к королю:

— Ваше величество! Я прошу вас оградить меня от домогательств этого человека. — Травница решительно подошла к Луису. — Я более не являюсь его невестой. И не обязана терпеть его преследования. Прошу вас, ваше величество! — Девушка вцепилась в короля, практически схватив его за грудки. — Вы — король, ваше слово решает всё!

Король, вынужденный серьёзно замедлить шаг под таким напором, изумлённо взирал на просительницу. Затем посмотрел поверх её головы на Брайана.

— Да я не... — растерянно начал было тот — и осёкся, видимо, не успев найти оптимальное оправдание.

— Я полагаю, господин Коллинз, что в сложившихся обстоятельствах и правда не следовало бы нагнетать обстановку, — заметил Луис.

— Благодарю вас, ваше величество! — воскликнула Тамира, так и не выпуская короля из хватки.

— Тамира, достаточно! — морщась, призвал её к порядку Брайан. — Никто вас не преследует. Отпустите его величество, вы лишаете его возможности нормально передвигаться.

— Хорошо. — Тамира покосилась на него, поджав губы. — Но рядом с вами я путь не продолжу. Предпочитаю идти, — она оглядела наш своеобразный отряд и остановилась на мне, — вот, рядом с Элайной.

Возражать никто не стал. Думаю, для Брайана в тот момент было важнее всего, чтобы закончилась истерика. Да и глупо семерым мужчинам опасаться двух женщин. Что за беда, если они пойдут рядом, и даже поговорят о своём положении?

— Возьмите мой платок, Элайна. — Тамира протянула мне большой шерстяной платок, сложенный в несколько раз. — Здесь холодно, а эти умники даже не догадались прихватить для вас плащ. Я-то успела свой прихватить, поскольку мне дали возможность собраться.

— Благодарю вас.

Плаща у меня действительно не было, но, впрочем, и холода особого я пока не ощущала. Платье было тёплое, шли мы быстро, да и вообще обстановка способствовала напряжению, от которого, в свою очередь, было не холодно, а скорее, наоборот, жарко.

Тем не менее, я приняла платок. И сразу же почувствовала сквозь мягкую ткань что-то твёрдое. Прижала платок к себе, якобы поёжившись от холода. Пальцы осторожно заскользили то вверх, то вниз, ощупывая рукоять и лезвие. Нож или кинжал. Откуда?!

Взгляд сам собой упал на короля. Увы, под плащом нельзя было разглядеть, на месте ли его кинжал, но я была практически уверена: рукоять из ножен уже не торчит. Так вот в чём причина столь не характерного для девушки поведения! Молодец Тамира. Правильный выбор. Из всех присутствующих Луис — единственный, кто с большой степенью вероятности не обратит внимания на такую пропажу.

— Думаю, вам этот платок пригодится больше, чем мне, — завуалированно отметила Тамира.

— А вы сами? Не замёрзнете? — воспользовалась тем же шифром я.

— У меня всегда под рукой кое — какая верхняя одежда, — загадочно отозвалась девушка.

Слыша, насколько невинен поддерживаемый нами разговор, стражники позволили себе чуть отдалиться, и я рискнула шепнуть Тамире то, что по — прежнему меня беспокоило.

— Их всё равно семеро.

— Да, но когда-то мы остановимся на ночлег. Дежурящих будет меньше, — прошептала та в ответ.

Я шагала непосредственно слева от травницы, и лишь поэтому заметила, как в её руке мелькнула пара засушенных листьев. Мелькнула, чтобы мгновение спустя спрятаться в широком кармане. Судя по тому, как задвигался туда — сюда под движениями пальцев этот карман, девушка сейчас крошила их на мелкие кусочки.

— У вас не найдётся чистого платка? — спросила она у меня. — Здесь действительно холодно. Кажется, начинается простуда.

Платок нашёлся, и я протянула его Тамире. Белая ткань вскоре исчезла всё в том же кармане. А вскоре девушка захотела пить. Сделала пару глотков. Потом вылила немного воды на руку, вроде бы для того, чтобы смыть пятно с платья. А потом незаметно плеснула немного жидкости себе в карман.

Мы продолжали идти в прежнем темпе, не медленно, но и не слишком быстро, поскольку регулярно посылаемые на разведку стражники раз за разом оповещали об отсутствии даже намёка на преследование. Поэтому вполне естественно, что в возгласе одного из наших спутников слышалось в первую очередь удивление, когда он, обернувшись, обнаружил непосредственно за нашими спинами другой отряд.

Услышав, как он вскрикнул, мы все инстинктивно остановились и обернулись. Я чуть не закричала от радости, хотя и было понятно, что битва ещё далеко не выиграна. Всего в нескольких ярдах от нас стояли Сэнд, Эдвин и ещё трое темноволосых мужчин. Один из них держал факел. Все были вооружены.

— Это ещё что такое?!

Похоже, главным чувством, испытываемым Брайаном, было негодование.

— Меж пространственное перемещение, — с неискренней, но очень широкой улыбкой просветил его Сэнд. — Говоря проще, портал.

— Порталы не действуют с нашей стороны от Грани, — сквозь зубы произнёс очевидное Брайан.

— Порталы не действуют на территории Оплота, — поправил его Сэнд. — А с этой стороны территория Оплота ограничена Замком Надежды. Так что данный тоннель, грубо говоря, ничей. И порталы здесь отлично работают — как вы можете убедиться.

— Не советую трогать женщин, — добавил Эдвин, стоило Брайану лишь повернуть голову в нашу сторону.

В руках одного из незнакомых мне спутников Сэнда появился арбалет. А между тем сам Сэнд и Эдвин внезапно исчезли, оставив вместо себя лишь мерцание факела, чтобы спустя долю

секунды возникнуть в коридоре с противоположной стороны от нас, преграждая дорогу к Карису.

Теперь мы были некоторым образом окружены, но... наших пятеро, а на стороне Брайана — семеро. Правда, я готова была поспорить, что Луис в сражении ничего не стоит. А вот насчёт Брайана была совершенно не уверена. Он мог оказаться отличным воином, а мог и никаким. Всё же работал он в первую очередь головой.

— Ладно, на нас их вывел ты, — крикнул Эдвину Брайан. — Но каким образом ты освободился?

Наверное, таким образом он пытался потянуть время. И параллельно с разговором напряжённо думал, как именно выйти из сложившейся ситуации.

— Ты забываешь о таком нюансе как телепатические способности, — откликнулся Эдвин. — Не забавно ли, что человек, якобы так ратующий за благополучие темноволосых, не учёл именно возможности тёмной магии?

— Нельзя ли поточнее и без патетики? — холодно поинтересовался Брайан.

— Не очень актуально в данный момент, — пожал плечами Эдвин. — Но если тебе так интересно, то я умею посылать ментальный зов. А мой товарищ по оружию, — он глянул в сторону своих соратников, но я не смогла бы определить, на которого, — умеет подобные зовы считывать.

Напряжение нарастало. Невзирая на «милую» беседу, все прекрасно понимали, чем именно должен закончиться этот разговор. Понимали и крепко сжимали рукояти своих мечей.

— Мне понятны способности, о которых ты говоришь, — не без раздражения отозвался Брайан. Ему по — прежнему приходилось повышать голос: всё же их с Эдвином разделяло порядочное количество людей. — Но никакие телепатические способности не позволят передать на расстоянии полноценный текст. Как ты мог сообщить своё местонахождение? И уж тем более объяснить сообщнику, как войти в тоннель?

— А этого не требовалось, — отозвался сообщник низким голосом с чуть ленивыми интонациями. — Вы недооцениваете оппозицию, господин Коллинз. После того, как вы объявили на нас охоту, мы научились очень неплохо ориентироваться в горах. И о сети тоннелей тоже знали. Изучить её досконально пока не хватило времени, да и цели мы такой перед собой не ставили. Так что о том, что через горы можно добраться до самого замка, не знали. Но отыскать товарища, приблизительно определив его местонахождение, как видите, сумели.

— По — моему, разговоров достаточно, — вмешался Сэнд, и тут я его полностью поддерживала. — Ваше величество!

Луис, до сих пор пребывавший в состоянии некоторой прострации, встрепенулся и устремил на единственного в подземелье блондина дезориентированный взгляд.

— Я предлагаю вам отпустить женщин и пройти вместе с нами обратно в замок, — продолжил Сэнд, убедившись в том, что завладел вниманием короля. — Заверяю вас, что ничего дурного с вами не случится. Наша цель — открыть границу и предоставить жителям Оплота возможность выбрать свою дальнейшую судьбу. Мы не собираемся ни убивать вас, ни заточать в тюрьму.

— Всего лишь свергнуть? — хмыкнул Брайан.

— Договориться, — поправил его Сэнд. — Вполне возможно, что его величество продолжит управлять Оплотом. При условии, что мы придём к соглашению. Однако я предлагаю продолжить переговоры в более подходящем месте.

— Хотите сделать Луиса Пятого, потомка первых королей Оплота, своей марионеткой? — прокричал в ответ Брайан.

— Хочу, чтобы жителей Оплота, являющихся также подданными Настрии, не сажали в тюрьму за обращение к лекарям, — высказал альтернативное видение ситуации Сэнд. — А также не запрещали им переезд из одного города в другой. Однако за каждым из них остаётся право жить своей прежней жизнью.

— С каких пор жители Оплота стали подданными Настрии? — не сдавался Брайан.

— Они никогда не переставали ими являться, — ответил Сэнд с показным удивлением, словно недоумевая, как такой очевидный факт мог ускользнуть от внимания Брайана. — Нынешний король всего лишь возвратил им прежние права, а также предоставил некоторые льготы желающим сменить место жительства.

— Довольно! — оборвал его Брайан, даже не считая нужным посоветоваться с королём хотя бы для виду. Не тот наступил момент. — Пленных можно не брать.

Последняя фраза была адресована стражникам и явилась призывом к действию. Тугодумами подчинённые Брайана не были. Что и неудивительно: понятное дело, что для сопровождения короля в Карис кого попало с собой бы не взяли. Трое — Кеннингтон и двое стражников — ринулись в атаку. Соратник Эдвина, державший на прицеле третьего стражника — того, что остался караулить нас с Тамирой, — передвинул арбалет и выстрелил в одного из нападающих, но не попал. Дальше в ход пошли клинки. Но, увы, не только.

Луис, как я и предполагала, в бой не вступал. Брайан тоже пока не торопился. Он что-то шепнул стоявшему рядом Горсу, и я до боли закусила губу, поняв, что сейчас произойдёт. Из пятерых нападавших ближе всего к нам с Тамирой сумел прорваться Сэнд, и именно на него устремил сейчас свой взгляд замковый палач.

Я видела, как движения Сэнда замедлились, как он, побледнев, остановился, как искусственно навязанный ужас сверкнул в его глазах. Он по — прежнему крепко сжимал в руке меч, кажется, даже крепче, чем раньше. И продолжал бороться с охватившем его состоянием. Похоже, что здесь, вдали от «ключа», действие магии Горса было не столь сильным, как несколько часов назад с Эдвином. Или, вернее, здесь лучше срабатывала естественная защита мозга. С другой стороны, Эдвин как минимум знал, что именно с ним происходит. Сэнд же, не слишком хорошо знакомый с тёмной магией, не мог так быстро распознать её признаки. И оттого ему было особенно тяжело. Фактически он чувствовал себя человеком, на которого внезапно накатило безумие.

Я почувствовала на языке неприятный привкус крови. На пути к Сэнду сверкало лезвие меча, вытянутого стражником. А между тем происходившее с моим мужем до сих пор было ещё не самым худшим. Поскольку теперь и Брайан извлёк на свет небольшой арбалет.

— Может быть, здесь и не территория Оплота, но действие «ключа» распространяется на всю протяжённость хранящих его скал, — тихо, но отчётливо произнёс он, нацеливая оружие. — А от тебя следовало избавиться очень давно.

Увы, в данный момент Сэнд был не в том состоянии, чтобы заметить направленный на него арбалет. А его соратники были слишком заняты собственной битвой.

Дальнейшее произошло стремительно, словно мгновение растянулось, дабы вместить в себя целую серию событий. Раз — Тамира вытащила из кармана вымоченный в зелёной жидкости платок и неожиданно прижала его к лицу охранявшего нас мужчины. Тот, разумеется, стал сопротивляться. Два — воспользовавшись их борьбой, я ринулась к Брайану. Он стоял совсем близко, а Горс, полностью поглощённый процессом магического воздействия — чуть дальше. Три — стражник, почти успевший отделаться от Тамиры, закатил глаза и упал без чувств, надышавшись через платок неизвестного мне снадобья. Четыре — я выхватила добытый травницей кинжал и, когда Брайан был уже готов спустить тетиву, вонзила его королевскому советнику в спину. Стрела всё-таки отправилась в полёт, но траектория сместилась, и наконечник ударился в каменную стену.

Ты сам научил меня этому, Брайан. Пусть не лично давал уроки, пусть это были твои подчинённые. Но именно ты захотел, чтобы я освоила эту науку. Чтобы точно знала, как правильно вонзить человеку нож между лопаток. Куда именно должно быть направлено остриё. Не сознавая того, ты стал творцом своей судьбы Брайан. Ты сам привёл к тому, что произошло в том тоннеле.

Я никогда не хотела мстить. Даже в самые чёрные минуты, уже точно зная, кому я обязана своей поломанной жизнью, я не тешилась мыслью о страшных карах, которые могли бы настичь моего обидчика. Потому что точно знала: они, эти кары, ничего не изменят.

Я никогда не стремилась убивать. Даже пройдя специальный курс обучения в ведомстве Брайана, я всё ещё не представляла, как смогу выполнить задание. И не смогла, несмотря на то, что провал, как мне представлялось, грозил самыми страшными последствиями.

Но есть чувства, обладающие ещё большей силой, чем моё нежелание убивать. И увидеть гибель близкого мне человека я оказалась не готова.

Я поддержала Брайана, когда он стал оседать на пол с безвольно повисшими руками, из которых уже выпал разряженный арбалет. Голова его опустилась на холодный камень, и остекленевший взгляд устремился в потолок. Я провела рукой по лицу творца судеб Тёмного Оплота, закрывая его глаза.

И лишь тогда осознала, что упустила из виду одну деталь. Эта деталь звалась Горсом.

Увидев, что произошло, он прекратил ментально воздействовать на Сэнда и переключил внимание на меня. Нет, он не собирался вызывать в моей душе приступ ужаса. Вместо этого просто выхватил меч и собрался прямо на месте покарать меня за то, что я сделала с его хозяином.

Но прежде, чем я успела окончательно осознать, что увернуться уже не успею, а Сэнд находится слишком далеко, Горс дёрнулся, захрипели завалился на спину, в то время как изо рта у него потекла струйка тёмной крови. Подняв недоумённый взгляд, я ошарашенно уставилась на Кеннингтона.

— Он никогда мне не нравился, — как бы оправдываясь, произнёс тот, и вытащил из тела палача окровавленный меч.

Меж тем в тоннеле наступила тишина — во всяком случае, так казалось после ожесточённого

шума недавнего боя. Только я собралась подняться на ноги, как увидела протянутую для помощи руку. Это оказалось очень кстати. Сэнд, фактически без моего участия, поставил меня на ноги — и сразу же притянул к себе.

— Больше никогда — слышишь меня? никогда! — заговорил он мне на ухо, прижимая сильнее и сильнее, до боли, до затруднённого дыхания, — я не отпущу тебя на подобное предприятие. Плевать, виноват я перед тобой или нет. В следующий раз просто запрю в четырёх стенах, но не поддамся. И можешь кричать, что я — тиран и деспот, можешь обращаться к судьям, можешь взывать к самому Джеймсу, — мне всё равно!

— Послушай, тиран и деспот, — прошептала я, когда сумела унять отчего-то подступившие к горлу слёзы, — забери меня домой, а? Я устала. И не хочу больше участвовать в подобных мероприятиях.

— Обещаешь?

Сэнд отстранился, чтобы заглянуть мне в глаза, и я получила возможность увидеть, что творится вокруг. Эдвин обнаружился рядом с Тамирой. Кажется, он получил незначительную рану, которую теперь осматривала травница. Соратники Эдвина связывали руки выжившим стражникам.

— Обещаю, — подтвердила я. — Буду только шить, вышивать и рассказывать сказки по эхолиям.

Немного подумав, я качнула головой.

— Нет, так не получится.

Сэнд посмотрел меня с обречённым видом «Я так и знал!», и я поспешила уточнить:

— Шить я не умею.

Потом немного подумала и добавила:

— И вышивать, если честно, тоже.

Кровь просочилась сквозь рубашку Эдвина в районе плеча. Рука безвольно не вист, это хорошо, но всё равно необходимо было срочно осмотреть рану.

— Повернись! — велела Тамира и, видя, что пациент не торопится, сама обошла его, чтобы проверить, как далеко простирается порез.

Однако Эдвин тут же повернулся к ней лицом, не позволяя закончить осмотр.

— Знаешь, с некоторых пор я как-то некомфортно чувствую себя, стоя к тебе спиной, — насмешливо сообщил он.

Тамира подняла на него укоризненный взгляд.

— Давай без глупостей, — попросила она. — Просто повернись. Надо разобраться с твоей раной.

— С моей раной всё в порядке, — отозвался он. — По сравнению с ударом статуэткой по голове

— сушая ерунда. Нет, это действительно ужасно, — продолжал Эдвин, пока Тамира, махнув на его красноречие рукой, разорвала рубашку и принялась как следует исследовать рану. — Жена, к которой боишься повернуться спиной. Потому как вдруг у неё под рукой окажется что-то тяжёлое.

— Ну, тут всё просто, — отозвалась Тамира, не отрываясь от своего занятия. — Женись на такой, к которой спиной повернуться не страшно.

— Поздно, — вздохнул Эдвин.

Тамира подозрительно посмотрела на него исподлобья.

— В каком это смысле?

— Такая жена меня уже не устроит, — скорбно сообщил Эдвин. Потом посерьёзней и, перехватив руку Тамиры, отвёл её в сторону, заставляя девушку отвлечься от раны. — Тамира, выходи за меня замуж!

Соратники Эдвина, возившиеся с пленными поблизости, постарались вести себя потише, и с интересом прислушались к разговору. Травница застыла, оторопело уставившись на собственную отведённую руку.

— Ты с ума сошёл? — высказала предположение она.

— Не знаю. — Тон Эдвина с серьёзного сменился на беззаботный. — Но, во всяком случае, меня точно можно назвать стукнутым на всю голову. У меня и свидетели есть.

Один из его союзников, тот самый, что в своё время увёз Эдвина из дома Тамиры, беззлобно хохотнул. Но, заметив, что на него устремились не слишком довольные взгляды как потенциальной невесты, так и потенциального жениха, поспешно отвёл глаза и сосредоточился на связывании ещё не пришедшего в себя стражника.

— Я же хотела как лучше! — взвилась Тамира.

Она говорила полусшёпотом, чтобы их диалог не становился достоянием всех присутствующих в тоннеле. Стоит ли уточнять, что друзья Эдвина, немного поднапрягшись, всё равно слышали каждое слово.

— Понимаю, — не стал возражать Эдвин. — Но и ты ведь должна понимать, что теперь, с такой контузией, за меня замуж никто не пойдёт. Мало ли чего от меня теперь можно ожидать. Так что придётся тебе это как-то компенсировать...

— То есть это предложение руки и сердца? — прямо спросила травница.

— Оно самое, — подтвердил Эдвин.

Девушка закатила глаза.

— Нет, я, конечно, всегда знала, что со мной что-то не так, — вздохнула она, якобы разговаривая сама с собой. — И вот оно, подтверждение. Мне даже предложение делают, как никому другому! Кругом — трупы и лужи крови, стоим в забытом богами месте, куда даже солнечный луч никогда не проникает, и кандидат в женихи — человек, который, вполне вероятно, всего несколько часов назад получил сотрясение мозга!

— Ромаантика! — протянул приятель Эдвина.

Процесс связывания уже был завершён, и теперь мужчина стоял, привалившись плечом к стене, и с нескрываемым любопытством прислушивался к разговору.

— Соглашайтесь! — поддержал его второй соратник.

Поглядев на них, как хозяйка огорода — на вредных мальчишек, попытавшихся перелезть через забор, Тамира вновь сосредоточила внимание на Эдвине. Тот стоял неподвижно, вопросительно изогнув брови.

Травница постояла, поджав губы.

— Имей в виду: никаких многолюдных церемоний, — категорично заявила она. — И ещё: я не хочу жить в большом городе.

Этот ответ был встречен громом аплодисментов, какого уж точно не знал древний подгорный тоннель.

— Могу пообещать, что в ближайшее время больших городов не будет, — вмешался в разговор обнимающий меня за плечи Сэнд. — Мне понадобится во главе Оплота верный человек из местных. Тёмный, знающий здешнюю жизнь, на которого я смогу положиться. Угадайте, кто это будет?

Глава 20

В Иллою мы возвратились при помощи портала. Однако, поскольку этот вид светлой магии по — прежнему блокировался на территории Оплота (разобраться в принципе работы блокировки и отменить её учёным пока не удалось), до Грани пришлось добираться обычным путём.

Грань снова работала, выпуская светлых на родину, но не позволяя им пройти в Оплот. Открывали её лишь на два часа в сутки, в строго определённое время. Сочли, что это придаст населению чувство безопасности. К слову сказать, обстановка в стране была нервной, но напряжение порождал не страх. К счастью, светлая армия прошла по Оплоту спокойно, не трогая мирное население и уж конечно не сжигая деревни. Генерал Дер оказался профессионалом и выполнил своё обещание. Разделавшись с пограничным отрядом, солдаты в знак мирных намерений убрали мечи в ножны и ровным строем направились к городу. Меж тем сопровождавшие армию герольды оповещали население о том, что цель светлых — не убивать жителей Оплота, а освободить заключённых и открыть границу. Насколько люди поверили, сказать трудно. Но светлые подкрепили свои слова делом, а, когда всё было кончено, я, несмотря на бессонную ночь и утомление, вышла на площадь. Народу собралось много: несмотря на естественные опасения, все хотели знать, что ждёт Оплот дальше. И я стала объяснять, в меру своего собственного понимания. К счастью, с армией пришли люди, обладавшие способностью магически усиливать голос. В противном случае я вряд ли бы справилась.

Освобождение заключённых действительно стало одной из первых задач после взятия Замка Надежды. Занимались этим в основном Эдвин со своими товарищами. Но я, конечно же, удостоверилась в том, что все мои знакомые, и в первую очередь — старушка Клэр, вышли на волю и не успели серьёзно пострадать. Старушка Клэр оказалась бодрее многих молодых. С разрешения мужа, я пообещала ей дом в хорошей настрийской деревне, формально — в качестве награды за оказанную государству помощь.

Да, напряжение ощущалось в атмосфере Оплота, но причиной, как я упоминала выше, был не страх. Скорее люди осознавали, что старой жизни пришёл конец, и пытались теперь разобраться, что принесёт новая. В Настрию отправлялись пока далеко не все, и тем не менее, подъехав к Грани, мы обнаружили там длинную очередь.

В Оплоте нам с Сэндом пришлось провести несколько дней. Дел было слишком много, и некоторые следовало уладить прежде, чем оставлять Эдвина один на один с неизбежными многочисленными сложностями. В частности, была решена судьба Луиса. Убивать короля действительно никто не собирался: такая казнь имела бы лишь негативные последствия, да и не было в ней ни малейшей необходимости. Вместо этого Луису выделили небольшую территорию в Настрии, сопоставимую по размерам с Тёмным Оплотом, поселили в замке и оставили править, оставив при этом помощников, которые должны были удостовериться, что данное правление не скажется пагубно на вверенной бывшему королю земле. Такое решение придавало уверенности населению Оплота. Выходило, что после объединения с Настрией Луиса не казнили и даже не то чтобы свергли, скорее просто перевели на другой участок.

Военнопленных по большей части отпустили. В том числе и Кеннингтона. Несмотря на то, что он занимал место в самой верхушке правительства Оплота, а также участвовал в похищении, после его последнего поступка, советника было решено не заключать в тюрьму. Его выпустили и предоставили свободу действий, хотя, понимая, что человек его уровня может представлять опасность, продолжили потихоньку за ним присматривать. Помня, что человек, обладающий его знаниями и талантами, может оказаться очень полезен, но предпочитая подождать с конкретными предложениями до тех пор, пока не удастся убедиться в его благонадёжности.

Когда портал перенёс нас с Сэндом непосредственно в его дворец, в усталый узкий тёмно — синим ковром коридор второго этажа, внутри что-то защемило. Слово между сердцем и горлом протянулась и надрывно задрожала тонкая струна. Стал ли этот дворец для меня домом? Наверное, ещё нет. Но и чужим он тоже уже не был.

— Послушай, сюда что же, может проникнуть любой, кто умеет открывать порталы? — вдруг озаботилась безопасностью жилища я.

— Нет, — усмехнулся Сэнд. — Сюда могу попасть только я. И то у охраны срабатывает магическая система оповещения, так что о моём возвращении во дворец уже знают. А посторонние, открывающие сюда портал, попадают ко входу, где им, как и всем, приходится пройти через стражу. К тому же после некоторых небезызвестных тебе событий я основательно улучшил систему охраны дворца.

Закончив объяснения, он взял меня за руку и повёл по коридору в сторону своих покоев.

— Всё, ближайшие два дня — никаких дел, — заявил он. — Никакой политики, никаких документов, никаких порталов. Пусть хоть сам король вызывает.

— Думаю, Джеймс отнесётся с пониманием, — улыбнулась я.

Сэнд взял меня за руки и по очереди поднёс их к губам — сначала левую, потом правую.

— Лорд Уилфорт! — воскликнул запыхавшийся Джой, выбежав из-за угла. — Добро пожаловать домой! У нас много нерешённых вопросов. Есть бумаги, на которые надо поставить подпись...

— Джой, — с напускной строгостью перебил его Сэнд. — В данный момент я занят. Как видишь, я разговариваю с леди Уилфорт. Так что приходи через час... нет, лучше через два...

Нет, лучше всё-таки завтра после обеда.

Галантно распахнув передо мной дверь, он пропустил меня в комнату, а затем прошёл следом сам. Прежде, чем дверь окончательно закрылась, я успела услышать пробежавший по коридору шепоток «Леди Уилфорт?!».

— Ну хорошо, свои деньги ты получила. И что собираешься делать дальше? — поинтересовался Роберт.

Иден уже надела шёлковое платье поверх своего умопомрачительного, как всегда, белья, и теперь прихорашивалась, сидя перед зеркалом.

— О, у меня масса планов, — лучезарно улыбнулась она. — С такими деньгами можно повернуть просто потрясающие проекты. Я уже предвкушаю несколько чрезвычайно насыщенных лет.

— Несколько насыщенных лет... — проворчал Роберт, повыше сядя в кровати. Ноги прикрывало одеяло, а вот торс был открыт для обозрения, чем глядящая в зеркало Иден не замедлила воспользоваться. Всё-таки посмотреть было на что. — Не пора ли уже немного сбавить темп?

— Ну что ты, милый! — просияла аферистка. — Я ещё молода и полна сил. Разве ты не заметил?

Роберт закатил глаза. Спорить на этот счёт после недавно проведённого времени не было ни желания, ни сил. Сказать по правде, последние эта девица, равных которой в постели попросту не существовало, выпила до дна.

— Значит, продолжаешь жить по — прежнему? — уточнил он.

Иден кивнула. Длинные серьги, напоминающие по форме перевёрнутые вопросительные знаки, закачались из стороны в сторону.

Девушка встала и направилась к двери.

— В таком случае изволь сперва вернуть мой фамильный перстень, — потребовал Роберт.

— Ах да, фамильный перстень... — протянула Иден. И, лишь оказавшись у самой двери, взявшись за ручку, выдала: — Не верну.

И, послав хозяину спальни воздушный поцелуй, нырнула в дверной проём.

— Стой! — рявкнул Роберт, но Иден всё рассчитала правильно: бегать за ней по дворцу нагишом он всё-таки не станет. А к тому времени, как успеет одеться, она уже двадцать раз примет чужую личину. Поэтому он лишь проорал ей вслед: — Да почему, чёрт возьми?

Конечно, сделал он это больше для себя, будучи уверенным, что Иден не услышит, а если даже вдруг услышит, всё равно не ответит. Тем сильнее было его изумление, когда откуда-то издали донёсся ответный выкрик:

— Не хочу!

— Представитель издательского дома «Релби и сыновья» интересуется. Следует ли

публиковать автобиографию писателя из Оплота в случае, если текст совершенно бездарен? — суммировал содержание прочитанного письма Джой.

— Нет, — хором ответили мы с Сэндом, лишь слегка приподнимая головы над собственными стопками бумаг.

Джой сделал заметку на полях и перешёл к следующему посланию.

Примерно через неделю после нашего возвращения из Оплота я, следуя данному Сэнду обещанию, начала рассказывать истории по эхолиям. Передачи пользовались успехом, и в скором времени информацию о моей масти предали огласки. Сделали это в совершенно неожиданной для меня форме — а именно, взяв у «сказительницы» интервью. Причём как Сэнду, так и работникам эхолий пришлось приложить немало усилий, чтобы уговорить участвовать в этом сомнительном мероприятии. Судя по проведённым впоследствии опросам, если масть ведущей и привела к потери части аудитории, то это была лишь очень незначительная её часть.

Однако ограничиться лишь этим занятием мне не удалось. И вовсе не из-за обещанных Сэнду шитья и вышивания. Просто дел, связанных с интеграцией в Настрии бывших жителей Оплота, оказалось очень много. Участие тёмных, знакомых как с настрийской жизнью, так и с обычаями Оплота, было по — настоящему важным. Да я и не смогла бы я стоять держаться в стороне в стороне, оставив судьбу тёмной масти на усмотрение светлых лордов и законников. И вот теперь, как уже много дней подряд, мы с Сэндом и Джоем сидели в просторном кабинете каждый за своим столом и разбирали стопки писем, жалоб и запросов.

— Ещё один важный вопрос, — вновь оторвался от чтения секретарь. — В этом обращении указывается на несовершенство правоохранительной системы. Не существует отдела, который специализировался бы на преступлениях, совершаемых при помощи тёмной магии.

— А светлой? — тут же вскинулась я, недовольная подобным выделением темноволосых.

Можно подумать, мы совершаем больше преступлений, чем светлые! Хотя кто это говорит... Женщина, которая чуть не убила своего мужа кинжалом, а потом сбежала из-под ареста через окно? Удивительно, но если получаешь воспитание благопорядочной гражданки, то продолжаешь чувствовать себя таковой, даже совершив пару — тройку десятков преступлений.

— В каждом участке есть отдел по злоупотреблению магией, — ответил за Джоя Сэнд.

— Тогда не понимаю, в чём проблема, — заявила я. — Вот этот отдел пусть и занимается любыми магическими преступлениями.

— Элайна, эти люди в большинстве своём ничего не смыслят в тёмной магии, — поморщился Сэнд. — Они попросту недостаточно квалифицированы, чтобы решать подобные проблемы. Так что в чём-то автор этого письма прав.

— Тогда пусть разделят этот отдел на два. Один по злоупотреблению магии светлых, другой — тёмных, — откликнулась я, по — прежнему считая, что темноволосые не должны оказаться на особом положении. — И пусть в отделы, специализирующиеся на тёмной магии, постараются брать на работу преимущественно тёмных следователей. Тогда, во — первых, они будут лучше разбираться в том, что расследуют, а во — вторых, не получится, будто законопослушные светлые гонятся за преступными тёмными.

— Транслируемая картина выходит более взвешенной: и преступники, и законники есть на любой стороне... — проговорил Сэнд, одновременно оценивая моё предложение. — Разумно. Согласен.

Джой кивнул и принялся записывать что-то в свою тетрадь.

Высокие своды храма святого Риала способствовали тому, чтобы входящий ощутил себя крошечным зверьком, заглянувшим в огромный мир. Однако благодаря солнечному свету, обильно проникающему сквозь высоко расположенные окна, или по какой-то иной причине, складывалось впечатление, что храм приветствует посетителей улыбкой.

Появление Сэнда не осталось незамеченным, и архиепископ Астарх лично вышел нам навстречу. Это был высокий, широкоплечий светловолосый мужчина, который, не будь он обряжен в рясу, запросто мог бы сойти за воина.

— Это приятный сюрприз, лорд Уилфорт, — произнёс он, разводя руки в стороны, словно для объятия. В действительности это был скорее жест гостеприимства. — И госпожа... ?

— Кенборт, — ответила я.

— Рад видеть вас в нашем храме. Могу я оказать вам какую-либо помощь? Вы пришли ко мне?

— Да, ваше преосвященство, — откликнулся Сэнд.

Несмотря на официальность общения, эти двое явно были знакомы и, кажется, испытывали взаимную симпатию. Это заставило меня вздохнуть с облегчением.

— Мы пришли к вам для разговора о бракосочетании, — продолжал Сэнд.

— Ну что ж, — улыбнулся архиепископ, — это приятная тема для беседы. — Стало быть, вы двое хотите обвенчаться?

— Не совсем, — покачал головой Сэнд.

— Хм, — архиепископ выглядел слегка озадаченным, — стало быть, вы собираетесь жениться на другой женщине?

— Нет. — Губы Сэнда тронула улыбка. — Речь идёт об уже состоявшейся свадьбе.

— Я весь внимание.

Священнослужитель явно оставил попытки самостоятельно определить причину нашего прихода.

— Вы помните о карнавальной свадьбе, имевшей место на последнем Балу Неузнанности?

— Разумеется. — Архиепископ оборвал сам себя на полуслове; брови его поползли вверх. — Это были вы?

Сэнд согласно кивнул.

— Однако же вы умеете хранить секреты.

Сколь бы сильно ни удивился Астарх, опомнился от удивления он очень быстро.

— Приходится, — усмехнулся Сэнд.

— Ну что ж. — Мне показалось, что во взгляде архиепископа мелькнуло разочарование. — Полагаю, вы пришли, чтобы получить развод? Разумеется, мы незамедлительно это устроим. Как-никак, данное недоразумение произошло по нашей вине. Не сомневайтесь, виновный был наказан с должной строгостью. Итак, прошу вас подождать несколько минут. Сейчас я обо всём распоряжусь.

— Нет — нет, ваше преосвященство, не торопитесь, — остановил его Сэнд. — Мы пришли не за разводом.

Уже собиравшийся уйти архиепископ замер, окончательно осознав, что предугадать ход наших мыслей на его месте не смог бы никто.

— Что же в таком случае привело вас сюда? — осторожно осведомился он.

— Мы бы хотели устроить церемонию бракосочетания, — объяснил Сэнд. — Не полноценную, конечно, — уточнил он, — ведь сам по себе обряд уже был проведён. Вопрос заключается в том, можем ли мы устроить что-то вроде... — он возвёл глаза к высокому потолку, — ... скажем, подтверждения серьёзности намерений, ну, или нечто подобное в таком ключе. Не совсем бракосочетание, но нечто аналогичное, что разрешило бы любые недоразумения, связанные с... некоторой неоднозначностью ситуации. Я понимаю, конечно, что очень нестандартная просьба, но ведь, согласитесь, и сама по себе ситуация не стандартна, — тонко намекнул он на вину церкви в произошедшем.

Архиепископ, впрочем, признаков недовольства или замешательства не проявлял; напротив, по моему, предложение Сэнда полностью его устраивало.

— Отлично, — подтвердил мои предположения он. — Именно так мы и поступим. Я лично займусь планированием церемонии и сам её проведу.

— Благодарю вас, ваше преосвященство. — Мы с Сэндом переглянулись, и он перешёл ко второму вопросу, который мы планировали поднять на этой встрече. — Вы упомянули, что священнослужитель, проводивший церемонию на балу, был наказан. А какова суть наказания?

Перед посещением храма мы с Сэндом подумали, что за священника надо бы заступиться. Конечно, он основательно наломал дров, но, с другой стороны, в конечном итоге всё сложилось как нельзя лучше. И мы были по — своему ему благодарны.

— Он сослан из столицы в небольшое удалённое селение под названием Ронкем.

— Ронкем... — задумчиво протянул Сэнд. — Знакомое название. Кажется, я что-то о нём слышал.

— Это очень маленькое селение, где нет светской жизни, — пояснил архиепископ. — Никаких балов, раутов и даже рестораций. А славится оно своей швейной мастерской, поставляющей в Иллою шарфы с красивым шитьём, да винодельней.

— Винодельней, — эхом повторил Сэнд.

Мы вновь переглянулись.

— Так вы хотели что-то сказать по поводу этого священнослужителя? — уточнил архиепископ.

— Нет — нет, — с невинным видом ответил Сэнд. — Мы считаем наказание совершенно справедливым. Священник находится именно там, где ему и нужно. Не так ли, Элайна?

... И снова мы стоим под белоснежным балдахином, удерживаемом на четырёх специально установленных в храме шестах. Этот низкий белый «потолок» создаёт ощущение уюта и защищённости. Там, за пределами нашего временного убежища, на длинных скамьях собралось совершенно безумное множество народа. Столько, сколько смог вместить храм. Когда место закончилось, какой-то светлый, обладающий даром левитации, поинтересовался, нельзя ли поприсутствовать на церемонии, зависнув в воздухе у гостей над головой. Разрешения он не получил: прихожанина, летающего под сводами храма, сочли насмешкой над богами.

Снова у Сэнда в руке букет, и снова перед нами стоит священник. Только на сей раз это сам архиепископ в специальной золотой сутане для особых случаев, и он, конечно же, трезв как стёклышко.

— Братья и сёстры! — приступил к церемонии Астарх, когда гости кое-как устроились в храме, который при других обстоятельствах никто бы не рискнул назвать тесным. — Мы собрались здесь, чтобы лицезреть чудо, ибо лишь чудом можно назвать событие, когда боги соединяют две жизни в единую семью. Две судьбы сплетаются вместе, дабы превратиться в одну. Знаю, что здесь — не место для политики, однако же считаю важным подчеркнуть значимость этой свадьбы. Сами боги свели этих двоих вместе именно сейчас, в наш век перемен. Сегодня, помимо новой семьи, они даруют нам символ будущего, напоминая о том, что мир негоже делить на тёмный и светлый. Тысячу раз сказано, что кроме чёрного и белого, существует множество других цветов. Я же хочу подчеркнуть, что, даже сосредоточившись на чёрном и белом, достаточно лишь немного напрячь глаза, дабы разглядеть множество разнообразных оттенков. Эти оттенки переплетаются, образуя чёрно — белую палитру. И её используют сами боги, рисуя чудесной кистью новые образы на листах судьбы. И вот теперь я спрашиваю тебя, Элайна, урождённая Кенборт, подтверждаешь ли ты своё согласие быть женой Александра Уилфорта, в горе и радости, во тьме и в свете?

— Да, — просто ответила я.

Речевые изыски были бы сейчас излишни.

— А ты, Александр Уилфорт, подтверждаешь своё согласие взять в жёны Элайну, урождённую Кенборт, быть ей мужем и заботиться о ней в горе и радости, во тьме и в свете?

— Подтверждаю, — звонко произнёс Сэнд.

— В присутствии свидетелей объявляю ваш брак действительным! — торжественно провозгласил архиепископ. — Лорд Уилфорт, вы можете поцеловать свою супругу.

И Сэнд вручает мне букет.

Дальше пошли многочисленные поздравления. У Сэнда среди присутствующих знакомых было значительно больше, поэтому неудивительно, что на некоторое время его от меня оттеснили. Я была не в обиде. В отличие от свадебной церемонии, брачной ночи у нас пока ещё не было, и

Сэнд обещал исправить сегодня это упущение с набежавшими за прошедшее время процентами. Так что я была вполне в состоянии немного подождать, не борясь за его внимание со всеми присутствующими.

Увидев знакомое лицо, я сама направилась в сторону гостыи.

— Поздравляю! — улыбнулась Тамира, шагнув мне навстречу. — Это очень значимое событие.

— Спасибо. Вас тоже можно поздравить? Я слышала, вы с Эдвином поженились неделю назад?

— Да, — смущённо кивнула девушка. — У нас всё было совсем не похоже на это. — Она обвела взглядом полное народу помещение. — Всего двенадцать гостей.

Я понимающе кивнула: двенадцать — это минимальное число свидетелей, которое должно присутствовать на церемонии бракосочетания, чтобы она считалась действительной. Робкой Тамиру назвать нельзя, но многолюдные собрания заставляли девушку напрягаться: она и сейчас была, без сомнения, здорово скованна, и чувствовала себя не в своей тарелке. Впрочем, это могло быть связано и с тем, что она впервые в жизни находилась за пределами Оплота, в месте, где светловолосых было значительно больше, чем тёмных.

— Уверена, Эдвин будет отличным мужем, — сказала я, стремясь отвлечь её от созерцания окружающей толпы.

Не могу сказать, чтобы такая пышная церемония с огромным количеством гостей была особенно мне нужна, но я и не испытывала в данной связи серьёзного дискомфорта.

— Да, — невольно улыбнулась Тамира. — Думаю, что так.

— Он не смог приехать?

— К сожалению. Дела никак не позволяли. Так что я здесь за двоих. Большое спасибо вашему мужу за то, что открыл для меня портал. В такой день ему наверняка было чем заняться и без этого.

— О чём разговор! — отмахнулась я. — Хорошо, что вы смогли выбраться. Стало быть, дел в Оплоте по — прежнему выше крыши?

— Да, и это ещё надолго, — вздохнула Тамира. — Это не совсем та жизнь, которой мне бы хотелось. Да и у Эдвина к вечеру просто не остаётся сил, чтобы пошевелиться. Но мы договорились, что через несколько лет, когда основные сложности разрешатся, и жизнь войдёт в более спокойное русло, мы переедем в Настрию. В какое-нибудь небольшое, спокойное селение.

— Вам не станет там скучно?

Я примерила ситуацию на себя: сама бы я бы где-нибудь в захолустье заскучала очень быстро, как бы сильно предварительно ни устала.

Тамира уверенно покачала головой.

— Не думаю. После жизни в лесу это будет самым настоящим компромиссом. Да и Эдвин, похоже, за эти несколько лет окончательно возненавидит суету. Мы оба нуждаемся в отдыхе и спокойствии. И чем заняться, тоже найдём. Эдвин говорит, что теперь в любом месте будет

нужен человек, который следил бы за равноправием между тёмной и светлой мастью. А я продолжу заниматься своими травами, если, конечно, от этого будет в Настрии какой-то толк.

— Будет, — заверила её я. — Во-первых, не все проблемы решаются магически. Во — вторых, лекари, использующие светлую магию, сосредоточены главным образом в больших городах. В маленьких селениях их зачастую нет. Так что ваши таланты придутся очень даже к месту.

Мы немного помолчали, думая каждая о своём. Гости постепенно покидали храм, но далеко не все торопились это сделать. К Сэнду всё ещё протягивалась небольшая очередь желающих поздравить. Некоторые беседовали, разбившись на группы. Словом, здесь всё ещё было весьмалюдно.

— Очень хорошая речь, — заметила Тамира, глядя на архиепископа, вокруг которого также скопилось в данный момент немало народу. — Правильная, хотя и... сложно всё это. Вы молодец. Нет, я понимаю, Александр будет прекрасным мужем. Но нам, родившимся в Оплоте, представить себе объединение с миром светлых всё ещё очень трудно. Возможно, у наших детей всё будет иначе. Или даже не детей... Потомков.

Травница ухмыльнулась, засомневавшись, не слишком ли пафосно прозвучали её слова.

— Понимаю, — кивнула я. — Мне тоже есть над чем подумать в этом отношении. Наши с Сэндом дети, скорее всего, будут светлыми. Точно предвидеть нельзя, но чаще всего именно так случается в смешанных браках. Моя задача — добиться того, чтобы не только дети, но и их дети и внуки помнили, что вовсе не масть делает человека человеком.

Тамира собиралась что-то сказать в ответ, но нас прервал неожиданно громкий шум, совершенно не характерный для храма даже на таком событии, как свадьба. Повернувшись к дверям, мы увидели небольшое скопление что-то бурно обсуждающего народа, а также Роберта, стремительно выбежавшего на улицу. Другие гости едва успевали самоустраняться с его пути.

— Что случилось? — озабоченно спросила я у пробежавшего мимо молодого священника.

— Одна дама, лицо которой было скрыто вуалью, украла у лорда Мэдисона кошель прямо во время церемонии! — взволнованно сообщил тот. — В доме богов! Виданное ли дело! Наверное, надо немедленно обратиться к городской страже? Вряд ли лорд Мэдисон сумеет её догнать?

Священнослужитель явно чувствовал себя растерянно и не столько утверждал, сколько спрашивал совета.

Мы с Тамирой обменялись понимающими взглядами.

— Не надо звать стражу, — улыбнулась я. — Уверена, лорд Мэдисон справится сам.

Конец